

SOCIAL SCIENCES & DIGITAL HUMANITIES

Ғылыми журнал | Научный журнал | Scientific journal

SOCIAL SCIENCES & DIGITAL HUMANITIES

Ғылыми журнал	Научный журнал	Scientific journal
Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті	Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева	D. Serikbayev East Kazakhstan technical university
Томы 2, №2, 2026	Том 2, №2, 2026	Volume 2, No.2, 2026

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігінде тіркелінді.
Куәлік № KZ66VPY00130858, 02.10.2025 ж.

Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан.
Свидетельство № KZ66VPY00130858 от 02.10.2025 г.

Registered by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan.
Certificate No. KZ66VPY00130858, 02.10.2025.

Құрылған жылы: 2026
Год основания: 2026
Year of foundation: 2026

Мерзімділігі: жылына 4 рет
Периодичность: 4 раза в год
Periodicity: 4 times a year

Басылым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын
Языки издания: казахский, русский, английский
Languages of publication: kazakh, russian, english

Пішімі 60х90/8. Шартты баспа табағы 20,18. Есептік баспа табағы 29,29. Д. Серікбаев
атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті. 070004, Өскемен қаласы,
Протозанов көшесі, 69.

Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 29,29. Уч.-изд. л. 20,18. Восточно-Казахстанский технический
университет имени Д. Серикбаева. 070004, г. Усть-Каменогорск, ул. Протозанова, 69.

Format 60х90/8. Conditional printed sheets 29,29. Accounting and Publishing Sheets 20,18. D.
Serikbayev East Kazakhstan technical university. 070004, Ust-Kamenogorsk, ул. Protozanov St. 69.

Өскемен, 2026
Усть-Каменогорск, 2026
Ust-Kamenogorsk, 2026

Бас редакторы

Конурбаева Ж.Т. – э.ғ.к., қауымдастырылған профессор

Редакция алқасы

Бас редактордың орынбасары – Нурекенова Э.С. , э.ғ.к., профессор

Ғылыми редакторлар:

Суйеубаева С.Н. , э.ғ.к., профессор

Аубакирова Ж.С. , т.ғ.к., қауымдастырылған профессор

Калиева К.С. , т.ғ.к.

Жауапты хатшы – Саденова А.М.

Алқа мүшелері

Arkadiusz Gola – т.ғ.д., қауымдастырылған профессор (Польша)

Natalie Aleksandra Gurvits-Suits – Dr.PhD, қауымдастырылған профессор (Эстония)

Nailya Saifulina – Dr.PhD, қауымдастырылған профессор (Испания)

Маковецкий М.Ю. – э.ғ.к., доцент (Ресей)

Есенгельдин Б.С. – э.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Киреева А.А. – э.ғ.к., қауымдастырылған профессор (Қазақстан)

Орынбет П.Ж. – Dr.PhD, қауымдастырылған профессор (Қазақстан)

Закимова А.М. – э.ғ.к., қауымдастырылған профессор (Қазақстан)

Рахимбердинова М.У. – Dr.PhD, профессор (Қазақстан)

Денисова О.К. – э.ғ.к., қауымдастырылған профессор (Қазақстан)

Варавин Е.В. – э.ғ.к., қауымдастырылған профессор (Қазақстан)

Лысенко Ю.А. – т.ғ.д., профессор (Ресей)

Аблажей Н.Н. – т.ғ.д. (Ресей)

Абжаппарова Б.Ж. – т.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Самашев З.С. – т.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Алексеев А.Н. – т.ғ.д., қауымдастырылған доцент, жетекші ғылыми қызметкер (Қазақстан)

Isabelle Ohayon – Dr.PhD, қауымдастырылған профессор (Франция)

Edward Schatz – Dr.PhD, профессор (Канада)

Столярова Э.О. – әлеум.ғ.к., қауымдастырылған профессор, бас ғылыми қызметкер (Қазақстан)

Краснобаева Н.Л. – т.ғ.к., бас ғылыми қызметкер (Қазақстан)

Кожирова С.Б. – с.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Главный редактор

Конурбаева Ж.Т. – к.э.н., ассоциированный профессор

Редакционная коллегия

Заместитель главного редактора – Нурекенова Э.С. , к.э.н., профессор

Научные редакторы:

Суйеубаева С.Н. , к.э.н., профессор

Аубакирова Ж.С. , к.и.н., ассоциированный профессор

Калиева К.С. , к.и.н.

Ответственный секретарь – Саденова А.М.

Члены коллегии

Arkadiusz Gola – д.т.н., ассоциированный профессор (Польша)

Natalie Aleksandra Gurvits-Suits – Dr.PhD, ассоциированный профессор (Эстония)

Nailya Saifulina – Dr.PhD, ассоциированный профессор (Испания)

Маковецкий М.Ю. – к.э.н., доцент (Россия)

Есенгельдин Б.С. – д.э.н., профессор (Казахстан)

Киреева А.А. – к.э.н., ассоциированный профессор (Казахстан)

Орынбет П.Ж. – Dr.PhD, ассоциированный профессор (Казахстан)

Закимова А.М. – к.э.н., ассоциированный профессор (Казахстан)

Рахимбердинова М.У. – Dr.PhD, профессор (Казахстан)

Денисова О.К. – к.э.н., ассоциированный профессор (Казахстан)

Варавин Е.В. – к.э.н., ассоциированный профессор (Казахстан)

Лысенко Ю.А. – д.и.н., профессор (Россия)

Аблажей Н.Н. – д.и.н. (Россия)

Абжаппарова Б.Ж. – д.и.н., профессор (Казахстан)

Самашев З.С. – д.и.н., профессор (Казахстан)

Алексеев А.Н. – д.и.н., ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник (Казахстан)

Isabelle Ohayon – Dr.PhD, ассоциированный профессор (Франция)

Edward Schatz – Dr.PhD, профессор (Канада)

Столярова Э.О. – к.соц.н., ассоциированный профессор, главный научный сотрудник (Казахстан)

Краснобаева Н.Л. – к.и.н., главный научный сотрудник (Казахстан)

Кожирова С.Б. – д.п.н., профессор (Казахстан)

Chief Editor

Zhadyra T. Konurbayeva – Candidate of Economic Sciences, Ass. Professor

Editorial Team

Deputy Chief Editor – Elvira S. Nurekenova , Candidate of Economic Sciences, Professor

Scientific Editors:

Saltanat N. Suieubayeva , Candidate of Economic Sciences, Professor

Zhanna S. Aubakirova , Candidate of Historical Sciences, Ass. Professor

Kansha S. Kaliyeva , Candidate of Historical Sciences

Executive Secretary – Assel M. Sadenova

Members of Team

Arkadiusz Gola – Doctor of Engineering Sciences, Ass. Professor (Poland)

Natalie Aleksandra Gurvits-Suits – Dr.PhD, Ass. Professor (Estonia)

Nailya Saifulina – Dr.PhD, Ass. Professor (Spain)

Michail Y. Makovetskij – Candidate of Economic Sciences, Docent (Russia)

Bauyrzhan S. Yessengeldin – Doctor of Economic Sciences, Professor (Kazakhstan)

Anel A. Kireyeva – Candidate of Economic Sciences, Ass. Professor (Kazakhstan)

Perizat Zh. Orynbet – Dr.PhD, Ass. Professor (Kazakhstan)

Alfiya M. Zakimova – Candidate of Economic Sciences, Ass. Professor (Kazakhstan)

Madina U. Rakhimberdinova – Dr.PhD, Professor (Kazakhstan)

Oxana K. Denisova – Candidate of Economic Sciences, Ass. Professor (Kazakhstan)

Yevgeniy V. Varavin – Candidate of Economic Sciences, Ass. Professor (Kazakhstan)

Yulia A. Lysenko – Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)

Natalia N. Ablazhey – Doctor of Historical Sciences (Russia)

Bibikhadisha Zh. Abzhapparova – Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)

Zainolla S. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)

Alexander N. Alekseyenko – Doctor of Historical Sciences, Ass. Professor, Leading Researcher (Kazakhstan)

Isabelle Ohayon – Dr.PhD, Ass. Professor (France)

Edward Schatz – Dr.PhD, Professor (Canada)

Eleonora O. Stolyarova – Candidate of Sociological Sciences, Ass. Professor, Chief Researcher (Kazakhstan)

Nelly L. Krasnobayeva – Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher (Kazakhstan)

Svetlana B. Kozhirova – Doctor of Political Sciences, Professor (Kazakhstan)

МАЗМҰНЫ

ЭКОНОМИКА ЖӘНЕ БИЗНЕС

<i>Мубараков Е.Е., Бордияну И.В., Buzady Z.</i>	
Қазақстандағы бейресми жұмыспен қамту: ауқымы және таралу факторлары	8
<i>Линок С.А., Линок Я.Н.</i>	
Германия мен Қазақстанда тұйық цикл экономикасын қалыптастыру және дамыту	21
<i>Қуантқан Б., Зейнуллина А.Ж.</i>	
Қазақстандағы ЖІӨ, инфляция мен жұмыссыздықты ARIMA және VAR модельдері негізінде талдау	37
<i>Варавин Е.В., Козлова М.В., Сорокина Л.И., Сүйеубаева С.Н.</i>	
Тұрақты даму контекстінде ортақ экономика моделін және оның негізгі қағидаларын түсіндіруге басым тәсілдер	54
<i>Сидоренко Т.В.</i>	
Қазақстан Республикасында кәсіпкерлікті салық реформаларының призмасы арқылы дамыту	73
<i>Nobach, K., Наханов, Д.Н.</i>	
ESG-подход в развитии агропромышленного комплекса Казахстана	88

ДЕМОГРАФИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТАНУ

<i>Әубәкірова Ж. С., Столярова Э.О., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н.</i>	
Қазақстандағы демографиялық поляризация және әлеуметтік қатерлердің өсуі (Ковид-2019 пандемиясына дейін)	103
<i>Игнатъева Л.Н.</i>	
Қытайдың демографиялық саясаты: трансформация, проблемалар, нәтижелер	124
<i>Самадиева М.О.</i>	
Студенттердің өзін-өзі тануы	140
<i>Илеуова Г.Т., Симакова О.С.</i>	
Қазақстандағы орыстар: диаспора мен азаматтылық арасында	155

ТАРИХ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Урюстюмова А.И.</i>	
Инженерлік дайындықтағы бейресми білім берудің тарихи эволюциясы: дәстүрден қазіргі тәжірибеге дейін	185
<i>Сарсембаева Г.А.</i>	
XXI ғасырдың басындағы (1999-2006 жж.) қазақтардың саны мен қоныстануының динамикасы	197
<i>Айдарбаева Р.К., Джаксылыков А.Ф.</i>	
Бұқтырма алқабының отарлануы	206
<i>Миронов Е.А., Эбель Е.М.</i>	
Густав II Адольфтің «Әскери мақаласының» 1715 жылғы орыс «Әскери мақаласына» әсері	224

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС

<i>Мубараков Е.Е., Бордияну И.В., Vizady Z.</i>	
Неформальная занятость в Казахстане: масштабы и факторы распространения	8
<i>Линок С.А., Линок Я.Н.</i>	
Формирование и развитие экономики замкнутого цикла в Германии и Казахстане	21
<i>Қуантқан Б., Зейнуллина А.Ж.</i>	
Анализ ВВП, инфляции и безработицы в казахстане на основе моделей ARIMA и VAR	37
<i>Варавин Е.В., Козлова М.В., Сорокина Л.И., Суйеубаева С.Н.</i>	
Доминирующие подходы к трактовке модели экономики совместного потребления и ее основополагающих принципов в контексте устойчивого развития	54
<i>Сидоренко Т.В.</i>	
Развитие предпринимательства в Республике Казахстан через призму налоговых реформ	73
<i>Nobach, K., Наханов, Д.Н.</i>	
Қазақстанның агроөнеркәсіп кешенінің дамуындағы ESG-тәсілі	88

ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Аубакирова Ж.С., Столярова Е.О., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н.</i>	
Демографическая поляризация и нарастание социальных рисков в Казахстане (до пандемии Ковид -2019)	103
<i>Игнатъева Л.Н.</i>	
Демографическая политика КНР: трансформация, проблемы, результаты	124
<i>Самадиева М.О.</i>	
Самопознание студентов	140
<i>Илеуова Г.Т., Симакова О.С.</i>	
Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью	155

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Урюстюмова А.И.</i>	
Историческая эволюция неформального образования в инженерной подготовке: от традиций до современных практик	185
<i>Сарсембаева Г.А.</i>	
Динамика численности и расселение казахов в начале XXI века (1999 – 2006 гг.)	197
<i>Айдарбаева Р.К., Джаксылыков А.Ф.</i>	
Колонизация Бухтарминской долины	206
<i>Миронов Е.А., Эбель Е.М.</i>	
Влияние «Военного артикула» Густава II Адольфа на российский «Артикул воинский» 1715 года	224

CONTENTS

ECONOMY AND BUSINESS

<i>Yeldar Y. Mubarakov, Ilona V. Bordiyanu, Zoltan Buzady</i>	
Informal employment in Kazakhstan: scale and factors of spread	8
<i>Svetlana. A. Linok, Yana. N. Linok</i>	
The Formation and Development of a Closed-Loop Economy in Germany and Kazakhstan	21
<i>Bibolat Kuantkan, Aigul Zh. Zeinullina</i>	
Analysis of GDP, Inflation, and Unemployment in Kazakhstan Based on ARIMA and VAR Models	37
<i>Evgeny V. Varavin, Marina V. Kozlova, Lyudmila I. Sorokina, Saltanat N. Suieubayeva</i>	
Dominant approaches to the Interpretation of the sharing economy model and its fundamental principles in the context of sustainable development	54
<i>Tatyana V. Sidorenko</i>	
Development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan through the prism of tax reforms	73
<i>Nobach, K., Nakhanov, D.N.</i>	
The ESG approach in the development of Kazakhstan's agro-industrial complex	88

DEMOGRAPHY AND SOCIOLOGY

<i>Zhanna S. Aubakirova, Eleonora O. Stolyarova, Nelli L. Krasnobayeva, Alexander N. Alekseenko</i>	
Demographic polarization and increase of social risks in Kazakhstan (the pre-COVID-19 period)	103
<i>Ludmila N. Ignatieva</i>	
Demographic policy in China: transformation, problems and results	124
<i>Meiramgul O. Samadiyeva</i>	
Self-awareness of students	140
<i>Gulmira T. Ileuova, Olga A. Simakova</i>	
Russians in Kazakhstan: in-between diasporic identity and citizenship	155

HISTORY AND ARCHEOLOGY

<i>Aizat I. Urystyumova</i>	
Historical Evolution of Informal Education in Engineering Training: from Traditions to Modern Practices	185
<i>Gulzhan A. Sarsembayeva</i>	
The population changes and the setting of the Kazakh nation at the beginning of the 21st century (1999-2006)	197
<i>Raushan K. Aidarbayeva, Amantai F. Dzhaksylykov</i>	
Colonization of the Bukhtarma Valley	206
<i>Eugene A. Mironov, Elizabeth M. Ebel</i>	
The influence of Gustav II Adolf's "Military Article" on the Russian "Military Article" of 1715	224

ECONOMY AND BUSINESS

Research paper/Түпнұсқа мақала/Оригинальная статья

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_1

IRSTI 06.77.61

JEL: J01, J20, J21

Yeldar Y. Mubarakov ^{1*}, Ilona V. Bordiyanu ¹, Zoltan Buzady ²¹ Kazakh-American Free University, Oskemen, Kazakhstan² Corvinus University of Budapest, Budapest, Hungary

Informal employment in Kazakhstan: scale and factors of spread

ABSTRACT. Informal employment in Kazakhstan remains one of the most acute and complex problems of the modern labor market. The absence of official employment contracts, non-payment of taxes and social contributions, and instability of employment and income pose risks not only to employees, but also to social and economic stability in the country. The relevance of the research is due to the need for a comprehensive understanding of the scale, structure and factors contributing to the spread of informal employment in order to develop effective public policy.

The purpose of the study is to analyze current trends in informal employment in Kazakhstan and identify key socio-economic and institutional factors influencing its development.

The paper uses methods of quantitative and qualitative analysis: processing of official statistics, data from international organizations, scientific research, expert assessments and inter-regional comparisons. The results of the study showed that informal employment is particularly prevalent in sectors such as agriculture, construction, trade, and consumer services. Gender and age analysis revealed a higher involvement of men in productive but informal industries, while women are more often employed in low-paid and socially vulnerable areas. It has also been found that even a high level of education does not always guarantee formal employment, which indicates structural inconsistencies in the labor market.

The practical significance of the work lies in the development of proposals to improve labor policy: stimulating the legalization of employment through tax and social measures, the development of retraining programs, improving the mechanisms for registering the self-employed and strengthening the institutional framework of employment. The results of the study can be used in the development of a comprehensive strategy to reduce informal employment and strengthen social protection of workers in Kazakhstan.

KEYWORDS: Kazakhstan, shadow labor market, informal employment, employment structure.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources)

DISCLOSURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE USE: The authors declare that generative artificial intelligence technologies (ChatGPT, OpenAI) were used during the preparation of this manuscript for the purposes of language editing, grammar correction, stylistic improvement, and text formatting. The authors assume full responsibility for the accuracy, completeness, originality, and compliance with scientific and ethical standards of all the material presented in the manuscript.

FOR CITATION: Mubarakov, Y.Y., Bordiyanu, I.V., Buzady, Z. (2026). Informal employment in Kazakhstan: scale and factors of spread. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 8-20. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_1

Article history:

Received: 06.03.2026

Accepted: 20.05.2026

Published: 30.06.2026

* Corresponding author: Mubarakov Yeldar Yerkynuly, e-mail: mubarakovyeldar@gmail.com

Мубараков Е.Е. ^{1*}, Бордияну И.В. ¹, Buzady Z. ²

¹ Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан

² Будапешттің Корвинус университеті, Будапешт қ., Мажарстан

Қазақстандағы бейресми жұмыспен қамту: ауқымы және таралу факторлары

АНДАТПА. Қазақстанда бейресми жұмыспен қамту қазіргі заманғы еңбек нарығының ең өткір және көпсалалы проблемаларының бірі болып қала береді. Ресми еңбек шарттарының болмауы, салықтар мен әлеуметтік аударымдарды төлемеу, жұмыспен қамту мен кірістердің тұрақсыздығы жұмысшылар үшін ғана емес, сонымен бірге елдегі әлеуметтік-экономикалық тұрақтылық үшін де қауіп төндіреді. Зерттеудің өзектілігі тиімді мемлекеттік саясатты әзірлеу үшін бейресми жұмыспен қамтудың таралуына ықпал ететін факторларды, құрылымды және факторларды жан-жақты түсіну қажеттілігіне байланысты.

Зерттеудің мақсаты - Қазақстандағы бейресми жұмыспен қамтудың ағымдағы үрдістерін талдау және оның дамуына әсер ететін негізгі әлеуметтік-экономикалық және институционалдық факторларды анықтау.

Жұмыста сандық және сапалық талдау әдістері қолданылды: ресми статистиканы өңдеу, халықаралық ұйымдардың деректері, ғылыми зерттеулер, сараптамалық бағалау және аймақаралық салыстыру. Зерттеу нәтижелері бейресми жұмыспен қамту әсіресе ауыл шаруашылығы, құрылыс, сауда және тұрмыстық қызметтер сияқты салаларда жиі кездесетінін көрсетті. Гендерлік және жас ерекшеліктерін талдау продукт өнімді, бірақ бейресми салаларға көбірек қатысатынын анықтады, ал әйелдер жалақысы төмен және әлеуметтік қорғалмаған салаларда жиі жұмыс істейді. Сондай-ақ, білім берудің жоғары деңгейі әрдайым ресми жұмыспен қамтылуға кепілдік бермейді, бұл еңбек нарығындағы құрылымдық сәйкессіздіктерді көрсетеді.

Жұмыстың практикалық маңыздылығы еңбек саясатын жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу болып табылады: салық және әлеуметтік шаралар арқылы жұмыспен қамтуды заңдастыруды ынталандыру, қайта даярлау бағдарламаларын дамыту, өзін-өзі жұмыспен қамтығандарды тіркеу тетіктерін жақсарту және жұмыспен қамтудың институционалдық базасын нығайту. Зерттеу нәтижелері бейресми жұмыспен қамтуды төмендету және Қазақстандағы қызметкерлердің әлеуметтік қорғалуын нығайту жөніндегі кешенді стратегияны әзірлеуде пайдаланылуы мүмкін.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: Қазақстан, көлеңкелі еңбек нарығы, бейресми жұмыспен қамту, жұмыспен қамту құрылымы.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеу демеушілік қолдаусыз жүргізіліп, автордың жеке қаражаты есебінен орындалды.

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНУ ТУРАЛЫ ХАБАРЛАМА: Авторлар осы қолжазбаны дайындау барысында мәтінді тілдік редакциялау, грамматикалық қателерді түзету, стильдік жетілдіру және форматтау мақсатында генеративті жасанды интеллект технологияларының (ChatGPT, OpenAI) пайдаланылғанын мәлімдейді. Авторлар қолжазбада ұсынылған барлық материалдардың дәлдігі, толықтығы, бірегейлігі және ғылыми-этикалық стандарттарға сәйкестігі үшін толық жауапкершілік алады.

ДӘЙКЕСӨЗ ҮШІН: Мубараков, Е.Е., Бордияну, И.В., Buzady, Z. (2026). Қазақстандағы бейресми жұмыспен қамту: ауқымы және таралу факторлары. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 8-20. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_1

* Хат-хабаршы авторы: Мубараков Елдар Еркынулы, e-mail: mubarakovyeldar@gmail.com

Мубараков Е.Е. ^{1*}, Бордияну И.В. ¹, Buzady Z. ²

¹ Казахстанско-Американский свободный университет, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

² Будапештский Университет Корвинуса, г. Будапешт, Венгрия

Неформальная занятость в Казахстане: масштабы и факторы распространения

АННОТАЦИЯ. Неформальная занятость в Казахстане остается одной из наиболее острых и многосложных проблем современного рынка труда. Отсутствие официальных трудовых договоров, неуплата налогов и социальных отчислений, нестабильность занятости и доходов создают риски не только для работников, но и для социальной и экономической стабильности в стране. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного понимания масштабов, структуры и факторов, способствующих распространению неформальной занятости, для выработки действенной государственной политики.

Цель исследования – проанализировать текущие тенденции неформальной занятости в Казахстане и выявить ключевые социально-экономические и институциональные факторы, влияющие на ее развитие.

В работе использованы методы количественного и качественного анализа: обработка официальной статистики, данные международных организаций, научных исследований, экспертные оценки и межрегиональные сопоставления. Результаты исследования показали, что неформальная занятость особенно распространена в таких секторах, как сельское хозяйство, строительство, торговля и бытовые услуги. Гендерный и возрастной анализ выявил более высокую вовлеченность мужчин в продуктивные, но неформальные отрасли, тогда как женщины чаще заняты в низкооплачиваемых и социально незащищенных сферах. Также установлено, что даже высокий уровень образования не всегда гарантирует формальную занятость, что указывает на структурные несоответствия рынка труда.

Практическая значимость работы заключается в разработке предложений по совершенствованию трудовой политики: стимулирование легализации занятости через налоговые и социальные меры, развитие программ переподготовки, улучшение механизмов регистрации самозанятых и укрепление институциональной базы занятости. Результаты исследования могут быть использованы в разработке комплексной стратегии по снижению неформальной занятости и укреплению социальной защищенности работников в Казахстане.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Казахстан, теневой рынок труда, неформальная занятость, структура занятости.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки и было выполнено за счет собственных средств.

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: Авторы заявляют, что в процессе подготовки данной рукописи использовались технологии генеративного искусственного интеллекта (ChatGPT, OpenAI) с целью языкового редактирования, исправления грамматических ошибок, стилистического совершенствования и форматирования текста. Авторы несут полную ответственность за точность, полноту, оригинальность и соответствие научным и этическим стандартам всех материалов, представленных в рукописи.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мубараков, Е.Е., Бордияну, И.В., Buzady, Z.(2026). Неформальная занятость в Казахстане: масштабы и факторы распространения. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 8-20. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_1

* Автор-корреспондент: Мубараков Елдар Еркынулы, e-mail: mubarakovyeldar@gmail.com

INTRODUCTION

In the context of global economic uncertainty, digital transformation, and demographic shifts, labor markets worldwide are undergoing profound changes. One of the most persistent and least regulated phenomena is informal employment. According to the International Labour Organization (ILO), over 60% of the world's employed population works in the informal economy, with more than 90% of informal jobs concentrated in developing countries (International Labour Organization, 2018). This phenomenon significantly impacts economic sustainability, poverty levels, and the effectiveness of social protection systems.

In Kazakhstan, despite ongoing economic reforms and relatively steady economic growth, informal employment remains a key component of the labor market. According to the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan, the share of informally employed individuals was approximately 22% of the total employed population in 2022 (Bureau of National Statistics, 2023). Particularly vulnerable groups include women, youth, and rural residents. Reports by the United Nations and the World Bank have emphasized the urgent need to develop inclusive and adaptive employment policies to reduce informality and expand access to social protection (United Nations Development Programme, 2021; World Bank, 2020).

The relevance of this study lies in the fact that sustainable labor market development is unattainable without a comprehensive understanding of the scale, structure, and determinants of informal employment. While statistical and analytical materials are available, a multidimensional analysis of the socio-economic and institutional drivers of informality in Kazakhstan is still lacking. In light of recent economic challenges, such as the COVID-19 pandemic and the rise of self-employment, the informal sector has become both increasingly flexible and increasingly vulnerable.

The research hypothesis suggests that the spread of informal employment in Kazakhstan is driven not only by economic factors but also by institutional and socio-demographic determinants, such as insufficient labor protection, weak regulatory enforcement, and limited access to formal employment opportunities.

The purpose of this study is to examine the scale and structure of informal employment in Kazakhstan and to identify key factors contributing to its prevalence.

The objectives of the research are:

- To analyze the dynamics and structural composition of informal employment in Kazakhstan.
- To identify the socio-economic and institutional drivers of informal employment.
- To assess the most vulnerable groups within the informal labor market.
- To propose policy recommendations aimed at mitigating the negative impacts of informality and improving the formalization of labor relations.

LITERATURE REVIEW

Informal employment encompasses economic activities that are not regulated by the state, often lacking legal protection and social security. Chen (2012) provides a foundational analysis, highlighting the heterogeneity of informal work and its significance in global labor markets. Neuwirth (2011) introduces the concept of «System D», emphasizing the scale and innovation within informal markets. Williams and Lansky (2013) provide a critical overview of how informality has been defined and measured, summarising competing views on its role in contemporary economies and how it can be addressed.

Informal employment disproportionately affects women, particularly in developing countries. The International Labour Organization (2018) reports that 58% of employed women globally are in informal employment, with the figure rising to 92% in developing nations. According to OECD (2024), breaking the cycle of informal employment requires comprehensive policy interventions aimed at expanding social protection, improving labor market institutions, and facilitating the transition from informal to formal employment. Meagher (2013) examines the interconnection between formal and informal economies in developing countries, challenging the notion that they operate in isolation. Hammer (2020) examines the socio-economic dynamics of informal and precarious work in the Global South, emphasizing the role of state policies in shaping labor market

conditions. Munro (2011) discusses the complex relationship between trade liberalization and informality, noting that outcomes are highly context-specific.

In Kazakhstan, informal employment remains a significant component of the labor market. Mussurov and Arabsheibani (2015) analyse factors influencing informal self-employment, noting that necessity-driven self-employment has persisted since the structural adjustments of the early 2000s. Tatibekov (2010) discusses policies aimed at facilitating the transition from informal to formal employment, emphasizing the need for comprehensive strategies. Taubayev et al. (2019) examine non-standard employment trends, highlighting the prevalence of temporary and part-time work. Kaliyeva et al. (2018) studied the factors and scale of precarious employment in the Eurasian Economic Union, including Kazakhstan, and proposed a classification of forms of precarious employment.

Based on the above, Table 1 provides a visual overview of the theories.

Table 1. Hierarchical relationships among the key research areas and themes of informal employment

No.	Key Areas and Sub-Nodes	Details and Authors
1	Definitions, Scope, and Global Trends	Informal employment as a multidimensional and evolving concept. High prevalence in developing countries; measurement challenges (Chen, 2012; ILO, 2018; Williams & Lansky, 2013; La Porta & Shleifer, 2014).
2	Drivers and Structural Determinants	Causes of informality: economic insecurity, weak institutions, limited access to formal labor markets, rural-urban differences. (Meagher, 2013; Neuwirth, 2011; Jütting & Laiglesia, 2009; Mussurov & Arabsheibani, 2015).
3	Gender, Vulnerability, and Social Exclusion	Informal employment is often gendered; women and youth face disproportionate risk. Gender-based segmentation and unpaid work (Carr & Chen, 2002; ILO, 2018; Slonimczyk & Gimpelson, 2015; Kaliyeva et al., 2018).
4	Policy Approaches and Formalization Efforts	National and international strategies to reduce informality: labor laws, social protection, digitalization, education (ILO, 2022; Williams, 2020; Taubayev et al., 2019; OECD, 2021).
5	New Forms of Informality and Technological Shifts	Growth of gig economy, platform work, and digital informality. Limited regulation and social protection in digital labor markets (Berg et al., 2018; ILO, 2021; Khalidov et al., 2024).
<i>Note: Compiled by the authors</i>		

An analysis of existing research suggests that informal employment is a complex and multilevel phenomenon driven by both economic and institutional factors. In the international literature, special attention is paid to the structural causes of the spread of informal employment, such as the lack of formal jobs, skills mismatch, weak labor regulation and lack of social protection. These aspects are also relevant for Kazakhstan, where a significant proportion of the population continues to work outside the formal sector.

The study of foreign experience also highlights the importance of taking into account gender differences in informal employment: women are more likely to find themselves in a vulnerable position without access to stable work and social guarantees. In addition, global trends such as digitalization and the growth of platform employment are creating new forms of informal work to which existing regulatory systems are not adapted.

Thus, the literature review confirms the need for an integrated approach to the analysis of informal employment in Kazakhstan, taking into account institutional, gender, digital and regional factors. This allows us to substantiate the relevance of the research and form more accurate

hypotheses and directions of empirical analysis.

MATERIALS AND METHODS

This study is based on a mixed methodological approach combining both quantitative and qualitative methods of analysis. The official statistical data of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan (Bureau of National Statistics), the International Labour Organization (ILO), the World Bank, as well as analytical reports of the United Nations Development Program (UNDP) were used as the main basis for the analysis and the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan for the period 2022-2024.

Descriptive statistics methods were used to quantify the scale and structure of informal employment. The share of informally employed in the total number of employed, the distribution by gender, age, region and type of activity were calculated.

The qualitative analysis included a secondary review of the regulatory framework governing employment in Kazakhstan, as well as a content analysis of interviews and reports published by international organizations and research institutes. In particular, the practices of regulation and support of self-employed and informally employed citizens were studied.

The research methodology aims to comprehensively identify not only the scale and structure of informal employment but also the key factors hindering the transition to formal employment, taking into account the Kazakh context.

RESULTS AND DISCUSSION

Informal employment encompasses all types of paid activities – both wage employment and self-employment - that are not subject to official registration, are not regulated by current labor legislation, and are not provided with legal and social protection mechanisms. It also includes unpaid work performed as part of a family or individual business. Workers in the informal sector, as a rule, do not have formal employment contracts, access to social guarantees, protection of labor rights and representation in trade unions (ILO, 2015).

To better understand the structure and dynamics of informal employment, statistical data on various forms of informal work by gender for the period from 2022 to 2024 have been analyzed. Figure 1 shows comparative data on the number of men and women engaged in various types of informal employment over a specified period.

The most widespread form of employment remains individual labor activity: the number of men in this sector increased from 157,037 people in 2022 to 181,017 in 2024, and women, from 154,623 to 161,681. This indicates a steady increase in self-employment and entrepreneurial activity, especially among men, which may be associated with the search for more flexible forms of earnings in an unstable economy. The second most important area is employment in personal subsidiary plots. Despite a decrease in the total number of people employed in this type of activity (from 187,165 to 160,274 for men and from 191,140 to 164,964 for women), this sector remains an important source of employment, especially for the rural population. Women are consistently represented here in larger numbers, which emphasizes their important role in the agricultural sector and the household. Employment in organizations shows wave-like dynamics: in 2023, there was a short-term increase (up to 108,483 men and 99,779 women), but in 2024 the figures fell again to 90,759 and 78,416, respectively. This may indicate temporary measures to stimulate formal employment or changes in the structure of the labor market.

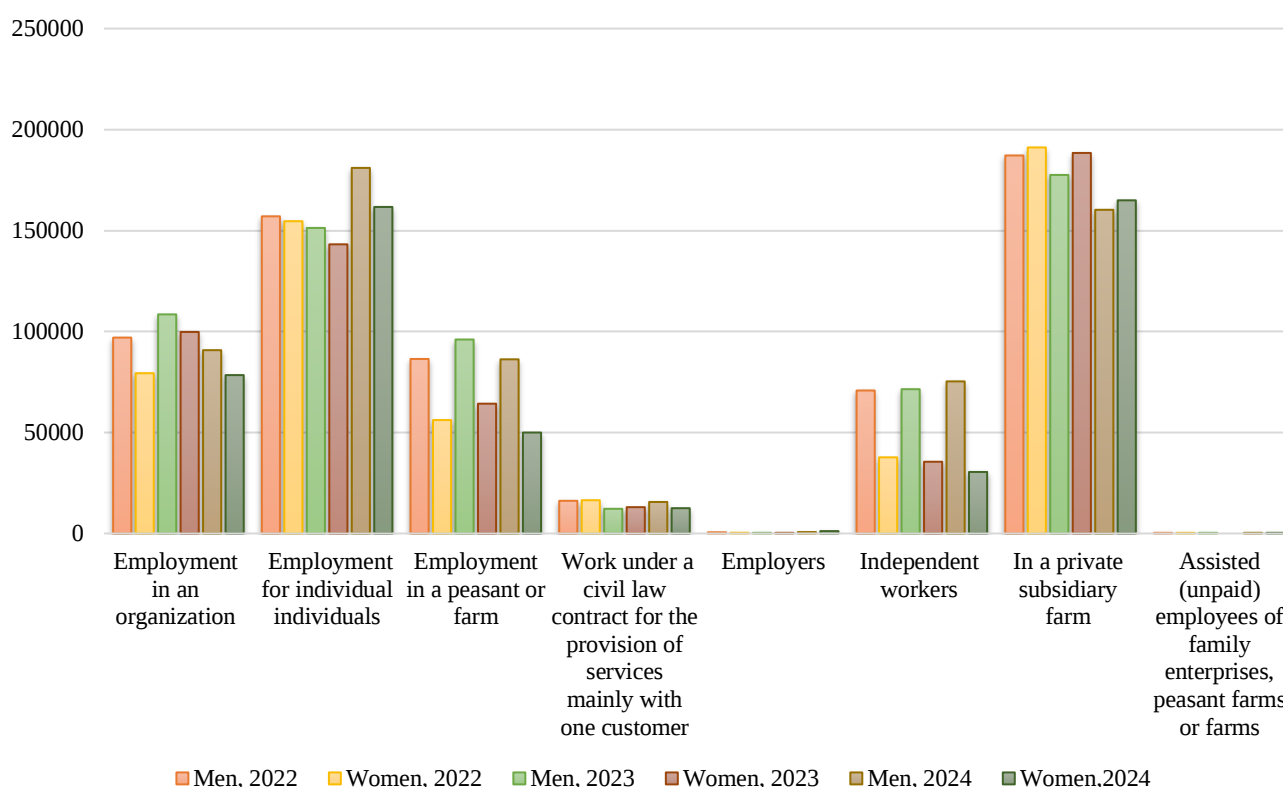

Figure 1. Informally employed by employment status for 2022-2024

Note: Compiled by the authors based on (Bureau of National Statistics, 2024)

Employment in peasant and farm households remains stable among men (about 86,000–96,000 in different years), while female employment in this sector is declining, from 56,160 in 2022 to 49,978 in 2024. This may be due to demographic shifts, female migration to cities, or a decrease in the need for manual labor. Of particular interest is the increase in the number of female employers: if in 2023 this figure was only 21 people, then in 2024 it increased sharply to 1175, which may indicate the development of female entrepreneurship and the effectiveness of its support programs. At the same time, among men, the number of employers remains unstable, fluctuating from 586 in 2022 to 692 in 2024.

Certain types of employment, such as work under civil contracts or assistance in family farms, cover a relatively small number of workers, but also demonstrate interesting trends. For example, in 2024, the number of women working under civil contracts decreased to 12,515 people compared to 16,466 in 2022, while among men, the values remained almost unchanged.

Overall, the analysis shows that the employment structure of the population in Kazakhstan remains diversified, with a pronounced gender division by type of activity. Men dominate in individual and agricultural employment, women in subsidiary farms and, increasingly, in entrepreneurship. These changes reflect both structural changes in the economy and the impact of social policies aimed at expanding women's economic opportunities.

Table 2 shows how informal employment is distributed across different types of economic activity.

In the period from 2022 to 2024, there is a pronounced gender segregation by type of economic activity. Men traditionally predominate in agriculture, construction, and transportation. Thus, the number of employed men in agriculture decreased from 312,688 to 276,455, and women from 264,641 to 228,980. The proportion of men in construction is consistently high (about 90,000), while the number of women has decreased from 20,171 to 12,209.

Table 2. Informally employed by type of economic activity for 2022-2024

Types of economic activity	2022		2023		2024	
	Men	Women	Men	Women	Men	Women
Agriculture, forestry and fisheries	312 688	264 641	306 397	269 232	276 455	228 980
Industry	29 727	20 271	38 018	25 862	32 581	17 749
Construction	90 376	20 171	82 410	13 933	91 891	12 209
Wholesale and retail trade; repair of cars and motorcycles	64 519	104 944	68 933	99 588	74 369	102 419
Transportation and warehousing	47 832	12 333	45 396	8 613	50 132	7 888
Provision of accommodation and catering services	13 888	31 518	15 224	31 525	15 147	32 855
Information and communication	4 340	2 954	5 155	3 541	5 912	3 286
Financial and insurance activities	2 185	3 659	3 095	4 561	5 245	4 483
Real estate transactions	3 754	5 945	6 496	6 996	4 155	5 245
Professional, scientific and technical activities	6 206	6 399	4 555	7 358	6 822	6 812
Administrative and support services activities	9 390	7 098	9 985	9 042	12 330	10 151
Public administration and defense; compulsory social security	699	1 621	828	1 555	1 054	1 169
Education	2 289	7 835	5 477	13 154	7 676	17 280
Public health and social services	4 340	6 966	3 690	8 114	4 286	9 669
Art, entertainment and recreation	3 109	3 913	4 209	4 378	4 801	4 738
Provision of other types of services	19 855	35 633	17 388	36 736	17 104	34 318
<i>Note – compiled by the authors based on (Bureau of National Statistics, 2024)</i>						

Women, in turn, are much more actively represented in trade, education, and healthcare. In retail trade, women's employment remains at over 100,000, while men's employment has increased from 64,500 to 74,369. In education, women's employment has almost doubled, from 7,835 to 17,280, while men's employment has increased from 2,289 to 7,676.

There is also an increase in female employment in the healthcare sector (from 7,000 to 9,700) and a stable predominance in the hotel and restaurant business (about 32,000 women versus 15,000 men). Thus, the employment structure by gender confirms persistent differences, where women predominate in sectors with a social orientation, and men in manufacturing and technical sectors.

Along with industry differences, the age structure of those employed in the informal sector is an important factor. The age distribution allows us to understand in more detail which age groups are most involved in informal forms of employment and how this involvement changes over time (Figure 2).

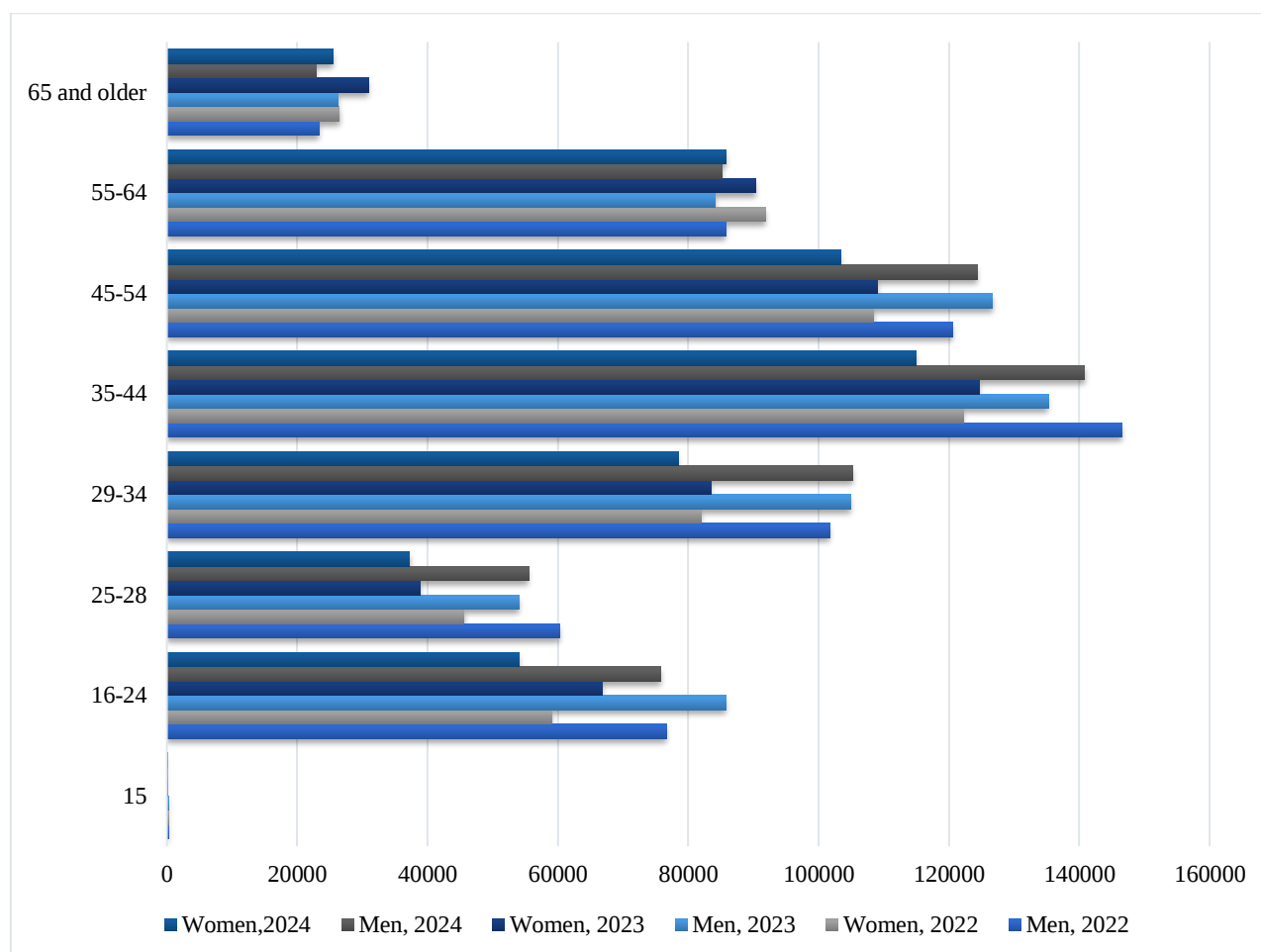

Figure 2. Informally employed by ages for 2022-2024

Note: Compiled by the authors based on (Bureau of National Statistics, 2024)

The diagram of the distribution of employees by age group and gender for 2022-2024 shows that the largest concentration of informally employed people is in the 35-44 and 45-54 age groups, both among men and women. This is especially noticeable among men in 2022 and 2023, and in 2024, there is an increase in female employment in these groups. Employment in the 29-34 age group also remains significant, especially among men in 2022 and women in 2024. Young people (16-24 years old) participate in informal employment to a moderate extent, but in 2024 there is an increase in the employment of women in this age category. The elderly groups (65 years and older) remain the least active, but some employment remains among them.

Age analysis shows that informal employment is most common among people of average working age, especially men, but the proportion of women across several groups is gradually increasing. These changes may be related to both economic factors and changes in social policy, access to education, and flexibility in labor practices.

In addition to age-related trends, the level of education also plays a significant role in shaping informal employment. Figure 3 presents data on the distribution of informally employed individuals by level of education and gender for the period 2022–2024, providing deeper insight into how educational attainment influences participation in the informal labor market.

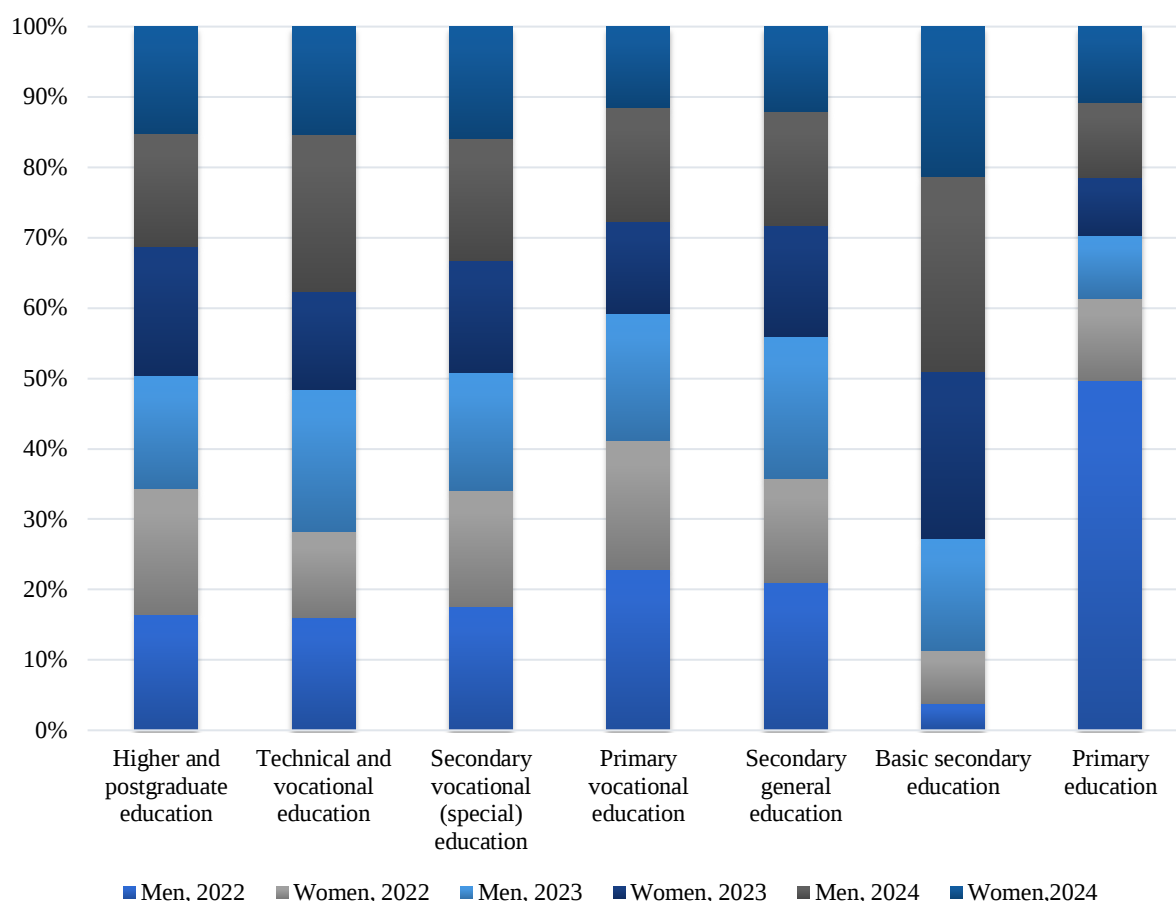

Figure 3. Informally employed by education for 2022-2024

Note: Compiled by the authors based on (Bureau of National Statistics, 2024)

The largest number of informally employed people is observed among holders of secondary specialized education: in 2022 – 184,991 men and 175,051 women; in 2024 – 183,777 and 167,451, respectively. This indicates that people with this level of education make up the bulk of the informal employment structure.

The second largest group is the group with technical and vocational education. Moreover, the number of men is growing from 111,680 in 2022 to 155,771 in 2024, while female employment is increasing more moderately, from 85,786 to 107,339. This may indicate an increase in the involvement of men with this level of education in the informal sector.

The group with higher and postgraduate education is characterized by relative stability among men (about 119 thousand), while among women, there is a decrease, from 136,410 in 2023 to 112,936 in 2024. This may be due to the transition of women with higher education to the formal sector or changes in labor demand.

Groups with primary and basic education are the least numerically represented. Nevertheless, the proportion of men with basic education is increasing from 525 in 2022 to 3,804 in 2024, which may indicate a growing involvement in informal forms of work among the low-skilled population.

The data show that informal employment is typical for various educational groups, but its greatest prevalence is observed among people with secondary specialized and technical education. There is also a persistent gender imbalance, especially in groups with a lower level of education, where men are represented in significantly greater numbers.

CONCLUSION

The analysis showed that informal employment in Kazakhstan remains a significant and stable phenomenon, covering a wide range of economic and social strata. The highest concentration of informally employed people is observed among middle-aged men (35-54 years old), especially in

such industries as agriculture, construction, transport and personal subsidiary farms. On the contrary, women are more often represented in informal employment in the fields of trade, hotel and restaurant business, education and healthcare. Despite the differences in sectors, the gender gap persists – men are more likely to work in more profitable but less protected areas, while women remain in more stable but low-paid jobs.

Special attention should be paid to the fact that the level of education does not guarantee an exit from informal employment: even among people with higher and technical education, a significant proportion of those who work outside of formal forms of employment remains. This indicates the structural problems of the labor market, the discrepancy between supply and demand, as well as the insufficient effectiveness of existing employment mechanisms.

The analysis identified the main problems contributing to the spread of informal employment. First, there remains a high proportion of people employed outside the formal sector in agriculture and among the self-employed, while access to social guarantees and pensions in these groups is extremely limited. Secondly, gender segregation in informal employment increases inequality and reduces women's opportunities for economic independence. Thirdly, young people and senior citizens often find themselves outside formal employment relationships due to the lack of flexible forms of employment and retraining. In addition, there is a low level of awareness among the population in rural areas about their labor rights, registration mechanisms and opportunities for legalizing labor activity.

An integrated approach is needed to solve these problems. The Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan should develop a national strategy to reduce informal employment with priority for rural areas and vulnerable categories of citizens. An important step will be the introduction of voluntary registration of the self-employed with simplified reporting and access to social guarantees.

It is advisable for the Ministry of Science and Higher Education to strengthen the development of professional retraining and short-term education programs for people with low qualifications, as well as to introduce elements of career counseling and financial literacy at all stages of education.

Tax authorities should consider the possibility of introducing preferential tax regimes for micro businesses and the registered self-employed, which will be an incentive for the transition to the formal sector. You can also offer a system of subsidies or tax deductions for employers who hire employees with employment contracts.

Finally, local executive authorities and non-governmental organizations can play an important role in disseminating information, providing advice, and setting up employment centers, especially in rural areas and small towns.

Thus, only with the cooperation of all stakeholders – the government, business, educational institutions and civil society – can we achieve a sustainable reduction in the level of informal employment and increase the social protection of workers in Kazakhstan.

REFERENCES

- Bureau of National Statistics. (2023). Employment of the population in 2022. <https://stat.gov.kz>
- Chen, M. A. (2012). The informal economy: Definitions, theories and policies (WIEGO Working Paper No. 1). WIEGO. <https://www.wiego.org/publications/informal-economy-definitions-theories-and-policies>
- Hammer, A., & Ness, I. (2021). Informal and Precarious Work: Insights from the Global South. *Journal of Labor and Society*, 24(1), 1-15. <https://doi.org/10.1163/24714607-20212000>
- International Labour Organization. (2015). Informal economy workers. <https://www.ilo.org/resource/45-informal-economy-workers>
- International Labour Organization. (2018). Women and men in the informal economy: A statistical picture (3rd ed.). https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm
- Kaliyeva, S. A., Alzhanova, F. G., Meldakhanova, M. K., Sadykov, I. M., & Adilkanov, M. A.

- (2018). The precariousness employment in the Eurasian economic space: Measurement problems, factors and main forms of development. *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*, 5(3), 157–167. [10.13106/jafeb.2018.vol5.no3.157](https://doi.org/10.13106/jafeb.2018.vol5.no3.157)
- Meagher, K. (2013). Unlocking the informal economy: A literature review on linkages between formal and informal economies in developing countries (WIEGO Working Paper No. 27). WIEGO. <https://www.wiego.org/publications/unlocking-informal-economy-literature-review-linkages-between-formal-and-informal>
- Munro, L. (2011). A literature review on trade and informal labour markets in developing countries. OECD Trade Policy Papers, 132. <https://doi.org/10.1787/5kg3nh4xwxr0-en>
- Mussurov, A., & Arabsheibani, G. R. (2015). Informal self-employment in Kazakhstan. *IZA Journal of Labor & Development*, 4(1), Article 3. <https://doi.org/10.1186/s40175-015-0031-9>
- OECD. (2024). *Breaking the Vicious Circles of Informal Employment and Low-Paying Work*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/95c5a74-en>
- Neuwirth, R. (2011). *Stealth of nations: The global rise of the informal economy*. Pantheon Books.
- Tatibekov, B. L. (2010). Policies and measures are elaborated in order to facilitate transition from informal to formal employment (Kazakhstani model). Suleyman Demirel University. <https://repository.sdu.edu.kz/handle/123456789/467>
- Taubayev, A. A., Legostayeva, A. A., Serikova, G. S., & Orynbassarova, Y. D. (2019). Non-standard employment in Kazakhstan: Scales, tendencies and social protection measures. *Buketov Business Review*, 93(1). <https://bbr.buketov.edu.kz/index.php/economy-vestnik/article/view/9>
- United Nations Development Programme. (2021). Informal employment and social protection in Central Asia: Towards inclusive labor markets. <https://www.undp.org>
- Williams, C. C., & Lansky, M. (2013). Informal employment in developed and developing economies: Perspectives and policy responses. *International Labour Review*, 152 (3–4), 355–380. <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2013.00196.x>
- World Bank. (2020). *The informal economy in Central Asia: Challenges and policy responses*. <https://www.worldbank.org>

Information about the authors

Yeldar Yerkynuly Mubarakov – PhD candidate, Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: mubarakovyeldar@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3619-9088>

Ilona Vladimirovna Bordiyanu - PhD, professor, Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: bordiyanuilona@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7175-9829>

Zoltan Buzady - PhD, associate professor, Corvinus University of Budapest, Budapest, Hungary, e-mail: zoltan@buzady.hu, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5553-7583>

Авторлар туралы мәліметтер

Мубараков Елдар Еркынулы – PhD докторанты, Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: mubarakovyeldar@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3619-9088>

Бордияну Илона Владимировна - PhD, профессор, Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен, Қазақстан, e-mail: bordiyanuilona@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7175-9829>

Buzady Zoltan - PhD, қауымдастырылған профессор, Будапешттің Корвинус университеті, Будапешт, Мажарстан, e-mail: zoltan@buzady.hu, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5553-7583>

Сведения об авторах

Мубаракوف Елдар Еркынулы – PhD докторант, Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: mubarakovyeldar@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3619-9088>

Бордияну Илона Владимировна - PhD, профессор, Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: bordianuilon@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7175-9829>

Buzady Zoltan – PhD, ассоциированный профессор, Будапештский Университет Корвинуса, Будапешт, Венгрия, e-mail: zoltan@buzady.hu, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5553-7583>

ECONOMICS AND BUSINESS

Research paper/Түпнұсқа мақала/Оригинальная статья

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_2

IRSTI 06.52.41

JEL: A10, E23, E29, O57

Svetlana. A. Linok^{ID 1*}, Yana. N. Linok^{ID 2}¹D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan²Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

The Formation and Development of a Closed-Loop Economy in Germany and Kazakhstan

ABSTRACT. The article addresses the critical issues surrounding the formation and development of a closed-loop economy in both Germany and Kazakhstan. Its primary purpose is to determine the possibilities of implementing the Germany's successful experience in Kazakhstan. The article provides a comprehensive analysis of the system of German legislation related to waste management and circular economy principles, tracing its evolution over time. The main stages of the transition to a closed-loop economy in Germany are highlighted. Its high efficiency and key growth factors are shown. The article examines the current state of Kazakhstan's transition towards a closed-loop economy. The peculiarities of the formation conditions and the main characteristics of the closed-cycle economy in Kazakhstan are revealed. The formation of the necessary legal framework is analyzed. The main problems of waste management are highlighted. A comparative analysis of the features of the transition to a closed-loop economy in Germany and Kazakhstan is carried out to identify the similarities and differences between the two countries' approaches, drawing attention to the lessons Kazakhstan can learn from Germany's experience. Based on this analysis, the article proposes recommendations for improving the effectiveness of the formation of a circular economy in Kazakhstan taking into account the experience of Germany.

KEYWORDS: closed-loop economy, formation and development, features of Germany and Kazakhstan, comparative analysis, proposals.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Linok, S.A., Linok, Y.N. (2026). The formation and development of a closed-loop economy in Germany and Kazakhstan. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 21-36. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_2

Article history:

Received: 05.02.2026

Accepted: 25.05.2026

Published: 30.06.2026

* Corresponding author: Linok Svetlana Albertovna, e-mail: lin_svetlana@mail.ru

Линок С.А. ^{1*}, Линок Я.Н. ²

¹ Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан

² Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан

Германия мен Қазақстанда тұйық цикл экономикасын қалыптастыру және дамыту

АНДАТПА. Мақала Германия мен Қазақстандағы тұйық циклді экономиканы қалыптастыру және дамыту мәселелеріне арналған. Оның негізгі мақсаты – Германияның осы саладағы табысты тәжірибесін Қазақстанда енгізу мүмкіндіктерін айқындау. Мақалада қалдықтарды басқару және айналмалы экономика қағидаттарына қатысты Германия заңнамасының жүйесіне жан-жақты талдау жасалып, оның уақыт өте келе қалыптасуы мен даму эволюциясы қарастырылады. Германияның тұйық циклді экономикаға көшуінің негізгі кезеңдері айқындалып, оның жоғары тиімділігі мен дамуының басты факторлары көрсетілген. Сонымен қатар, мақалада Қазақстанның тұйық циклді экономикаға көшуінің қазіргі жай-күйі зерттеледі. Қазақстандағы тұйық циклді экономиканың қалыптасу жағдайларының ерекшеліктері мен негізгі сипаттамалары ашып көрсетілген. Қажетті құқықтық базаның қалыптасуы талданып, қалдықтарды басқару саласындағы негізгі мәселелер айқындалған. Германия мен Қазақстанның тұйық циклді экономикаға көшу ерекшеліктеріне салыстырмалы талдау жүргізіліп, екі елдің тәсілдеріндегі ұқсастықтар мен айырмашылықтар анықталған, сондай-ақ Қазақстанның Германия тәжірибесінен ала алатын негізгі сабақтарына назар аударылған. Жүргізілген талдау негізінде мақалада Германия тәжірибесін ескере отырып, Қазақстанда айналмалы экономиканы қалыптастырудың тиімділігін арттыруға бағытталған ұсынымдар ұсынылған.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: тұйық циклді экономика, қалыптасуы және дамуы, Германия мен Қазақстанның ерекшеліктері, салыстырмалы талдау, ұсыныстар.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеу демеушілік қолдаусыз жүргізілді (өз қаражаты есебінен).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Линок, С.А., Линок, Я.Н. (2026). Германия мен Қазақстанда тұйық цикл экономикасын қалыптастыру және дамыту. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 21-36. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_2

* Хат-хабаршы авторы: Линок Светлана Альбертовна, e-mail: lin_svetlana@mail.ru

Линок С.А. ^{1*}, Линок Я.Н. ²

¹ Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

² Казахстанско-Американский Свободный Университет, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Формирование и развитие экономики замкнутого цикла в Германии и Казахстане

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальным вопросам формирования и развития экономики замкнутого цикла в Германии и Казахстане. Ее основная цель заключается в определении возможностей внедрения успешного опыта Германии в Казахстане. В статье представлен комплексный анализ системы германского законодательства, связанного с управлением отходами и принципами циркулярной экономики, с прослеживанием ее эволюции во времени. Выделены основные этапы перехода Германии к экономике замкнутого цикла, показаны ее высокая эффективность и ключевые факторы роста. Также в статье рассматривается текущее состояние перехода Казахстана к экономике замкнутого цикла. Раскрываются особенности условий формирования и основные характеристики экономики замкнутого цикла в Казахстане. Анализируется формирование необходимой правовой базы. Выделяются основные проблемы управления отходами. Проведен сравнительный анализ особенностей перехода к экономике замкнутого цикла в Германии и Казахстане с целью выявления сходств и различий в подходах двух стран, при этом особое внимание уделяется урокам, которые Казахстан может извлечь из опыта Германии. На основе проведенного анализа в статье предлагаются рекомендации по повышению эффективности формирования циркулярной экономики в Казахстане с учетом опыта Германии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономика замкнутого цикла, формирование и развитие, особенности Германии и Казахстана, сравнительный анализ, предложения.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Линок, С.А., Линок, Я.Н. (2026). Формирование и развитие экономики замкнутого цикла в Германии и Казахстане. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 21-36. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_2

* Автор-корреспондент: Линок Светлана Альбертовна, e-mail: lin_svetlana@mail.ru

INTRODUCTION

The formation and development of a circular economy is a current trend in many countries, including Germany and Kazakhstan. The volume of the global market for this economy was estimated at \$583.55 billion in 2023 and is projected to grow to almost \$2.9 trillion by 2031. A significant share of this market in 2023 was occupied by the European closed-loop economy market - about 38.8%, with an estimate of \$226.3 billion (Kings Research, 2024).

A closed-loop economy is “an economy based on the renewal of resources, an economy with closed cycles, where the waste of one process becomes the input of another” (Ausharipova & Kulumbetova, 2020), that is, an economy based on the renewal of resources. It is also often called a circular or cyclical economy.

The basic principles of the closed-loop economy are to reduce, reuse, recycle (3R). There are also broader R-concepts.

The transition to a closed-loop economy is due to the exhaustion of natural resources and a shortage of raw materials, the deterioration of the ecological environment, the urbanization of territories, the development of resource-saving technologies and industries for extracting raw materials from waste. It allows, first of all, to use available resources more efficiently, to reduce waste and ensure its recycling, and to reduce the negative impact of production on the environment.

Germany is a recognized leader in the field of circular economy in Europe. Kazakhstan is at the initial stage of forming such an economy, and Germany's experience is of great interest and practical value to it, including from the point of view of developing proposals to improve efficiency and accelerate the formation of key elements of a closed-loop economy in Kazakhstan. This is what this article is devoted to.

Accordingly, the purpose of this study is to consider the experience of the transition to a closed-loop economy in Germany and Kazakhstan, compare the country characteristics of this process, and determine the possibilities of implementing Germany's successful experience in Kazakhstan.

To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks:

- study the experience of transition to a closed-loop economy in Germany;
- analyze the Kazakhstani experience of forming such an economy;
- identify the features of the conditions for forming a closed-loop economy in Kazakhstan;
- carry out a comparative analysis of the formation and development of this economy in Germany and Kazakhstan;
- determine the possibilities of implementing Germany's experience in the context of Kazakhstan;
- provide proposals for an effective transition to a closed-loop economy in Kazakhstan.

LITERATURE REVIEW

Individual elements of a closed-loop economy have existed in practice for a long time (collection and recycling of waste paper, scrap metal, glass, etc.), and its theoretical concept with principles, priorities, and mechanisms was developed relatively recently.

The term “closed-loop economy” (“circular economy”) appeared at the turn of the 80-90s of the XX century. It was first introduced into scientific circulation by D. Pierce, R. Turner, and A. Nies, whose research was related to the problems of waste-free production based on waste reduction and recycling. In recent decades, scientists from different countries, primarily developed ones, have been actively researching the problems of efficient use of resources, reducing the negative impact on the environment and the transition to a closed-loop economy (circular economy). Among them, in particular, K. Bowling, M. Geisdorfer, G. Daly, D. D'Amato, N. Giorgescu, D. Korhonen, D. Kirchherr, P. Lacy, D. Long, Z. Liu, V. Prieto-Sandoval, S. Ritzen, G. Sandstrom, W. Spindler and many others stand out. In 2010, the Ellen MacArthur Foundation was created, which is engaged in the popularization of circular economy ideas. In 2014, it, in particular, created the Circular Economy 100 network, which included 100 global corporations operating in accordance with the principles of the circular economy. There are other successful examples of combining theoretical and applied aspects of this economy.

In recent years, scientists in Kazakhstan have also been actively engaged in research into the closed-loop economy. For example, the works of scientists from Al-Farabi Kazakh National University on the topic of “Development of a Circular Economy in Kazakhstan: Potential, Trends, Prospects”, S. Seifullin Kazakh Agro-Industrial University on the topic of “Analysis of the Problems of Circular Economy Development in the AIC of Kazakhstan with the Development of a Model for Using Its Capabilities in Modern Conditions” and others are well-known. The problems of transition to a closed-loop economy are the subject of articles by D. Ausharipova, E. Akhanov, A. Zhidebekkyzy, S. Zeynolla, L. Kulumbetova, Zh. Temirbulatova, A. Tleppayev and other domestic authors.

By now, the concept of transition to a closed-loop economy has acquired a holistic form, and relevant educational literature has appeared. It systematically describes the closed-loop economy model, the stages of its formation, structure, infrastructure, levels, and foreign and domestic experience in creating a closed-loop economy. There are publications on the transition to a circular economy in individual countries and their associations, for example, in Europe and Asia. Among them, there are articles devoted separately to Germany, which created a circular economy, and separately to Kazakhstan, which began to form such an economy.

Thus, H. Mohajan considered Germany is Ahead to Implement Sustainable Circular Economy (Mohajan, 2021), and G. Melles and C. Wölfel with co-authors - Expert and Diffuse Design of a Sustainable Circular Economy in Two German Circular Roadmap Projects (Melles et al., 2022), etc.

Kazakh scientists D.E. Ausharipova, L.B. Kulumbetova, for example, considered the circular economy as a tool for developing “green” business in Kazakhstan (Ausharipova & Kulumbetova, 2020), and in collaboration with E. Tankova - innovative business models for developing environmental entrepreneurship in the waste sector of Kazakhstan (Ausharipova, Kulumbetova & Tankova, 2023), etc.

There are also scientific publications devoted to the closed-loop economy of Germany as part of the EU, as well as elements of such an economy in Kazakhstan in relation to Central Asia and other Asian countries.

Thus, F.J. Castillo-Díaz with co-authors considered Challenges and perspectives of the circular economy in the European Union: A comparative analysis of the member states (Castillo-Díaz et al., 2024), and B. Peyravi, with co-authors - The Circular Economy Practices in the European Union: Eco-Innovation and Sustainable Development (Peyravi et al., 2024), etc. They also present the experience of Germany.

Interesting material on Kazakhstan is presented, for example, in the World Bank report “Circular Economy: A Chance for Central Asia” (World Bank, 2024), the article by A.B. Dolgushin on the specifics of state regulation of the transition to a circular economy in relation to waste in Asian countries (Dolgushin, 2022), etc.

The novelty of this study lies in its specific comparative analysis of the formation and development of a circular economy in Germany, a developed European country, and Kazakhstan, a developing Eurasian state. This will allow, in particular, to identify opportunities for the effective application of best international practices in developing a modern circular economy in Kazakhstan, given its specific circumstances. This approach also determines the practical significance of this study.

MATERIALS AND METHODS

In the process of considering the transition to a circular economy in Germany and Kazakhstan, the following general scientific methods of cognition were used: scientific abstraction, analysis, synthesis, induction, and deduction. In addition, the comparison method (of the experience of different countries), the tabular method (when considering the main indicators of waste collection, sorting and recycling, to compare the main characteristics of the circular cycle in Germany and Kazakhstan), and the analogy method (in developing proposals for the use of German experience in Kazakhstan), statistical research methods (of various elements of the circular economy) were used. The data from expert assessments, legislation and regulatory legal acts (NPA), and statistical and factual materials were used, characterizing the formation and development of the circular economy

in Germany and Kazakhstan.

As was previously noted, Germany was the first European country to begin the transition to a circular economy. In 1972, a waste management law was passed, and Germans began to separately collect plastic, glass, paper, and food waste. Since 1991, “extended producer responsibility” has been introduced for the disposal of used packaging. In 1996, the Law on Closed Cycle of Substances and Waste Management was adopted, and since 2005, the disposal of untreated waste at landfills has been prohibited,

An important step in the development of German circular economy legislation was the Circular Economy Act, adopted in 2012. It highlights its key goals: prevention of waste generation; optimization of the process of waste inclusion in recycling; and more efficient use of natural resources (German Federal Government, 2012). This law also defines the main responsibilities of the circular economy to prevent waste generation, transfer it for recycling, and the need to recycle waste if technically possible and economically feasible.

In further development of the Law on Closed Economic Cycle, the following were subsequently adopted: a regulation on end-of-life vehicles, a law on electronic and electrical equipment, a law on packaging, etc. The law on packaging, for example, stipulates that from 2022 the recycling share must be at least 90% for cardboard and paper, glass, aluminum, and ferrous metals; at least 70% for combined packaging; at least 60% for plastic (German Federal Government, 2017).

The further development of the circular economy in Germany is carried out on the basis of the roadmap for the period up to 2030.

It is also worth noting the increase in target indicators for the preparation of household waste for recycling, which should be at least 60% by weight in total no later than January 1, 2030, and at least 65% no later than the beginning of 2035 (German Federal Government, 2021).

The transition to a closed-loop economy in Germany began in the 70s and 80s with waste management, then the emphasis began to be on waste-free production, and over the past 15 years on achieving sustainable economic growth with maximum conservation of natural resources through the development of alternative sources, green innovations, and the industrial paradigm. This was reflected in the evolution of the relevant German legislation.

The country's waste processing and disposal system has become a high-tech industry. This has been achieved through the development and implementation of a national model for the transition to a circular economy, which includes the following stages:

1. Mainly unorganized disposal. It involves non-compliance with the principles of environmental protection, hygiene of urban space, and insignificant collection of valuable materials for recycling by the so-called informal sector.
2. Organized landfills (reliable waste collection and improved storage facilities). Includes primarily the construction of organized storage facilities and manual sorting of waste at special points.
3. Separate collection and sorting of waste. It includes: the use of different containers for different types of waste; the use of sorting units; and the creation of processing and sale of secondary raw materials.
4. The creation of a material recycling system. At this stage: technologies for separating types of plastic are used; units for obtaining biogas and/or compost from biowaste are used; units for incinerating waste to generate thermal energy are used, etc.
5. The use of waste as a resource (the closed-loop economy proper). Waste is mainly recycled and used to generate energy; untreated household waste is not received in storage facilities; a small amount of waste ends up in storage facilities without harming the environment. (Taskin, 2024)

Since the 1970s, Germany has purposefully, consistently, and effectively gone through all these five stages and currently has a closed-loop economy.

When creating and improving the recycling and disposal industry, the following steps were taken:

Firstly, political and strategic management has been implemented. This means creating the necessary legislative framework and regulatory legal acts, as well as government agencies that carry

out the appropriate implementation and control, determining those responsible for recycling and disposal of waste.

Secondly, social development has been carried out. It includes the formation of environmental awareness of people and continuous training of personnel in this industry.

Thirdly, determining and analyzing costs and financing. This involves obtaining possible subsidies, grants, benefits, compensation for the costs of waste processing and recycling enterprises, finding and attracting sponsors, etc.

Fourthly, stimulating the waste recycling market. This step involves implementing programs to support investments in the waste processing and recycling industry, reducing the tax burden, and identifying stable markets for the sale of secondary raw materials.

Fifthly, technical capabilities. This includes separate waste collection, the use of modern technologies for recycling various types of waste, and the availability of specialized waste storage facilities. (Taskin, 2024)

As a result, Germany is currently the leader among EU countries in terms of closed-loop economy development. It collects 100% of waste using a separate method, 64% of household waste is recycled, 79% of all waste is reused, 14% of the necessary raw materials are extracted from waste, etc. It is no coincidence that a quarter of the world market for waste recycling equipment is produced in Germany (Taskin, 2024).

The use of secondary raw materials significantly reduces, in particular, the use of energy: in the production of aluminum - by more than 90%, steel - by about 50%, and glass - by 35% (Taskin, 2024). For Germany - an industrially developed country specializing primarily in metallurgy and mechanical engineering - this allows for a significant reduction in the volume of extraction of natural resources.

Each state of the Federal Republic of Germany makes great efforts to develop a circular economy. This experience is widely covered in German economic literature. Thus, M. Kruse, J. Wedemeier consider Circular economy in Germany: A methodology to assess the circular economy performance of NUTS3 regions (Kruse & Wedemeier, 2022), etc.

For example, in Saxony, the state government will provide more than 18 million euros from the budget by 2027 to support circular economy projects in addition to the 70 million euros allocated by the EU. In 2021, the Innovation Advisory Board submitted a report to the state government entitled "Mission Saxony 2038", in which the circular economy is singled out (among 10 points), as it may have great potential for the successful structural development of Saxony (Krechmer, 2023).

Germany has many successful companies involved in waste recycling and disposal. Many scientific articles are devoted to the analysis of their activities (Giménez Leal et al., 2024; Schmidt et al., 2021).

Thus, the most important driving forces for the development of a closed-loop economy in Germany are primarily the federal and state governments, the country's enterprises, and, of course, society and the population.

Germany's successful experience in the formation and development of a circular economy is widely used by European and other countries. In our opinion, this requires studying this experience in Kazakhstan, taking into account the specifics of the country's socio-economic development and mandatory adaptation to national characteristics.

As was previously noted, in developed countries, the transition to a circular economy began in the 70s of the last century due to a significant aggravation of environmental problems. Experience shows that the circular economy develops most effectively, as noted in the literature (Dolgushin, 2022), in those countries where there is a deficit of minerals and other natural resources. These are primarily European countries (Germany, the Netherlands, France, and others), some Asian countries - Japan, and South Korea first of all. Germany is one of the most developed countries in the world (GDP per capita, according to 2023 data, was 54,343.23 US dollars). The country mainly has a developed high-tech, manufacturing industry - metallurgy and mechanical engineering, including automotive and shipbuilding, chemical industry, electronics industry, and automation, and the mining industry is much less developed due to a weak raw material base. A special prerequisite for the development of a circular economy is the territorial factor. For countries with a high population

density and a lack of free space for waste disposal, the transition to a circular economy is especially important and, in fact, inevitable. In addition, short distances between waste management facilities reduce logistics costs and make waste processing and disposal cheaper, which also stimulates this process.

In Germany, the population density is high - 236.6 people / km² (as of 2023), settlements are located close to each other and there are no places for waste landfills.

On the contrary, the Republic of Kazakhstan is a developing country (GDP per capita, as of 2023, was 12,918.87 USD), supplying the world market with raw materials - oil, metals, etc. There are and are developing rich deposits of ores of various metals - lead, zinc, uranium, chromium, gold, copper, molybdenum, aluminum, iron, titanium, rare earth elements, and non-metallic minerals - oil, coal, phosphorites, and others.

In this regard, it should be borne in mind that the widespread use of the closed-loop economy model in the world brings certain negative external effects to Kazakhstan, as an exporting country of raw materials. This is a possible reduction in the country's income due to a reduction in mining, as well as a corresponding reduction in employment in the extractive sector of the Kazakh economy.

The country's territory is one of the largest in the world. There are free places for waste disposal. At the same time, the population density is low (7.46 people/km² – as of 2023), and the distances between cities, other settlements, and, consequently, waste management facilities are usually large. All these factors hinder the formation of a circular economy in Kazakhstan from an economic point of view.

The main prerequisites for the transition to a circular economy in Kazakhstan are not economic, but environmental and social factors. These are environmental pollution from industrial waste, especially accumulated near mining and metallurgical, oil-producing, and refining enterprises, depletion of landfill capacity for the disposal of consumer waste, the growth of unauthorized landfills, etc.

According to published data (Inform.kz, 2025), by 2024, the country has accumulated more than 125 million tons of garbage. The volume of municipal waste removed has been growing in recent years. In 2022, it amounted to 3.8 million tons, in 2023 - 4.1 million tons, and in 2024 - 4.8 million tons. Therefore, this indicator increased by 1 million tons, or 26.3%, only in the period from 2022 to 2024.

Currently, there are 2,973 landfills of solid household waste (MSW) in Kazakhstan, of which only 608 (20.4%) comply with sanitary and environmental standards. In Ust-Kamenogorsk, for example, the landfill ran out of resources 5 years ago, but a location for a new one has not yet been selected. In addition, in 2024 alone, 4,886 unauthorized landfills were identified in Kazakhstan, of which 93% were eliminated. In the East Kazakhstan region, the rate of control of such landfills is even lower - 75% (Inform.kz, 2025).

Waste management in Kazakhstan is characterized by statistical data presented in Table 1.

Table 1. Key indicators of waste collection, sorting, and recycling in Kazakhstan, 2021-2024.

№	Indicators	2021	2022	2023	2024
1	Volume of received waste, thousand tons	3922,1	4003,4	4514,0	4541,8
2	Volume of sorted waste, thousand tons	1191,7	1223,8	1307,8	1320,1
3	Volume of waste sent to third-party organizations for processing, thousand tons	393,7	392,0	358,9	588,2
4	Processed to obtain products (secondary raw materials), thousand tons	18,1	23,3	31,2	49,2
<i>Note: Compiled by the authors using data from the Bureau of National statistics of Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan (n.d.).</i>					

An analysis of the presented data shows that the volume of incoming waste in 2024 increased by 619.7 thousand tons (15.8%) compared to 2021. The volume of sorted waste in these years also increased by 128.4 thousand tons, or 10.8%. Accordingly, the share of sorted waste in the total volume

was: 30.4% in 2021, 30.6% in 2022, 29.0% in 2023, and 29.1% in 2024, i.e., it remained approximately at the same level. The indicator “processed to obtain products (secondary raw materials)” increased significantly in 2024 (49.2 thousand tons) compared to 2021 (18.1 thousand tons) – approximately 2.7 times. However, in absolute and relative terms, it is insignificant compared to the above indicators.

To effectively manage them, there are more than 50 plastic recycling enterprises, about 40 factories accept the waste paper for recycling, 7 - glass, and about 20 - rubber products (Inform.kz, 2025). In 2024, a factory that recycles batteries was opened in Almaty. It should be noted that waste recycling enterprises in the country are mainly concentrated in Almaty, and it is usually unprofitable to transport raw materials there from other regions of Kazakhstan, primarily due to high logistics costs.

Thus, in general, the Republic of Kazakhstan has its peculiarities of the conditions for the formation of a closed-cycle economy and is at the initial stage of implementing the principles of the circular economy. There are only some elements of such an economy in the country, in particular, certain types of waste are processed.

The Republic of Kazakhstan announced its intention to form a circular economy in 2023 when adopting the Concept for the Transition to a Green Economy. In section 3.5. “Waste management system” of this Concept (Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan, 2013), it is determined that Kazakhstan needs to re-form a waste management system due to the lack of an organizational and legal framework required for its optimal functioning. At the same time, separate elements of the 3R principles are used: reduce (reduction of resource consumption in the production of goods) - reuse (reuse) - and recycle (recycling).

To implement the Concept, the Government of the country has consistently approved two Action Plans, which define tasks for improving the waste management system. So, in the Plan for the period from 2013 to 2020, tasks were set, for example, for the separate collection of household waste from consumers. The Plan for 2021-2030 includes the following activities: development of special support measures for the development of the waste management industry, including its processing; development of organic waste processing to produce biogas; construction of biogas plants at sewage treatment plants and poultry farms (Dolgushin, 2022).

In 2015-2016, the principle of extended producer responsibility (EPR) was introduced in Kazakhstan. In this regard, relevant amendments were made to the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan, Government resolutions “On approval of the Rules for the implementation of extended obligations of producers (importers)” and “On the definition of the EPR operator (importers)” were adopted. At the same time, the main focus was on the recycling fee that manufacturers and importers of products must pay to the private enterprise Operator ROP LLP.

In fact, EPR is a broader concept that includes the obligations of manufacturers and importers of goods that have lost their consumer properties to collect, transport, process, neutralize, use, and dispose of waste subject to the terms of EPR. In 2022, the functions of the ROP operator were transferred to Zhasyl Damu JSC, a state-owned company specializing in the disposal of hazardous waste. This is due, in particular, to the negative reaction of the Kazakh society to the activities of Operator ROP LLP, followed by the long-term conviction of a number of its leaders for embezzlement of budget funds on an especially large scale.

In Kazakhstan, there are also separate activities of various government programs that comply with the principles of a closed-loop economy. However, they do not contain a systematic and integrated approach to the implementation of the transition to a circular economy, and there is no separate independent program for the closed-loop economy.

So, in 2021, the Government of the country adopted the National Project “Zhasyl Kazakhstan” (“Green Kazakhstan”), aimed at improving the environmental situation and creating a favorable living environment for the population. Among other things, it sets out tasks to improve the efficiency of waste management.

Kazakhstan is currently implementing the following initiatives to facilitate the transition to a closed-loop economy:

- A carbon neutrality strategy by 2060, focused on reducing carbon emissions and developing circular business models.
- The concept of “Taza Kazakhstan” (2024-2029), is aimed at creating an ecological culture and increasing waste recycling.

- National standards for the circular economy, developed by the Technical Committee on Sustainable Production and Consumption.

Analysis in the field of solid waste in Kazakhstan reveals several waste management problems:

- annual increase in the generation and accumulation of household waste;
- non-compliance of most landfills with the requirements, the presence of open landfills;
- low level of solid waste sorting and processing;
- inefficiency of attempts at separate collection of household waste in some cities;
- provision of waste collection and disposal services only to the population of large cities;
- lack of environmental awareness and culture of consumer waste management among the majority of the population;
- the presence of corruption risks in this area.

In this regard, the results of the project to assess the need for green economy training among civil servants in Kazakhstan (with the support and coordination of UNITAR, UNDP (GIZ), and the national coordinator of PAGE), implemented in 2021 by the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, are of great interest (UN PAGE, 2023).

The target audience of this survey was representatives of government agencies at the national and local levels in all regions of Kazakhstan. Representatives of those structures that are associated with the implementation of measures for the transition to a green economy, the key instrument of which is a closed-loop economy, were selected.

A total of 266 people were interviewed, of which 79% (210 people) were experts and specialists, and 21% (56 people) were heads of departments. Respondents are employed in various sectors of the economy related to the implementation of green economy principles, from energy to waste management.

Only 29 of the respondents were well acquainted with the Concept of Transition to a green economy, 1/3 of the respondents indicated average awareness, and 1/3 indicated a lack of knowledge about this strategic document. More than half of the respondents (53%) found it difficult to answer the question about the potential benefits of a green economy.

At the same time, according to government officials, there are serious barriers to the transition to a green economy in Kazakhstan. However, out of 264 respondents, 178 people (67%) could not identify specific barriers. Corruption risks were mentioned among the alleged barriers.

Civil servants rated their level of knowledge on key competencies in this environment as quite low, and only 12% of the respondents had the necessary competencies at a productive level.

Regarding the level of awareness among the population, the majority of respondents noted that the majority of the population cares only about household needs and does not actively participate in projects on waste separation, waste-free production, etc.

Thus, the ecological consciousness of the population has not been formed in Kazakhstan, and government officials dealing with the problems of the green economy are insufficiently trained. It is no coincidence that attempts to introduce separate garbage collection in 2018-2019 in Astana, Aktobe, Semey, Turkestan and Ust-Kamenogorsk did not bring success. This also indicates that society is poorly prepared for the transition to a circular economy.

RESULTS AND DISCUSSION

As noted, in order to ensure a successful transition to a closed-loop economy, the study and use of the best international experience is of great importance in Kazakhstan. Of particular interest in this regard, in particular, is the experience of Germany, where this economy is formed on a systematic basis and is the basis for the sustainable development of the country.

In order to increase the effectiveness of further steps towards the formation of a closed-loop economy in Kazakhstan, it is advisable, in our opinion, to compare the characteristics of the transition

in Germany and our country. The results of a comparative analysis of the formation and development of a closed-loop economy are presented in Table 2.

Table 2. Formation and development of a closed-loop economy in Germany and Kazakhstan: a comparative analysis

Main characteristics	Germany	Kazakhstan
Reasons for the transition to a closed-loop economy		
The initial reason for the transition to a closed-loop economy	The aggravation of environmental problems	The aggravation of environmental problems. The global experience of the transition to a closed-loop economy
The main reasons for the current transition to a closed-loop economy (by priority)	Economic, environmental, and social reasons	Environmental, social, and economic reasons
The beginning of the transition to a closed-loop economy		
The beginning of the transition to a closed-loop economy	The beginning of the 70s of the XX century	The beginning of the 10s of the XXI century
Adoption of the first law on the closed-loop economy	1972: Waste Management Act	2013: Concept for the transition of the Republic of Kazakhstan to a green economy (section on waste management system)
Conditions for the formation and development of a closed-loop economy		
The level of socio-economic development	Developed country	Developing country
Availability of minerals and other natural resources	The minerals have mostly been exhausted, and their extraction and primary processing are insufficient for the country's economy.	Large reserves, mining, and processing of minerals, significantly exceed domestic consumption
Position on the global raw materials market	Importing raw materials country	Exporting raw materials country
Population density	High	Low
Availability of free territories for waste disposal	Nonexistent	Exist
The main steps for the formation and development of a closed-loop economy		
The existence of a system of laws and regulations that ensure the transition to a closed-loop economy	The system of laws and regulations has been formed and is developing	The system has not been formed, there is a separate section of the Concept for the transition of the Republic of Kazakhstan to a green economy, and several regulations on waste sorting and recycling (on extended producer responsibility, etc.).

		There is no law on the closed-loop economy.
Implementation of legislative and regulatory requirements for a closed-loop economy	High efficiency, implementation, and effectiveness	Incomplete performance, low implementation, and effectiveness. The presence of corruption risks
Availability of government agencies responsible for the implementation and control of the transition to a closed-loop economy (with trained civil servants)	Government agencies have been formed. Government officials in the closed-loop economy are trained	Government agencies have not been fully formed, and civil servants are insufficiently trained
Implementation of the Extended Producer Responsibility (EPR) system	The EPR system is implemented	The EPR system is implemented with special features, including the significant role of recycling collection (for cars)
The presence of ecological awareness among the population and a modern waste management culture (separate garbage collection, etc.)	Formed	Some measures are being taken to create environmental awareness and a modern waste management culture among the population.
Compliance of landfills of solid household waste (MSW) with modern sanitary and environmental requirements	Comply with the standards	A small part of MSW complies with the standards
The presence of unauthorized landfills	Nonexistent	They are available in large numbers, but they are not completely eliminated
Availability of a system of waste sorting and processing enterprises throughout the country for all major types of waste	The system exists	The system of waste sorting and processing enterprises has not been formed (most enterprises operate in Almaty)
The level of waste sorting and recycling	Very high	Low
Creation of a waste recycling market	The market has been created, and its development is being stimulated	There are minor elements of this market
The key conclusion		
The level of development of the closed-loop economy	A closed-loop economy has been formed and is developing	In the initial stage of the formation of a closed-loop economy, there are some of its elements
<i>Note: compiled by the authors.</i>		

A comparative analysis of the formation and development of a closed-loop economy in Germany and Kazakhstan shows both common and distinct main characteristics.

In both Germany and Kazakhstan, the initial reason for this transition to a closed-loop economy was the aggravation of environmental problems. At the same time, the priority reason for Germany is currently economic necessity, while for Kazakhstan there are still environmental problems.

Germany and Kazakhstan have completely different conditions for the formation and development of a closed-cycle economy, that is, the level of socio-economic development, the availability of minerals, and the territorial factor. The timing of the beginning of the transition to such an economy also differs significantly: in Germany since 1972, in Kazakhstan - since 2013, 4 decades later.

The main steps towards the formation and development of a closed-loop economy in Germany and Kazakhstan are usually taken in the same direction. This is due to the fact that they are universal and generally binding for all countries. However, their consistency, consistency, development, execution, and implementation effectiveness differ significantly. Accordingly, the results are fundamentally different. In Germany, a closed-loop economy has been formed and is successfully developing. In Kazakhstan, the initial stage of the formation of such an economy is underway, there are only certain elements of a closed-cycle economy.

Speaking about the differences in the main characteristics of the closed-loop economy and its elements in Germany and Kazakhstan, it should be noted that some of them cannot be changed. This is primarily the availability of minerals and the position on the world market of raw materials, the territorial factor is population density.

The difference in key steps for the formation and development of a closed-loop economy is mainly due to the different levels of socio-economic development, the duration of the period, and the effectiveness of the transition to a closed-loop economy. These factors are variables.

Accordingly, knowing and using the successful experience of the transition to a closed-loop economy in Germany, it is possible to implement it to a certain extent in Kazakhstan. This will make it possible to accelerate and more effectively form a circular economy in Kazakhstan as it develops, taking into account, of course, country specifics.

Accordingly, Kazakhstan needs to create the following prerequisites for an effective transition to a closed-loop economy:

- development of the legislative and regulatory framework in the field of closed-loop economics, including the Circular Economy Act;
- identification of the competent state authorities responsible for waste processing and disposal, monitoring the implementation of relevant legislation and regulations;
- formation of a modern polygon system in the country;
- creation of waste recycling enterprises in all regions of the country;
- raising the level of self-awareness and education of representatives of the Kazakh society in the field of circular economy;
- development and adoption of state support measures for enterprises operating in accordance with the basic principles of the circular economy;
- popularization of business operating on the principles of 3R;
- support and promotion of research activities in the circular economy.

CONCLUSION

The transition to a circular economy is a current global trend in both developed and developing countries. In Germany, its development began in the 1970s with the adoption of the first laws on separate waste collection and sorting.

Over the past decades, the country has developed a system of relevant legislation, developed an effective public policy, created a waste management system and modern infrastructure, and strengthened environmental awareness among the population. As a result, the circular economy has become the foundation of Germany's sustainable development.

Kazakhstan has its own peculiarities of conditions for the formation of a closed-cycle economy and is at the initial stage of implementing the circularity of the economy. There are some elements of this economy in the country, including the recycling of certain types of waste. An appropriate legislative framework is being formed. However, many waste management problems have not been solved. The ecological awareness of the population has not been formed, and many government officials involved in the transition to a circular economy are not sufficiently prepared for this process.

The formation of a closed-cycle economy in the Republic of Kazakhstan should be carried out on a systematic basis, in stages. To do this, it is advisable to use the best international experience, including Germany.

A comparative analysis of the formation and development of a closed-loop economy in Germany and Kazakhstan shows both common and distinct main characteristics.

The initial reason for the transition to this economy in both countries was the aggravation of environmental problems. The main steps towards the transition to such an economy in Germany and Kazakhstan are usually taken in the same direction.

However, their consistency, consistency, development, execution, and effectiveness vary significantly. In Germany, a closed-loop economy has been formed and is successfully developing. In Kazakhstan, the initial stage of its formation is underway, and there are certain elements of a closed-cycle economy. Germany and Kazakhstan have different conditions for the formation and development of a closed-cycle economy: the level of socio-economic development, the availability of minerals, and the territorial factor.

Kazakhstan will continue to develop a closed-loop economy, using German experience, among other things. It is necessary to develop the legislative framework, form a modern landfill system, increase the environmental awareness of the population, and create other prerequisites for the transition to a circular economy.

REFERENCES

- Ausharipova, D. E., & Kulumbetova, L. B. (2020). Cirkulyarnaya ekonomika kak instrument razvitiya «zelenogo» biznesa v Kazakhstane [Circular economy as a tool for developing “green” business in Kazakhstan]. *Vestnik universiteta “Turan”*, (3), 190–196. (In Russian)
- Ausharipova, D. E., Kulumbetova, L. B., & Tankova, E. (2023). Innovacionnye biznes-modeli dlya razvitiya ekologicheskogo predprinimatel'stva v sfere othodov Kazakhstana [Innovative business models for the development of environmental entrepreneurship in the waste sector of Kazakhstan]. *Vestnik universiteta “Turan”*, (4), 174–185. (In Russian)
- Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (n.d.). *Environmental statistics*. Retrieved April 20, 2025, from <https://stat.gov.kz/en/industries/environment/stat-eco/>
- Castillo-Díaz, F. J., Belmonte-Ureña, L. J., Diánez-Martínez, F., & Camacho-Ferre, F. (2024). Challenges and perspectives of the circular economy in the European Union: A comparative analysis of the member states. *Ecological Economics*, 222, 108294. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2024.108294>
- Dolgushin, A. B. (2022). Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya perekhoda na ekonomiku zamknutogo cikla v stranakh Azii [Features of state regulation of transition to a closed-loop economy in Asian countries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*, (4), 21–28. (In Russian)
- German Federal Government. (2012). *Gesetz zur Förderung der Kreislaufwirtschaft und Sicherung der umweltverträglichen Bewirtschaftung von Abfällen (KrWG)* [Act to Promote Circular Economy and Ensure the Environmentally Sound Management of Waste]. <https://www.gesetze-im-internet.de/krwg/BJNR021210012.html> (In German)
- German Federal Government. (2017). *Verpackungsgesetz (VerpackG): Gesetz über das Inverkehrbringen, die Rücknahme und die hochwertige Verwertung von Verpackungen* [Packaging Act: Act on the Placing on the Market, the Take-back and the High-quality Recycling of Packaging]. <https://www.lizenzero.de/blog/verpackungsgesetz-als-pdf-die-wichtigsten-fakten-im->

[ueberblick/](#) (In German)

- German Federal Government. (2021). *Änderungen des Gesetzes zur Förderung der Kreislaufwirtschaft und Sicherung der umweltverträglichen Bewirtschaftung von Abfällen (KrWG)* [Amendments to the Act to Promote Circular Economy and Ensure the Environmentally Sound Management of Waste]. <https://www.buzer.de/gesetz/10089/v272822-2021-07-03.htm> (In German)
- Giménez Leal, G., de Castro Vila, R., Barón Dorado, A., & Jäger, A. (2025). Circular economy adoption in manufacturing firms: Evidence from Germany. *Business Strategy and the Environment*, 34(2), 1574–1589. <https://doi.org/10.1002/bse.4064>
- Inform.kz. (2025, March 9). *125 mln tonn musora skopilos' na kazahstanskikh svalkah: kto vinovat i chto delat?* [125 million tons of garbage have accumulated at Kazakhstan's landfills: Who is to blame and what to do?]. <https://www.inform.kz/ru/125-mln-tonn-musora-skopilos-na-kazahstanskikh-svalkah-kto-vinovat-i-chto-delat-d815d7> (In Russian)
- Kings Research. (2024). *Circular economy market size, share, growth & industry analysis by sectors, type & region, 2024–2031*. <https://www.kingsresearch.com/circular-economy-market-1046>
- Krechmer, M. (2023, March). *Saxony is ideally suited for the circular economy*. Aussiedlerbote. <https://aussiedlerbote.de/2023/03/krechmer-saksoniia-idealno-podkhodit-dlia-tsirkuliarnoi-ekonomiki/>
- Kruse, M., & Wedemeier, J. (2022). *Circular economy in Germany: A methodology to assess the circular economy performance of NUTS3 regions* (HWI Research Paper No. 199). Hamburgisches WeltWirtschaftsinstitut. <https://www.econstor.eu/handle/10419/250068>
- Melles, G., Wölfel, C., Krzywinski, J., & Opeskin, L. (2022). Expert and diffuse design of a sustainable circular economy in two German circular roadmap projects. *Social Sciences*, 11(9), 408. <https://doi.org/10.3390/socsci11090408>
- Mohajan, H. (2021). Germany is ahead to implement sustainable circular economy. *Journal of Economic Development, Environment and People*, 10(2), 46–64. <http://dx.doi.org/10.26458/jedep.v10i2.691>
- Peyravi, B., Peleckis, K., Limba, T., & Peleckiene, V. (2024). The circular economy practices in the European Union: Eco-innovation and sustainable development. *Sustainability*, 16(13), Article 5473. <https://doi.org/10.3390/su16135473>
- Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan. (2013). *Koncepciya po perekhodu Respubliki Kazakhstan k "zelenoj ekonomike"* [The concept for the transition of the Republic of Kazakhstan to a “green economy”]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (In Russian)
- Schmidt, C. V. H., Kindermann, B., Behlau, C. F., & Flatten, T. C. (2021). Understanding the effect of market orientation on circular economy practices: The mediating role of closed-loop orientation in German SMEs. *Business Strategy and the Environment*, 30(8), 4171–4187. <https://doi.org/10.1002/bse.2863>
- Taskin, F. A. (2024). Realizaciya koncepcii ekonomiki zamknutogo cikla v Germanii [Implementation of the concept of closed-loop economy in Germany]. *Koncept*, (3), 193–200. (In Russian)
- UN PAGE. (2023). *Ocenka potrebnostej v obuchenii gossluzhashchih v oblasti zelenoj ekonomiki: Respublika Kazakhstan* [Green economy learning needs assessment for civil servants: Republic of Kazakhstan]. <https://www.un-page.org/knowledge-hub/kazakhstan-green-economy-learning-needs-assessment-for-civil-servants-ru/> (In Russian)
- World Bank. (2024). *Circular economy as an opportunity for Central Asia – Summary Report*. <http://documents.worldbank.org/curated/en/099052024074569900>

Information about the authors

Svetlana Albertovna Linok – Candidate Of Political Sciences, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: lin_svetlana@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5016-899X>

Yana Nikolayevna Linok – student, Kazakh-American free university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: linok_yana@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0857-577X>

Авторлар туралы мәліметтер

Линок Светлана Альбертовна – саяси ғылымдардың кандидаты, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: lin_svetlana@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5016-899X>

Линок Яна Николаевна - студент, Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: linok_yana@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0857-577X>

Сведения об авторах

Линок Светлана Альбертовна – кандидат политических наук, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г.Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: lin_svetlana@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5016-899X>

Линок Яна Николаевна – студент, Казахстанско-Американский свободный университет, г.Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: linok_yana@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0857-577X>

ЭКОНОМИКА ЖӘНЕ БИЗНЕС

Түпнұсқа мақала/Оригинальная статья/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_3

FTAXP 06.52.35

JEL: E24, E31

Қуантқан Б. , Зейнуллина А.Ж. *

Shakarim University, Семей қ., Қазақстан

Қазақстандағы ЖІӨ, инфляция мен жұмыссыздықты ARIMA және VAR модельдері негізінде талдау

АНДАТПА. Мақалада Қазақстан Республикасының негізгі макроэкономикалық көрсеткіштері – ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық деңгейі ARIMA және VAR эконометрикалық модельдері арқылы талданады. Ел экономикасының сыртқы факторларға тәуелділігі бұл көрсеткіштерді нақты болжау мен түсіндірудің маңызын арттырады. Зерттеудің мақсаты – классикалық уақыттық қатарлар әдістерінің қазақстан экономикасындағы негізгі макроэкономикалық айнымалыларды модельдеу және олардың өзара байланысын көрсету мүмкіндігін бағалау. 1994-2023 жылдардағы деректер негізінде ARIMA және VAR модельдері салыстырылды. Есептеу-аналитикалық бөлік R studio бағдарламалық ортасында орындалды. Нәтижелер бұл әдістер қысқа мерзімді болжам жасауға және айнымалылар арасындағы негізгі динамикалық байланыстарды түсіндіруге жарамды екенін көрсетті. Сонымен бірге COVID-19 пандемиясы сияқты құрылымдық үзілістер кезеңінде модельдердің шектеулері байқалды. Сондықтан мұндай кезеңдерде уақыттық қатарлар модельдерін баламалы тәсілдермен толықтырған жөн. Зерттеу нәтижелері экономикалық саясатты жоспарлауда, дағдарысқа қарсы шараларды дайындауда және кейінгі болжамдық зерттеулерде қолданылуы мүмкін.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: ЖІӨ, инфляция, жұмыссыздық, ARIMA моделі, VAR моделі, эконометрика, болжау, Қазақстан экономикасы.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуге демеушілік қолдау көрсетілмеді (жеке ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Қуантқан, Б., Зейнуллина, А.Ж. (2026). Қазақстандағы ЖІӨ, инфляция мен жұмыссыздықты ARIMA және VAR модельдері негізінде талдау. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 37-53. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_3

Мақала тарихы:

Редакцияға түсті: 21.01.2026

Жариялау туралы шешім қабылданды: 14.05.2026

Жарияланды: 30.06.2026

* Хат-хабаршы авторы: Зейнуллина Айгуль Жумагалиевна, e-mail: aigul-zeinullina@mail.ru

Қуантқан Б. , Зейнуллина А.Ж. *

Shakarim University, г. Семей, Казахстан

Анализ ВВП, инфляции и безработицы в казахстане на основе моделей ARIMA и VAR

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные макроэкономические показатели Республики Казахстан – валовой внутренний продукт (ВВП), инфляция и уровень безработицы – с применением эконометрических моделей ARIMA и VAR. Зависимость экономики от внешних факторов усиливает необходимость более точного прогнозирования и интерпретации этих показателей. Цель исследования – оценить, насколько классические методы анализа временных рядов подходят для моделирования ключевых макроэкономических переменных Казахстана и выявления связей между ними. На основе данных за 1994-2023 годы были сопоставлены модели ARIMA и VAR. расчеты выполнены в программной среде R studio. Полученные результаты показывают, что классические модели временных рядов можно использовать для краткосрочного прогноза и анализа динамических взаимосвязей между переменными. Вместе с тем в периоды структурных сдвигов, включая пандемию COVID-19, ограничения таких моделей становятся заметнее. Поэтому в подобных случаях их следует применять осторожно и дополнять альтернативными подходами. Результаты исследования могут быть полезны при планировании экономической политики, подготовке антикризисных мер и дальнейшем развитии прогнозных моделей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ВВП, инфляция, безработица, модель ARIMA, модель VAR, эконометрика, прогнозирование, экономика Казахстана.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Қуантқан, Б., Зейнуллина, А.Ж. (2026). Анализ ВВП, инфляции и безработицы в казахстане на основе моделей ARIMA и VAR. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 37-53. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_3

* Автор-корреспондент: Зейнуллина Айгуль Жумагалиевна, e-mail: aigul-zeinullina@mail.ru

Bibolat Kuantkan , Aigul Zh. Zeinullina *

Shakarim University, Semey, Kazakhstan

Analysis of GDP, Inflation, and Unemployment in Kazakhstan Based on ARIMA and VAR Models

ABSTRACT. The article analyzes Kazakhstan's main macroeconomic indicators, namely gross domestic product (GDP), inflation, and unemployment, using ARIMA and VAR econometric models. The country's exposure to external factors makes accurate forecasting and interpretation of these indicators especially important. The purpose of the study is to assess how well classical time series methods model key macroeconomic variables in Kazakhstan and reveal links between them. ARIMA and VAR models are compared using annual data for 1994-2023, and the calculations are carried out in R studio. The results show that classical time series models are suitable for short-term forecasting and for examining the main dynamic relationships between the variables. At the same time, their limitations become more visible during structural breaks, such as the COVID-19 pandemic. For this reason, time series models should be used with caution in such periods and, where necessary, combined with alternative approaches. The findings may be useful for economic policy planning, anti-crisis measures, and future work on improving forecasting accuracy.

KEYWORDS: GDP, inflation, unemployment, ARIMA model, VAR model, econometrics, forecasting, Kazakhstan's economy.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Kuantkan, B., Zeinullina, A. Zh. (2026). Analysis of GDP, Inflation, and Unemployment in Kazakhstan Based on ARIMA and VAR Models. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 37-53. <https://doi.org/10.51885/3107-2755> SSADH 2026 2 3

* Corresponding author: Zeinullina Aigul Zhumagalievna, e-mail: aigul-zeinullina@mail.ru

КІРІСПЕ

Негізгі макроэкономикалық көрсеткіштер арасындағы байланыстарды түсіну экономикалық саясатты жоспарлау үшін қажет. Жалпы ішкі өнім (ЖІӨ), инфляция деңгейі және жұмыссыздық экономиканың қазіргі жағдайын сипаттайды және бір-бірінің өзгерісіне әсер етеді. Бұл көрсеткіштерді сандық тұрғыдан талдау мемлекеттік саясаттың ықтимал нәтижелерін бағалауға, дағдарыс кезеңінде шешім қабылдауға және қысқа мерзімді өзгерістерді болжауға мүмкіндік береді.

Эконометрикалық модельдер ішінде кең таралған классикалық әдістердің бірі – ARIMA (Autoregressive Integrated Moving Average) моделі. Бұл модель уақыттық қатарлардың стационарлығын қамтамасыз ету арқылы болжау жасаудың қарапайым және икемді тәсілі ретінде танымал. Бокс пен Дженкинс ARIMA модельдерін ұсынып, уақыттық қатарларды талдау мен болжаудағы жүйелі әдістемені енгізді (Box & Jenkins, 2016). ARIMA моделі әсіресе бір айнымалының динамикасын сипаттауда тиімді, алайда ол айнымалылар арасындағы өзара ықпалды көрсетуде шектеулі.

Көп айнымалы арасындағы өзара байланысты анықтауға арналған қолдануға болатын құралдардың бірі – VAR (Vector Autoregression) моделі. Бұл модельді алғаш ұсынған Кристофер Симс оны макроэкономикалық айнымалылардың өзара әсерін зерттеудің баламалы тәсілі ретінде сипаттап, дәстүрлі құрылымдық модельдердің шектеулерін айналып өтуге мүмкіндік беретінін көрсетті (Sims, 1986). VAR моделі әрбір айнымалыны жүйенің басқа айнымалыларының өткен мәндері арқылы болжай отырып, олардың өзара себеп-салдарлық байланыстарын анықтауға мүмкіндік береді.

Қазақстанда бұл көрсеткіштердің зерттелуі маңызды. Соңғы жылдары еліміздің экономикасы жаһандық нарықтағы өзгерістерге, шикізат бағаларының құбылмалылығына, сыртқы сауда серіктестерінің жағдайына тәуелді болып отыр. Зерттеулер көрсеткендей, Қазақстан экономикасының құрылымы шектеулі әртараптандырылған, әрі мұнай мен өзге де табиғи ресурстарға тәуелді (OECD, 2022). Бұл макроэкономикалық көрсеткіштердің құбылмалылығын арттырады, сондықтан оларды тиімді болжау – ұлттық экономикалық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің маңызды элементі.

ӘДЕБИЕТТЕРГЕ ШОЛУ

Бұл зерттеу Қазақстан экономикасындағы үш негізгі көрсеткішті – жалпы ішкі өнімді (ЖІӨ), инфляцияны және жұмыссыздықты – ARIMA мен VAR модельдері арқылы талдайды. Тақырыптың өзектілігі экономиканың тұрақтылығын бағалау, болжам сапасын арттыру және экономикалық саясатты деректерге сүйене отырып негіздеу қажеттілігімен байланысты. Инфляцияның өсуі, еңбек нарығындағы тұрақсыздық және экономикалық өсім қарқынының баяулауы Қазақстан үшін маңызды мәселелер болып қала береді.

Макроэкономикалық айнымалылар арасындағы өзара байланыстарды талдаудағы алғашқы қадамдар Смит пен Рикардо еңбектерінен бастау алады. Смит экономикалық дамудың негізгі қозғаушы күші ретінде еңбек өнімділігін бөліп көрсетті (Smith, 2007). Ал Рикардо капитал мен табыстың үлестірілуі, еңбек ақы мен рентаның өзара байланысы мәселелерін қозғай отырып, экономикалық циклдердегі өзгерістердің макроайнымалыларға қалай әсер ететінін түсіндіруге тырысты (Ricardo, 2001).

Инфляция мен жұмыссыздықтың өзара байланысын зерттеуде А. Филлипс ұсынған Филлипс қисығы үлкен рөл атқарды. Ол жалақы өсу қарқыны мен жұмыссыздық деңгейі арасында кері байланыс бар екенін көрсетті (Phillips, 1958). Кейін бұл тұжырымды Фридман сынға алып, табиғи жұмыссыздық деңгейі ұғымын енгізіп, ұзақ мерзімді кезеңде Филлипс қисығының тұрақсыз болатынын дәлелдеді (Friedman, 1968). Бұл идеялар қазіргі инфляцияны болжау модельдерінде, соның ішінде ARIMA мен VAR шеңберінде әлі күнге дейін қолданылады. ARIMA (Autoregressive Integrated Moving Average) моделі уақыттық қатарлардағы маусымдылықты, трендті және кездейсоқ құрамдарды бөлуге мүмкіндік беретін кең таралған тәсіл. Бокс және Дженкинс бұл модельді енгізіп, оны болжам жасаудың әмбебап құралы ретінде негіздеді (Box & Jenkins, 2016). Бұл модель макроэкономикалық

көрсеткіштердің, айталық, ЖІӨ немесе инфляцияның жеке динамикасын зерттеуде кеңінен қолданыс тапты.

Ал VAR (Vector Autoregression) моделін алғаш рет Кристофер Симс 1980 жылы ұсынып, экономикалық айнымалылар арасындағы динамикалық өзара ықпалды зерттеуде қолдануға болатын құрал екенін көрсетті (Sims, 1986). VAR моделі арқылы әрбір айнымалы тек өзінің өткен мәндеріне ғана емес, сонымен қатар басқа айнымалылардың өткен мәндеріне де тәуелді болатынын ескеруге болады. Орыс ғалымдары Клинова мен Сидорова зерттеулерінде бірқатар макроэкономикалық көрсеткіштерді жүйелі кешенді талдау негізінде инфляция мен экономикалық өсудің өзара байланысын, еуроаймақ пен Франциядағы инфляциямен жағдайды талдап, мемлекеттің инфляциялық фонның жоғарылауы жағдайында халықты қолдау үшін қабылдайтын шараларды атап көрсетеді (Клинова & Сидорова, 2022).

Қазақстандық ғалымдар бұл бағытта бірқатар зерттеу еңбектерін жазды. Ғалым Бримбетова инфляцияны болжау бойынша зерттеу жүргізіп, қысқа мерзімді болжамдардың дәлдігін атап өтті (Бримбетова, 2024). Сонымен қатар Ақылбеков, Сейтказиев, Carlos Martins-Filho VAR моделінің көмегімен Қазақстандағы жұмыссыздық пен инфляция арасындағы себеп-салдарлық байланысты зерттеп, олардың арасында статистикалық тұрғыдан маңызды өзара ықпал бар екенін анықтады (Ақылбеков, Сейтказиев & Carlos Martins-Filho 2024). Ал Сағынбай және басқалар жұмыссыздықтың көрсеткіштері арасындағы байланысты зерттеп, көпфакторлы сызықтық регрессиялық модельді құру арқылы талдаулар жасады (Сағынбай және басқ., 2024).

Сонымен қатар Ұлттық банк пен ҚР Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі шығарған аналитикалық шолуларда ARIMA және VAR модельдерімен жүргізілген экономикалық болжау нәтижелері жиі жарияланып тұрады, бұл аталған әдістердің қолданбалы маңыздылығын арттырады.

ARIMA және VAR модельдерінің артықшылықтарымен қатар шектеулері де бар. Олар бейсызық қатынастарды толық қамтымайды және COVID-19 пандемиясы немесе 2008 жылғы қаржы дағдарысы сияқты құрылымдық үзілістерге әрдайым бейімделе бермейді. Осыған байланысты әдебиеттерде TVAR (Threshold VAR), SVAR (Structural VAR) және нейрондық желілер сияқты баламалы әдістерді қолдану да ұсынылады (Stock & Watson, 2016).

Қазіргі зерттеулер ARIMA мен VAR модельдерінің макроэкономикалық талдауда, әсіресе қысқа мерзімді болжамдар мен себеп-салдарлық байланыстарды зерттеуде жиі қолданылатынын көрсетеді. Қазақстандық авторлар бұл әдістерді отандық деректерге бейімдеп, макроэкономикалық үрдістерді түсіндіруге үлес қосып келеді. Кейінгі зерттеулерде модельдерді жаңа әдіснамалармен толықтыру және макроэкономикалық айнымалылар аясын кеңейту маңызды.

МАТЕРИАЛДАР МЕН ӘДІСТЕР

Зерттеудің әдіснамалық негізі Қазақстандағы ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық арасындағы байланысты талдауға және олардың уақыт бойынша өзгерісін болжауға арналған классикалық эконометрикалық модельдерге сүйенеді.

Зерттеуде «Қазақстан экономикасының негізгі көрсеткіштеріндегі өзгерістерді классикалық уақыттық қатарлар әдістері қаншалықты дәл сипаттай алады?» деген сұрақ қарастырылды. Осы мақсатта ARIMA (Autoregressive Integrated Moving Average) және VAR (Vector Autoregression) модельдері қолданылды. Бұл модельдер қысқа мерзімді өзгерістерді талдау және болжам жасау үшін таңдалды.

ARIMA және VAR модельдерін құру алдында деректер бірінші реттік айырмалау әдісімен алдын ала өңделді. Бұл тәсіл модель талаптарын орындау және болжам дәлдігін арттыру үшін қолданылды.

Зерттеу үшін 1994-2023 жылдар аралығындағы жылдық деректер пайдаланылды.

Айнымалылардың стационарлығын тексеру үшін кеңейтілген Дики-Фуллер (Augmented Dickey-Fuller, ADF) тесті қолданылды. Тест әрбір қатардың уақыт бойынша тұрақтылығын бағалап, ARIMA және VAR модельдерін қолдануға болатынын тексеруге мүмкіндік берді.

ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық айнымалыларының әрқайсысы үшін жеке-жеке ARIMA(p,d,q) модельдері құрылды. Модель параметрлері (p – авторегрессия реті, d – интеграция деңгейі, q – жылжымалы орташа реті) Akaike Information Criterion (AIC) және Bayesian Information Criterion (BIC) көрсеткіштері негізінде таңдалды. Әрбір модельдің тиімділігі қалдықтарда автокорреляцияның болмауын тексеру арқылы анықталды (Ljung-Box тесті).

VAR моделі ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық арасындағы өзара ықпалды талдау үшін қолданылды. Барлық айнымалылар модельге бірінші айырма түрінде енгізілді. Лагтар саны AIC критерийі бойынша анықталып, 1 лаг таңдалды. Бұл модель айнымалылардың бір-біріне әсерін және жүйелік динамиканы бағалауға мүмкіндік берді.

VAR моделінің негізінде Грейнджер себептілік (Granger causality) тесті жүргізілді. Бұл тест бір айнымалының өткен мәндері басқа айнымалыны болжауға көмектесетінін тексереді. Сонымен қатар, импульстік әсер функциялары (Impulse Response Functions, IRFs) арқылы бір айнымалыдағы шоктың басқа айнымалыларға уақыт бойынша ықпалы бағаланды.

Модельдердің болжамдық дәлдігі орташа абсолюттік қате (MAE) көрсеткіші арқылы бағаланды. Бұл көрсеткіш нақты және болжанған мәндер арасындағы орташа ауытқуды көрсетеді.

ARIMA(p,d,q) және VAR модельдерін құру, калибрлеу және есептеу үшін R Studio бағдарламалық ортасы мен forecast, vars пакеттері пайдаланылды (RStudio Team, 2023). Бұл модель параметрлерін жүйелі таңдауға және есептеу нәтижелерін салыстыруға мүмкіндік берді.

НӘТИЖЕЛЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ТАЛҚЫЛАУ

Барлық айнымалылардың стационарлығын қамтамасыз ету үшін бірінші реттік айырмалау қолданылды. Айырмалау трендті азайтып, қатарлардың орташа мәні мен дисперсиясын уақыт бойынша тұрақтандырады. Бұл ARIMA және VAR модельдерін қолданудың негізгі шарттарының бірі.

Айнымалылардың стационарлық қасиеттерін анықтау үшін кеңейтілген Дики-Фуллер тесті (Augmented Dickey-Fuller, ADF) қолданылды. Тест гипотезалары төмендегідей берілді:

- Нөлдік гипотеза (H_0): Қатарда бірлік түбір бар, яғни қатар стационарлы емес.
- Балама гипотеза (H_1): Қатар стационарлы.

Шешім келесі ереже бойынша қабылданады:

- Егер p -мәні $< 0,05$ болса, нөлдік гипотеза (H_0) кері қайтарылады, яғни қатар стационарлы деп есептеледі.
- Егер p -мәні $\geq 0,05$ болса, H_0 гипотезасы кері қайтарылмайды, яғни қатар стационарлы емес.

Кесте 1. Дики-Фуллер тестінің нәтижелері

Айнымалы	Тест статистикасы	p -мәні	Қорытынды
ЖІӨ	-4,5174	0,01	Стационарлы (екінші айырмадан кейін)
Инфляция	-4,2204	0,0147	Стационарлы (бірінші айырмадан кейін)
Жұмыссыздық	-3,7194	0,0404	Стационарлы (бірінші айырмадан кейін)
<i>Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.</i>			

ADF тесті бойынша ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық айнымалыларының p -мәндері 0,05 деңгейінен төмен болды. Сондықтан бірлік түбір бар деген нөлдік гипотеза қабылданбады және қатарлар стационарлы деп бағаланды. Талдау алдында уақыттық қатарлар маусымдық ауытқулардың болжамға әсерін азайту үшін алдын ала өңделді.

ARIMA моделін таңдауда негізгі өлшем ретінде орташа абсолюттік қателіктің (Mean Absolute Error, MAE) ең төмен мәні алынды. RMSE көрсеткіші эконометрикада жиі қолданылғанымен, бұл зерттеуде қалдықтардың қалыпты үлестірілуі мен тәуелсіздігі әрдайым толық орындала бермеуі мүмкін. Сол себепті түсіндіруі жеңіл және тұрақтырақ MAE шығын функциясы ретінде таңдалды.

VAR моделі бірнеше уақыттық қатар арасындағы динамикалық байланысты сипаттау үшін қолданылды. ARIMA әр айнымалыны жеке қарастырса, VAR барлық айнымалыларды эндогенді түрде енгізіп, олардың өзара әрекетін бір жүйеде бағалайды.

VAR модельдерінде лаг санын таңдау ARIMA модельдерінен өзгеше. Көп лаг ұзақ мерзімді тәуелділікті қамтуы мүмкін, бірақ шамадан тыс лаг модельдің артық икемделуіне (overfitting) әкеледі. Сондықтан AIC (Akaike Information Criterion) және BIC (Bayesian Information Criterion) сияқты ақпараттық критерийлер қолданылады.

Бұл зерттеуде лаг санын таңдауда AIC критерийі пайдаланылды. Нәтижесінде VAR моделі үшін 1 лаг таңдалды, бұл бір жылдық кезеңге сәйкес келеді.

Деректер дайындалғаннан кейін әрбір уақыттық қатарды жеке болжау үшін ARIMA (Autoregressive Integrated Moving Average) моделі қолданылды. ARIMA(p,d,q) параметрлері R Studio ортасындағы auto.arima функциясы арқылы автоматты түрде таңдалды (RStudio Team, 2023). Бұл функция ең төменгі Akaike ақпараттық критерийі (AIC) бойынша модель параметрлерін анықтайды.

ARIMA моделіндегі p, d, q параметрлері келесідей мәнді білдіреді

- p – авторегрессиялық (AR) бөлігінің реті;
- d – стационарлықты қамтамасыз ету үшін қажет айырмалау саны;
- q – қозғалмалы орташа (MA) бөлігінің реті.

Негізінде модельді бейімдеу екі кезеңде жүзеге асырылды:

Бірінші кезеңде ARIMA модельдері барлық деректерге қолданылып, айнымалылардың жалпы динамикасы қарастырылды.

Екінші кезеңде модельдер тек оқыту жиынына (training set) сәйкестендіріліп, іріктемеден тыс болжамдар (out-of-sample forecasts) жасалды.

```
ARIMA(0,0,0) with zero mean

sigma^2 = 27.25: log likelihood = -86
AIC=174  AICc=174.16  BIC=175.34

Training set error measures:
              ME      RMSE   MAE  MPE  MAPE      MASE
Training set -0.08928571 5.220324 4.275 100  100  0.6310826
              ACF1
Training set -0.3816371
```

Сурет 1. ЖІӨ нәтижесі (ARIMA)

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

ЖІӨ айнымалысы үшін автоматты түрде таңдалған ARIMA(0,0,0) моделі (AIC = 174,00; BIC = 175,34; логарифмдік ықтималдық = -86,00) қатардың «ақ шу» (white noise) сипатына жақын екенін көрсетті. Бұл қатарда айқын уақыттық құрылым байқалмайды, сондықтан болашақ мәндер өткен деректерге тікелей тәуелді емес. Болжамдық көрсеткіштер (RMSE = 5,22; MAE = 4,28; ACF1 = -0,38) модель мүмкіндігінің шектеулі екенін көрсетеді. Дегенмен қатар стационарлы болғандықтан, оны VAR сияқты көп айнымалылы модельдерде қолдануға болады.

```

ARIMA(0,0,0) with zero mean

sigma^2 = 100478: log likelihood = -208.16
AIC=418.31 AICc=418.46 BIC=419.68

Training set error measures:
              ME      RMSE      MAE MPE MAPE
Training set -64.22922 316.9822 66.81579 100 100
              MASE      ACF1
Training set 1.035007 0.07932286

```

Сурет 2. Инфляция нәтижесі (ARIMA)

Ескерту - Ескерту - автор негізінде құрастырған (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023)

Инфляция деңгейінің бірінші реттік айырмасынан кейін таңдалған ARIMA(0,0,0) моделі (AIC = 418,31; BIC = 419,68; логарифмдік ықтималдық = -208,16) де «ақ шу» сипатына жақын нәтиже берді. Қалдықтар дисперсиясының жоғары болуы ($\sigma^2 = 100,478$) және қателік көрсеткіштері (RMSE = 316,98; MAE = 66,82; ACF1 = 0,08) инфляцияның тұрақты уақыттық үлгісін бөлу қиын екенін көрсетеді. Сондықтан бұл модельдің болжамдық мүмкіндігі шектеулі.

```

ARIMA(1,0,0) with zero mean

Coefficients:
      ar1
      0.8028
s.e.  0.1578

sigma^2 = 0.5357: log likelihood = -32.11
AIC=68.21 AICc=68.67 BIC=70.95

Training set error measures:
              ME      RMSE      MAE      MPE
Training set -0.06746465 0.7191715 0.4670414 -126.8584
              MAPE      MASE      ACF1
Training set 245.0093 0.9555834 -0.1411177

```

Сурет 3. Жұмыссыздық нәтижесі (ARIMA)

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Жұмыссыздық айнымалысы үшін бірінші реттік айырмалау қолданылып, ARIMA(1,0,0) моделі таңдалды (AIC = 68,21; BIC = 70,95; логарифмдік ықтималдық = -32,11). Авторегрессиялық компоненттің мәні жоғары болды (AR(1) = 0,80), бұл жұмыссыздық өзгерістерінің алдыңғы кезең мәндеріне тәуелді екенін көрсетеді. Қателік көрсеткіштері (RMSE = 0,72; MAE = 0,47; ACF1 = -0,14) модельдің қысқа мерзімді болжамға жарамды екенін көрсетеді.

ARIMA модельдерінің жарамдылығын тексеру үшін қалдықтарға Ljung-Box тесті жүргізілді. Тестің нөлдік гипотезасы: «қалдықтарда автокорреляция жоқ». Нәтижелер бойынша барлық айнымалылар үшін нөлдік гипотеза қабылданбаған жоқ, яғни қалдықтарда автокорреляция байқалмады (Кесте 2).

Барлық p-мәндер 0,05-тен жоғары болғандықтан, ARIMA модельдерінің болжамдық қалдықтарында автокорреляция жоқ деп бағаланды. Бұл модельдердің уақыттық қатарларға жеткілікті деңгейде бейімделгенін көрсетеді.

Кесте 2. Ljung-Box тестінің нәтижелері

Айнымалы	Ljung-Box p-мәні	Түсіндірме
ЖІӨ	0,5687	Автокорреляция жоқ
Инфляция	1,00	Автокорреляция жоқ
Жұмыссыздық	0,2137	Автокорреляция жоқ
<i>Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.</i>		

Зерттеуде қолданылған екінші модель – векторлық авторегрессия (VAR). ARIMA жеке айнымалылардың динамикасын қарастырса, VAR бірнеше айнымалының өзара ықпалын бір уақытта талдайды. Бұл тәсіл экономикалық көрсеткіштер арасындағы көп айнымалы динамиканы қамтуға мүмкіндік береді.

VAR моделін құру үшін барлық айнымалылар бірінші реттік айырма түрінде пайдаланылды. Зерттеудегі ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық көрсеткіштері экономикалық теория бойынша өзара байланысты және Қазақстан экономикасының негізгі индикаторлары болып саналады. Алдын ала тексеру олардың стационарлы екенін көрсетті.

Лагтар санын таңдау үшін AIC (Akaike Information Criterion) критерийі қолданылды. Ең төменгі AIC мәніне сәйкес VAR моделінде 1 лаг пайдаланылды. Модель 27 жылдық деректер негізінде құрылды, ал оның логарифмдік ықтималдық мәні –165,16 болды. Сипаттамалық полином түбірлерінің модульдері 1-ден кіші болғандықтан, модель тұрақты деп бағаланды.

```
GDP = GDP.l1 + Inflation.l1 + Unemployment.l1 + const

              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
GDP.l1       -0.50897    0.18019  -2.825  0.00961 **
Inflation.l1   0.10804    0.04341   2.489  0.02049 *
Unemployment.l1 4.04026    1.76367   2.291  0.03147 *
const         1.20502    1.05918   1.138  0.26696
---
Signif. codes:
0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 4.578 on 23 degrees of freedom
Multiple R-Squared: 0.3511,    Adjusted R-squared: 0.2665
F-statistic: 4.149 on 3 and 23 DF,  p-value: 0.01731
```

Сурет 4. ЖІӨ нәтижесі (VAR)

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

ЖІӨ бойынша VAR моделі өткен жылғы ЖІӨ мәнінің ағымдағы ЖІӨ-ге теріс әсерін көрсетті (коэффициент –0,51; $p = 0,0096$). Бұл алдыңғы кезеңдегі өсімнен кейін келесі жылы баяулау болуы мүмкін екенін білдіреді. Инфляцияның кідірісі ЖІӨ-ге оң әсер етті (0,108; $p = 0,0205$), ал жұмыссыздықтың кідірісі де оң және статистикалық маңызды болды (4,04; $p = 0,0315$). Бұл нәтижелер айнымалылар арасындағы байланыстардың статистикалық тұрғыдан байқалатынын көрсетеді.

```

Inflation = GDP.l1 + Inflation.l1 + Unemployment.l1 + const

              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
GDP.l1        0.21043    0.16560   1.271 0.216538
Inflation.l1   0.18224    0.03989   4.568 0.000137 ***
Unemployment.l1 1.19697    1.62086   0.738 0.467696
const         0.49587    0.97342   0.509 0.615320
---
Signif. codes:
0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 4.207 on 23 degrees of freedom
Multiple R-Squared: 0.5622,    Adjusted R-squared: 0.5051
F-statistic: 9.847 on 3 and 23 DF,  p-value: 0.0002284

```

Сурет 5. Инфляция нәтижесі (VAR)

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Инфляция тендеуінде инфляцияның өз кідірісі ғана елеулі және оң әсер көрсетті (0,182; $p < 0,001$). Бұл инфляциялық процестерде инерция бар екенін білдіреді. ЖІӨ мен жұмыссыздықтың өткен мәндері бұл тендеуде статистикалық тұрғыдан маңызды болмады, сондықтан инфляция қатарында ішкі динамика басым деп бағаланды.

```

Unemployment = GDP.l1 + Inflation.l1 + Unemployment.l1 + const

              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
GDP.l1       -0.059674    0.016901  -3.531 0.00179 **
Inflation.l1   0.004770    0.004071   1.172 0.25337
Unemployment.l1 0.581945    0.165419   3.518 0.00185 **
const        -0.153228    0.099344  -1.542 0.13662
---
Signif. codes:
0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 0.4294 on 23 degrees of freedom
Multiple R-Squared: 0.4575,    Adjusted R-squared: 0.3867
F-statistic: 6.465 on 3 and 23 DF,  p-value: 0.002465

```

Сурет 6. Жұмыссыздық нәтижесі (VAR)

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Жұмыссыздық бойынша VAR моделі ЖІӨ-нің өткен мәні ағымдағы жұмыссыздыққа теріс әсер ететінін көрсетті ($-0,06$; $p = 0,0018$). Бұл экономикалық өсім жұмыссыздық деңгейін төмендетуі мүмкін екенін растайды. Жұмыссыздықтың өз кідірісі де маңызды болды (0,582; $p = 0,0019$), яғни бұл айнымалыда инерция байқалады. Инфляцияның әсері статистикалық тұрғыдан мәнді емес.

Кесте 3. Қалдықтардың корреляция матрицасы

	ЖІӨ	Инфляция	Жұмыссыздық
ЖІӨ	1,00000	0,08513	0,0593
Инфляция	0,08513	1,00000	0,1170
Жұмыссыздық	0,05930	0,11696	1,0000

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

VAR моделі бойынша қалдықтардың корреляция матрицасы айнымалылар арасындағы қалдық байланыстардың төмен екенін көрсетті. ЖІӨ мен инфляция арасындағы корреляция 0,085, ЖІӨ мен жұмыссыздық арасында 0,059, инфляция мен жұмыссыздық арасында 0,117 болды. Бұл модель негізгі өзара байланыстардың едәуір бөлігін ескергенін және қалдықтарда айқын бірлескен қозғалыс қалмағанын көрсетеді.

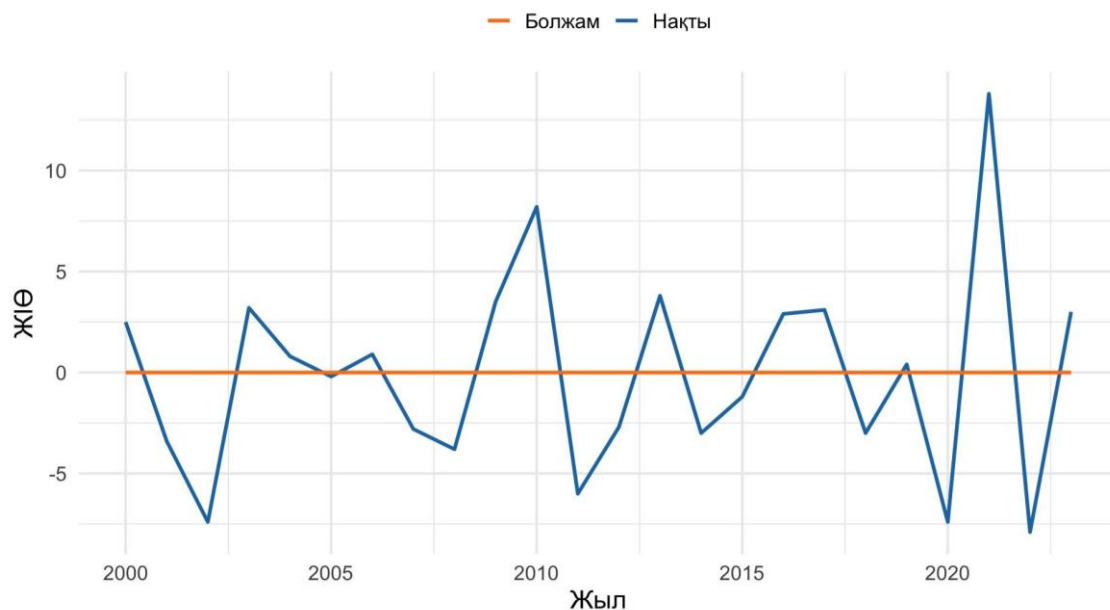
Кесте 4. Орташа абсолюттік қателік (MAE)

Айнымалы	MAE
ЖІӨ	3,24
Инфляция	2,65
Жұмыссыздық	0,25

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

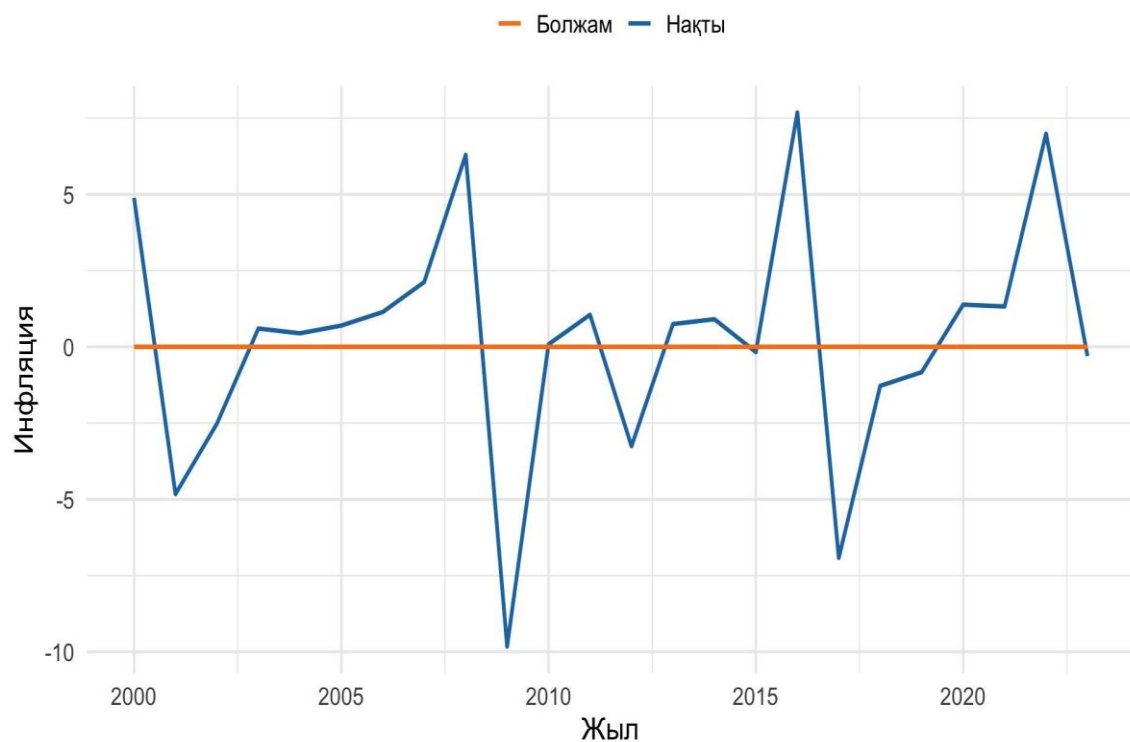
VAR моделінің болжамдық дәлдігін бағалау үшін орташа абсолюттік қателік (MAE) есептелді. Ең төмен MAE жұмыссыздық бойынша байқалды ($MAE = 0,25$), бұл осы айнымалы бойынша болжамның дәлірек екенін көрсетеді. Инфляция үшін $MAE = 2,65$ болды. ЖІӨ бойынша $MAE = 3,24$, яғни қате сәл жоғары, бірақ экономикалық қатардың ерекшелігін және екінші реттік айырмалауды ескергенде, бұл нәтиже қанағаттанарлық деп бағаланды.

Сурет 7, 8 және 9-да нақты және VAR моделі бойынша болжанған мәндердің динамикасы көрсетілген. Болжам сызықтары негізінен тұрақты және орташа мән маңында сақталады. Бұл VAR моделінің тарихи трендке сүйенетінін, ал COVID-19 пандемиясы немесе әлемдік дағдарыстар сияқты күтпеген сыртқы шоктарға әлсіз жауап беретінін көрсетеді.

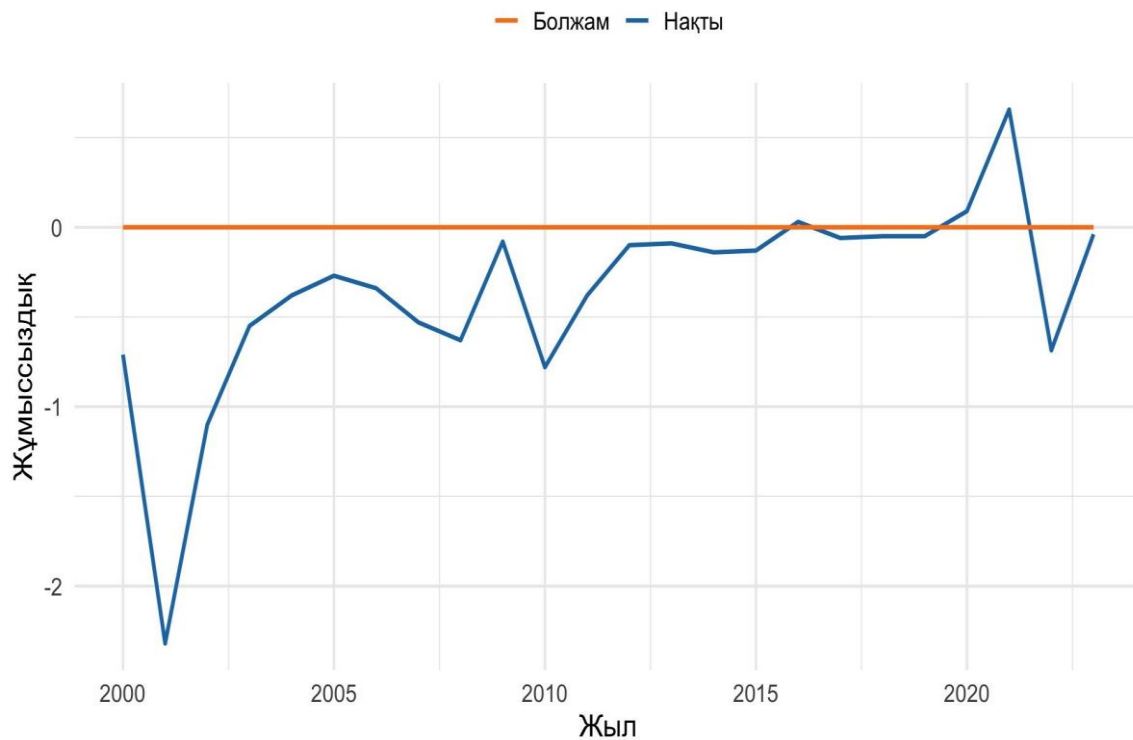
Сурет 7. ЖІӨ: нақты және болжам графигі

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Сурет 8. Инфляция: нақты және болжам графигі

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Сурет 9. Жұмыссыздық: нақты және болжам графигі

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Сурет 10. Болжау графигі

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Бұл ерекшелік 2020 жылдан кейінгі кезеңде анық байқалады: нақты деректерде күрт ауытқулар болғанымен, модель болжамы айтарлықтай өзгермейді. Мұндай нәтиже VAR моделінің құрылымдық үзілістер мен экстремалды оқиғаларды болжауда шектеулі екенін көрсетеді. Сонымен бірге MAE көрсеткіштерінің төмен деңгейде сақталуы модельдің жалпы үрдісті жеткілікті түрде сипаттай алатынын білдіреді.

Сурет 10-да Қазақстан экономикасының негізгі көрсеткіштері бойынша (ЖІӨ өсімі, инфляция және жұмыссыздық деңгейі) VAR моделі негізінде жасалған 5 жылдық болжам берілген. ЖІӨ өсімі бойынша болжам сызығы тұрақты, бұл экономикалық өсім қарқынының бірқалыпты сақталуы мүмкін екенін көрсетеді. Инфляцияда шамалы төмендеу үрдісі байқалады, бірақ сенімділік интервалдарының кең болуы осы көрсеткіш бойынша белгісіздік жоғары екенін білдіреді. Жұмыссыздық бойынша болжам да тұрақты сипатта.

95% сенімділік интервалдары болжамдардың ықтимал ауытқу ауқымын көрсетеді. ЖІӨ мен жұмыссыздық бойынша интервалдар тарлау, ал инфляция бойынша кеңірек. Бұл инфляция болжамында белгісіздік көбірек екенін білдіреді. Жалпы, VAR моделі орташа динамиканы болжауға пайдалы, бірақ күрт өзгерістер мен сыртқы шоктар кезінде оның дәлдігі төмендеуі мүмкін.

Қазақстан экономикасының негізгі макроэкономикалық айнымалылары арасындағы себеп-салдарлық және динамикалық байланыстарды нақтылау үшін Грейнджер себептілік (Granger causality) тесті және импульстік әсер функциялары (Impulse Response Functions, IRFs) қолданылды. Бұл тәсілдер VAR моделінің нәтижелерін толықтырып, айнымалылар арасындағы уақыттық байланысты бағалауға мүмкіндік береді.

Грейнджер себептілік тесті айнымалылардың өткен мәндері арқылы өзара болжамдық әсерді анықтайды. VAR моделінде 1 лаг таңдалып, F-тестің p-мәндері есептелді (Кесте 5). Нәтижелер ЖІӨ-нің өткен мәндері инфляция мен жұмыссыздықты болжауда статистикалық тұрғыдан маңызды екенін көрсетті ($p = 0,0010$). Инфляция да ЖІӨ мен жұмыссыздықты болжауға ықпал етті ($p = 0,0319$). Ал жұмыссыздықтың басқа айнымалыларға әсері статистикалық тұрғыдан маңызды болған жоқ ($p = 0,0695$), бірақ шекті деңгейдегі ықпал байқалды.

Кесте 5. Грейнджер себептілік қатынастары

Себеп → Салдар	Себептік байланыс	p-мәні (лаг 1)	Түсіндірме
ЖІӨ → Инфляция, Жұмыссыздық	Иә	0,0010	ЖІӨ инфляция мен жұмыссыздықты болжайды
Инфляция → ЖІӨ, Жұмыссыздық	Иә	0,0319	Инфляция ЖІӨ мен жұмыссыздықты болжайды
Жұмыссыздық → ЖІӨ, Инфляция	Жоқ	0,0695	Статистикалық маңызды емес (шекті әсер)
<i>Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.</i>			

VAR моделінің қосымша мүмкіндігі – айнымалылар арасындағы уақытша әсерді импульстік әсер функциялары (IRFs) арқылы бағалау. Бір айнымалыда тосын шок болған жағдайда, басқа айнымалылардың уақыт бойынша қалай жауап беретінін осы әдіс көрсетеді. IRFs нәтижелері (Сурет 11) ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық арасындағы өзара әсер динамикасын сипаттайды.

Импульстік әсер функциясын түсіндіруде көк сызық айнымалының жауап реакциясын, ал үзік сызықтар 95% сенімділік интервалдарын көрсетеді. Егер көк сызық интервал шегінен шықса, әсер статистикалық тұрғыдан маңызды деп бағаланады; ал интервал ішінде қалса, ықпал әлсіз немесе мәнсіз деп қарастырылады.

Сурет 11 бойынша айнымалылардың жауаптары көбіне қысқа мерзімде бәсеңдеп, жүйе тұрақтылыққа қайта оралады. Бұл Қазақстан экономикасында макроэкономикалық шоктардың әсері ұзаққа созылмайтынын көрсетеді. Дегенмен кейбір шоктар жекелеген айнымалыларға қысқа мерзімді, бірақ статистикалық тұрғыдан маңызды әсер етуі мүмкін.

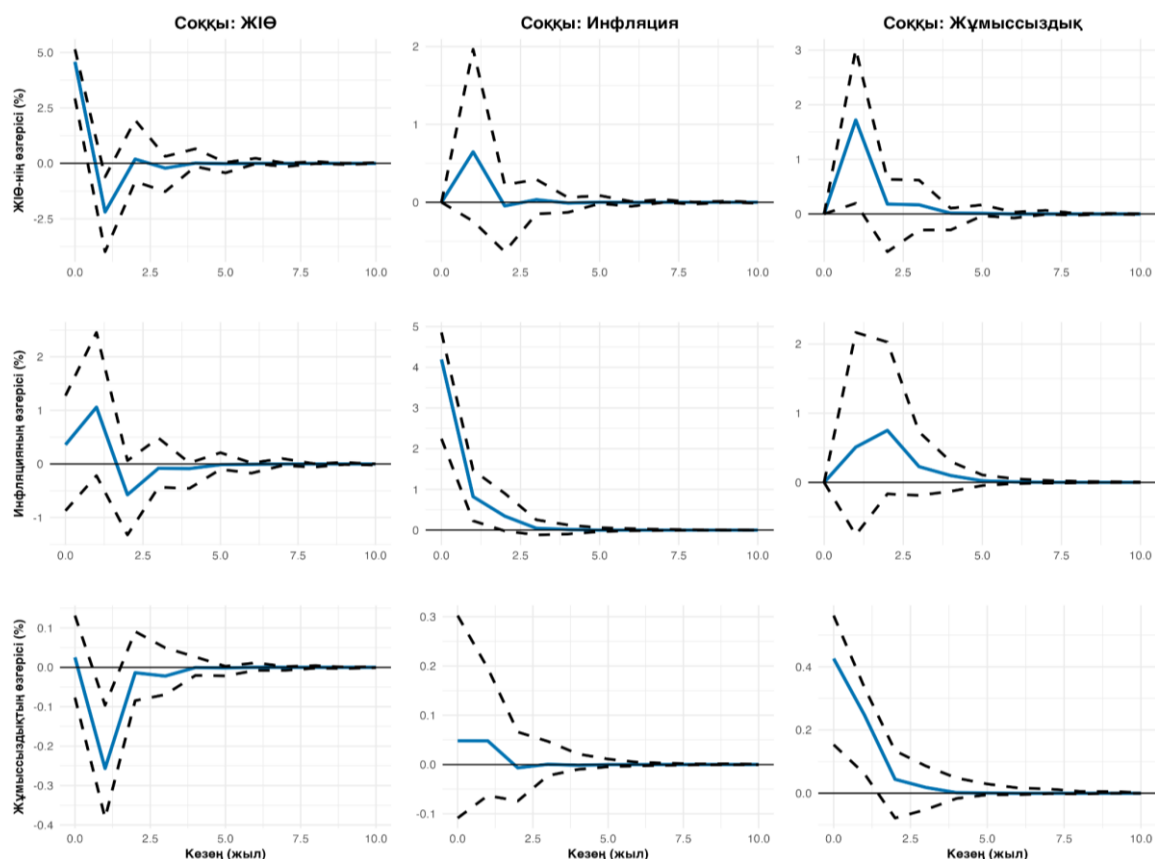
Грейнджер себептілік тесті мен импульстік әсер функцияларының нәтижелері Қазақстан экономикасында ЖІӨ мен инфляцияның қысқа мерзімді макроэкономикалық динамикаға көбірек ықпал ететінін көрсетті. Жұмыссыздық көбіне сыртқы өзгерістерге жауап беретін айнымалы ретінде көрінді. Бұл нәтижелер экономикалық саясатты жоспарлау және қысқа мерзімді болжам жасау үшін қосымша бағдар бере алады.

Зерттеу нәтижелері ARIMA және VAR модельдерінің Қазақстан экономикасының негізгі макроэкономикалық көрсеткіштерін қысқа мерзімді болжауда қолдануға болатынын көрсетті. ARIMA модельдері әр айнымалының жеке динамикасын сипаттайды. VAR моделі бірнеше айнымалы арасындағы байланысты бірге қарастырып, олардың өзара ықпалын бағалайды. Осы тұрғыдан екі тәсіл бір-бірін толықтырады.

ARIMA моделінің артықшылығы – құрылымының қарапайымдылығы және бейімделу икемділігі. Бұл модель бір айнымалының өткен және болашақ мәндері арасындағы байланысты көрсетуге мүмкіндік береді. Бірақ ARIMA макроэкономикалық айнымалылар арасындағы өзара ықпалды есепке алмайды, сондықтан бірнеше фактордың бірлескен әсерін талдауда шектеулі.

VAR моделінің ерекшелігі – макроэкономикалық айнымалылардың өзара әрекетін бір жүйеде сипаттауы. Бұл модель динамикалық байланыстарды, себеп-салдарлық қатынастарды және экономикалық шоктарға жауап реакциясын талдауға ыңғайлы. Алайда VAR сызықтық байланыстарға негізделеді, сондықтан экономикалық процестердің бейсызық (nonlinear) сипатын толық қамти алмайды.

Грейнджер себептілік тесті мен импульстік әсер функциялары (IRFs) VAR моделінің нәтижелерін тереңірек түсіндіруге көмектесті. Нәтижелер ЖІӨ мен инфляция Қазақстан экономикасының қысқа мерзімді динамикасында негізгі рөл атқаратынын, ал жұмыссыздық көбіне реактивті айнымалы екенін көрсетті. Импульстік әсер функциялары шоктардың әсері уақыт өте бәсеңдейтінін және жүйенің жалпы тұрақты екенін көрсетті.

Сурет 11. Импульстік әсерлер функциясының матрицасы

Ескерту – (World Bank, 2024), (RStudio Team, 2023) дереккөзі негізінде автормен құрастырылды.

Зерттеудің бірнеше шектеуі бар. Біріншіден, қолданылған модельдер 2008 жылғы жаһандық дағдарыс немесе COVID-19 пандемиясы сияқты құрылымдық үзілістерді автоматты түрде ескермейді. Екіншіден, модельдер негізінен сызықтық байланыстарға сүйенеді, ал макроэкономикада бейсызық және асимметриялық ықпалдар жиі кездеседі. Үшіншіден, болжам көкжиегі қысқа мерзіммен шектелді, сондықтан ұзақ мерзімді үрдістер бұл зерттеу аясында толық қарастырылған жоқ.

Деректер көлемінің шектеулі болуы да нәтижелерді түсіндіруде ескерілуі керек. Қазақстан бойынша жылдық деректер саны аз болғандықтан, модельдердің болжамдық қуатын кеңейту және құрылымдық өзгерістерді сенімді анықтау қиындайды.

Осы шектеулерге қарамастан, ARIMA және VAR модельдерін бірге қолдану Қазақстан экономикасындағы макроэкономикалық айнымалылардың қысқа мерзімді динамикасын талдауға жарамды тәсіл екенін көрсетті. Алдағы зерттеулерде деректер көлемін ұлғайту, құрылымдық үзілістерді ескеретін бейсызық әдістерді қолдану және модельдерді салыстырмалы түрде тексеру маңызды.

ҚОРЫТЫНДЫ

Зерттеуде Қазақстандағы негізгі макроэкономикалық көрсеткіштер – ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық деңгейі – ARIMA және VAR модельдері арқылы талданды. 1994-2023 жылдардағы деректер негізінде бұл модельдердің қысқа мерзімді болжам жасауға және айнымалылар арасындағы динамикалық байланыстарды бағалауға жарамды екені анықталды. Эконометрикалық модельдеу көрсеткіштер арасындағы өзара ықпал мен уақыттық тәуелділіктерді көрсетуге мүмкіндік берді.

Негізгі нәтижелер бойынша ARIMA модельдері ЖІӨ, инфляция және жұмыссыздық сияқты жеке айнымалылардың динамикасын сипаттауда пайдалы болды. VAR моделі айнымалылар арасындағы өзара байланысты зерттеуде тиімділік танытып, ЖІӨ, инфляция

және жұмыссыздық арасындағы Грейнджер себептілік қатынастарын бағалауға мүмкіндік берді. Нәтижелер ЖІӨ өсімі мен жұмыссыздық деңгейі арасында кері байланыс бар екенін, ал инфляция кей кезеңдерде экономикалық белсенділікке қысым жасай алатынын көрсетті. Алынған қорытындылар экономикалық саясатты, соның ішінде ақша-несие және жұмыспен қамту саясатын жоспарлауда қолданылуы мүмкін.

Қорытындылай келе, классикалық уақыттық қатарлар әдістері экономикалық көрсеткіштерді болжау және талдау үшін пайдалы аналитикалық құрал болып табылады. Дегенмен оларды модельдік шектеулерін ескере отырып қолдану қажет. Құрылымдық үзілістер, сыртқы шоктар және бейсызық байланыстар байқалған жағдайда ARIMA және VAR модельдерін күрделірек тәсілдермен толықтырған дұрыс. Бұл нәтижелер Қазақстандағы макроэкономикалық көрсеткіштерді сандық модельдер арқылы талдаудың маңызын көрсетеді және кейінгі экономикалық зерттеулер мен мемлекеттік жоспарлауға негіз бола алады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- Box, G. E. P., Jenkins, G. M., Reinsel, G. C., & Ljung, G. M. (2016). *Time series analysis: Forecasting and control* (5th ed.). John Wiley & Sons. <https://download.e-bookshelf.de/download/0003/8810/69/L-G-0003881069-0007953902.pdf>
- Friedman, M. (1968). The role of monetary policy. *American Economic Review*, 58(1), 1–17. https://cooperative-individualism.org/friedman-milton_the-role-of-monetary-policy-1968-mar.pdf
- Phillips, A. W. (1958). The relation between unemployment and the rate of change of money wage rates in the United Kingdom, 1861–1957. *Economica*, 25(100), 283–299. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1958.tb00003.x>
- Ricardo, D. (2001). *On the principles of political economy and taxation* (Original work published 1817). Batoche Books. <https://library.fa.ru/files/Ricardo-Principles.pdf>
- RStudio Team. (2023). *RStudio: Integrated development environment for R [Computer software]*. Posit Software, PBC. <https://posit.co/products/open-source/rstudio/>
- Sims, C. A. (1986). Are forecasting models usable for policy analysis? *Quarterly Review*, 10(1), 2–16. <https://core.ac.uk/download/pdf/6608933.pdf>
- Smith, A. (2007). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations* (Original work published 1776). MetaLibri Digital Library. https://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_WealthNations_p.pdf
- Stock, J. H., & Watson, M. W. (2016). *Introduction to econometrics* (4th ed.). Pearson. <https://books.google.ru/books?id=2mufDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
- OECD (2022). *OECD economic survey of Kazakhstan 2022*. OECD Publishing. https://www.oecd.org/en/publications/agricultural-policy-monitoring-and-evaluation-2023_b14de474-en/full-report/kazakhstan_1bfd1d3b.html
- World Bank. (2024). *GDP growth (annual %) – Kazakhstan* [Data set]. World Bank Open Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2023&locations=KZ&start=1994>
- World Bank. (2024). *Inflation, consumer prices (annual %) – Kazakhstan* [Data set]. World Bank Open Data. <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?end=2023&locations=KZ&start=1994&view=chart>
- World Bank. (2024). *Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate)* [Data set]. World Bank Open Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?end=2023&start=1994>
- АКЫЛБЕКОВ, А.А., Сейтказиева, А.М., Martins-Filho, C. (2024). Влияние макроэкономических

факторов на уровень реальных доходов как компонент качества жизни населения. *Central Asian Economic Review*, 3, 68-85. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-3-68-85> // Akylbekov, A.A., Sejtkaieva, A.M., Martins-Filho, C. (2024). Vliyanie makroekonomicheskikh faktorov na uroven' real'nyh dohodov kak komponent kachestva zhizni naseleniya. *Central Asian Economic Review*, 3, 68-85. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-3-68-85>

Бримбетова, Н.Ж. (2021). Особенности и социально-экономические последствия инфляционного процесса в Казахстане. *Вестник университета «Туран»*, 3(91), 96-100, <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2021-1-3-96-100> // Brimbetova, N.Zh. (2021). Osobennosti i social'no-jekonomicheskie posledstviya infljacionnogo processa v Kazahstane. *Vestnik universiteta "Turan"*, 3(91), 96-100, <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2021-1-3-96-100>

Клинова, М., Сидорова, Е. (2022). Политическая турбулентность и инфляция во Франции и еврозоне. *Международные процессы*, 20(4), 119-135. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.7> // Klinova, M., Sidorova, E. (2022). Politicheskaja turbulentnost' i infljacija vo Francii i evrozone. *Mezhdunarodnye processy*, 20(4), 119-135. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.7>

Сағынбай, Ә.Ғ., Қабылқайратқызы, Р., Даулиева, Ғ.Р., Қондыбаева, С.К. (2024). Қазақстан Республикасындағы кедейлік тереңдігі көрсеткішінің жұмыссыздыққа ықпалы. *Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университетінің Хабаршысы*, 74(3), 217-229. <https://doi.org/10.47649/vau.24.v74.i3.19> // Sağynbai, Ä.Ğ., Qabyılqairatqyzy, R., Daulieva, Ğ.R., Qondybaeva, S.K. (2024). Qazaqstan Respublikasyndağy kedeilik tereñdigi körsetkışiniñ jūmyssyzydyqqa yqpaly. *H. Dosmūhamedov atyndağy Atyrau universitetiniñ Habarşysy*, 74(3), 217-229. <https://doi.org/10.47649/vau.24.v74.i3.19>

Авторлар туралы мәліметтер

Қуантқан Биболат – экономика ғылымдарының кандидаты, Shakarim University, Семей қ., Қазақстан, e-mail: bolat_76@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-6447>

Зейнуллина Айгуль Жумағалиевна – экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессоры, Shakarim University, Семей қ., Қазақстан, e-mail: aigul-zeinullina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4787-4966>

Сведения об авторах

Қуантқан Биболат – кандидат экономических наук, Shakarim University, г.Семей, Казахстан, e-mail: bolat_76@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-6447>

Зейнуллина Айгуль Жумағалиевна – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Shakarim University, г.Семей, Казахстан, e-mail: aigul-zeinullina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4787-4966>

Information about the authors

Bibolat Kuantkan – Candidate of Economic sciences, Shakarim University, Semey, Kazakhstan, e-mail: bolat_76@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-6447>

Aigul Zhumagaliyeva Zeinullina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Shakarim University, Semey, Kazakhstan, e-mail: aigul-zeinullina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4787-4966>

ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_4

MPHTI: 06.52.17

JEL: A10, D11, Q2

Варавин Е.В. , Козлова М.В. , Сорокина Л.И. *, Суйеубаева С.Н.

Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Доминирующие подходы к трактовке модели экономики совместного потребления и ее основополагающих принципов в контексте устойчивого развития

АННОТАЦИЯ. В статье обоснована значимость становление инновационной экономики на современном этапе развития общества в качестве ведущей мировой тенденции в условиях постоянно ускоряющихся изменений. Следовательно, появление экономики совместного потребления - нового направления перспективных возможностей развития экономических систем, в целом представляется как существенное экономическое преобразование, предпосылкой которого является возможность совместного или коллективного использования ассортимента продукции или видов услуг, возникающее на уровне временного или бесплатного потребления. Авторами статьи в работе представлена эволюция научных аспектов к определению и структуре экономики совместного потребления. Изучены и обозначены теоретические подходы, выявлены их «сильные» и «слабые» стороны, дана характеристика. Выполнен сравнительный анализ доминирующих моделей экономики совместного потребления с целью определения не только разнообразия организационных форм, но и сложности взаимосвязи между коммерциализацией и социальной направленностью. В результате были обозначены принципы и условия развития совместного потребления, определен потенциал реализации внедрения экономики совместного потребления в условиях современного развития общества. Также было уделено особое внимание рискам, связанным с коммерциализацией и усилением нестабильности занятости в экономике совместного потребления. В процессе исследования применялись методы теоретического анализа, логических построений. В завершении авторами статьи было определено, что предпосылками на положительную динамику потребительского спроса в данной сфере первоначально выступают – экономия средств, удобство использования, свободная доступность к приложениям онлайн-технологий, высокоскоростной интернет. Дополнительно были обозначены перспективы дальнейших исследований в области моделирования экономики совместного потребления в условиях цифровизации и расширения сетевых рынков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономика совместного потребления, шеринговая экономика, подходы, принципы, риски.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Данная статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования научных исследований МНВО по теме AP19676547 - «Внедрение принципов экономики совместного потребления в экономическую систему Казахстана для реализации национальной концепции устойчивого развития».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Варавин, Е.В., Козлова, М.В., Сорокина, Л.И., Суйеубаева, С.Н. (2025). Доминирующие подходы к трактовке модели экономики совместного потребления и ее основополагающих принципов в контексте устойчивого развития. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 54-72. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_4

История статьи:

Получено: 30.04.2026

Принято: 21.05.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Сорокина Людмила Ивановна, e-mail: LSorokina@edu.ektu.kz

Варавин Е.В. , Козлова М.В. , Сорокина Л.И. *, Сүйеубаева С.Н.

Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан

Тұрақты даму контекстінде ортақ экономика моделін және оның негізгі қағидаларын түсіндіруге басым тәсілдер

АНДАТПА. Мақалада қоғам дамуының қазіргі кезеңінде инновациялық экономиканы қалыптастырудың маңыздылығы үздіксіз үдемелі өзгерістер жағдайында жетекші әлемдік тренд ретінде негізделеді. Демек, ортақ экономиканың пайда болуы - экономикалық жүйелерді дамытудың перспективалық мүмкіндіктерінің жаңа бағыты, тұтастай алғанда, уақытша немесе еркін тұтыну деңгейінде туындайтын өнімдердің немесе қызмет түрлерінің бірқатарын бірлесіп немесе ұжымдық пайдалану мүмкіндігі алғы шарты болып табылатын елеулі экономикалық қайта құру ретінде көрінеді. Мақала авторлары ортақ экономиканың анықтамасы мен құрылымының ғылыми аспектілерінің эволюциясын ұсынады. Теориялық тәсілдер зерттеліп, сипатталады, олардың «күшті» және «әлсіз жақтары» анықталып, мінездеме беріледі. Бірлескен экономиканың басым үлгілерінің салыстырмалы талдауы ұйымдық формалардың әртүрлілігін ғана емес, сонымен қатар коммерцияландыру мен әлеуметтік бағдар арасындағы байланыстың күрделілігін анықтау мақсатында жүргізіледі. Нәтижесінде ортақ тұтынуды дамытудың принциптері мен шарттары көрсетілді, қазіргі қоғамның дамуы жағдайында ортақ пайдалану экономикасын жүзеге асырудың әлеуеті айқындалды. Сондай-ақ коммерцияландыруға байланысты тәуекелдерге және ортақ экономикадағы жұмыспен қамтудың тұрақсыздығына ерекше назар аударылды. Зерттеу жұмысында теориялық талдау әдістері мен логикалық конструкциялар қолданылды. Қорытындылай келе, мақала авторлары бұл саладағы тұтынушылық сұраныстың оң динамикасының алғышарттары бастапқыда - шығындарды үнемдеу, пайдаланудың қарапайымдылығы, онлайн-технологиялық қосымшаларға тегін қол жеткізу, жоғары жылдамдықты интернет болатынын анықтады. Бұдан басқа, цифрландыру және желілік нарықтарды кеңейту жағдайында ортақ тұтыну экономикасын модельдеу саласында одан әрі зерттеулер жүргізу перспективалары белгіленді.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: бірлескен тұтыну экономикасы, шерингтік экономика, тәсілдер, принциптер, тәуекелдер.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Бұл мақала AP19676547 - «Тұрақты дамудың ұлттық тұжырымдамасын жүзеге асыру үшін Қазақстанның экономикалық жүйесінде ортақ экономика қағидаттарын енгізу» тақырыбы бойынша Халықаралық жоғары білім одағының ғылыми зерттеулерін гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалған.

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Варавин, Е.В., Козлова, М.В., Сорокина, Л.И., Сүйеубаева, С.Н. (2025). Экономиканың трансформациясы жағдайында адам капиталының құзыреттілік картасын жобалау. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 54-72. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_4

* Хат-хабаршы авторы: Сорокина Людмила Ивановна, e-mail: LSorokina@edu.ektu.kz

Evgeny V. Varavin , Marina V. Kozlova , Lyudmila I. Sorokina *, Saltanat N. Suiubayeva

D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Dominant approaches to the Interpretation of the sharing economy model and its fundamental principles in the context of sustainable development

ABSTRACT. The article substantiates the importance of the development of an innovative economy at the current stage of society's development as a leading global trend in the context of constantly accelerating changes. Consequently, the emergence of a shared consumption economy, a new direction for the development of economic systems, is generally seen as a significant economic transformation, which is based on the possibility of sharing or collectively using a range of products or services, either temporarily or for free. The authors of the article present the evolution of scientific aspects related to the definition and structure of a shared consumption economy. Theoretical approaches have been studied and identified, their strengths and weaknesses have been revealed, and their characteristics have been given. A comparative analysis of the dominant models of the sharing economy was performed in order to determine not only the diversity of organizational forms, but also the complexity of the relationship between commercialization and social orientation. As a result, the principles and conditions for the development of sharing were identified, and the potential for implementing the sharing economy in the context of modern society was determined. Special attention was also paid to the risks associated with commercialization and increased instability in employment in the sharing economy. The study used methods of theoretical analysis and logical reasoning. In conclusion, the authors of the article determined that the prerequisites for a positive trend in consumer demand in this area will initially be cost savings, ease of use, free access to online technology applications, and high-speed Internet. Additionally, the prospects for further research in the field of modeling the sharing economy in the context of digitalization and expansion of network markets were outlined.

KEYWORDS: shared economy, sharing economy, approaches, principles, and risks.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: This article was prepared within the framework of the EOM research grant financing project on the topic AP19676547 - «Implementation of the principles of the sharing economy in the economic system of Kazakhstan for the implementation of the national concept of sustainable development».

FOR CITATION: Varavin, E.V., Kozlova, M.V., Sorokina, L.I., Suiubayeva, S.N. (2025). Dominant approaches to the interpretation of the model of the shared consumption economy and its fundamental principles in the context of sustainable development. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 54-72. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_4

* Corresponding author: Sorokina Lyudmila Ivanovna, e-mail: LSorokina@edu.ektu.kz

ВВЕДЕНИЕ

Экономика совместного потребления или шеринговая экономика (sharing economy) часто рассматривается как самостоятельный феномен в рамках цифровой трансформации рынков либо как компонент цифровой экономики (экономики цифровых платформ). Однако, поскольку шеринговые бизнес-модели предполагают акцент на совместном использовании недоиспользуемых активов такими способами, которые повышают интенсивность, эффективность, устойчивость использования и вовлечение в коммуникацию, имеет смысл рассматривать данный феномен также в контексте устойчивого развития.

Сегодня утверждение о том, что бизнес-модели, основанные на совместном использовании, являются устойчивыми по своей природе, не является вполне обоснованным. Некоторые исследователи утверждают, что экономика совместного использования - это лишь концепция, которую предприниматели используют прежде всего в целях максимизации прибыли, а не в интересах устойчивого развития. Нет также и окончательных эмпирических свидетельств в пользу того, что шеринговые бизнес-модели могут радикально минимизировать потребление. Поиск новых научных подходов к изучению сущностных черт экономики совместного потребления, факторов ее развития, социо-экономико-экологических последствий сформировали потребность углубления исследований в данной области.

Цель данной работы - выявление доминирующих подходов к интерпретации модели экономики совместного потребления и ее принципов в контексте устойчивого развития.

Объектом исследования является экономика совместного потребления в современных социально-экономических и экологических условиях.

Предметом исследования выступает совокупность социально-экономических отношений, обуславливающих развитие экономики совместного потребления и ее роль в реализации целей устойчивого развития.

Вместе с тем необходимо учесть, что современные информационно-коммуникационные возможности всех сфер общества позволяют населению проявлять к данной модели потребности ее воплощения и реализации, так как она отражает изменения взаимодействий среди потребителей коллективного пользования с первостепенным эффектом - снижением затрат до минимума; сокращением числа посреднических услуг; ростом онлайн-реализации; простотой предоставления пользователям возможностей для временного потребления товаров или услуг.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Впервые в экономической литературе понятие «collaborative consumption» («совместное потребление») было использовано Фелсоном М. и Спаэтом Дж. Л. (Eckhardt и др., 2019).

В 2010 г. непосредственно концепция совместного потребления была представлена как новая социально-экономическая модель (Botsman и др., 2010; Cesnaityte и др., 2022), что дало возможность научному развитию данного направления.

В 2011 г. в одном из значимых периодических изданий международного уровня «Time» вышеназванное направление было отнесено «к десяти идеям, реализация которых даст возможность наблюдать полное изменение всего мирового сообщества» (Pais и др., 2015).

Авторы Авдокушин Е.Ф. и Белова Л.Г. пришли к выводу, что «экономика совместного потребления является образцом экономического роста с четко выраженными возможностями благоприятных условий, обусловленных повышением качества жизни населения страны, с учетом привлечения неиспользуемых результатов взаимодействия как производства, так и потребления» (Kuah и др., 2020).

Закономерность вышеназванного научного направления развития экономических систем на современном этапе затрагивались в работах исследователями Полухиной А.Н. и Арнабердиевым А.Р. (Авдокушин и др., 2023). Авторы рассмотрели причины возникновения вышеназванной модели, провели анализ ее влияния на экономику и современное общество.

Исследователи Серегина В.В. и Середина М.Н. пришли к мнению, что «экономические

позиции совместного потребления дают возможность населению любого государства иметь вероятность использования товаров (услуг), которые они не имели шанса первоначально себе позволить, создавая при этом достаточно масштабное экономическое содействие» (Плотников и др., 2023).

В работах ученых-экономистов Авдокушина Е.Ф. и Кузнецовой Е.Г. представлен анализ структуры экономики совместного потребления и выявлен уровень ее влияния на социально-экономические процессы современного общества (Kuah и др., 2020).

Взаимоувязанность исследования понятия экономики совместного потребления и цифрового общества прослеживается в работе Бекмурзаева И.Д. и Хажмурадовой С.Д. (Бекмурзаев и др., 2019). Авторами дано определение понятия «шеринговая экономика» как «информационная социо-экономическая модель, основанная на совместном потреблении человеческих и материальных ресурсов. Необходимость экономии ресурсов является завершающим мотивом развития шеринговой экономики. Существующие темпы потребления неизбежно приведут к истощению существующих запасов уже в XXI веке» (Бекмурзаев и др., 2019).

Значительный интерес к изучению экономики совместного потребления в современных экономических исследованиях прослеживается с позиции развития цифровых платформ и цифровых сервисов (Харламов и др., 2022; Gupta и др., 2019; Kupriyanovsky и др., 2016; Lin, 2020; Travkina и др., 2019). Происходит трансформация «традиционной модели «фирма-потребитель» к совместному потреблению благ на основе цифровых сервисов, где главными участниками становятся непосредственно сами потребители» (Батырева и др., 2022). По мнению Амировой Э.Ф. и Сахбиевой А.И., «системы цифрового обмена работают в пространстве между традиционным совместным использованием и формальной рыночной экономикой» (Амирова и др., 2021).

В работах Мартина К. (Martin и др., 2016) и Боар А. (Вахтина, 2018) концепция совместного потребления рассматривается через призму концепции устойчивого развития в части обеспечения устойчивого потребления в обществе.

Подводя итог обзору источников, можно утверждать, что экономика совместного потребления в условиях современной информатизации всех сфер общества получила новый стимул к развитию. Дальнейшие инициативы данного научного исследования должны быть направлены на определение факторов, влияющих на изменение структуры взаимоотношений между потребителями товаров (услуг).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическую основу работы составили научные труды отечественных и зарубежных ученых и специалистов в области экономики совместного потребления, шеринговой экономики, цифровизации экономики, экономики сетевых рынков, теорий общественного благосостояния и экономического роста. В качестве информационной базы исследования были использованы научные статьи отечественных и зарубежных ученых и специалистов по указанной проблематике.

При систематизации полученных результатов исследования и формировании рекомендаций применялись такие методы, как наблюдение, сравнение.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Современное развитие глобальной экономики сопровождается усилением экологических, ресурсных и социальных вызовов, что требует поиска альтернативных моделей хозяйствования, способствующих достижению устойчивого развития.

Одной из таких моделей в последние десятилетия становится экономика совместного потребления (ЭСП), получившая широкое распространение в условиях цифровизации, урбанизации и трансформации потребительских практик.

Экономика совместного потребления, или шеринговая экономика, представляет собой

одну из наиболее значимых трансформаций современной экономической системы, возникшую на стыке технологических инноваций, социальных изменений и экологических вызовов. Эта модель, основанная на совместном использовании ресурсов, товаров и услуг через цифровые платформы, получила широкое распространение в последние два десятилетия, отражая глобальный сдвиг в потребительских предпочтениях от владения к доступу. Возникновение и развитие шеринговой экономики тесно связаны с концепцией устойчивого развития, поскольку она предлагает решения для оптимизации ресурсопотребления, сокращения отходов и укрепления социальной инклюзивности. Предпосылки ее формирования обусловлены комплексом факторов, включающих технологический прогресс, экологический кризис и эволюцию общественных ценностей, что делает ее изучение актуальным в контексте реализации целей устойчивого развития (ЦУР).

Перечислим выявленные предпосылки возникновения шеринговой экономики:

1) Стремительный рост цифровых технологий.

Появление интернета, мобильных приложений, возможности больших данных - Big Data (облачных расчетов) к концу XX века способствовало возникновению экосистем модульных решений (платформ), например: Airbnb, Uber и TaskRabbit. Данное новшество предоставило упрощение коммуникации «поставщик - потребитель услуг». Следствием этого наблюдалось то, что субъекты деятельности получили возможность снижения операционных затрат; обеспечили доверие своих клиентов через использование возможности «рейтинг-уровень» своей деятельности и регулярную обратную связь с потребителями (отзывы); рационально реинтегрировали простаивающие фонды, в частности, недвижимость, автотранспорт, профессиональную компетенцию. Указанные изменения в обществе синхронно наблюдались с мировым финансовым кризисом 2008 года (или Великой рецессией 2008 года), что спровоцировало социум к необходимости выявления вариативных источников прибыли и бюджетного потребления. Таким образом, важно подчеркнуть, что все вышеперечисленное ускорило процесс развития экономики совместного потребления (Botsman и др., 2010).

2) Возникновение и рост экологической деградации.

Процесс сокращения запасов естественных благ, постепенное ухудшение состояния окружающей среды, резкое изменение климата, регулярное увеличение промышленных и бытовых отходов - все перечисленное способствовало человечеству переоценить и изменить подходы производственной деятельности и возможности потребления или использования.

Рассматривая шеринговую экономику, целенаправленную на совместное использование ресурсов, можно отметить однонаправленный подход, соответствующий ЦУР 12 - «Обеспечение устойчивых моделей потребления и производства» (Un.Org, 2025). В частности, каршеринг позволяет сократить спрос в производстве автотранспортных средств, ресейл-платформы и площадки для дресскроссинга позволяют наблюдать возможность продления жизненного цикла товара. Перечисленные перспективы выражают привлекательность ЭСП для потребителей или покупателей, стремящихся соблюдать устойчивый образ жизни и эко-сознательное поведение (Camacho-Otero и др., 2018).

3) Социальные трансформации.

Характеризуются переоценкой ценностей, эволюцией предпочтений и сменой потребительских запросов (максимальное проявление наблюдается в молодежной среде).

В современных условиях развития общества с повышенной ценностью роли городов и возможностью информативного оснащения о наличии или отсутствии социальных, экологических проблем владения тем или иным товаром (например, недвижимость, автомобиль) менее значимо при сравнении с мобильностью или гибкостью, которые возникают при доступе к товару или услуге. Экономика совместного потребления (ЭСП) оправдывает соответствующие ожидания предоставляя рациональные и выгодные возможности - аренда жилого помещения на недолгий срок и допустимость совместных поездок. Шеринговая экономика также способствует стабилизации коммуникативных отношений путем сетевого взаимодействия, что форсирует ее значимость для устойчивого развития (Hallem и др., 2021).

Экономика совместного потребления (ЭСП), или «sharing economy», представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся моделей современной экономики, которая трансформирует традиционные подходы к потреблению, производству и распределению ресурсов.

В условиях глобальных экологических, социальных и технологических вызовов ЭСП привлекает внимание исследователей как потенциальный инструмент достижения устойчивого развития.

Экономика совместного потребления определяется как социально-экономическая модель, основанная на коллективном использовании ресурсов, товаров и услуг через механизмы обмена, аренды или совместного владения. В отличие от традиционной экономики, ориентированной на индивидуальное владение, ЭСП акцентирует доступ к активам, позволяя потребителям временно использовать товары или услуги без необходимости их приобретения. Центральную роль в функционировании ЭСП играют цифровые платформы, такие как Airbnb, Uber, Turo или Vinted, которые выступают посредниками между поставщиками (владельцами ресурсов) и потребителями. Эти платформы используют передовые технологии - алгоритмы сопоставления, системы рейтингов, интерфейсы реального времени - для обеспечения доверия, удобства и масштабируемости взаимодействия (Botsman и др., 2010). Например, платформа Airbnb позволяет домовладельцам сдавать жилье в аренду, а путешественникам - получать доступ к уникальным вариантам размещения, минуя традиционные гостиничные сети. Аналогично, каршеринговые сервисы, такие как Turo, дают возможность арендовать автомобили у частных владельцев, оптимизируя использование транспортных средств.

Ключевые характеристики ЭСП включают:

- 1) совместное использование недозагруженных активов (жилья, транспорта, инструментов, профессиональных навыков), что повышает их экономическую и социальную полезность;
- 2) снижение транзакционных издержек за счет цифровизации процессов обмена;
- 3) инклюзивность, обеспечивающая доступ к товарам и услугам для различных социальных групп. ЭСП охватывает широкий спектр секторов: от мобильности (каршеринг, райдшеринг) и туризма (краткосрочная аренда жилья) до потребительских товаров (обмен одеждой) и профессиональных услуг (фриланс-платформы).

Достаточно большой интерес к экономике совместного потребления обусловлен возрастающей обеспокоенностью научного сообщества и международных организаций по поводу масштабов чрезмерного потребления, роста объемов отходов, истощения невозобновляемых ресурсов.

В условиях ограниченности ресурсов и необходимости декарбонизации экономики (процесс перехода к низкоуглеродной экономике, направленный на снижение выбросов парниковых газов, для борьбы с изменением климата) наблюдается переход от традиционных моделей потребления к более устойчивым, ориентированным на оптимальное использование имеющихся ресурсов.

В научной литературе за последние годы сформировался ряд доминирующих аспектов к трактовке ЭСП, каждый из которых акцентирует внимание на различных направлениях ее функционирования и структуры (таблица 1).

Важно акцентировать то, что экономика совместного потребления представляет собой сложный феномен, который анализируется через различные теоретические подходы, включая социально-технический, практический и циркулярный. Каждый из этих подходов вносит исключительный вклад в понимание ЭСП, но также имеет свои пределы (ограничения), что делает их критический анализ необходимым для выработки целостной модели.

Таблица 1. Эволюция научных аспектов к определению и структуре экономики совместного потребления

Научный аспект	Краткая характеристика	Основные авторы	Значимые акценты
Неоинституциональный / транзакционный	ЭСП как способ снижения транзакционных издержек через цифровые платформы	Belk R. (2014); Botsman R., Rogers R. (2010)	Оптимизация обмена, снижение затрат, повышение эффективности через информационные технологии.
Сетевой / платформенный	ЭСП как генерация сетевой ценности, основанной на эффектах платформ и масштабируемости	Cheng S., Fu S., de Vreede G. (2021)	Роль алгоритмов, эффект масштаба, монетизация данных, платформенная власть.
Поведенческо-социальный	ЭСП как изменение моделей потребления и ценностных установок	Böcker L., Meelen T. (2017); Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. (2016)	Мотивы участия: устойчивость, солидарность, экономия, доверие, социальный капитал.
Технологический	ЭСП как результат цифровой трансформации, основанный на мобильных технологиях и автоматизации	Srnicek (2017)	Архитектура платформ, технологии доверия, автоматизация, блокчейн.
Институциональный	ЭСП как трансформация рыночных и социальных институтов, в том числе собственности и занятости	Mont O., Curtis S. (2020); Acquier A., Daudigeos T., Pinkse J. (2017)	Адаптация регулирования, новые формы собственности, институциональная устойчивость, социальная интеграция.
<i>Примечание: составлена авторами на основании источников (Botsman и др., 2010; Belk, 2014; Hamari и др., 2016; Acquier и др., 2017; Srnicek, 2017; Böcker и др., 2017; Mont и др., 2020; Cheng и др., 2021)</i>			

Проведем сравнение сильных и слабых сторон теоретических подходов ЭСП (таблица 2).

Таблица 2. Теоретические подходы, характеризующие экономику совместного потребления

Наименование подхода	Характеристика	Достоинства (сильная сторона)	Недостатки (слабая сторона)
1 Социально - технический	Для данного подхода ЭСП выступает как совокупность технологических возможностей, спроса потребителей и многоотраслевых структур, что представляет как процесс взаимосвязи материальных и	1 Возможность охарактеризовать применение цифровых платформ. 2 Снижение операционных затрат. 3 Реализация роста и наращивания потенциала. 4 Расширение системы. 5 Обеспечение	1 Низкий уровень внимания к потребительским предпочтениям. 2 Приоритет системным аспектам. 3 Малое внимание анализу индивидуальных ценностей. 4 Низкий уровень

	социальных возможностей (Cohen и др., 2018).	гибкости.	оценки культурных факторов, формирующих возможность деятельности в ЭСП (Marvin и др., 2018).
2 Практический	Эмпирический метод познания и принятия решений. Раскрывает ЭСП как комплекс социальных возможностей, созданный материальными ресурсами, знаниями и правовым контролем (Ropke, 2009).	1 Комплексный анализ интересов и желаний потребителей (Martin и др., 2016). 2 Учитывает в полном объеме культурные и социальные изменения в обществе, что является стимулирующим фактором ЭСП.	1 Низкий уровень объяснений факторов макросреды. 2 Малое внимание управлению процессами и технологическим пределам.
3 Циркулярный	Для данного подхода ЭСП выступает частью циркулярной экономики с целью увеличения жизненного цикла товаров и стремлением к минимальной доле отходов.	1 Сокращение ресурсопотребления (положительный уровень экологического направления). 2 Возможность повторного использования и аренда товаров стимулирует снижение отходов (Bolger и др., 2019). 3 Результативно координирует ЭСП с устойчивым развитием.	1 Низкий уровень влияния на рынок труда (экономический аспект). 2 Низкий уровень влияния на неравенство доступа (социальный аспект). 3 Отсутствует контроль за рисками (например: эффект отдачи - доступность увеличивает потребление) (Piscicelli и др., 2015).
<i>Примечание: составлена авторами на основании источников (Ropke, 2009; Piscicelli и др., 2015; Martin и др., 2016; Cohen и др., 2018; Marvin и др., 2018; Bolger и др., 2019)</i>			

Анализируя информацию таблицы 2, можно заметить, что каждый подход индивидуально раскрывает определенную сторону экономики совместного потребления, но в итоге не характеризует ее в полном объеме. Социально-технологический подход значим в оценке технологического и институционального направления, практический подход - в комплексном анализе потребительского поведения, циркулярный подход - в анализе экологических возможностей. Общая отрицательная сторона данных подходов - секторное или фрагментарное рассмотрение ситуации, низкий уровень внимания к наличию пересекающихся факторов, наиболее значимыми из которых являются коммерциализация и социальное неравенство.

Важным подчеркнуть, что расширяемость и гибкость экономики совместного потребления может быть снижена за счет наличия сложных ситуаций технологического, социального и регуляторного направления.

Охарактеризуем каждое направление:

1 Технологическая открытость (доступность).

Наиболее распространенный барьер - ограниченный доступ к интернету и сотовой связи, что делает невозможным участие в ЭСП большой доли населения общества (Hallem и др., 2021). Цифровая грамотность - сложный уровень для возрастного населения и маргинализированных групп, следовательно, снижается уровень инклюзивности ЭСП (принципа равного участия всех граждан в жизни общества).

2 Социальное расслоение (неравенство).

Экономика совместного потребления наиболее доступна для пользователей ИТ-технологий и высоким уровнем дохода.

Результаты исследований констатируют, что в государствах развивающихся стран в пределах 20-30% общества активно участвуют в ЭСП, для остального населения наблюдается финансовое или технологическое ограничение, что не соответствует Цели устойчивого развития 10 - «Сокращение неравенства». Следовательно, данная ситуация влечет необходимость разработок моделей интернет-платформ с минимальными требованиями участия (Samacho-Otero и др., 2018).

3 Законодательные препятствия (регуляторные барьеры).

Установленные государством административные, технические или правовые ограничения для выхода на рынок или ведения бизнеса.

Наличие общих правил и стандартов международного уровня даст возможность экономики совместного потребления масштабного распространения, а не адаптацию к локальным современным возможностям (Герег, 2018).

Вышеперечисленные барьеры полностью отражают создание коллаборативного управления, содержащего взаимосвязь между экосистемой, регуляторами и потребителями.

Необходимо также учесть, что при наличии достаточно большого интереса современного общества к экономике совместного потребления, в научных изданиях наблюдается терминологическая и идейная неточность ее строгой формулировки, границ и назначений. Наличие концептуальных возможностей создает проблемы понимания ЭСП с позиции определения ее значимости в достижениях целей устойчивого развития (ЦУР). В частности, одни исследователи характеризуют ЭСП как бизнес - перспективы с целью получения максимального дохода и успешного конкурентирования на рынке (Srnicsek, 2017), другие - подчеркивают ее значимость на ценностных характеристиках (уверенность, согласие, инициативность) (Martin, 2016; Un.Org, 2025).

Таким образом, можно сделать вывод, что вариативность аналитических возможностей определения ЭСП приводит к созданию различных моделей, ориентированных на ее структурирование. Несмотря на различия в деталях, в современной научной литературе (особенно за последние 5-7 лет) прослеживаются устойчивые основания для выделения нескольких доминирующих моделей ЭСП. Эти модели различаются по степени коммерциализации, институциональной структуре, цели участия и способам управления платформами (таблица 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ моделей экономики совместного потребления

Критерий	Коммерческая модель	Кооперативная модель	Некоммерческая модель	Гибридная модель
Авторы	Srnicsek (2017); Schor J. (2020)	Scholz T. (2016); Mont O., Curtis S.K. (2020)	Böcker L., Meelen T. (2017)	Acquier A., Daudigeos T., Pinkse J. (2017)
Цель	Прибыль, масштабируемость	Социальная справедливость, устойчивость	Взаимопомощь, экологичность	Баланс между прибылью и социальной миссией
Управление	Централизованное, корпоративное	Демократическое, участниками	Самоорганизация, сообщество	Комбинированное (часто партнерское)
Примеры	Uber, Airbnb, Glovo	Fairbnb.coop, Up&Go, Stocksy	Фудшеринг, библиотеки вещей	Go-Jek, платформы социального бизнеса

Модель собственности	Частная, корпоративная	Кооперативная, коллективная	Общественная, совместная	Смешанная
Форма вознаграждения	Денежная	Денежная и нефинансовая	Безвозмездная, обмен	Гибкая
Целевая аудитория	Массовый рынок	Локальные сообщества, профсоюзы	Активисты, волонтеры	Широкий спектр участников
Связь с ЦУР	Частичная (экономический рост)	Сильная (ЦУР 8, 10, 11, 12)	Сильная (ЦУР 11, 12, 13)	Средняя -высокая в зависимости от целей
Устойчивость (социальная /экологическая)	Низкая - средняя	Высокая	Высокая	Средняя -высокая

Примечание: составлена авторами на основании источников (Srnicek, 2017; Acquier и др., 2017; Schor, 2020; Scholz, 2016; Mont и др., 2020; Böcker и др., 2017)

Классификация моделей ЭСП (таблица 3) демонстрирует не только разнообразие организационных форм, но и сложность взаимосвязи между коммерциализацией и социальной направленностью.

Доминирующие модели ЭСП отражают ключевые подходы современного развития: необходимость цифровизации; повышение эффективности использования ресурсов; потребность в социальной инклюзии и устойчивости. Перечисленные подходы сосредоточены на устойчивом развитии, эффективном использовании ресурсов и создании более справедливой экономической системы.

Обозначим основные признаки ЭСП (таблица 4) (Дойлин и др., 2023).

Таблица 4. Признаки экономики совместного потребления (ЭСП) и их характеристики

Признаки ЭСП	Характеристика	Значимость
1 Равенство	Обеспечение равных возможностей и доступа к ресурсам для всех участников	Равенство является основой справедливости, способствуя более равному распределению товаров и услуг
2 Саморегулирование	Система, в которой участники имеют возможность регулировать свои отношения и принимать участие в процессе управления	Саморегулирование повышает доверие между участниками, позволяя им более эффективно решать внутренние конфликты и проблемы
3 Рациональность	Рациональное использование ресурсов участниками процесса в соответствии с поставленной целью и их потребностями	Устойчивое развитие помогает избежать чрезмерного потребления и обеспечивает оптимальное использование ресурсов
4 Открытость	Обеспечение доступа к информации и процессам принятия решений для всех участников	Способствует прозрачности и доверию, создавая условия для эффективного функционирования системы
5 Гибкость	Способность системы быстро адаптироваться к изменениям рыночных условий и потребностям участников	Позволяет экономике совместного использования успешно адаптироваться к различным сценариям, повышая ее устойчивость
6 Прозрачность	Доступность информации о процессах, ценах, условиях использования ресурсов	Укрепляет доверие между участниками и помогает им принимать обоснованные решения

Примечание: составлено авторами на основании источника (Дойлин и др., 2023)

Для адекватной оценки потенциала ЭСП необходимо учитывать институциональный контекст, цели субъектов и устойчивость моделей с позиций реализации ЦУР. В этой связи возникает необходимость концептуального выделения основополагающих принципов ЭСП, которые обеспечивают ее соответствие целям устойчивого развития.

Современная научная литература выделяет ряд ключевых принципов, формирующих нормативно-ценностный каркас экономики совместного потребления, обеспечивая ее уникальность и вклад в устойчивое развитие (рисунок 1).

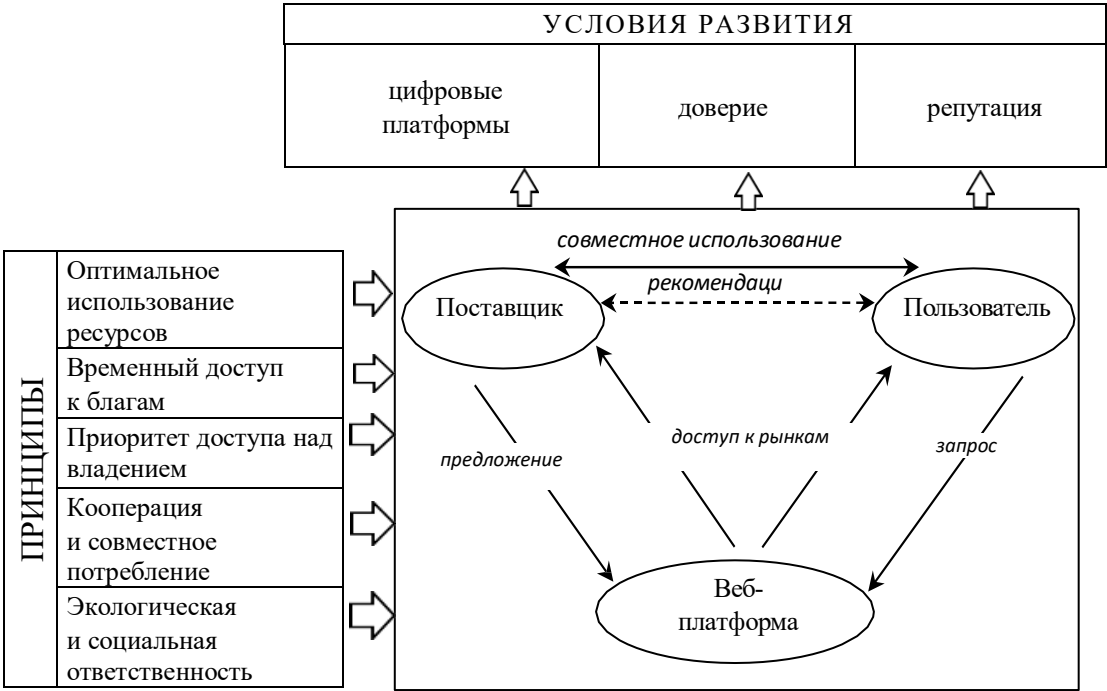

Рисунок 1. Принципы и условия развития совместного потребления

Примечание: составлен авторами на основании источников (Cheng S. и др., 2021; Mont и др., 2020; Schor, 2020; Belk, 2014)

Дадим характеристику принципам экономики совместного потребления (таблица 5).

Таблица 5. Принципы экономики совместного потребления

Принципы ЭСП	Краткая характеристика	Основные авторы
Оптимальное использование ресурсов	В рамках ЭСП экономическая и экологическая эффективность достигается через повышение коэффициента использования ресурсов. Это включает совместное использование автомобилей (carsharing), жилья, инструментов, а также других активов, которые традиционно недоиспользуются. Таким образом достигается синергия между экономической выгодой и сокращением углеродного следа.	Cheng S., Fu S., & de Vreede G. (2021)
Временный доступ к благам	Ключевое значение в рамках устойчивого развития приобретает доступность платформ ЭСП для широких слоев населения, включая социально уязвимые группы. Это требует преодоления цифрового неравенства, культурных и	Mont O., Curtis S. (2020)

	институциональных барьеров, а также адаптации цифровых сервисов к потребностям разных групп пользователей.	
Приоритет доступа над владением	Отказ от индивидуального обладания в пользу временного совместного использования ресурсов, объектов и услуг. Данный принцип способствует снижению избыточного производства, минимизации отходов и рационализации потребительского поведения.	Belk R (2014)
Кооперация и совместное потребление	ЭСП строится на механизмах равноправного обмена между участниками, без традиционного иерархического деления на производителей и потребителей. Возникают горизонтальные сети, основанные на взаимном доверии, репутационных механизмах и самоорганизации. Этот принцип усиливает социальную сплоченность и способствует развитию «социального капитала».	Cheng S., Fu S., de Vreede G. (2021)
Экологическая и социальная ответственность	Участники ЭСП (как платформы, так и пользователи) должны учитывать последствия своей деятельности для окружающей среды и общества. Это проявляется в экологической маркировке, добровольной сертификации, внедрении принципов ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление) и формировании платформенной этики.	Schor J. (2020)
<i>Примечание: составлена авторами на основании источников (Cheng и др., 2021; Mont и др., 2020; Schor, 2020; Belk, 2014)</i>		

Важно подчеркнуть, что необходимыми условиями развития экономики совместного потребления, базирующейся на определенных принципах (рисунок1, таблица 5), является наличие веб-платформы, а также доверие и репутация.

Цифровые веб-платформы, позволяют в реальном времени измерять свободные материальные и нематериальные активы и обеспечивать возможность их гибкого динамического соединения с теми, кто в них нуждается. Встроенные системы рейтингов, обзоров и отзывов должны мотивировать честность владельцев и потребителей, а также помогать формировать сообщества по интересам.

Доверие в данной модели потребления обеспечивается требованиями загрузки в шеринговые приложения персональных данных, в т.ч. паспорта, водительского удостоверения, номера кредитной карты, а репутация определяется методом экспертных оценок.

Важность вышеперечисленных условий в становлении совместного потребления подтверждается результатами глобального опроса респондентов из 58 стран «Trust in Advertising Survey», согласно которому 84% опрошенных доверяют устным рекомендациям друзей и семьи, а 68% респондентов - мнениям незнакомых потребителей, опубликованным в интернете (Nielsen.com, 2025). В исследовании «Entering the trust age» пользователи BlaBlaCar при условии наличия у них полного профиля личной информации получили рейтинг доверия, сопоставимый по уровню с членами семьи - 88% (Mazzella. 2016).

Анализируя выше рассмотренную информацию, необходимо учитывать, что в рассмотрении доминирующих подходов ЭСП особого внимания требуют риски, связанные с коммерциализацией и ростом социально-трудовой уязвимости.

Коммерциализация ЭСП представляет значительный риск, поскольку многие платформы, такие как Uber или Airbnb, ориентируются на прибыль, а не на экологические или социальные цели. Это может привести к отклонению от принципов устойчивого развития, например, когда краткосрочная аренда жилья повышает стоимость недвижимости, вытесняя местных жителей, или когда райдшеринг увеличивает транспортные выбросы из-за роста числа поездок (Schor и др., 2015). Также важно помнить, что коммерциализация обостряет конкурентную борьбу в

наиболее классических секторах бизнеса - это жилищный сектор (аренда жилья) и транспортные услуги (такси). Данная ситуация создает в итоге социальные конфликты и требует регулярного вмешательства.

Рост социально-трудовой уязвимости - значимый риск экономики совместного потребления (ЭСП).

Известно, что цифровые платформы - это IT - системы, создающие онлайн объединение поставщиков и пользователей для процесса обмена товарами, услугами, информацией. Они предлагают использовать возможность получения основного или дополнительного дохода, но при этом не сопровождают данную деятельность социальной защитой, медицинским страхованием и стабильным заработком.

По результатам исследований было выявлено, что около 70% работников, заинтересованных данной формой деятельности, испытывают финансовую неопределенность в связи с отсутствием каких-либо трудовых гарантий (Hallem и др., 2021). Данная ситуация не соответствует Цели устойчивого развития (ЦУР) 8 - «Достойная работа и экономический рост», следовательно, возникает необходимость в разработках бизнес-моделей, учитывающих гибкость в деятельности и наличие социальной защиты.

Таким образом, можно сделать вывод, что стратегическими планами могут выступить разработки гибридных бизнес-моделей, основанных на интегрировании инвестиционно-инновационных технологий, социального равноправия, экологической сознательности (безопасности). В частности, цифровые платформы экономики совместного потребления на современном этапе развития общества имеют возможность реализации «зеленых технологий» (например, распространение использования в каршеринге электромобилей) или свободный доступ к получению финансовой или цифровой грамотности всем желающим, в том числе и маргинализированным группам населения. Со стороны государственной поддержки в данных решениях - гарантии финансового субсидирования, что укрепит и усилит вклад экономики совместного потребления в устойчивое развитие (UNEP, 2021). Нельзя забывать о локальных сообществах, которые должны полноценно участвовать в создании вышеперечисленных бизнес-моделей с целью реализации идей на фоне экономических, культурных особенностей для повышения устойчивости и доступности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате научного исследования можно сделать вывод, что анализ доминирующих подходов к экономике совместного потребления дает возможность наблюдать взаимодополняемость и потребность в интеграции с целью устранения (сокращения) ее недостатков.

Важно помнить, что многогранные (комплексные) возможности экономики совместного потребления позволяют наблюдать актуальную и своевременную необходимость ее рассмотрения с позиции целей устойчивого развития, представленных ООН в «Повестка дня до 2030 года» (Un.Org, 2025). Экономика совместного потребления в перспективе обладает возможностью приносить пользу и участвовать в достижениях целей - это ЦУР 8 - «Достойная работа и экономический рост» (при создании и соблюдении трудовых гарантий в деятельности на цифровых платформах); ЦУР 11 - «Устойчивые города и населенные пункты»; ЦУР 12 - «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства»; ЦУР 13 - «Борьба с изменением климата» (Un.Org, 2025).

Деятельности цифровых платформ ЭСП характеризуется снижением (сокращением) ресурсопотребления и отходов путем коллективного пользования и через продление жизненного цикла товара. В частности, каршеринг позволяет снизить выбросы углекислого газа в среднем до 20%, если 10 собственных заменить 1 общим автомобилем (соответствует требованиям ЦУР 13 - «Борьба с изменением климата») (Martin и др., 2016). Если рассматривать цифровые платформы обмена вещами, то можно наблюдать сокращение текстильных отходов, в том числе выбросов углерода (в пределах 10%) (соответствует требованиям ЦУР 12 - «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и

производства»; ЦУР 13 - «Борьба с изменением климата») (Schor и др., 2015).

Экономика совместного потребления дает возможность наблюдать и усиливать социальную инклюзивность (ЦУР 10 - «Сокращение неравенства внутри стран и между ними»), предлагая и обеспечивая доступ к товарам (услугам) всем желающим, независимо от уровня дохода.

Но нельзя забывать и об отрицательной стороне соответствия целям устойчивого развития с позиции ЭСП. Наиболее распространенная проблема - эффект отдачи - это когда доступность услуг дает возможность наблюдать рост потребления, пренебрегая экологическими проблемами. В частности, увеличение транспортных выбросов в атмосферу зависит от роста потребности в транспортных услугах (такси) (Hallem и др., 2021). Также ЭСП форсирует социальное неравенство, так как существует ограничение доступа к цифровым платформам из-за отсутствия соответствующих знаний (цифровая грамотность) или из-за слабой технологической инфраструктуры.

Важно акцентировать, что современная государственная политика проявляет небольшую значимость в устранении отрицательных сторон позиций вклада ЭСП в устойчивое развитие. Наиболее приемлимыми решениями могут выступить налоговые льготы, субсидии и регуляторные стандарты, что позволит поддержать и обеспечить распространение и реализацию устойчивых моделей экономики совместного потребления. Данная позиция в полном объеме соответствует ЦУР 11 - «Устойчивые города и населенные пункты» (UNEP, 2021).

Таким образом, стратегические возможности развития экономики совместного потребления должны базироваться на консолидации «зеленых» технологий, социальной ответственности и экологическом потенциале, что позволит в итоге повысить ее инклюзивность и устойчивость. Локализация ЭСП (локальные цифровые платформы) в свою очередь предоставят адаптацию к местным культурным и экономическим особенностям для усиления ее социального и экологического воздействия.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что экономика совместного потребления представляет собой эффективное средство и действенный механизм для устойчивого развития, создавая возможность сокращения ресурсопотребления, усиление социального равноправия и соблюдение экологической ответственности.

Теоретические подходы (социально-технический, практический, циркулярный), характеризующие экономику совместного потребления, детализируют ее технологические, социальные и экологические компоненты, но для создания целостной бизнес-модели необходима их интеграция.

Наиболее значимые результаты ЭСП - снижение выбросов и продление жизненного цикла товаров, не перекрывают ее отрицательный исход - эффект отдачи, коммерциализация, цифровое неравенство.

Для стратегического перспективного роста ЭСП важна реальная государственная поддержка, преобладание «зеленых» технологий, локализация цифровых платформ, что и будет в целом способствовать усилению ее устойчивого потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Acquier, A., Daudigeos, T., & Pinkse, J. (2017). Promises and paradoxes of the sharing economy: An organizing framework. *Technological Forecasting and Social Change*, 125, 1-10. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.03.036>
- Belk, R. (2014). You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online. *Journal of Business Research*, 67(8), 1595-1600. <https://sci-hub.mk/10.1016/j.jbusres.2013.10.001>
- Bolger, K., & Doyon, A. (2019). Circular cities: Exploring local government strategies to facilitate a circular economy. *European Planning Studies*, 27(11), 2184-2205. <https://doi.org/10.1080/09654313.2019.1642854>
- Botsman, R., & Rogers, R. (2010). *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*.

- New York: Harper Business. <https://archive.org/details/whatsmineisyours0000bots>
- Camacho-Otero, J., Boks, C., & Pettersen, I. N. (2018). *Consumption in the circular economy: A literature review*. *Sustainability*, 10(8), 2758. <https://doi.org/10.3390/su10082758>
- Cheng, S., Fu, S., & de Vreede, G. (2021). *Sharing economy: A technology affordance perspective*. *Information Systems Frontiers*, 23, 341-354. <https://doi.org/10.1007/s10796-019-09917-1>
- Česnuitytė, V., Klimczuk, A., Miguel, C., & Avram, G. (2022). *The Sharing Economy in Europe: Developments, Practices, and Contradictions*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-86897-0>
- Cohen, M. J., Brown, H. S., & Vergragt, P. J. (2018). Innovative perspectives on systems of sustainable consumption and production. *Sustainability Science*, 13(5), 1323-1336. <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0585-0>
- Eckhardt, G. M., Houston, M. B., Jiang, B., Lamberton, C., Rindfleisch, A., & Zervas, G. (2019). Marketing in the sharing economy. *Journal of Marketing*, 83(5), 5-27. <https://bakerretail.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2020/10/Lamberton-Marketing-in-the-sharing-economy.pdf>
- Gupta, R., Mejia, C., & Kajikawa, Y. (2019). Business, innovation and digital ecosystems landscape survey and knowledge cross sharing. *Technological Forecasting and Social Change*, 147, 100-109. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.07.004>
- Hallam, Y., et al. (2021). A trust model for collaborative redistribution platforms. *Technological Forecasting and Social Change*, 170, 120943. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120943>
- Hamari, J., Sjöklint, M., & Ukkonen, A. (2016). The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 67(9), 2047-2059. <https://doi.org/10.1002/asi.23552>
- Kuah, A. T., & Wang, P. (2020). Circular economy and consumer acceptance: An exploratory study in East and Southeast Asia. *Journal of Cleaner Production*, 247, 119097. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119097>
- Kupriyanovsky, V., Namiot, D., & Sinyagov, S. (2016). Demystifying the digital economy. *International Journal of Open Information Technologies*, 4(11), 59-63. <https://injoit.org/index.php/ji/article/view/345/308>
- Lin, T. S. (2020). Conceptualizing a sharing economy service through an information design approach. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 965, 329-335. https://doi.org/10.1007/978-3-030-20454-9_34
- Marvin, S., Bulkeley, H., Mai, L., McCormick, K., & Voytenko Palgan, Y. (Eds.). (2018). *Urban Living Labs: Experimenting with City Futures*. London: Routledge, 278 p. <https://doi.org/10.4324/9781315230641>
- Martin, C. J. (2016). The sharing economy: A pathway to sustainability or a nightmarish form of neoliberal capitalism? *Ecological Economics*, 121, 149-159. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2015.11.027>
- Martin, E., & Shaheen, S. (2016). *Impacts of car2go on vehicle ownership, modal shift, vehicle miles traveled, and greenhouse gas emissions: An analysis of five North American cities*. Transportation Sustainability Research Center, University of California, Berkeley. <https://escholarship.org/uc/item/3mc5m6pn>
- Mont, O., & Curtis, S. (2020). *Sharing economy business models for sustainability*. *Journal of Cleaner Production*, 266, 121519. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.121519>
- Mont, O., & Curtis, S. K. (2020). Who should own the digital sharing economy? Ownership models for sustainability. *Ecological Economics*, 169, 106569. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106569>
- Nielsen. (2013). *Global trust in advertising and brand messages*. Nielsen. <https://www.nielsen.com/insights/2013/global-trust-in-advertising-and-brand-messages/>
- Pais, I., & Provasi, G. (2015). Sharing economy: A step towards the re-embeddedness of the economy? *Stato e Mercato*, 105(3), 347-377. <https://www.jstor.org/stable/24651090>
- Piscicelli, L., Cooper, T., & Fisher, T. (2015). *The role of values in collaborative consumption*:

- Insights from a product-service system for lending and borrowing in the UK. Journal of Cleaner Production*, 97, 21-29. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.07.032>
- Røpke, I. (2009). *Theories of practice - New inspiration for ecological economic studies on consumption. Ecological Economics*, 68(10), 2490-2497. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2009.05.015>
- Scholz, T. (2016). Platform cooperativism: Challenging the corporate sharing economy. *New York: Rosa Luxemburg Stiftung*. https://rosalux.nyc/wp-content/uploads/2020/11/RLS-NYC_platformcoop.pdf
- Schor, J. B. (2020). *After the gig: How the sharing economy got hijacked and how to win it back. Berkeley: University of California Press*. <https://books.google.com/books?id=5WDiDwAAQBAJ>
- Schor, J. B., & Fitzmaurice, C. (2015). *Collaborating and Connecting: The Emergence of the Sharing Economy*. B: L. A. Reisch & J. Thøgersen (Eds.), *Handbook of Research on Sustainable Consumption* (pp. 410-425). Edward Elgar Publishing. <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/handbook-of-research-on-sustainable-consumption-9781783471263.html>
- Srnicek, N. (2017). *Platform capitalism*. Polity Press. <https://www.wiley.com/en-us/shop/general-philosophy/platform-capitalism-p-9781509504862>
- Travkina, E. V., Zubenko, V. V., Terekhova, T. B., & Zubenko, A. V. (2019). *Sharing economy and transformation of network information technologies. International Journal of Engineering and Advanced Technology*, 8(6), 5180-5185. <https://doi.org/10.35940/ijeat.F9316.088619>
- UNEP. (2021). *Sustainable consumption and production policies. New York: United Nations Environment Programme*. <https://www.unep.org/explore-topics/resource-efficiency/what-we-do/sustainable-consumption-and-production-policies>
- United Nations. (n.d.). *About the Sustainable Development Agenda*. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>
- Авдокушин, Е. Ф., Платонова, Е. Д., & Кузнецова, Е. Г. (2023). *Новая модель современного бизнеса: Экономика совместного потребления и использования. ИНФРА-М*. <https://znanium.ru/catalog/document?id=478937> // Avdokushin, E. F., Platonova, E. D., & Kuznecova, E. G. (2023). *Novaja model' sovremennogo biznesa: Jekonomika sovmestnogo potreblenija i ispol'zovanija. INFRA-M*. <https://znanium.ru/catalog/document?id=478937>
- Амирова, Э. Ф., Сахбиева, А. И., Калякина, И. М., & Гаврильева, Н. К. (2021). *Экономика совместного потребления: цифровой формат. Альманах «Крым», (23), 31-37*. <https://etnosocium.ru/almanakh-krym-%E2%84%9623-2021> // Amirova, Je. F., Sahbieva, A. I., Kaljakina, I. M., & Gavril'eva, N. K. (2021). *Jekonomika sovmestnogo potreblenija: cifrovoj format. Al'manah «Krym», (23), 31-37*. <https://etnosocium.ru/almanakh-krym-%E2%84%9623-2021>
- Батырева, М. В., & Агафонова, Д. Ю. (2022). *Экономика совместного потребления как социально-экономическая модель. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 8(2), 81-105. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-2-81-105> // Batyreva, M. V., & Agafonova, D. Ju. (2022). *Jekonomika sovmestnogo potreblenija kak social'no-jekonomicheskaja model'. Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovanija*, 8(2), 81-105. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-2-81-105> //
- Бекмурзаев, И. Д., & Хажмурадова, С. Д. (2019). *Шеринговая экономика как перспективная модель развития общества. FGU Science*, (3), 34-39. URL: <https://open-resource.ru/journals/2-rus/81625-fgu-science/> // Bekmurzaev, I. D., & Hazhmuradova, S. D. (2019). *Sheringovaja jekonomika kak perspektivnaja model' razvitija obshhestva. FGU Science*, (3), 34-39. URL: <https://open-resource.ru/journals/2-rus/81625-fgu-science/>
- Вахтина, М. А. (2018). *Является ли доверие признаком института? Journal of Economic Regulation*, 9(3), 22-36. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.3.022-036> // Vahtina, M. A. (2018). *Javljaetsja li doverie priznakom instituta? Journal of Economic Regulation*, 9(3), 22-36. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.3.022-036>
- Герг, Г. (2018). *Экономика совместного потребления и ее влияние на устойчивый городской*

- туризм. *Tourism Management Perspectives*, 27, 77–85. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2018.06.003> // Gjojog, G. (2018). Jekonomika sovmestnogo potreblenija i ejo vlijanie na ustojchivij gorodskoj turizm. *Tourism Management Perspectives*, 27, 77–85. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2018.06.003>
- Дойлин, Ю. В., Грошев, И. М., & Тарут'ко, К. И. (2023). Подготовка инженерных кадров и научных специалистов высшей квалификации. *Компетентность*, (2), 4–11. <https://doi.org/10.24412/1993-8780-2023-2-04-11> // Dojlin, Ju. V., Groshev, I. M., & Tarut'ko, K. I. (2023). Podgotovka inzhenernyh kadrov i nauchnyh specialistov vysshej kvalifikacii. *Kompetentnost'*, (2), 4–11. <https://doi.org/10.24412/1993-8780-2023-2-04-11>
- Плотников, В. А., & Анисимова, Я. А. (2023). Экономика совместного потребления: понятие, особенности, перспективы развития. *Управленческое консультирование*, (1), 42–51. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-1-42-51> // Plotnikov, V. A., & Anisimova, Ja. A. (2023). Jekonomika sovmestnogo potreblenija: ponjatie, osobennosti, perspektivy razvitija. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (1), 42–51. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-1-42-51>
- Харламов, А. В., & Осипов, К. А. (2022). Использование цифровых возможностей для работы с информацией в современном риск-менеджменте. *Экономика и управление*, 28(9), 871–877. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-9-871-877> // Harlamov, A. V., & Osipov, K. A. (2022). Ispol'zovanie cifrovyh vozmozhnostej dlja raboty s informaciej v sovremenном risk-menedzhmente. *Jekonomika i upravlenie*, 28(9), 871–877. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-9-871-877>

Сведения об авторах

- Варавин Евгений Владимирович** - кандидат экономических наук, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: evaravin@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7257-9213>
- Козлова Марина Васильевна** - кандидат экономических наук, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: mkozlova@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3381-4997>
- Сорокина Людмила Ивановна** - кандидат экономических наук, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: LSorokina@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5332-8507>
- Суйеубаева Салтанат Нурболсыновна** - кандидат экономических наук, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: ssuieubaeva@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0290-6290>

Авторлар туралы мәліметтер

- Варавин Евгений Владимирович** - экономика ғылымдарының кандидаты, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: evaravin@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7257-9213>
- Козлова Марина Васильевна** - экономика ғылымдарының кандидаты, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: mkozlova@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3381-4997>
- Сорокина Людмила Ивановна** - экономика ғылымдарының кандидаты, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: LSorokina@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5332-8507>
- Суйеубаева Салтанат Нурболсыновна** - экономика ғылымдарының кандидаты, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: ssuieubaeva@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0290-6290>

Information about the authors

Evgeny Vladimirovich Varavin - candidate of economic sciences, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: evaravin@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7257-9213>

Marina Vasilievna Kozlova - candidate of economic sciences, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: mkozlova@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3381-4997>

Lyudmila Ivanovna Sorokina - candidate of economic sciences, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: LSorokina@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5332-8507>

Saltanat Nurbolsynovna Suieubayeva - candidate of economic sciences, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: ssuieubaeva@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0290-6290>

ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_5

MPHTI 06.54.13

JEL: A10, B22, E62

Сидоренко Т.В. *

Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Развитие предпринимательства в Республике Казахстан через призму налоговых реформ

АННОТАЦИЯ. Статья рассматривает развитие предпринимательства в Республике Казахстан через призму налоговых реформ, освещая основные ключевые этапы становления, трансформации, совершенствования и институционализации предпринимательской среды в условиях перехода к рыночной экономике. Особое внимание уделено изменению нормативно-правовой базы, начиная с первых законодательных актов 1990-х годов, которые обеспечили законодательную основу для легализации частной собственности, формирования конкурентной среды и поддержки частного предпринимательства, до принятия Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, ставшего важным этапом в систематизации и совершенствовании законодательства в сфере бизнеса и государственного регулирования предпринимательской деятельности.

В статье также подробно рассмотрены основные этапы модернизации налоговой системы и налогообложения, включая реформирование и совершенствование налоговой системы, сокращение количества налогов и обязательных платежей в бюджет, упрощение процедур налогового администрирования и повышение эффективности взаимодействия между государством и бизнесом. Значительное внимание уделено внедрению цифровых инструментов и современных технологий, таких как электронное правительство, электронная отчетность, онлайн-регистрация субъектов предпринимательства и механизмы налогового комплаенса и мониторинга, которые способствовали снижению административных барьеров, повышению прозрачности налоговой системы и оптимизации процессов ведения бизнеса.

Кроме того, в статье подчеркивается важность налоговых реформ для устойчивого развития малого и среднего бизнеса, как одного из ключевых факторов экономического роста страны. Отмечается, что совершенствование налоговой политики и создание благоприятного предпринимательского климата способствуют привлечению инвестиций, развитию конкуренции, повышению деловой активности населения и укреплению экономической стабильности государства. Автор делает вывод о том, что последовательная модернизация налоговой системы и развитие механизмов государственной поддержки предпринимательства являются важными условиями успешной адаптации экономики Казахстана к современным глобальным экономическим изменениям и вызовам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предпринимательство, налоги, налоговый комплаенс, бизнес, налоговая реформа.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сидоренко, Т.В. (2026). Развитие предпринимательства в Республике Казахстан через призму налоговых реформ. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 73-87. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_5

История статьи:

Получено: 12.05.2026

Принято: 02.06.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Сидоренко Татьяна Викторовна, e-mail: tatyanasidorenko@yandex.kz

Сидоренко Т.В. *

Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан

Қазақстан Республикасында кәсіпкерлікті салық реформаларының призмасы арқылы дамыту

АНДАТПА. Бұл мақалада салық реформалары тұрғысынан Қазақстан Республикасында кәсіпкерліктің дамуы қарастырылады, нарықтық экономикаға көшу кезінде кәсіпкерлік ортаның қалыптасуының, трансформациясының және институционализациясының негізгі кезеңдері атап өтіледі. 1990 жылдардағы алғашқы заңнамалық актілерден бастап, жеке меншікті заңдастырудың, бәсекелестік ортаны қалыптастырудың және жеке кәсіпкерлікті қолдаудың негізін қалаған нормативтік базадағы өзгерістерге ерекше назар аударылады, бұл бизнес заңнамасын жүйелеу мен жетілдіруде және кәсіпкерлік қызметті мемлекеттік реттеуде маңызды кезеңді белгіледі.

Мақалада салық жүйесін реформалауды, салықтар мен міндетті төлемдер санын азайтуды, салық әкімшілігі рәсімдерін жеңілдетуді және үкімет пен бизнес арасындағы өзара әрекеттесудің тиімділігін арттыруды қоса алғанда, салықты жаңғыртудың негізгі кезеңдері егжей-тегжейлі қарастырылады. Электрондық үкімет, электрондық есептілік, кәсіпкерлік субъектілерін онлайн тіркеу және салықтық тәртіпті сақтау механизмдері сияқты цифрлық құралдар мен заманауи технологияларды енгізуге айтарлықтай көңіл бөлінеді, бұл әкімшілік кедергілерді азайтуға, салық жүйесінің ашықтығын арттыруға және бизнес-процестерді оңтайландыруға ықпал етті. Сонымен қатар, мақалада елдің экономикалық өсуінің негізгі факторы ретінде шағын және орта бизнестің тұрақты дамуы үшін салық реформаларының маңыздылығы атап өтіледі. Салық саясатын жетілдіру және қолайлы бизнес ахуалын жасау инвестицияларды тартуға, бәсекелестікті дамытуға, іскерлік белсенділікті арттыруға және елдің экономикалық тұрақтылығын нығайтуға ықпал ететіні атап өтілген. Авторлар салық жүйесін үнемі жаңғырту және кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдау тетіктерін дамыту Қазақстан экономикасының қазіргі заманғы жаһандық экономикалық өзгерістер мен қиындықтарға сәтті бейімделуі үшін өте маңызды деген қорытындыға келеді.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: кәсіпкерлік, салықтар, салықтық сәйкестік, бизнес, салық реформасы.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуге демеушілік қолдау көрсетілмеді (жеке ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Сидоренко, Т.В. (2026). Қазақстан Республикасында кәсіпкерлікті салық реформаларының призмасы арқылы дамыту. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 73-87. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_5

* Хат-хабаршы авторы: Сидоренко Татьяна Викторовна, e-mail: tatyanasidorenko@yandex.kz

Tatyana V. Sidorenko *

D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan through the prism of tax reforms

ABSTRACT. This article examines the development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan through the lens of tax reforms, highlighting key stages in the formation, transformation, and institutionalization of the entrepreneurial environment during the transition to a market economy. Particular attention is paid to changes in the regulatory framework, beginning with the first legislative acts of the 1990s, which provided the foundation for the legalization of private property, the formation of a competitive environment, and support for private entrepreneurship, and ending with the adoption of the Entrepreneurship Code of the Republic of Kazakhstan, which marked an important stage in the systematization and improvement of business legislation and state regulation of entrepreneurial activity.

The article also examines in detail the main stages of tax modernization, including reforming the tax system, reducing the number of taxes and mandatory payments, simplifying tax administration procedures, and improving the efficiency of interactions between the government and business. Considerable attention is paid to the introduction of digital tools and modern technologies, such as e-government, electronic reporting, online registration of business entities, and tax compliance mechanisms, which have contributed to the reduction of administrative barriers, increased transparency of the tax system, and the optimization of business processes. Furthermore, the article emphasizes the importance of tax reforms for the sustainable development of small and medium-sized businesses as a key factor in the country's economic growth. It is noted that improving tax policy and creating a favorable business climate contribute to attracting investment, promoting competition, increasing business activity, and strengthening the country's economic stability. The authors conclude that consistent modernization of the tax system and the development of state support mechanisms for entrepreneurship are essential for the successful adaptation of Kazakhstan's economy to contemporary global economic changes and challenges.

KEYWORDS: entrepreneurship, taxes, tax compliance, business, tax reform

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Sidorenko, T.V. (2026). Development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan through the prism of tax reforms. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 73-87. <https://doi.org/10.51885/3107-2755> SSADH 2026 2 5

* Corresponding author: Sidorenko Tatyana Victorovna, e-mail: tatyanasidorenko@yandex.kz

ВВЕДЕНИЕ

Предпринимательство выступает одним из центральных социально-экономических институтов, оказывающим существенное влияние на обеспечение устойчивого экономического роста и повышение качества жизни населения. В условиях глобального перехода от индустриальной экономики к информационному обществу его роль в процессах структурной и институциональной трансформации значительно усиливается. Развитие предпринимательства в Республике Казахстан прошло несколько последовательных этапов, каждый из которых сопровождался внедрением значимых правовых инициатив и отражал трансформацию социально-экономической структуры общества. Рассмотрение этих этапов через призму эволюции нормативно-правовой базы позволяет выявить закономерности формирования современной предпринимательской среды в стране.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Становление и развитие предпринимательства рассматривается в научной литературе как один из ключевых фактор экономического роста, формирования рабочих мест, формирования системы самозанятого населения и повышения конкурентоспособности национальной экономики. В частности, научные исследования достоверно показывают, что малый и средний бизнес выполняет важную социально-экономическую функцию, обеспечивая диверсификацию и многообразие сфер экономики. Современные аналитические и статистические материалы и обзоры, подготовленные Национальной палатой предпринимателей «Атамекен» за период с 2020 по 2025 годы, указывают на необходимость дальнейшего совершенствования налоговой системы, налогового законодательства для повышения инвестиционной привлекательности Республики Казахстан, а также расширения доступности финансовых инструментов и упрощения администрирования для субъектов предпринимательства. Обзор научной литературы показывает, что налоговые реформы и совершенствование налогового законодательства являются основным инструментом воздействия на предпринимательскую деятельность в Казахстане. Вместе с тем, существует потребность в дальнейшем изучении влияния новых налоговых и налогово-правовых механизмов на различные сферы бизнеса, особенно на субъектов малого и среднего предпринимательства. Данное обстоятельство определяет актуальность настоящего исследования и формирует его теоретическую и практическую значимость.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использовались нормативно-правовые акты Республики Казахстан, включая Налоговый кодекс Республики Казахстан (редакция 2026 года) и законодательство о частном предпринимательстве, а также государственные программы поддержки малого и среднего бизнеса. Методологическую основу составляют системный и сравнительный подходы, анализ нормативных документов, экспертных оценок и действующих программ поддержки. Для анализа использовались теоретические методы (анализ, синтез, сравнительно-исторический метод), а также эмпирические подходы (контент-анализ, статистический и сравнительный анализ). Комплексное применение данных методов позволило систематизировать существующую нормативно-правовую и научную базу, выявить влияние налоговой политики на развитие предпринимательства и определить ключевые тенденции трансформации малого и среднего бизнеса в Казахстане.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предпринимательство на современном этапе представляет собой один из ключевых социально-экономических институтов, играющий важную роль в обеспечении устойчивого экономического роста и повышении уровня жизни населения. В условиях глобального перехода от индустриального к информационному обществу его значение в процессах трансформации значительно возрастает (Балашов, 2019).

Развитие предпринимательства в Республике Казахстан прошло несколько ключевых

этапов, каждый из которых сопровождался важными правовыми и законодательными инициативами и отражал изменения в социально-экономической структуре общества и государства. Рассмотрим этапы становления и развития предпринимательства в Республике Казахстан через призму эволюции нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу. В ходе исследования были выявлены особенности эволюции правового становления налоговой системы в Республике Казахстан, а также проблемы, присущи на современном этапе ее функционирования. Акцентируется, что формирование институциональной структуры налоговой системы государства неразрывно связано с выбором ориентиров налоговой политики и ее последующей реализацией (Рахметова и др., 2024).

1 этап. С принятием закона Республики Казахстан от 4 июля 1992 года «О защите и поддержке частного предпринимательства», в статье 1 было закреплено понятие частного предпринимательства. В тот период частное предпринимательство - это инициативная деятельность граждан и негосударственных юридических лиц, направленная на получение дохода, основанная на собственности самих граждан (индивидуальное предпринимательство) или негосударственных юридических лиц (частное предпринимательство юридических лиц) и осуществляемая от имени граждан или негосударственных юридических лиц за их риск и под их имущественную ответственность.

2 этап. Ключевыми нормативно-правовыми актами этого этапа стали: закон Республики Казахстан от 19 июня 1997 года № 131-І «О государственной поддержке малого предпринимательства», который впервые системно на законодательном уровне закрепил меры и формы государственной поддержки малого бизнеса, включая финансовые, информационные и организационные инструменты. Этот закон стал основной платформой для создания инфраструктуры развития малого предпринимательства в стране в данный период.

Закон Республики Казахстан от 19 июня 1997 года № 135-І «Об индивидуальном предпринимательстве», определивший правовой статус индивидуального предпринимателя, формы его деятельности, порядок регистрации и взаимодействия с государственными органами. Данный нормативно-правовой акт стал законодательной предпосылкой для легализации и развития индивидуального предпринимательства и бизнеса в Казахстане.

Таким образом, данными НПА, были официально закреплены понятия «субъекты малого предпринимательства» и «индивидуальное предпринимательство». Субъектами малого предпринимательства являлись физические лица без образования юридического лица и юридические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, со среднегодовой численностью работников не более 50 человек и общей стоимостью активов за год не выше шестидесяти тысяч месячного расчетного показателя.

Индивидуальное предпринимательство как вид частного предпринимательства было определено, как инициативная деятельность граждан, направленная на получение дохода, основанная на собственности самих граждан и осуществляемая от имени граждан за их риск и под их имущественную ответственность. Субъектами индивидуального предпринимательства могли быть только физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица и при отсутствии признаков юридического лица.

3 этап. На рубеже 2000-х годов в Казахстане началась активная фаза институционализации и быстрого роста количества субъектов предпринимательства. Государственная политика была нацелена в первую очередь на формирование устойчивой нормативно-правовой базы, поддержку малого и среднего бизнеса, а также устранение административных барьеров для создания и функционирования субъектов предпринимательства.

Ключевым событием этого этапа стало принятие закона Республики Казахстан от 31 января 2006 года № 124-ІІІ «О частном предпринимательстве», который:

- Систематизировал, уточнил и закрепил правовые нормы, регулирующие деятельность физических и юридических лиц в сфере частного предпринимательства;
- определил принципы свободы предпринимательской деятельности, государственные

гарантии в данной сфере, а также социальные, экономические и правовые условия, обеспечивающие ее реализацию;

- закрепил нормы недопустимости вмешательства государственных органов в частную предпринимательскую инициативу, зафиксировал принцип добросовестной конкуренции.

4 этап. Ключевым событием этого этапа стало вступление в действие Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V, который заменил ранее действующие все законы в этой сфере и стал основополагающим нормативно-правовым актом, регулирующим предпринимательскую деятельность в стране.

Цели и особенности действующего Предпринимательского кодекса Республики:

- унификация и систематизация законодательства в области предпринимательства — замена множества отдельных законов единым кодифицированным актом, обеспечивающим правовую целостность;

- определение принципов взаимодействия государства и бизнеса, включая: приоритет частной инициативы, обеспечение свободы конкуренции, недопустимость необоснованного вмешательства государственных органов в деятельность предпринимателей;

- законодательное закрепление прав и обязанностей субъектов предпринимательства, а также мер государственной поддержки, механизмов защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства, в том числе и внесудебные формы (арбитраж, медиация, партисипативная процедура);

- интеграция ключевых норм, регулирующих государственный контроль и надзор, лицензирование и уведомительный порядок начала деятельности, процедуры и порядка проведения проверок субъектов бизнеса, ответственность государственных органов за нарушение прав предпринимателей.

Некоторые зарубежные ученые отмечают и недостатки налогового законодательства во многих странах мира. По их мнению, Налоговый кодекс также предоставляет множество законных возможностей для уклонения от уплаты налогов. Налогоплательщики различаются по своей способности воспользоваться этими возможностями, что приводит к дальнейшему неравенству. Уклонение от уплаты налогов также может привести к тому, что налогоплательщики будут заниматься социально непродуктивной деятельностью (например, уклоняться от реализации доходов от прироста капитала, чтобы воспользоваться льготами) (Sarin и др., 2020).

Принятие Предпринимательского кодекса Республики Казахстан ознаменовало собой переход к более структурированной и предсказуемой системе правового регулирования предпринимательства. Это позволило усилить институциональное доверие между государством и бизнесом, а также заложить прочный фундамент для устойчивого функционирования частного сектора (Андабаева и др., 2025).

Параллельно с реформированием и совершенствованием правовой базы активно развивались цифровые инструменты и институты поддержки предпринимательства. Была внедрена платформа eGov, обеспечивающая доступ к государственным услугам в электронном формате; появились электронные лицензии и электронная цифровая подпись, что значительно упростило административные процедуры. Создание и регистрация субъектов предпринимательства стала возможна в онлайн-режиме всего за один день, что стало важным шагом к созданию благоприятной цифровой среды для предпринимателей.

Особое внимание уделялось развитию инновационной инфраструктуры: начали активно функционировать во всех регионах Казахстана бизнес-инкубаторы, технопарки, а также формироваться стартап-экосистема, особенно в сфере информационных технологий. Существенную роль в институциональном укреплении предпринимательского сектора и его поддержке стало создание в 2013 году Национальной палаты предпринимателей, которая участвует в разработке законодательства, представляет интересы бизнеса и способствует формированию прогнозируемого предпринимательского климата в стране.

Рассмотрим теперь подробнее этапы становления налоговой системы Казахстана через призму предпринимательства.

Этап 1 становления предпринимательства и первых налоговых реформ (1991–1995 гг.)

Период с момента провозглашения государственной независимости Республики Казахстан в 1991 году и до середины 1990-х годов ознаменовался начальным этапом формирования основ национальной рыночной экономики. В указанный временной промежуток происходила активная трансформация социально-экономических институтов, включая становление предпринимательской деятельности как одного из ключевых элементов новой современной необходимой экономической модели. Одновременно с этим осуществлялось построение налоговой системы, способной обеспечить устойчивое финансирование функций государства в современных условиях.

Ключевым моментом данного этапа стало принятие Закона Республики Казахстан от 24 апреля 1995 года № 2235 «О налогах и других обязательных платежах в бюджет», который положил начало формированию единой национальной системы налогообложения. Данный нормативно-правовой акт впервые закрепил базовые принципы налогообложения в Республике Казахстан, в том числе порядок исчисления и уплаты подоходного налога с юридических лиц, налога на добавленную стоимость, а также налога на доходы физических лиц. Эти положения стали основой для последующего построения налоговой политики, которая в первую очередь была ориентирована на обеспечение устойчивых поступлений в государственный бюджет и создание благоприятной условий для развития предпринимательской инициативы.

Необходимо отметить, что принятие данного нормативно-правового акта и внедрение новых видов налогов и других обязательных платежей в бюджет сыграли важную роль в легализации предпринимательской деятельности. Формирование налоговой базы, направленной на стимулирование частного сектора, являлось значимым и важным шагом в контексте становления рыночных отношений и формирования национального предпринимательского класса. Таким образом, в указанный период были заложены правовые и институциональные основы, позволившие предпринимательству занять важное место в экономической системе Республики Казахстан (Мукушев и др., 2024).

Налоговая система Республики Казахстан, хоть и на начальной стадии, начала обеспечивать базовые условия для начала предпринимательской деятельности. Для предпринимателей были установлены налоговые льготы, однако система все еще оставалась сложной и административно обремененной, что затрудняло развитие бизнеса в целом по стране.

Этап 2 институционализации предпринимательства и налоговых реформ (1996–2001 гг.)

Во второй половине 1990-х годов в Республике Казахстан наблюдалось активное развитие предпринимательства, сопровождаемое целенаправленной государственной политикой по формированию благоприятных условий для малого и среднего бизнеса. В условиях завершения первичной фазы основных рыночных преобразований и стабилизации макроэкономической ситуации усилия государства были сосредоточены на институциональном укреплении предпринимательской среды, в том числе через совершенствование налоговой системы и налогового законодательства.

Одним из ключевых шагов в этом направлении стало принятие в 1997 году Закона «О государственной поддержке малого предпринимательства», в котором были закреплены меры налогового стимулирования субъектов малого бизнеса. Данный нормативный акт сформировал основы государственной инфраструктуры поддержки предпринимательства и впервые системно определил подходы к его налоговому регулированию.

Также, в 1997 году был принят первый Налоговый кодекс Республики Казахстан, положивший начало кодифицированному регулированию налоговых правоотношений. Кодекс значительно упростил налогообложение для субъектов малого и индивидуального предпринимательства, систематизировав нормы по налогу на прибыль, налогу на добавленную стоимость (НДС), а также по налогу на имущество. Это способствовало созданию более прозрачной и предсказуемой фискальной среды для ведения бизнеса.

Продолжением курса на упрощение налогообложения стало внедрение в 2000 году

специального налогового режима для малых предприятий с ограниченным объемом оборота. Данный специальный режим предусматривал сокращенный перечень налогов, подлежащих уплате и предоставление упрощенной отчетности, что как показала практика, позволило предпринимателям легализовать свою деятельность, снизить административную нагрузку, предпринимательские риски и повысить устойчивость малого бизнеса (Даулиева и др., 2026).

Необходимо отметить, что указанный период можно охарактеризовать не только количественным ростом субъектов предпринимательства, но и расширением форм и видов предпринимательской инициативы. В Казахстане стали активно развиваться новые организационно-правовые формы юридических лиц, предусмотренные гражданским законодательством. Стали создаваться малые предприятия в сфере выполнения услуг, торговли и производства товаров. Более того, начали создаваться первые крупные частные компании, способные уже конкурировать на внутреннем и внешнем рынках.

Таким образом, 1996–2001 годы стали этапом институционального оформления и правового обеспечения предпринимательского сектора и становления налоговой системы как эффективного механизма поддержки бизнеса со стороны государства. Введение налоговых преференций и упрощенных режимов налогообложения способствовало росту экономической активности, диверсификации частного сектора и повышению доверия предпринимателей к государственным институтам.

Этап 3 налоговой модернизации и упрощения налогового администрирования (2002–2007 гг.)

На рубеже 2000-х годов Республика Казахстан вступила в период углубленной налоговой модернизации, ориентированной на формирование и совершенствования благоприятной фискальной среды для предпринимательства и инвестиционной активности. Главной целью государственной налоговой политики в этот период стало создание более предсказуемой, прозрачной и удобной системы налогообложения, способствующей активизации частной инициативы, снижению теневой экономики и улучшению общего бизнес-климата.

Ключевым событием на данном этапе стало принятие нового Кодекса Республики Казахстан от 12 июня 2001 года № 209-ІІ «О налогах и других обязательных платежах в бюджет», который стал результатом системного анализа предыдущей фискальной практики и международного опыта в данной области. Указанный нормативно-правовой акт не только консолидировал действующие налоговые нормы, но и ввел ряд нововведений, направленных на упрощение налогового администрирования. В частности, был внедрен единый социальный налог (ЕСН), заменивший собой несколько ранее действовавших налогов и платежей. Это позволило значительно упростить расчет и уплату обязательных социальных взносов, упростить бухгалтерский и налоговый учет и снизить нагрузку в области налогового администрирования у субъектов малого и среднего бизнеса.

Особое внимание в данном кодексе было уделено законодательному закреплению методов и форм налогового стимулирования субъектов малого и среднего предпринимательства. Были разработаны, законодательно закреплены и внедрены новые виды специальных налоговых режимов, включая патент и упрощенный налог на доходы, который могли применять индивидуальные предприниматели и субъекты малого бизнеса с ограниченным оборотом. Эти режимы значительно отличались снижением размера налоговой ставки, налоговой нагрузки, сокращенной налоговой отчетностью и упрощенными процедурами взаимодействия с налоговыми органами. Данное изменение в налоговом законодательстве стало привлекательным для представителей микробизнеса и вновь зарегистрированных хозяйствующих субъектов (Жумабеков и др., 2025).

В рамках реализации государственной стратегии по устранению административных барьеров были также приняты меры по оптимизации процедур регистрации субъектов предпринимательства, а также по усовершенствованию системы и форм налогового контроля. Были внедрены элементы риск-ориентированного подхода к проверкам, повышена прозрачность фискального администрирования, что способствовало снижению уровня давления на бизнес и укреплению доверия со стороны частного сектора к государственным

органам.

В дополнение к фискальным мерам, в рассматриваемый период был сделан акцент на поддержку инновационного и высокотехнологичного предпринимательства. Государством предоставлялись различные налоговые преференции и субсидии компаниям, осуществляющим деятельность в приоритетных отраслях экономики, таких как информационные технологии, телекоммуникации, а также наукоемкое производство. Эти меры были направлены на формирование инновационно-ориентированной экономики и диверсификацию предпринимательского сектора.

Таким образом, период с 2002 по 2009 годы стал этапом институционального укрепления налоговой системы Республики Казахстан в интересах предпринимательства. Принятые меры значительно упростили условия ведения бизнеса на современном этапе, активизировали развитие малого и среднего сектора, а также способствовали формированию предпосылок для перехода к инновационной модели экономического роста.

Этап 4 цифровизации и налоговой модернизации (2008–2017 гг.). На фоне глобальных экономических потрясений, в том числе финансового кризиса 2008 года, Республика Казахстан продолжила курс на последовательное реформирование налоговой системы. Приоритетным направлением налоговой политики в этот период стала цифровизация фискальных процессов, направленная на повышение эффективности администрирования, снижение коррупционных рисков и улучшение условий для ведения предпринимательской деятельности. Наряду с этим государство акцентировало внимание на создании условий, способствующих устойчивому развитию малого и среднего бизнеса в условиях турбулентной мировой экономики (Беляков, 2018)

Ключевым нормативно-правовым событием данного этапа стало принятие нового Кодекса Республики Казахстан от 10 декабря 2008 года № 99-IV «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)», вступившего в действие с 1 января 2009 года. Данный документ не только продолжил ранее начатую линию на упрощение налогообложения, но и ввел значительное количество новаций, направленных на повышение прозрачности налоговых процедур, минимизацию административного давления на бизнес и оптимизацию механизмов фискального контроля. Данный кодекс также закрепил положения, обеспечивающие упрощенный налоговый режим для субъектов малого предпринимательства и продолжение практики предоставления налоговых преференций.

В статье Б. Аймурзиной, А. Асильевой и Р. Берстембаевой (2015) рассматриваются проблемы, характеризующие налоговую политику Казахстана как недостаточно эффективную, а также выявляются основные проблемы функционирования налоговой системы страны. Для разработки концептуальных основ управления финансовыми отношениями в фискальной политике анализируется состояние и динамика доходов бюджета и налоговых поступлений. В статье также представлены данные для решения указанных проблем и предложен ряд мероприятий, направленных на совершенствование налогового администрирования и фискальной политики.

Этап 5 трансформации и устойчивого роста предпринимательства (с 2017 года по 2026 год)

С начала 2017 года Республика Казахстан вошла в новую фазу налоговой модернизации, характеризующуюся акцентом на внедрение инновационных подходов к налогообложению, расширением цифровых решений в сфере налогового администрирования и усилением фискальных стимулов для предпринимательства. Эти преобразования происходят на фоне усиления глобальной конкуренции, цифровизации мировой экономики и необходимости создания устойчивых механизмов поддержки национального бизнеса (Закирова и др., 2026).

В рамках дальнейшей трансформации налогового регулирования был принят Налоговый кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года, который вступил в силу с 1 января 2018 года. Новый кодекс продолжил курс на упрощение налогового администрирования для субъектов малого и среднего бизнеса, одновременно усилив элементы прозрачности, предсказуемости и цифровизации налоговой системы. Он включил обновленные механизмы

расчета налогов, усовершенствованные процедуры взаимодействия налогоплательщиков с органами государственных доходов, а также инструменты оценки налоговых рисков.

Несмотря на достигнутые значительные изменения, проблема реформирования налоговой системы остается актуальной и обоснованной. В международной практике укрепление доходной базы государства, как правило, обеспечивается за счет проведения налоговых реформ – как комплексных, так и частичных. Эти преобразования включают в себя оптимизацию структуры налогообложения посредством регулирования количества и ставок налогов, трансформации налоговой базы, пересмотра соотношения различных видов налогов, а также применения прогрессивных или пропорциональных принципов налогообложения. Повышение фискальной эффективности налоговых поступлений в российской системе налогообложения требует институционально-правового совершенствования, что должно сопровождаться мерами по расширению налоговой базы и укреплению налоговой дисциплины (Gersonskaya, 2020).

Особое внимание в данном этапе было уделено развитию цифровой инфраструктуры налогообложения. Были внедрены:

- электронные налоговые декларации с возможностью дистанционной подачи документов;
- система онлайн-чеков, обеспечивающая прозрачность операций в розничной торговле и сфере услуг;
- автоматизация налогового контроля с применением систем анализа больших данных и механизмов риск-ориентированного управления (Селюков, 2024).

В статьях А. Жамиевой, г. Насыровой, Д. Мажитовой и М. Марамыгина (2021) рассматривается динамика и структура налоговых отчислений с точки зрения традиционного подхода к налоговому регулированию. Отсутствие четкого структурирования элементов налоговых поступлений в дальнейшем станет серьезным препятствием для адекватной оценки влияния налоговой политики на различные аспекты социально-экономического развития страны. Государственная налоговая политика должна быть направлена на выравнивание бюджета, повышение качества его исполнения, соблюдение сроков бюджетного процесса и поддержку социально-экономического роста от его последствий.

В целях формирования инклюзивной предпринимательской среды и стимулирования экономической активности в социально значимых сегментах были также введены налоговые льготы для женщин-предпринимателей, стартапов и инновационных предприятий, особенно в области информационных технологий, цифровых платформ и интеллектуальных разработок. Подобные меры соответствуют современным международным трендам и Стратегии «Казахстан – 2050», направленной на формирование конкурентоспособной и диверсифицированной экономики.

Кроме того, в рассматриваемый период началась активная реализация концепции налогового комплаенса, предусматривающей добровольное и добросовестное выполнение налоговых обязательств предпринимателями при минимальном вмешательстве со стороны государства. Это способствовало выстраиванию нового уровня доверия между бизнесом и налоговыми органами, а также укреплению институционального качества налоговой системы.

Современный этап. С 1 января 2026 года в Республике Казахстан введен в действие новый Налоговый кодекс, представляющий собой одно из наиболее значительных преобразований в системе налогового регулирования за последние десятилетия.

Новый Налоговый кодекс должен решить вопрос упрощения специального налогового режима с целью сокращения уклонения налогоплательщиков от уплаты налогов, предотвращения преднамеренного расформирования организаций с целью снижения налогового бремени, а также подчеркнуть необходимость расширения сферы применения розничного налога с разумной налоговой ставкой и упрощением процедур развития торговли в соответствии с современными требованиями (Керимбек, 2024).

Современная налоговая политика выступает одним из ключевых инструментов государственного регулирования экономики и оказывает непосредственное влияние на

развитие предпринимательской деятельности. В условиях трансформации экономической системы Республики Казахстан особую актуальность приобретает анализ нового Налогового кодекса, направленного на повышение эффективности налогового администрирования, увеличение бюджетных поступлений и сокращение теневого сектора экономики. Вместе с тем изменения налогового законодательства в первую очередь затрагивают интересы субъектов малого, среднего и крупного бизнеса, определяя не только уровень налоговой нагрузки, но и условия их дальнейшего устойчивого развития и функционирования, а также конкурентоспособности.

Развитие предпринимательства в современных экономических условиях характеризуется устойчивой положительной динамикой и переходом на качественно новый уровень функционирования и развития. Государственная политика Республики Казахстан в области предпринимательства на современном этапе ориентирована на создание благоприятных условий для поддержки и стимулирования предпринимательской инициативы и деятельности. Одним из методов является совершенствование нормативно-правовой базы в области регулирования предпринимательства и налогообложения, а также совершенствование механизмов государственной поддержки бизнеса.

Вместе с тем в правоприменительной практике возникают ситуации, при которых выбор способа защиты нарушенных прав и интересов субъекта предпринимательства ограничен действующими процессуальными способами и механизмами. Анализ судебной практики свидетельствует о наличии значительного количества дел, разрешенных в пользу предпринимателей, что подтверждает эффективность судебной защиты в сфере предпринимательской деятельности.

В этой связи подчеркивается необходимость повышения уровня правовой активности субъектов предпринимательства и формирования у предпринимателей устойчивого понимания важности использования предусмотренных законодательством механизмов защиты своих прав и законных интересов (Aitzhanova, 2021).

В современных условиях развития национальной экономики налоговая политика государства рассматривается как один из наиболее значимых механизмов регулирования социально-экономических процессов. Эффективная система налогообложения оказывает непосредственное влияние на формирование благоприятной предпринимательской среды, стимулирование инвестиционной активности, обеспечение устойчивости государственного бюджета и развитие рыночных отношений. В связи с этим совершенствование налогового законодательства является важным направлением государственной экономической политики Республики Казахстан.

На современном этапе развития казахстанской экономики особую актуальность приобретает реформирование налоговой системы, обусловленное необходимостью адаптации к новым экономическим условиям, повышением уровня глобальной конкуренции, а также потребностью в обеспечении устойчивого экономического роста. Существенное значение в данном процессе имеет принятие нового Налогового кодекса Республики Казахстан от 18 июля 2025 года, вступившего в действие с 1 января 2026 года. Кодекс устанавливает основополагающие принципы налогообложения, регулирует властные отношения по установлению, введению, изменению, отмене, порядку исчисления и уплаты налогов и других обязательных платежей в бюджет, а также общественные отношения, связанные с исполнением налогового обязательства.

Одной из основных задач действующего налогового законодательства выступает обеспечение полноты и своевременности поступления налогов и других обязательных платежей в государственный бюджет. В условиях роста государственных расходов и необходимости финансирования многих социальных программ государство заинтересовано в расширении налоговой базы и объектов, подлежащих налогообложению. В этой связи действующий Налоговый кодекс предусматривает внедрение новых современных цифровых инструментов государственного контроля, совершенствование процедур учета налогоплательщиков, объектов подлежащих налогообложению и усиление мониторинга

финансовых и хозяйственных операций субъектов предпринимательства.

Важным направлением действующей налоговой реформы является упрощение процедур налогового администрирования и цифровизации системы взаимодействия между налогоплательщиками и государством. Использование электронных сервисов, цифровизация налоговой отчетности и внедрение онлайн-контроля со стороны государственных органов позволяют повысить не только прозрачность осуществления предпринимательской деятельности, но и сократить количество нарушений в сфере налогового законодательства. Одновременно данные меры, несомненно, способствуют снижению коррупционных и предпринимательских рисков, а также повышению эффективности государственного регулирования предпринимательской деятельности и государственного контроля.

Однако наряду с предполагаемыми положительными тенденциями современная налоговая реформа может сопровождаться определенными трудностями для ведения бизнеса в Республике Казахстан. Усиление роли налогового контроля и совершенствование его форм, повышение отдельных налоговых ставок и расширение круга налогоплательщиков, объектов подлежащих налогообложению способны привести к увеличению финансовой и налоговой нагрузки на субъектов предпринимательства. В результате возрастает необходимость адаптации бизнеса к новым требованиям налогового законодательства и условиям осуществления предпринимательской деятельности, совершенствования системы финансового планирования и оптимизации части расходов.

Таким образом, принятие Налогового кодекса Республики Казахстан и вступление его в действие с 1 января 2026 года представляет собой важный этап реформирования и совершенствования налоговой системы. Данный нормативно-правовой акт направлен на обеспечение прозрачности национальной экономики, повышение эффективности налогового администрирования и укрепление доходной части государственного бюджета. Вместе с тем реализация положений нового налогового законодательства оказывает большое влияние и на дальнейшее развитие предпринимательства в Казахстане. Действующее налоговое законодательство формирует как дополнительные возможности для осуществления предпринимательской деятельности, так и определенные риски для субъектов бизнеса. В связи с этим детальный анализ влияния норм Налогового кодекса на предпринимательскую деятельность приобретает особую научную и практическую значимость на современном этапе.

Таким образом, в совокупности, все налоговые реформы последнего периода сегодня обеспечили расширение форм и сфер предпринимательства, а также рост количества субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере выполнения работ, оказания услуг, производства и реализации товаров, а также улучшение условий для инновационной и высокотехнологичной деятельности. Переход к цифровой модели взаимодействия государства и предпринимателями в современных условиях стал важным шагом к построению современной, устойчивой и прозрачной системы налогообложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование на тему развитие предпринимательства в Республике Казахстан через призму налоговых реформ позволило сделать вывод, что развитие предпринимательства в Казахстане прошло путь от частичного регулирования к построению единой, экономико-правовой системы, основанной на принципах свободы предпринимательской инициативы, правового обеспечения, а также партнерства между бизнесом и государством. Это создало условия для формирования современной предпринимательской экосистемы, способной адаптироваться к вызовам цифровой экономики и глобальной конкуренции.

Развитие предпринимательства в Республике Казахстан выступает важнейшим драйвером трансформации национальной экономики в постсоветский период. За последние три десятилетия предпринимательский сектор последовательно формировался как неотъемлемый компонент социально-экономической системы, способствуя не только увеличению валового внутреннего продукта, но и обеспечивая рост занятости, расширение

конкурентной среды, ускорение технологических преобразований и укрепление институциональных основ. Эволюция предпринимательской деятельности в Казахстане оказалась тесно связана с этапами макроэкономических реформ, структурной перестройкой хозяйственной системы и стратегическим ориентиром на интеграцию в глобальную экономику.

На начальном этапе становления рыночных отношений в 1990-х годах государственная политика Республики Казахстан в сфере предпринимательства в основном была сосредоточена на создании законодательной базы, принятия необходимых нормативно-правовых актов для легализации предпринимательства и признания частной предпринимательской инициативы. Законодательное закрепление норм, регулирующих предпринимательскую деятельность того периода в основном были нацелены на формирование основ рыночного регулирования и стимулирование легализации бизнеса из неформального сектора. Вместе с тем, развитие предпринимательства происходило в условиях экономической и правовой неопределенности, слабой налоговой политики и системы налогообложения.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов в Казахстане начался процесс структурирования предпринимательской среды, который выразился в создании экономико-правовых механизмов поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, а также в реформировании налоговой политики и системы налогообложения. Принятие первых кодификационных нормативно-правовых актов в области налогообложения с целью существенной переработки, изменения и обновления правовых норм и введение специальных налоговых режимов для субъектов бизнеса способствовали снижению налоговой нагрузки и были нацелены на расширение данного сектора экономики. Данные меры создали реальные предпосылки для устойчивого роста предпринимательской и инвестиционной активности, повышения уровня занятости населения и роста налоговых поступлений в государственный бюджет.

С начала 2000-х годов Республика Казахстан вступил в период концептуальной трансформации предпринимательской системы в целом. Значительное внимание уделялось правовому обеспечению и упрощению фискального регулирования, повышению предпринимательских инициатив, уменьшению рисков в сфере бизнеса, а также экономико-правовому обеспечению равных условий конкуренции.

Принцип невмешательства государства в частную инициативу, а также закрепление юридических гарантий предпринимательской свободы на законодательном уровне, способствовали укреплению доверия предпринимателей к государственным структурам и снижению рисков. Принятие ряда нормативно-правовых актов обеспечили комплексное правовое регулирование бизнеса на всех этапах и сферах его функционирования.

В последние годы ориентир государственной политики в сфере предпринимательства сместился в сторону развития цифровых технологий в сфере предпринимательской и налоговой инфраструктуры. Развитие и совершенствование электронного правительства в целом в Казахстане, правовое закрепление онлайн-регистрации бизнеса, внедрение налогового администрирования и цифровизация контрольных функций налоговых органов привели к значительному снижению административных издержек и повышению прозрачности в сфере государственного регулирования и государственного контроля. Данные изменения стали существенными условиями формирования современной цифровой экономики и стимулирования предпринимательства в Республике Казахстан.

Таким образом, предпринимательская деятельность в Республике Казахстан за весь период прошла цикл качественной трансформации от случайной инициативы предпринимателей к четко регулируемой деятельности в рамках правового обеспечения и цифрово-управляемому сегменту национальной экономики Казахстана. Развитие предпринимательства стало существенной составляющей и неотъемлемой частью стратегической модели устойчивого роста, ориентированной на многообразие видов предпринимательства, инновации и конкурентоспособность в сфере международных экономических отношений. Структурированная законодательно-закрепленная

государственная поддержка предпринимательства, совершенствование налогообложения и налоговой системы Республики Казахстан, а также внедрение цифровизации обеспечили активное вовлечение предпринимательского потенциала в процессы социально-экономического развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aitzhanova D. N., Aidashev M. S., & Esbergen R. A. (2021). Правовой механизм защиты прав и интересов предпринимателей. *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*, 100(4), 38–43. <https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v100.i4.06>
- Gersonskaya I. (2020). Role and significance of state regulation at the present stage of economic development. *The scientific heritage*, 45, pp. 32-35
- Sarin, N., Summers, L. H., & Kupferberg, J. (2020). Tax reform for progressivity: A pragmatic approach. *Harvard Kennedy School*. <https://www.hks.harvard.edu/publications/tax-reform-progressivity-pragmatic-approach>
- Аймурзина, Б., Асилова, А. Берстембаева, Р. (2015). Налоговая политика Казахстана в условиях модернизации. *KazNU Bulletin. Economy series*, 6 (112), 75-83. <https://be.kaznu.kz/index.php/math/article/view/1130/1091> // Ajmurzina, B., Asilova, A. Berstembayeva, R. (2015). Nalogovaya politika Kazahstana v usloviyah modernizatsii. *KazNU Bulletin. Economy series*, 6 (112), 75-83. <https://be.kaznu.kz/index.php/math/article/view/1130/1091>
- Андабаева, Г., Какижанова Т., & Абинова, А. (2025). Государственная поддержка женского предпринимательства – фактор устойчивого экономического развития. *Экономическая серия вестника ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*, (4), 30–48. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2025-4-30-48> // Andabayeva, G., Kakizhanova T., & Abinova, A. (2025). Gosudarstvennaya podderzhka zhenskogo predprinimatel'stva – faktor ustojchivogo jekonomicheskogo razvitija. *Jekonomicheskaja serija vestnika ENU im. L.N. Gumileva*, (4), 30–48. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2025-4-30-48>
- Балашов А.И. (2019). *Предпринимательское право: правовое обеспечение предпринимательской деятельности: учеб. пособие*, СПб.: Питер, 195 с. // Balashov A.I. (2019). *Predprinimatel'skoe pravo: pravovoe obespechenie predprinimatel'skoj dejatel'nosti: ucheb. posobie*, SPb.: Piter, 195 s.
- Беляков В.Г. (2018). *Правовое регулирование предпринимательской деятельности: учеб. пособие*. – Санкт-Петербург: СПбГУ, . – 286 с. // Beljakov V.G. (2018). *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj dejatel'nosti: ucheb. posobie*. – Sankt-Peterburg: SpGU, . – 286 s.
- Даулиева Г., Мынжанова Г., Исаева А., & Махсүтова С. (2026). Анализ институциональной структуры регулирования и стимулирования малого и среднего предпринимательства в Казахстане. *Вестник КазНУ. Серия Экономическая*, 155(1). <https://doi.org/10.26577/be155120262> // Daulieva G., Mynzhanova G., Isaeva A., & Mahsutova S. (2026). Analiz institucional'noj struktury regulirovaniya i stimulirovaniya malogo i srednego predprinimatel'stva v Kazahstane. *Vestnik KazNU. Serija Jekonomicheskaja*, 155(1). <https://doi.org/10.26577/be155120262>
- Жамиева, А. Насырова, Г., Мажитов, Д., Марамыгин, М. (2021). Налоговая система в условиях нестабильной экономики. *Вестник университета «Туран»*, 4(92), 208-215. Извлечено из <https://vestnik.turan-edu.kz/jour/article/view/2149> // Zhamieva, A. Nasyrova, G., Mazhitov, D., Maramygin, M. (2021). Nalogovaya sistema v usloviyah nestabil'noj jekonomi-ki. *Nauchnyj zhurnal Vestnik universiteta «Turan»*, 4(92), 208-215. Izvlecheno iz <https://vestnik.turan-edu.kz/jour/article/view/2149>
- Жумабеков, А., Османов, Ж., & Зубец, А. (2025). Оценка эффективности программ государственной поддержки предпринимательства в Казахстане. *Экономическая серия вестника ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*, (4), 293–310. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2025-4-293-310> // Zhumabekov, A., Osmanov, Zh., & Zubec, A. (2025). Ocenka jeffektivnosti programm

- gosudarstvennoj podderzhki predprinimatel'stva v Kazahstane. *Jekonomicheskaja serija vestnika ENU im. L.N. Gumileva*, (4), 293–310. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2025-4-293-310>
- Закирова, М., & Жаров, Е. (2026). Сравнительный анализ моделей государственной поддержки малого и среднего предпринимательства: трансформация Казахстанского опыта в контексте мировой практики. *Экономическая серия вестника ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*, (1), 72–85. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2026-1-72-85> // Zakirova, M., & Zharov, E. (2026). Sravnitel'nyj analiz modelej gosudarstvennoj podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva: transformacija Kazahstanskogo opyta v kontekste mirovoj praktiki. *Jekonomicheskaja serija vestnika ENU im. L.N. Gumileva*, (1), 72–85. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2026-1-72-85>
- Керимбек, Ф., Сатымбекова, К., Мамутова, К., & Есенгараева, Г. (2024). Налоговая система Республики Казахстан: актуальные вопросы и основные приоритеты развития. *Вестник КазНУ. Серия Экономическая*, 147(1), 44–58. <https://doi.org/10.26577/jerba202414714> // Kerimbek, F., Satymbekova, K., Mamutova, K., & Esengaraeva, G. (2024). Nalogovaja sistema Respubliki Kazahstan: aktual'nye voprosy i osnovnye priority razvitija. *Vestnik KazNU. Serija Jekonomicheskaja*, 147(1), 44–58. <https://doi.org/10.26577/jerba202414714>
- Мукушев, Т., Алибекова В., & Сыздыкова, Е. (2024). Проблемы и перспективы аудита эффективности государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан. *Экономическая серия вестника ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*, (4), 300–313. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2024-4-300-313> // Mukushev, T., Alibekova V., & Syzdykova, E. (2024). Problemy i perspektivy audita jeffektivnosti gosudarstvennoj politiki v oblasti razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva v Respublike Kazahstan. *Jekonomicheskaja serija vestnika ENU im. L.N. Gumileva*, (4), 300–313. <https://doi.org/10.32523/2789-4320-2024-4-300-313>
- Рахметова Т., Алдабергенова Н., Куналиева Г., Конысбай Б., & Юхневич Э. (2024). О концепции совершенствования налогового законодательства Республики Казахстан. *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*, 112(4), 92–102. <https://doi.org/10.26577/JAPJ2024.112.i4.a9> // Rahmetova T., Aldabergenova N., Kuanalieva G., Konysbaj B., & Juhnevich Je. (2024). O koncepcii sovershenstvovanija nalogovogo zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*, 112(4), 92–102. <https://doi.org/10.26577/JAPJ2024.112.i4.a9>
- Селюков М.В. (2024). Концепция социальной налоговой политики в цифровой экономике <https://www.dissercat.com/content/kontsepsiya-sotsialnoi-nalogovoi-politiki-v-tsifrovoi-ekonomike> // Seljukov M.V. (2024). Koncepcija social'noj nalogovoj politiki v cifrovoj jekonomike <https://www.dissercat.com/content/kontsepsiya-sotsialnoi-nalogovoi-politiki-v-tsifrovoi-ekonomike>

Сведения об авторах

Сидоренко Татьяна Викторовна — кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г.Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: tatyanasidorenko@yandex.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1459-653X>

Авторлар туралы мәліметтер

Сидоренко Татьяна Викторовна - заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: tatyanasidorenko@yandex.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1459-653X>

Information about the authors

Tatyana Victorovna Sidorenko - candidate of Law, Associate Professor, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan. E-mail: tatyanasidorenko@yandex.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1459-653X>

ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_6

MPHTI 06.61.01

JEL: Q15, Q18, Q56

Nobach K. ¹, Наханов Д. Н. ^{2*}¹ Ohm University of Applied Sciences Nuremberg, г. Нюрнберг, Германия² Казахстанско-Американский свободный университет, г. Усть-Каменогорск, Казахстан**ESG-подход в развитии агропромышленного комплекса Казахстана**

АННОТАЦИЯ. В статье проанализирована роль концепции ESG (Environmental, Social, Governance) в развитии агропромышленного комплекса (АПК) Казахстана. Актуальность исследования обусловлена сочетанием дефицита водных ресурсов, сокращения сельской занятости и растущих требований к устойчивой отчетности аграрного бизнеса, включая введение обязательной ESG-отчетности в Казахстане с 2025 г. Цель статьи – всесторонне оценить, как ESG-подход способствует развитию АПК Республики Казахстан, используя данные 2015-2025 гг. и сопоставление с международным опытом. Методологию исследования составили системный и сравнительный анализ статистических данных (ведомственная отчетность, международные обзоры, отраслевые СМИ) за 2015-2024 гг., группировка показателей по компонентам ESG и построение трендовых визуализаций. Результаты показывают стремительный рост площади применяемых водосберегающих технологий (с ≈50 до 312,2-470,1 тыс. га за десятилетие), увеличение производительности труда более чем втрое и снижение доли сельского хозяйства в выбросах парниковых газов с 27,1% до 12,7%, при сохраняющемся сокращении сельской занятости и высоких потерях воды при транспортировке. Выводы позволяют рекомендовать дальнейшее наращивание ESG-инвестиций (расширение субсидий на модернизацию орошения, повышение стандартов труда, развитие систем сертификации) для повышения эффективности и устойчивости АПК Казахстана. Практическая значимость работы состоит в применимости представленной систематизации показателей для разработки отраслевой политики и оценки ESG-профиля агропредприятий инвесторами; теоретическая – в восполнении дефицита эмпирических исследований по ESG в АПК Центральной Азии. Направления дальнейших исследований связаны с мониторингом охвата предприятий ESG-отчетностью и оценкой эффективности сертификационных механизмов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ESG-подход, агропромышленный комплекс, устойчивое развитие, водосберегающие технологии, Казахстан, государственная поддержка АПК, сельская занятость.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Данное исследование не получало специального финансирования от каких-либо государственных, коммерческих или некоммерческих организаций.

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: Автор(ы) заявляют, что при подготовке данной рукописи были использованы технологии генеративного искусственного интеллекта (ChatGPT, OpenAI) с целью перевода и стилистического редактирования текста рукописи. Ответственность за точность, полноту и соответствие научным стандартам всего представленного материала полностью возложена на авторов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Nobach, K., Наханов, Д.Н. (2026). ESG-подход в развитии агропромышленного комплекса Казахстана. Social Sciences & Digital Humanities 2(2), 88-102. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_6

История статьи:

Получено: 18.05.2026

Принято: 05.06.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Наханов Диас Нуржанович, e-mail: dnakhanov@gmail.com

Nobach K. ¹, Наханов Д. Н. ^{2*}

¹ Ohm University of Applied Sciences Nuremberg, Нюрнберг қ., Германия

² Қазақстан-Америка еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан

Қазақстанның агроөнеркәсіп кешенінің дамуындағы ESG-тәсілі

АНДАТПА. Мақалада Қазақстанның агроөнеркәсіп кешенін (АӨК) дамытудағы ESG (Environmental, Social, Governance) тұжырымдамасының рөлі талданады. Зерттеудің өзектілігі су ресурстарының тапшылығы, ауылдық жерлердегі жұмыспен қамтудың қысқаруы және аграрлық бизнестің тұрақты есептілігіне қойылатын талаптардың артуымен, оның ішінде 2025 жылдан бастап Қазақстанда міндетті ESG-есептілігінің енгізілуімен байланысты. Мақаланың мақсаты – 2015-2025 жылдардағы деректер мен халықаралық тәжірибемен салыстыруды пайдалана отырып, ESG-тәсілінің Қазақстан Республикасының АӨК дамуына қалай ықпал ететінін жан-жақты бағалау. Зерттеу әдіснамасын 2015–2024 жылдар аралығындағы статистикалық деректерге (ведомстволық есептілік, халықаралық шолулар, салалық БАҚ) жүйелі және салыстырмалы талдау, көрсеткіштерді ESG компоненттері бойынша топтастыру және трендтік визуализация жасау құрады. Нәтижелер су үнемдейтін технологияларды қолдану алаңының қарқынды өсуін (онжылдықта ≈50-ден 312,2-470,1 мың гектарға дейін), еңбек өнімділігінің үш еседен астам артуын және ауыл шаруашылығының парниктік газдар шығарындысындағы үлесінің 27,1%-дан 12,7%-ға дейін төмендеуін көрсетеді, алайда ауылдық жерлердегі жұмыспен қамту қысқаруы мен тасымалдау кезіндегі су шығынының жоғары деңгейі сақталып отыр. Қорытындылар Қазақстан АӨК-нің тиімділігі мен тұрақтылығын арттыру үшін ESG-инвестицияларды одан әрі ұлғайтуды (суару жүйесін жаңғыртуға арналған субсидияларды кеңейту, еңбек стандарттарын арттыру, сертификаттау жүйелерін дамыту) ұсынуға мүмкіндік береді. Жұмыстың практикалық маңыздылығы көрсеткіштердің ұсынылған жүйелеуін салалық саясатты әзірлеуде және инвесторлардың агрокәсіпорындардың ESG-профилін бағалауында қолдануға болатындығында; теориялық маңыздылығы – Орталық Азия АӨК-індегі ESG бойынша эмпирикалық зерттеулердің тапшылығын толықтыруда. Келешек зерттеулердің бағыттары кәсіпорындардың ESG-есептілікпен қамтылуын мониторингтеу және сертификаттау тетіктерінің тиімділігін бағалаумен байланысты.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: ESG-тәсілі, агроөнеркәсіп кешені, тұрақты даму, су үнемдейтін технологиялар, Қазақстан, АӨК мемлекеттік қолдауы, ауылдық жұмыспен қамту.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Бұл зерттеу қандай да бір мемлекеттік, коммерциялық немесе коммерциялық емес ұйымдардан арнайы қаржыландыру алған жоқ.

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНУ ТУРАЛЫ ХАБАРЛАМА: Авторлар осы қолжазбаны дайындау барысында генеративті жасанды интеллект технологияларын (ChatGPT, OpenAI) қолжазба мәтінін аудару және стильдік редакциялау мақсатында пайдаланғанын мәлімдейді. Ұсынылған материалдың нақтылығы, толықтығы және ғылыми стандарттарға сәйкестігі үшін толық жауапкершілік авторларға жүктеледі.

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Nobach, K., Наханов, Д.Н. (2026). Қазақстанның агроөнеркәсіп кешенінің дамуындағы ESG-тәсілі. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 88-102. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_6

* Хат-хабаршы авторы: Наханов Диас Нуржанович, e-mail: dnakhanov@gmail.com

Kia Nobach ¹, Dias N. Nakhanov ^{2*}

¹ Ohm University of Applied Sciences Nuremberg, Nuremberg, Germany

² Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

The ESG Approach in the Development of Kazakhstan's Agro-Industrial Complex

ABSTRACT. This article analyzes the role of the ESG (Environmental, Social, Governance) concept in the development of Kazakhstan's agro-industrial complex (AIC). The study's relevance stems from water scarcity, declining rural employment, and growing requirements for sustainable reporting in agribusiness, including mandatory ESG reporting introduced in Kazakhstan from 2025. The aim is to comprehensively assess how the ESG approach contributes to the development of Kazakhstan's AIC, using data for 2015–2025 and comparisons with international experience. The methodology comprises systematic and comparative analysis of statistical data (departmental reporting, international reviews, industry media) for 2015–2024, grouping of indicators by ESG component, and trend visualization. The results show rapid growth in the area of water-saving technologies applied (from ≈50 to 312.2–470.1 thousand hectares over the decade), a more than threefold increase in labor productivity, and a decline in agriculture's share of greenhouse gas emissions from 27.1% to 12.7%, alongside continued declines in rural employment and high water losses during transportation. The conclusions support further growth of ESG investment (expanding irrigation subsidies, raising labor standards, developing certification systems) to improve the efficiency and sustainability of Kazakhstan's AIC. The study's practical significance lies in the applicability of the indicator system for sectoral policy design and for investors assessing the ESG profile of Kazakhstani agricultural enterprises; its theoretical significance lies in supplementing the limited empirical literature on ESG in Central Asian agriculture. Further research should monitor enterprises' coverage by ESG reporting and evaluate certification mechanisms.

KEYWORDS: ESG approach, agro-industrial complex, sustainable development, water-saving technologies, Kazakhstan, government support of agriculture, rural employment.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: This research did not receive any specific funding from governmental, commercial, or non-profit organizations.

DISCLOSURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE USE: The author(s) declare that generative artificial intelligence technologies (ChatGPT, OpenAI) were used during the preparation of this manuscript for the purpose of translation and stylistic editing of the manuscript text. The authors assume full responsibility for the accuracy, completeness, and compliance with scientific standards of all the material presented.

FOR CITATION: Nobach, K., Nakhanov, D. N. (2026). The ESG approach in the development of Kazakhstan's agro-industrial complex. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 88–102. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_6

* Corresponding author: Dias N. Nakhanov, e-mail: dnakhanov@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Переход к устойчивому развитию стимулирует интеграцию ESG-принципов и в аграрном секторе. Экологическая составляющая (E) предполагает рациональное использование ресурсов, минимизацию выбросов и сохранение биоразнообразия; социальная (S) – повышение доходов и условий труда сельских жителей, снижение бедности в деревне; управленческая (G) – внедрение прозрачных стандартов корпоративного контроля и государственной поддержки аграриев. Концепция ESG как единая система оценки экологической, социальной и управленческой устойчивости бизнеса сформировалась на стыке корпоративной отчетности и инвестиционного анализа и в последние годы стремительно распространяется на аграрный сектор, традиционно считавшийся одним из наименее прозрачных с точки зрения устойчивой отчетности (Leite de Almeida et al., 2025).

В Казахстане эти вопросы особенно актуальны: страна теряет водные ресурсы – доступный пресный водный запас сократился на 21% с 1999 г. (Tussupov, 2025), при этом ирригационные потери высоки (прямые потери воды в каналах достигают 15-20%) (Tussupov, 2025). В 2021 г. на сельское хозяйство приходилось 63% потребления воды (Tussupov, 2025), но лишь 16% орошаемых земель оснащены современными системами орошения (Tussupov, 2025), что делает агросектор уязвимым к засухам. Снижение занятости в АПК – еще одна проблема: доля сельских работников за 15 лет упала с $\approx 33\%$ до 12,5% от общей численности занятых (Zhusupova, 2024). Учитывая эти риски, Казахстан поставил цель «двойного» роста агропроизводства и наращивает инвестиции в экологичные технологии; с 2025 г. в стране вводится обязательная ESG-отчетность для крупных предприятий, включая агропромышленные (Maerdan, 2025), что делает своевременным системное изучение того, как экологическая, социальная и управленческая составляющие ESG-подхода реализуются непосредственно в агропромышленном комплексе (АПК) страны.

Значимость темы обусловлена и глобальным контекстом: агропродовольственные системы формируют существенную долю антропогенных выбросов парниковых газов и одновременно наиболее уязвимы перед изменением климата, что делает их приоритетным объектом ESG-трансформации во всем мире (Xue et al., 2025). Для стран Центральной Азии, включая Казахстан, ESG-повестка приобретает дополнительное измерение: регион сталкивается с дефицитом водных ресурсов, трансграничным характером ирригационных систем и необходимостью модернизации институтов управления сельским хозяйством, унаследованных от плановой экономики (Adamkulova et al., 2026). В этих условиях ESG-подход выступает не только инструментом привлечения «зеленых» инвестиций, но и рамкой для согласования экологических, социальных и управленческих приоритетов национальной аграрной политики.

Цель статьи – всесторонне оценить, как ESG-подход способствует развитию АПК Республики Казахстан, используя данные 2015-2025 гг. и сравнения с международными примерами. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) систематизировать имеющиеся научные и аналитические подходы к оценке ESG в аграрном секторе, в том числе применительно к Казахстану и Центральной Азии; 2) проанализировать динамику ключевых экологических индикаторов АПК (водосберегающие технологии, потери воды, орошение); 3) оценить социальные последствия трансформации АПК (занятость, доходы, бедность на селе); 4) охарактеризовать меры государственной поддержки и корпоративного управления, стимулирующие «зеленую» модернизацию отрасли; 5) сопоставить казахстанский опыт с международными практиками и сформулировать рекомендации по дальнейшему наращиванию ESG-инвестиций.

Структура дальнейшего изложения соответствует принятой в журнале логике IMRAD: после обзора литературы охарактеризованы источники данных и методы анализа, затем последовательно рассмотрены экологическая, социальная и управленческая составляющие ESG-подхода применительно к АПК Казахстана, блок экономической эффективности отрасли и международный опыт, после чего сформулированы выводы и практические рекомендации.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Понятие ESG восходит к концепции «тройного итога» (triple bottom line), предложенной Дж. Элкингтоном, согласно которой устойчивость бизнеса должна оцениваться одновременно по экономическим, экологическим и социальным критериям (Elkington, 1997). Собственно, аббревиатура ESG как инструмент финансового анализа была закреплена докладом Глобального договора ООН «Who Cares Wins», адресованным институциональным инвесторам и призывавшим интегрировать экологические, социальные и управленческие факторы в инвестиционный анализ и корпоративную отчетность (United Nations Global Compact, 2004). С тех пор ESG превратился из добровольной инициативы в один из ключевых регуляторных и рыночных механизмов, определяющих доступ компаний к капиталу.

Применение ESG-рамки к сельскому хозяйству – сравнительно молодое направление исследований. Систематический обзор Leite de Almeida и др. (2025) показывает, что научная литература по ESG в аграрном секторе находится на ранней, но быстро развивающейся стадии: авторы фиксируют дефицит исследований, посвященных политике и управленческим механизмам внедрения ESG, слабую верификацию заявленных экологических результатов и отсутствие устоявшихся систем сертификации, которые стимулировали бы массовое участие фермерских хозяйств в ESG-повестке. Эмпирические исследования на уровне отдельных экономик подтверждают неоднозначность связи между ESG и результатами аграрного бизнеса: Xue, Yang и Wang (2025) на выборке листингованных сельскохозяйственных и лесопромышленных компаний Китая показывают, что повышение ESG-рейтинга положительно связано с «зеленым» развитием предприятий, однако в краткосрочном периоде сопровождается ростом издержек и требует институциональной поддержки со стороны государства и финансового сектора.

Для Центральной Азии и Казахстана исследования ESG в АПК получили развитие лишь в последние годы. Adamkulova и др. (2026) на материале пяти стран региона (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) показывают, что при определенных успехах экономических реформ экологическое и социальное измерения устойчивости аграрного сектора остаются слабыми; авторы выделяют управление водными ресурсами, социальную инклюзию сельского населения и институциональную прозрачность как три ключевых региональных приоритета ESG-повестки, а Казахстан характеризуют как страну с потенциалом развития органического земледелия при отсутствии развитой системы сертификации. Akhmet и др. (2025), применяя эконометрическое моделирование к данным Казахстана за 2013–2023 гг., демонстрируют, что аграрная деятельность оказывает смешанное воздействие на ESG-показатели страны: способствует социальной устойчивости (рост занятости и доходов сельских территорий), но одновременно усиливает экологическую нагрузку, тогда как транспортно-логистическая инфраструктура положительно влияет на экологические и управленческие индикаторы.

На уровне отдельного предприятия Maerdan (2025) на примере АО «Атамекен-Агро» показывает, что цифровая модернизация и внедрение ESG-стандартов первоначально повышают издержки (в том числе амортизационные), но создают основу для роста прозрачности и последующей финансовой отдачи; автор связывает дальнейшее развитие этого направления с введением обязательной ESG-отчетности в Казахстане с 2025 г. Kenzheali и Makhmetova (2024) на основе интегрального индекса, объединяющего климатические, ценовые и инфраструктурные показатели, фиксируют существенную региональную неравномерность аграрного развития Казахстана: южные регионы (Алматинская, Туркестанская области) демонстрируют более высокую продуктивность благодаря климатическим условиям и инфраструктуре, тогда как северные и восточные регионы отстают из-за более суровых условий и меньших объемов инвестиций, что имеет прямое значение для равномерного распределения ESG-ориентированных мер государственной поддержки.

Таким образом, накопленный массив исследований описывает отдельные грани ESG-трансформации АПК Казахстана – эконометрические оценки на макроуровне, кейсы отдельных предприятий, региональные диспропорции, – однако системного анализа,

объединяющего экологическую, социальную и управленческую составляющие на основе актуальных статистических данных 2023-2025 гг. и сопоставляющего казахстанский опыт с зарубежными практиками, в литературе представлено недостаточно. Настоящее исследование нацелено на восполнение этого пробела.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на анализе открытых источников: официальной статистики Министерства сельского хозяйства и Министерства водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан, данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК (Бюро национальной статистики АСПиР РК, 2024а, 2024б, 2024с, 2024д, 2024е), материалов пресс-служб правительства, аналитических отчетов ОЭСР (OECD, 2025) и других международных организаций, а также публикаций в деловых СМИ (Zhusupova, 2024; Omarova, 2025). Дополнительно использован массив статистических показателей развития АПК Казахстана за 2015-2024 гг., сформированный на основе официальных данных профильных ведомств и отраслевых изданий (Всемирный банк, 2024) – далее в тексте «сводный массив данных АПК». Применялись методы системного и сравнительного анализа, построения трендовых графиков и группировки показателей по компонентам ESG (Е – экологические, S – социальные, G – управленческие индикаторы).

В качестве количественных показателей исследованы: динамика площадей водосберегающих технологий и потерь воды при транспортировке; площадь и доля орошаемых земель; занятость, уровень бедности, номинальная заработная плата и внутренняя миграция сельского населения; объемы субсидирования и льготного кредитования АПК; урожайность зерновых культур, производительность труда и инвестиции в основной капитал отрасли. Для наглядности показатели сгруппированы в четыре тематические таблицы (по числу компонентов ESG и блока экономической эффективности) и один рисунок, отражающий динамику внедрения водосберегающих технологий за 2015-2024 гг. Для визуализации подготовлен график изменения площади внедренных водосберегающих технологий (ВСТ) (рисунок 1), построенный на данных Министерства водных ресурсов и ирригации РК и сводного массива данных АПК. Анализ международного опыта опирается на сопоставление ключевых показателей Казахстана с данными по другим странам и отраслевым исследованиям (например, эффективность капельного орошения в мире (Surkes, 2021), опыт Китая (Xue et al., 2025) и Центральной Азии в целом (Adamkulova et al., 2026)).

Выбор именно этих индикаторов обусловлен их прослеживаемостью в открытой статистике Казахстана на протяжении всего анализируемого десятилетия и соответствием трем компонентам ESG, что позволяет избежать смещения в сторону только экологических или только экономических аспектов, характерного для части предшествующих работ (Leite de Almeida et al., 2025). Расхождения между источниками по отдельным показателям (например, по площади внедрения водосберегающих технологий за 2024 г.) не устранялись искусственно, а фиксировались и обсуждались как часть результатов, поскольку сама по себе неполнота и несогласованность ведомственной отчетности является значимой характеристикой текущего состояния управленческой (G) составляющей ESG в АПК Казахстана.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты анализа сгруппированы по трем компонентам ESG – экологическому, социальному и управленческому – с последующим блоком экономической эффективности и сопоставлением с международным опытом.

Экологическая составляющая. Внедрение экологически ориентированных практик в АПК Казахстана дало заметные результаты. Поддержка государства (субсидии на установку ВСТ и на поливную воду) обеспечила резкий рост площадей капельного/дождевального орошения. По данным Минводресурсов РК, площадь использования водосберегающих систем выросла с 312,2 тыс. га в 2023 г. до 581 тыс. га в 2024 г. (прирост 86%). По другим официальным оценкам, обобщенным в сводном массиве данных АПК, показатель 2024 г.

составил 470,1 тыс. га (табл. 1); расхождение, вероятно, связано с разными сроками подведения итогов и методикой учета вводимых площадей (оперативные данные пресс-службы против итоговых данных отраслевой статистики) – в любом случае оба источника фиксируют кратный рост показателя после 2022 г. Это видно на рисунке 1: новая волна инвестиций начала сказываться после 2022 г., когда было решено увеличить долю компенсации расходов фермеров с 50% до 80% (Agroberichten Buitenland, 2025). Такие меры позволяют экономить до 30% воды в ирригации (Agroberichten Buitenland, 2025) (по оценке КазНИИОХ, применение ВСТ сокращает потребление воды до 30%). Одновременно в южных регионах подтверждена высокая эффективность инноваций: тесты «водораспределителя» с использованием препарата Water-Retainer показали экономию до 20–37% воды и повышение урожайности (Agroberichten Buitenland, 2025).

Следует отметить, что общая технология ирригации остается слабо развитой – только около 6,4% посевных площадей орошаются (по подсчетам ОЭСР), при этом только 16% поливных земель оснащены современными системами (Tussupov, 2025; OECD, 2025). Согласно таблице 1, за 2015–2024 гг. площадь орошаемых земель увеличилась с 1,4 до 1,9 млн га, а их доля в структуре пашни – с 5,7% до 7,8%, однако потери воды при транспортировке за тот же период практически не снизились, колеблясь в диапазоне 13,7–15,8% и составив 14,7% в 2024 г. Это указывает на значительный потенциал дальнейшего расширения ВСТ и одновременно на сохраняющиеся инфраструктурные ограничения ирригационной сети.

Таблица 1. Водные ресурсы и землепользование в АПК Казахстана (2015–2024 гг.)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Площадь применения водосберегающих технологий, тыс. га	50	55	65	80	100	130	170	221	312,2	470,1
Потери воды при транспортировке, %	7,01	11,63	13,33	15,80	14,01	15,33	14,97	13,70	13,95	14,70
Площадь орошаемых земель, млн га	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,6	1,7	1,7	1,8	1,9
Доля орошаемых земель от пашни, %	5,7	5,7	6,1	6,1	6,5	6,5	6,9	6,9	7,6	7,8

Примечание – составлено авторами на основе данных Министерства водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан (2024а), Бюро национальной статистики АСПуР РК (2024е).

В контексте глобальной устойчивости важна и углеродная эффективность отрасли: агросектор традиционно давал значительную долю эмиссий. Однако в Казахстане удельный вес сельского хозяйства в выбросах парниковых газов резко сократился – с 27,1% в 2000 г. до 12,7% в 2023 г. (OECD, 2025) (в результате технической модернизации, оптимизации кормовой базы и др.). На рисунке 1 показана динамика освоения водосберегающих технологий в АПК Казахстана за 2015–2024 гг., иллюстрирующая ускорение внедрения ВСТ после 2022 г. Тенденция наращивания инвестиций в орошение и технологические инновации создает условия для повышения урожайности и рационализации ресурсов, особенно в условиях изменения климата и растущей засушливости региона (Agroberichten Buitenland, 2025; Tussupov, 2025).

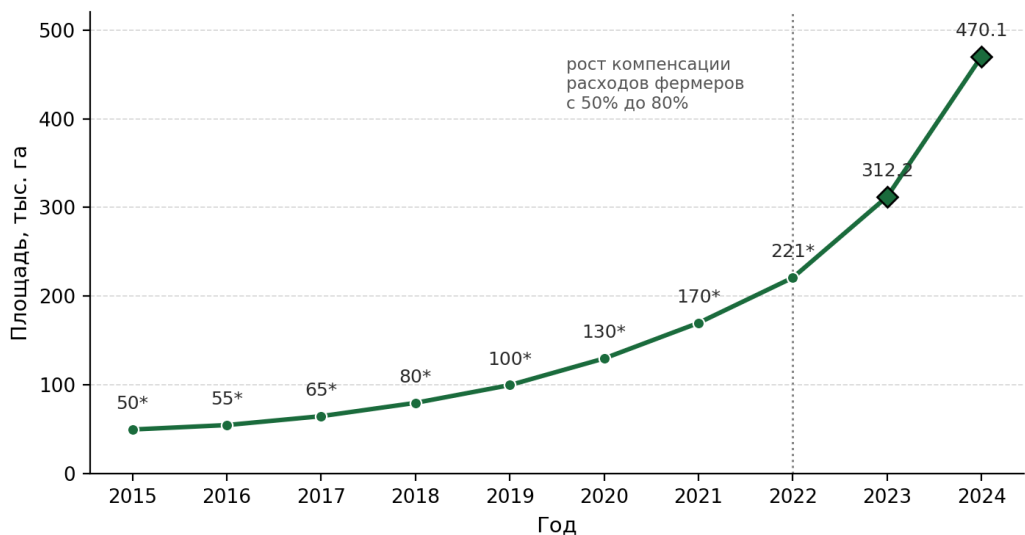

Рисунок 1. Площадь применения водосберегающих технологий в АПК Казахстана в 2015-2024 гг., тыс. га

Примечание: составлено авторами на основе данных Министерства водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан (2024a, 2024b).

Социальная составляющая. Социальный аспект ESG отражает влияние развития АПК на качество жизни и занятость населения. В Казахстане наблюдаются смешанные тенденции: с одной стороны, экономический рост АПК (высокие урожаи и экспорт зерна) уменьшает уровень сельской бедности и способствует временному трудоустройству, с другой – аграрная занятость стремительно сокращается. Согласно таблице 2, численность занятых в сельском хозяйстве последовательно снизилась с 1 362,9 тыс. человек в 2015 г. до 1 027,9 тыс. человек в 2024 г., то есть более чем на 24% за десятилетие.

Таблица 2. Социальные индикаторы развития сельских территорий Казахстана (2015-2024 гг.)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Занятость в сельском хозяйстве, тыс. чел.	1 362,9	1 385,5	1 319,0	1 228,2	1 184,7	1 175,1	1 176,4	1 108,9	1 078,7	1 027,9
Уровень бедности в сельской местности, %	8,5	7,8	7,0	6,5	6,2	8,0	11,4	8,5	7,0	6,0
Среднемесячная зарплата в АПК, тыс. тенге	72	80	90	100	115	130	155	185	220	265
Внутренняя миграция село–город, тыс. чел.	120	130	145	160	180	150	200	250	300	350

Примечание – составлено авторами на основе данных Бюро национальной статистики АСПиР РК (2024b, 2024c, 2024d), Всемирного банка (2024).

Уровень бедности в сельской местности (6,8%) существенно выше, чем в городах (2-3% в крупных городах) (Омагова, 2025). Сезонная характерность сельхозработ приводит к циклическому росту доходов в период сбора урожая и социальным выплатам, но постоянные

доходы у сельских жителей остаются ниже средних по стране (Omarova, 2025). По данным таблицы 2, уровень бедности на селе испытал всплеск до 11,4% в 2021 г., после чего вернулся к нисходящей траектории. Доля занятых в сельском хозяйстве упала с 33% пятнадцать лет назад до 12,5% в настоящее время (Zhusupova, 2024). Многие работники уходят в города из-за низкой оплаты труда и отсутствия контрактов: средний размер зарплаты в агросекторе (200 тыс. тенге/мес.) является одним из самых низких в экономике (Zhusupova, 2024), а формальных гарантий у сельских работников часто нет (Zhusupova, 2024). Данные таблицы 2 показывают, что номинальная зарплата в АПК выросла с 72 тыс. тенге в 2015 г. до 265 тыс. тенге в 2024 г., то есть более чем в 3,5 раза, что отчасти отражает и общую инфляционную динамику; одновременно отток сельского населения в города (внутренняя миграция «село – город») увеличился с 120 тыс. до 350 тыс. человек в год, что подтверждает нарастающее демографическое давление на сельские территории.

Сельская безработица и недоступность финансовых ресурсов (банкротства хозяйств) ограничивают возможности роста. В результате в сельских районах отмечается дефицит квалифицированных кадров и рост социальной напряженности, в том числе миграция и недовольство среди молодых сельчан.

Таким образом, социальная сторона ESG требует усиленных мер: необходимо поддерживать доходы крестьян (улучшение субсидий, страхование урожая, программы повышения квалификации) и защищать права трудящихся (обеспечивая официальное трудоустройство и социальные гарантии). Например, государственная программа по переводу на высокодоходные культуры (концепция на 2024-2028 гг.) предусматривает субсидирование не только техники, но и обучения фермеров новым стандартам управления (Zhusupova, 2024; Omirgazy, 2025). Внедрение современных методов производства (экопротоколы, точное земледелие) также может повысить производительность труда и, как следствие, улучшить условия для сельского населения.

Социальное измерение ESG в агросекторе Казахстана тесно связано и с демографической структурой сельского населения: отток трудоспособной молодежи в города, зафиксированный ростом внутренней миграции «село – город» (таблица 2), со временем сокращает кадровый резерв, необходимый для освоения новых агротехнологий, включая обслуживание водосберегающих систем. В этом смысле социальная и экологическая составляющие ESG в АПК Казахстана взаимно усиливают друг друга: без закрепления квалифицированных кадров на селе технологическая модернизация ирригации (раздел «Экологическая составляющая») рискует остаться незавершенной, а без модернизации производства сложно удержать молодых работников за счет одного лишь роста номинальной заработной платы.

Корпоративное управление и государственная поддержка. Аспект «G» включает государственные политики, нормативно-правовое регулирование и корпоративные стандарты в агробизнесе. В Казахстане правительство активно стимулирует «зеленые» инвестиции в АПК. Ключевые меры:

- Субсидирование инфраструктуры и оборудования. С 2024 г. компенсация расходов фермеров на подведение сетей, приобретение ВСТ и механизмов повышения увеличена с 50% до 80% (Agroberichten Buitenland, 2025). Одновременно введены дифференцированные субсидии на поливную воду (до 85% затрат) (Agroberichten Buitenland, 2025). Это повысило экономическую привлекательность внедрения ВСТ. Согласно таблице 3, объем субсидий в АПК вырос со 170 млрд тенге в 2015 г. до 450 млрд тенге в 2024 г. (в 2,6 раза), а льготное кредитование отрасли – со 169 млрд до 850 млрд тенге (примерно в 5 раз), что отражает системное наращивание бюджетной поддержки сектора.

- Госпрограммы и планы развития. Одобренны «дорожные карты» до 2030 г. по масштабной цифровизации и экологизации сельхозинфраструктуры, включая орошение (Agroberichten Buitenland, 2025). В 2024 г. утвержден план перевода части земель на менее водоемкие культуры – увеличение доли масличных и бобовых (Zhusupova, 2024).

- Локализация производства технологий. Созданы производства ВСТ внутри страны: в 2024 г. открыты четыре завода по выпуску дождевальных машин и капельного оборудования.

Запланированы совместные проекты с иностранными компаниями (Турция, Китай) для масштабного производства капельных лент и трубопроводов. Это укрепляет технологическую базу и снижает зависимость от импорта.

– Финансирование и льготное кредитование. Существенно увеличены бюджетные расходы на агросектор: в 2025 г. на льготное кредитование сельского хозяйства направлено рекордное 1 трлн тенге (Omirgazy, 2025). Одновременно развиваются программы страхования урожая и агрострахования для защиты фермеров от климатических рисков.

Таблица 3. Государственная поддержка АПК Казахстана (2015–2024 гг.)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Объем субсидий в АПК, млрд тенге	~170*	~200*	~250*	~280*	~300*	~350*	~380*	~400*	~430*	450
Льготное кредитование АПК, млрд тенге	169	~200*	~250*	~300*	~350*	~400*	~500*	~580	~700	~850*

В совокупности эти меры создают «цепочку» устойчивого управления: инвестируя в инфраструктуру и людей, государство повышает эффективность производства и открывает дорогу для ESG-инвесторов. Введение обязательной ESG-отчетности для крупных предприятий с 2025 г. (Maerdan, 2025) закладывает институциональную основу для более системного мониторинга управленческой составляющей ESG и в аграрном секторе. Между тем остаются вызовы: недостаток квалифицированных кадров из-за миграции, слабое развитие рыночных институтов (например, кредитование агробизнеса с рыночными ставками), региональная неравномерность распределения мер поддержки (Kenzheali & Makhmetova, 2024) и климатические риски, которые требуют дальнейшей модернизации управленческих механизмов. Улучшение корпоративного управления подразумевает также повышение прозрачности сельхозкомпаний и интеграцию стандартов экопротоколирования, что позволит привлечь международные капиталы в АПК.

Количественную поддержку значимости управленческой составляющей дают и эконометрические оценки: Akhmet и др. (2025) на данных Казахстана за 2013–2023 гг. показывают, что транспортно-логистическая инфраструктура статистически значимо повышает экологические и управленческие ESG-показатели ($\beta = 0,266$; $p = 0,050$), а совместный анализ транспортных и агропромышленных факторов объясняет до 99,8% вариации сводного ESG-индикатора ($R^2 = 0,998$). Это подтверждает, что управленческая составляющая ESG в АПК Казахстана не сводится к отраслевым мерам поддержки сельского хозяйства как таковым, а тесно связана с состоянием сопутствующей инфраструктуры и институтов на уровне всей экономики.

Экономическая эффективность. Экономическая эффективность АПК формирует материальную основу для дальнейших ESG-инвестиций и одновременно выступает индикатором того, насколько экологические и социальные меры транслируются в производственные результаты. Согласно таблице 4, урожайность зерновых культур в Казахстане сильно зависит от климатических условий: показатель варьировался от 10,3 ц/га в засушливом 2023 г. до рекордных 16,1 ц/га в благоприятном 2024 г., при этом устойчивого линейного роста за десятилетие не прослеживается, что подчеркивает высокую зависимость отрасли от погодных факторов и ограниченность эффекта от уже внедренных водосберегающих технологий.

В то же время производительность труда в сельском хозяйстве демонстрирует последовательный рост – с 1,2 млн тенге на одного занятого в 2015 г. до 4,2 млн тенге в 2024 г., то есть более чем в 3,5 раза, что отражает как техническую модернизацию отрасли, так и сокращение численности занятых (таблица 2) при относительно стабильных объемах

производства. Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства выросли с 164,2 млрд тенге в 2015 г. до 919 млрд тенге в 2024 г. – более чем в 5,5 раза, что свидетельствует о растущей инвестиционной привлекательности сектора и коррелирует с динамикой субсидирования и льготного кредитования (таблица 3).

Таблица 4. Экономическая эффективность АПК Казахстана (2015-2024 гг.)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Урожайность зерновых, ц/га	11,9	14,0	13,7	12,2	11,2	13,0	10,6	13,8	10,3	16,1
Производительность труда, тыс. тенге/чел.	1 200	1 400	1 600	1 800	2 000	1 824	2 200	2 800	3 500	4 200
Инвестиции в основной капитал, млрд тенге	164,2	200	250	300	350	400	500	600	734	919
<i>Примечание – составлено авторами на основе данных Бюро национальной статистики АСПиР РК (2024а).</i>										

Сопоставление таблиц 1-4 показывает, что рост государственной поддержки и инвестиций сопровождается устойчивым повышением производительности труда, однако урожайность как ключевой натуральный показатель эффективности растениеводства остается волатильной. Рост производительности при одновременном сокращении числа занятых (таблица 2) означает, что часть экономического эффекта ESG-трансформации АПК пока не транслируется напрямую в улучшение положения сельского населения, а реализуется преимущественно через сокращение трудоемкости производства, что подтверждает необходимость более целенаправленных социальных мер, обсуждаемых выше.

Этот результат согласуется с наблюдением Xue, Yang и Wang (2025) о том, что положительный эффект ESG-трансформации для агропромышленных компаний реализуется не мгновенно: в краткосрочном периоде рост издержек, связанных с модернизацией и соответствием экологическим требованиям, может опережать рост выручки, и только по мере накопления инвестиций и институциональной поддержки соотношение затрат и отдачи улучшается. Применительно к Казахстану это означает, что наблюдаемый в 2015-2024 гг. опережающий рост инвестиций и субсидий по сравнению с ростом урожайности не обязательно свидетельствует о низкой эффективности государственной поддержки, а может отражать типичный для ESG-трансформации агросектора временной лаг между вложениями и производственной отдачей.

Международный опыт. Сравнение с другими странами помогает выделить направления развития. Например, казахстанские урожаи пока существенно отстают от соседних рынков: средняя урожайность зерновых в Казахстане 1,6 т/га (16 ц/га), что примерно вдвое ниже показателя российских полей (3,5 т/га) (Aznabakiyeva, 2024). Это свидетельствует о нераскрытом потенциале технологий и управления.

Примером эффективных водозономических практик служит Израиль: компания Netafim разработала капельную систему для риса, которая позволяет сократить расход воды на 70% по сравнению с традиционным затоплением полей (Surkes, 2021). Такие инновации демонстрируют возможности «зеленых» технологий, способных значительно повысить урожайность и экологичность в аналогичных условиях.

По показателям производительности Казахстан тоже демонстрирует динамику: годовой рост валового показателя общей факторной производительности (TFP) сельского хозяйства в 2013-2022 гг. составил 3,4% в год, что почти в четыре раза превышает мировой средний показатель (0,8%) (OECD, 2025). Это отражает быстрое обновление парка техники и улучшение агротехнологий, но при условии сохранения интенсивной поддержки. Экспортная динамика также подтверждает растущую конкурентоспособность отрасли: в 2025 г. Казахстан

расширил поставки зерна в Европу и другие регионы (Pokidaev, 2025), что создает дополнительный стимул для соответствия продукции международным экологическим и социальным стандартам.

Показательно, что схожие структурные вызовы – дефицит воды, унаследованная от плановой экономики институциональная база, потребность в модернизации ирригации – характерны для всего региона Центральной Азии, однако конкретные траектории ESG-трансформации в странах региона существенно различаются: если Казахстан демонстрирует потенциал в развитии органического земледелия, то, например, Кыргызстан делает ставку на общинные модели управления водными ресурсами, а Узбекистан – на постепенное реформирование системы землепользования при сохраняющихся проблемах сертификации (Adamkulova et al., 2026). Это подтверждает, что универсальных рецептов ESG-трансформации АПК не существует и казахстанская политика должна учитывать национальную специфику структуры землевладения и водопользования, а не механически копировать зарубежные модели.

Международный опыт подчеркивает, что успех «зеленой» трансформации АПК достигается сочетанием финансовых стимулов, научных разработок и строгих стандартов – например, требований ЕС по устойчивым фермам в рамках Общей аграрной политики (САР), корпоративных обязательств компаний-производителей продовольствия по «созданию совместной ценности» (Nestlé S.A., n.d.). Опыт стран Центральной Азии показывает, что при схожих структурных ограничениях – дефиците воды, унаследованных институтах управления – результаты ESG-трансформации существенно различаются в зависимости от качества институтов и доступности сертификационных систем (Adamkulova et al., 2026), что подтверждает значимость управленческой составляющей ESG наравне с экологической и социальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ показал, что ESG-подход прочно входит в развитие агропромышленного комплекса Казахстана. Экологическая компонента подкрепляется расширением водосберегающих технологий (рост площади их применения в 6-9 раз за 2015-2024 гг. по данным разных источников) и ростом продуктивности, что позволяет экономить воду и снижать углеродные эмиссии (сокращение доли сельского хозяйства в выбросах парниковых газов с 27,1% до 12,7% за 2000-2023 гг.); социальная – повышением занятости и доходов через инвестиции и льготные программы, хотя и сопровождается сокращением численности занятых в отрасли более чем на 24% за десятилетие; а управленческая – наращиванием государственных механизмов поддержки (рост субсидий в 2,6 раза, льготного кредитования – в 5 раз за 2015–2024 гг.) и инвестиционной привлекательности сектора, а также введением обязательной ESG-отчетности с 2025 г. Ключевым фактором успеха является координация мер «снизу» (фермеры внедряют инновации) и «сверху» (госпрограммы и регуляции), что согласуется с выводами зарубежных исследований о необходимости институциональной поддержки ESG-трансформации аграрного сектора (Xue et al., 2025; Leite de Almeida et al., 2025).

Несмотря на положительную динамику, остаются «узкие места»: малая доля орошаемых земель (около 7,8% пашни в 2024 г.), что ограничивает потенциал роста урожайности; сохраняющиеся высокие потери воды при транспортировке (14,7% в 2024 г.); социальная уязвимость сельского населения (доходы ниже среднереспубликанских, миграция рабочей силы); волатильность урожайности зерновых, обусловленная зависимостью от погодных факторов; а также региональная неравномерность распределения мер государственной поддержки (Kenzheali & Makhmetova, 2024). Для решения этих проблем необходимо усилить ESG-инициативы: увеличить финансирование науки и инноваций в АПК (разработку адаптированных семян и систем орошения), расширить программы обучения фермеров принципам устойчивого хозяйствования, внедрить механизмы прозрачной ESG-отчетности предприятий перед обществом и инвесторами, а также развивать систему добровольной

сертификации органической и «зеленой» продукции, дефицит которой отмечается в исследованиях по региону (Adamkulova et al., 2026). Международные примеры – жесткие экологические стандарты ЕС, успешные модели фермерских кооперативов и корпоративных ESG-обязательств в развитых странах, а также опыт капельного орошения Израиля – могут быть адаптированы для казахстанских реалий с учетом местной специфики водного дефицита и структуры землевладения.

В целом, при дальнейшем интегрировании ESG-подхода агропромышленный комплекс Казахстана имеет шанс добиться синергетического эффекта: повышение урожайности и экспорта при одновременном снижении экологической нагрузки и улучшении социально-экономических условий в сельских регионах. Практическая значимость исследования заключается в том, что представленная систематизация экологических, социальных и управленческих индикаторов АПК может быть использована органами государственного управления при разработке и корректировке отраслевых программ поддержки, а также инвесторами и финансовыми институтами при оценке ESG-профиля казахстанских агропредприятий. Теоретическая значимость состоит в дополнении немногочисленной литературы по ESG в АПК Центральной Азии эмпирическим материалом, объединяющим все три компонента ESG на основе актуальных статистических данных. Дальнейшие исследования и мониторинг динамики ключевых показателей (использование воды, доходы фермеров, производительность труда, охват предприятий ESG-отчетностью и др.) позволят корректировать политику и добиваться устойчивого развития отрасли.

Ограничения исследования связаны с неоднородностью используемых статистических источников: часть показателей за 2015-2022 гг. носит оценочный характер, а по отдельным индикаторам (в частности, по площади внедрения водосберегающих технологий за 2024 г.) официальные источники расходятся между собой, что отражает не столько погрешность анализа, сколько реальное состояние статистического учета в отрасли. Исследование ограничено также анализом на уровне страны в целом и не включает эконометрическую проверку причинно-следственных связей между ESG-показателями и результатами деятельности отдельных агропредприятий, что составляет перспективное направление дальнейшей работы – наряду с оценкой регионального разреза ESG-трансформации АПК и мониторингом фактического охвата казахстанских агрокомпаний обязательной ESG-отчетностью после ее введения в 2025 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Adamkulova, C. U., Akhunbaev, A. S., Liu, Y., Akyzbekova, N. I., & Mambetkazieva, N. B. (2026). Aligning agricultural development with ESG goals: Pathways for Central Asia in the global context. *Research on World Agricultural Economy*, 7(2), 423–443. <https://doi.org/10.36956/rwae.v7i2.2764>
- Agroberichten Buitenland. (2025, February 4). *Kazakhstan installs water-saving technologies on 158 thousand hectares of land*. Netherlands Enterprise Agency. <https://www.agroberichtenbuitenland.nl/actueel/nieuws/2025/02/04/kazakhstan-installs-water-saving-technologies-on-158-thousand-hectares-of-land>
- Akhmet, A., Nurekenova, E., Nurmukhametov, N., Vasa, L., & Rakhimberdinova, M. (2025). The impact of transport routes on Kazakhstan's agro-industrial complex considering ESG approaches. *Problems and Perspectives in Management*, 23(1), 656–672. [https://doi.org/10.21511/ppm.23\(1\).2025.49](https://doi.org/10.21511/ppm.23(1).2025.49)
- Aznabakiyeva, C. (2024, October 30). *Kazakhstan is losing ground in the global wheat market due to cheap Russian grain*. KZ.Kursiv. <https://kz.kursiv.media/en/2024-10-30/eng-tank-kazakhstan-is-losing-ground-in-the-global-wheat-market-due-to-cheap-russian-grain/>
- Elkington, J. (1997). *Cannibals with forks: The triple bottom line of 21st century business*. Capstone Publishing.
- Kenzheali, Y., & Makhmetova, A. (2024). Analysis of sustainable agricultural development in

- Kazakhstan: Key economic and climatic indicators. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*, 68(4), 47–60. <https://doi.org/10.47703/ejeb.v68i4.440>
- Leite de Almeida, A. C., Dale, A., Hay, R., Everingham, Y., & Lockie, S. (2025). Environmental, social and governance (ESG) in agriculture: Trends and gaps on research. *Australasian Journal of Environmental Management*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/14486563.2024.2430313>
- Maerdan, B. (2025). Modernization of Kazakhstan's agro-industrial complex based on digitalization and ESG. *Problems of AgriMarket*, (2), 217–225. <https://doi.org/10.46666/2025-2.2708-9991.19>
- Nestlé S.A. (n.d.). *Environmental, social, and governance (ESG) and sustainability*. Retrieved November 12, 2025, from <https://www.nestle.com/investors/environmental-social-governance-sustainability>
- OECD. (2025). *Agricultural policy monitoring and evaluation 2025: Kazakhstan*. OECD Publishing. https://www.oecd.org/en/publications/2025/10/agricultural-policy-monitoring-and-evaluation-2025_354e7040/full-report/kazakhstan_68dda758.html
- Omarova, Zh. (2025, April 2). *Income disparities in Kazakhstan reflect seasonal and regional variations*. The Astana Times. <https://astanatimes.com/2025/04/income-disparities-in-kazakhstan-reflect-seasonal-and-regional-variations/>
- Omirgazy, D. (2025, September 16). *Tokayev calls for on-time harvest, bigger agricultural role in economy*. The Astana Times. <https://astanatimes.com/2025/09/tokayev-calls-for-on-time-harvest-bigger-agricultural-role-in-economy/>
- Pokidaev, D. (2025, November 5). *Kazakhstan expands grain exports to Europe and beyond*. The Times of Central Asia. <https://timesca.com/kazakhstan-expands-grain-exports-to-europe-and-beyond/>
- Surkes, S. (2021, May 10). *Israel's drip irrigation pioneers aim to do away with flooded rice fields*. The Times of Israel. <https://www.timesofisrael.com/israels-drip-irrigation-pioneers-aim-to-do-away-with-flooded-rice-fields/>
- Tussupov, M. (2025, July 1). *Running dry: Kazakhstan's water crisis, explained with data*. Earth.Org. https://earth.org/data_visualization/running-dry-kazakhstans-water-crisis-explained-with-data/
- United Nations Global Compact. (2004). *Who cares wins: Connecting financial markets to a changing world*. United Nations.
- Xue, A., Yang, G., & Wang, H. (2025). The impact of Environmental, Social, and Governance (ESG) on the green development of listed companies in China's agricultural and forestry industries. *Sustainability*, 17(10), Article 4648. <https://doi.org/10.3390/su17104648>
- Zhusupova, A. (2024, July 25). *Kazakhstan: Plan to boost agricultural output overlooks farm workers*. Eurasianet. <https://eurasianet.org/kazakhstan-plan-to-boost-agricultural-output-overlooks-farm-workers>
- Бюро национальной статистики АСПиР РК. (2024a). *Валовый сбор сельскохозяйственных культур в Республике Казахстан*. // Bjuro nacional'noj statistiki ASPiR RK. (2024a). Valovyj sbor sel'skhozjajstvennyh kul'tur v Respublike Kazahstan. <https://stat.gov.kz/ru/industries/businessstatistics/stat-forrest-village-hunt-fish/publications/113764/>
- Бюро национальной статистики АСПиР РК. (2024b). *Внутренняя миграция по всем потокам*. // Bjuro nacional'noj statistiki ASPiR RK. (2024b). Vnutrennjaja migracija po vsem potokam. <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/>
- Бюро национальной статистики АСПиР РК. (2024c). *Динамика среднемесячной номинальной заработной платы*. // Bjuro nacional'noj statistiki ASPiR RK. (2024c). Dinamika srednemesjachnoj nominal'noj zarabotnoj platy. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wages/>
- Бюро национальной статистики АСПиР РК. (2024d). *Занятое население по группе сельское, лесное и рыбное хозяйство*. // Bjuro nacional'noj statistiki ASPiR RK. (2024d). Zanjatoe naselenie po grupe sel'skoe, lesnoe i rybnoe hozjajstvo. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/dynamic-tables/>

Бюро национальной статистики АСПиР РК. (2024е). *Экологические индикаторы: потери воды (С-6(7))*. // Bjuro nacional'noj statistiki ASPiR RK. (2024е). Jekologicheskie indikatory: poteri vody (C-6(7)). https://stat.gov.kz/ru/ecologic-indicators/28428/water_losses/

Всемирный банк. (2024). *Оценка бедности и равенства в Казахстане*. // Vsemirnyj bank. (2024). Ocenka bednosti i ravenstva v Kazahstane. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2024/12/12/kazakhstan-poverty-and-equity-assessment-2024>

Сведения об авторах

Kia Nobach – PhD, профессор, Ohm University of Applied Sciences Nuremberg, г. Нюрнберг, Германия, e-mail: nobach@th-nuernberg.de, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5683-4019>

Наханов Диас Нуржанович – докторант образовательной программы «Менеджмент», Казахстанско-Американский свободный университет, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: dnakhanov@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8660-7493>

Авторлар туралы мәліметтер

Kia Nobach – PhD, профессор, Ohm қолданбалы ғылымдар университеті, Нюрнберг қ., Германия, e-mail: nobach@th-nuernberg.de, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5683-4019>

Наханов Диас Нуржанович – «Менеджмент» білім беру бағдарламасының докторанты, Қазақстан-Америка еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: dnakhanov@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8660-7493>

Information about the authors

Kia Nobach – PhD, Professor, Ohm University of Applied Sciences Nuremberg, Nuremberg, Germany, e-mail: nobach@th-nuernberg.de, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5683-4019>

Dias N. Nakhanov – Doctoral student of the “Management” educational program, Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: dnakhanov@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8660-7493>

ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Research paper/Түпнұсқа мақала/Оригинальная статья

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_7

IRSTI 06.54.13

Zhanna S. Aubakirova , Eleonora O. Stolyarova , Nelli L. Krasnobayeva *, Alexander N. Alekseenko

D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Demographic polarization and increase of social risks in Kazakhstan (the pre-COVID-19 period)

ABSTRACT. The events that took place in January 2022 in Kazakhstan drew attention to the risks and threats to national security. Demographic processes are among the most important factors, but unlike political events, have a greater latent inertia, longtime prerequisites and long-term consequences. The article observes the correlation between the change in the ethnic structure of Kazakhstani cities, the dynamics of fertility rate of the urban population and the increase of social risks. The study methodology is based on: the method of assessing the correlation by K. Pearson, the method of clustering built on the detection of tight links between the processes and the calculation of the fluctuation amplitude between the demographic extremes, the use of case study on separate Kazakhstani cities. The data presented in the Cases reveal features and trends in the development of Kazakhstani cities, as well as the reproductive scenarios that dominate them.

The result of the research is the conclusion about the increasing polarization of reproductive scenarios within a unified demographic system and, as a result, a possible aggravation of the internal social-political and social-economic situation, which will have a reciprocating nature in the foreseeable future.

KEYWORDS: urban fertility, reproductive behavior, urbanization type, fertility traditions, Kazakhs, demographic cluster.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship (own resources).

FOR CITATION: Aubakirova, Zh.S., Stolyarova, E.O., Krasnobayeva, N.L., Alekseyenko, A.N. (2026). Demographic polarization and increase of social risks in Kazakhstan (the pre-COVID-19 period). *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 103-123. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_7

Article history:

Received: 16.04.2026

Accepted: 29.05.2026

Published: 30.06.2026

* Corresponding author: Krasnobayeva Nelli Leonidovna, e-mail: krasn_nelli@mail.ru

Аубакирова Ж.С. , Столярова Е.О. , Краснобаева Н.Л. *, Алексеенко А.Н.

Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Демографическая поляризация и нарастание социальных рисков в Казахстане (до пандемии Ковид -2019)

АННОТАЦИЯ. Произошедшие в январе 2022 года события в Казахстане актуализировали внимание к рискам и угрозам национальной безопасности. В числе важнейших факторов находятся демографические процессы, которые, в отличие от политических событий, обладают большей скрытой инерцией, имеют давние предпосылки и длительные последствия. В статье рассматриваются взаимозависимости между изменением этнической структуры казахстанских городов, динамикой процессов рождаемости городского населения и повышением уровня социальных рисков. Методология исследования основана на: методе оценки корреляции К. Пирсона, методе кластеризации, построенной на выявлении плотных связей между процессами и расчете амплитуды колебаний между демографическими крайностями, использовании тематического исследования по отдельным казахстанским городам. Представленные в Кейсах данные раскрывают особенности и тенденции развития казахстанских городов, а также доминирующие над ними репродуктивные сценарии. Результатом исследования становится вывод о нарастании поляризации репродуктивных сценариев в рамках единой демографической системы и, как следствие, возможном обострении внутренней социально-политической и социально-экономической ситуации, которое будет иметь возвратно-рецидивирующий характер в обозримом будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: городская рождаемость, репродуктивное поведение, тип урбанизации, традиции рождаемости, казахи, демографический кластер.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Аубакирова, Ж.С., Столярова, Э.О., Краснобаева, Н.Л., Алексеенко, А.Н. (2026). Демографическая поляризация и нарастание социальных рисков в Казахстане (до пандемии Ковид -2019). *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 103-123. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_7

* Автор-корреспондент: Краснобаева Нелли Леонидовна, e-mail: krasn_nelli@mail.ru

Әубәкірова Ж. С. , Столярова Э.О. , Краснобаева Н.Л. , Алексеенко А.Н.

Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан

Қазақстандағы демографиялық поляризация және әлеуметтік қатерлердің өсуі (Ковид-2019 пандемиясына дейін)

АНДАТПА. 2022 жылғы қаңтарда Қазақстанда болған оқиғалар ұлттық қауіпсіздікке төнетін қатерлер мен қауіп-қатерлерге назар аударды. Маңызды факторлардың қатарында саяси оқиғалардан айырмашылығы, жасырын инерцияға ие, ескі алғышарттар мен ұзақ зардаптарға ие демографиялық процестер бар. Мақалада қазақстандық қалалардың этникалық құрылымының өзгеруі, қала халқының туу үдерістерінің динамикасы мен әлеуметтік тәуекелдер деңгейінің артуы арасындағы өзара тәуелділік қаралады. Зерттеу әдіснамасы: К. Пирсонның корреляциясын бағалау әдісіне, процестер арасындағы тығыз байланыстарды анықтауға және демографиялық шектер арасындағы тербеліс амплитудасын есептеуге, жекелеген қазақстандық қалалар бойынша тақырыптық зерттеулерді пайдалануға құрылған кластерлеу әдісіне негізделген.

Кейстерде ұсынылған деректер қазақстандық қалалардың даму ерекшеліктері мен үрдістерін, сондай-ақ оларға үстем репродуктивтік сценарийлерді ашады.

Зерттеудің нәтижесі бірыңғай демографиялық жүйе шеңберінде репродуктивтік сценарийлердің поляризациясының өсуі және соның салдарынан ішкі әлеуметтік-саяси және әлеуметтік-экономикалық жағдайдың шиеленісуі мүмкін екендігі туралы қорытынды болып табылады, ол таяу болашақта қайтымды-қайталанатын сипатқа ие болады.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: қала тууы, репродуктивті мінез-құлық, урбандалу түрі, туу дәстүрі, қазақтар, демографиялық кластер.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуде демеушілік қолдау болған жоқ (меншікті ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Аубакирова, Ж.С., Столярова, Э.О., Краснобаева, Н.Л., Алексеенко, А.Н. (2026). Қазақстандағы демографиялық поляризация және әлеуметтік қатерлердің өсуі (Ковид-2019 пандемиясына дейін). *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 103-123. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_7

* Хат-хабаршы автор: Краснобаева Нелли Леонидовна, e-mail: krasn_nelli@mail.ru

INTRODUCTION

One of the most significant contradictions of Kazakhstani demographic system, which became relatively autonomous at the turn of the XXth - XXIst centuries, is the presence of two opposite models in the trends of reproductive behavior. One of these models - it can be labeled as South-Western, - demonstrates constantly growing fertility rates (nowadays the total fertility rate (TFR) is more than 4.0), which allows us to predict the expanded reproduction of the population for at least several decades ahead. The other one - North-Eastern model, is characterized by low birth rates, in some areas of TFR they are below 2.0, which indicates the depopulation scenario. Dynamics of mortality rates (including maternal and infant) can make some adjustments to these opposite trends, but in modern conditions these factors in Kazakhstan are unlikely to play a noticeable role. The special characteristic of the birth rate is its ethnic aspect. For the first time in modern history of Kazakhstan, the demographic situation in the country is fully determined by the Kazakh population (only since the early 1990s the Kazakhs have become the dominant element of the ethnic structure), even in the cities (since 2006 more than 50% (50.62%) of urban population on average in the country) (Ethnodemographic yearbook of Kazakhstan, 2006, pp. 5). Under these conditions, the reproductive models are polarized within the framework of a unified demographic system. Opposite reproductive models are of crisis nature and have significant potential for destabilization of Kazakhstani society.

The problem is that in public opinion, often supported by the statements of political and public figures of Kazakhstan, the "North-Eastern" scenario is considered as definitely negative, and "South-Western" is more like a positive, while both of these scenarios have crisis nature; each of them entails a complex of serious social-economic risks, completely different in their contents.

The risks of depopulation and aging of the population are quite realized by the society while the negative consequences of high fertility in modern Kazakhstani realities have been discussed relatively recently (Sarsembayeva & Krasnobayeva, 2021, pp. 49-50). One of the determining factors in the emergence and development of real and potential threats is women reproductive policies, which reflect historical, social-economic, and social-cultural characteristics of the regions. The combination of demographic problems forms the risks of social and political destabilization, whereas a large number of young people are concentrated in several major cities and certain regions where they do not have prospects for decent employment and socially appreciated self-realization. It is telling that all the risks listed above are at best declared but are not subjected to systemic analysis. The dynamics of their increase or decline is not studied. The main issue is that they are not taken into account while state planning of the social-economic development of the territories.

A brief analysis makes it possible to realize that opposite demographic scenarios create a mirror reflection of risks in all major aspects of social development: from geopolitics to health care system and education. For various reasons, but equally negative, these scenarios prevent the effective development of human resources and the growth of social asset of the state. The authors hope that the results of this study will attract attention of state institutions, expert community and wide circles of Kazakhstani society to the objective and integrated assessment of the demographic processes polarization. Such a development of events entails not only growth of risks, but also the transition to the threat to national security and sudden actualization of social-political crises.

This thesis unfortunately was confirmed in the Kazakhstani events of January 2022. The first decades of the XXI century were marked with significant social and demographic changes in Kazakhstan that were of deep and structural nature. The rapid growth of the Kazakhs proportion in population in the context of intensified urbanization becomes one of the determining factors of the development of the country. The reproductive behavior of Kazakh women in cities (and they indeed determine the content of actual fertility processes) reflects the complex and controversial mutual influence of multidirectional trends - having many children, having a few ones and low fertility. The combination of these trends allows us to determine which phase of the demographic transition the urban Kazakh population in different regions of the country is and which intensity of this process will be in the nearest future.

REVIEW AND ANALYSIS OF REFERENCES ON THE ISSUE OF THE RESEARCH

The subject of the reproductive behavior of the population within the general problem of the birth rate began to draw attention of many scholars since the second half of the 20th century. In the 1950s there were published researches which introduced fertility measurement methods (Bourgeois-Pichat, 1964, pp. 417-438), estimation of the likelihood of a family increase (Henri & Blum, 1997, pp. 43), indicators of the expected number of children (Freedman 1961-1962). There were studied the possibilities of using a cohort-component method for evaluating fertility processes (Bogue, 1971; Shryock, 1971). The practice of social-demographic surveys has been expanding, in the 1960s they already cover all economically developed countries. Extensive reviews and comparative studies of the dynamics and rates of fertility appear.

Issues of reproductive behavior become the main theme of demographic research in the post-Soviet area. The reasons and factors of fertility decline (Borisov, 1997, pp. 29-65) are studied, the cohort-component method is used in the practice (Harutyunyan, 1997). Theoretical and methodological problems of reproductive behavior were considered in the "Sociology of fertility" (Antonov, 1980). The author outlined the theory of reproductive behavior using the materials of Soviet and foreign studies.

The circle of Kazakhstani specialists studying the issues of reproduction of the population is quite narrow. The ethnic aspects of the reproduction of the population were considered in the studies of M. Tatimov (Tatimov, 1989; Tatimov, 1997; Tatimov & Tatimova, 2010). At the end of the twentieth century there was made an attempt to identify the features of the Kazakh Ethnicity demographic development including fertility (Alekseenko & Baykhonova, 2014, pp. 203-208, Sarsembayeva, 2013, pp.7-16). A number of publications were devoted to the study of potential of the traditional "social asset" in the context of fertility processes (Yessimova, 2010, pp. 8-14), to the new trends in the reproductive behavior of the population of southern Kazakhstan (Yessimova & Valitova, 2021, pp. 73-80). The influence of social networks on family reproductive behavior in Kazakhstan was studied by Z.Valitova (2008). The processes of social-cultural adaptation of the Kazakhs in the city, a collision of traditional and modern preferences in urban territory is also covered in some articles (Sultangalieva, 2010; Romanova, 1999, pp. 135-139). This is a brief overview of fertility issues which are studied by the scholars of Kazakhstan.

Recently in international research community there spread the interdisciplinary approaches to the study of the processes of population reproduction in the terms of urbanization. This allows us to use best practice guidelines in geographic, economic, sociological and statistical analysis for studying problems whose main subjects are demographic phenomena. In the authors' point of view, publications on the issues of the birth rate in the cities of European countries are of particular interest, including the use of a statistical approach that brings together global and local indices of spatial autocorrelation by Moran, multivariate methods for studying the influence of the long-term urban cycle (urbanization, suburbanization, counteraction of urbanization, repeated urbanization) on the spatial structure of fertility indicators (Salvati, 2020, pp. 549-575; Egidi & Salvati, 2021, pp. 151-172; Salvati, 2021, pp. 195-215). It is important to consider the birth rate from the position of influence on urban cycles in Europe, the role of suburban fertility in the growth of metropolises and the correlation between changes in fertility and expansion of cities (Rodrigo-Comino et al., 2021, pp. 1-14; Lopez-Gay & Salvati, 2021). The last article also concludes that demographic indicators are important for understanding the processes of settlement (city, suburb, village) and social-economic trends. The conclusion of Halbac-Cotoara-Zamfir, Egidi, Salvia, Salvati, Sateriano, Gimenez-Morera that the birth rate is a spatially nonstationary feature of regional demographic systems seems to be of great importance (Halbac-Cotoara-Zamfir et al., 2021, pp. 1-18). The authors conclude that the fertility rates in the suburbs are systematically higher than in the cities and rural areas, and this conclusion is drawn from the study of countries with low birth rates and a relatively long history of urbanization of the main part of the population. Of particular interest, these statements are for comparative analysis with research results in a country with high birth rates, whose significant part of the population are city-dwellers in the first, maximum second, generation (Kazakhstan).

The authors of this study have some experience in the study of fertility processes in Kazakhstan. Based on cluster analysis of demographic indicators (general and age-related fertility rates, a net reproduction rate, the total fertility rate) Zh.Aubakirova, E.Stolyarova distinguished the regions of Kazakhstan with various reproduction rates, recorded the regional diversity of the reproductive attitudes of the population, considered fertility processes in the context of demographic security RK (Aubakirova & Stolyarova, 2021, pp.106-113).

The purpose of the study is to identify the dynamics of polarization of reproductive processes and to evaluate the increase or decline of social risks due to demographic polarization. The research period: 1999-2009 - the period between censuses, and from 2009 to 2019. The data for 2020 and 2021 is not included in the study as the effect of the COVID-19 pandemic and governmental measures to inhibit it on demographic processes has not been studied yet.

Research tasks:

1. Assessment of the correlation degree between the Kazakhs proportion indicators in urban population and the total fertility rate in Kazakhstani cities.
2. Typology of regional reproductive behavior scenarios with cluster analysis.
3. Determination of dynamic changes in the amplitude of fluctuations between the maximum and minimum indicators of demographic clusters to assess the dynamics of social risks. Identification of the localization trend and increase of risks and threats.
4. Development of comparative cases for four Kazakhstani cities (Petropavlovsk, Ust-Kamenogorsk, Shymkent, Aktau) belonging to different demographic clusters and emphasis on their cultural and historical, social-economic specificity as an environment affecting the choice of reproductive scenario. Hypothesis: If the amplitude of differences in opposite reproductive scenarios is stable, then the risks are "preserved". However, if the polarization of differences in reproductive behavior increases, then the risks are transformed in the threats to demographic safety and social-political stability.

RESEARCH METHODOLOGY

The study methodology is based on: the method of assessing the correlation by K. Pearson, the method of clustering based on the detection of tight links between the processes and the calculation of the fluctuation amplitude between the demographic extremes, the use of case study on separate Kazakhstani cities. First of all, it was necessary to confirm or refute the existence of direct linear relationship, as well as to measure its force during the studied period between the two demographic processes - the urbanization of the Kazakh population and changes in the birth rates in cities. Only if such connection received statistical evidence, the two of these indicators could be used to conduct a demographic clustering procedure.

Logic and scientific intuition allow us to claim with a certain share of confidence that in Kazakhstan there is a connection between the proportion of the Kazakhs as a part of urban population and the total fertility rate. It is the Kazakhs today who determine the birth trends in the cities of the country. This statement defines the selection of two indicators for clustering the proportion of the Kazakhs as part of the urban population and TFR. To check the presence or absence of the necessary connection between these processes, the following formula of the Pearson correlation rate was used (1).

$$r_{xy} = \frac{\sum(x_i - \bar{x}) \times (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_i - \bar{x})^2 \times \sum(y_i - \bar{y})^2}} \quad (1)$$

where: x_i is the variable value of "the proportion of Kazakhs in the city population";

y_i - the variable value of "the total birth rate of the urban population";

$\bar{x}$ - the arithmetic average variable of "the proportion of Kazakhs as part of the urban population";

$\bar{y}$ - the arithmetic average variable of "the total fertility of the city population".

Calculations have shown that in 1999, the Pearson correlation rate between the proportion of the Kazakh population in the cities and the value of the total fertility rate of the urban population in the Republic amounted to 0.747. The strong positive connection was identified and recorded between two of these indicators: the higher the values on the scale "The share of Kazakhs in the urban population", the more indicators on the scale of the total urban fertility rate were expressed. According to 2009 data, this connection even intensified - 0.752. In 2019, some weakening of this connection - 0.718 - can be noted, but it still remains strong. Thus, the evidence of the validity for studying the regions of Kazakhstan as objects belonging to specific demographic clusters was proved.

The cluster approach in demographic studies allows us to identify similar processes in various areas. The cluster is a relatively autonomous (including a logical meaning) combination of homogeneous objects. In fact, the cluster is a super or meta object with its own characteristics that reflect the synthesis result of the characteristics of objects, which form the cluster. So, the demographic processes of the first level (in this case, the proportion of Kazakhs in the city population and the total urban fertility rate), interacting with each other, form an object of the second level - a demographic cluster - an area or group of areas with similar characteristics of some demographic processes. The object of clustering was the urban population of 14 main regions of Kazakhstan and three cities of republican importance - Nur-Sultan, Almaty, Shymkent. The clustering process begins with the definition of demographic processes, whose condition, firstly, can be calculated and compared, and secondly, whose mutual influence can be statistically confirmed. As the above calculations show, over the past decades, the process of urbanization of the Kazakh ethnicity and the dynamics of the total fertility rate are in close correlation. As it was already noted, the Kazakhs became a majority of urban population only in the first decade of the XXIst century. At the same time, expanded reproduction (the predominance of having a few or many children) becomes characteristic of the overwhelming part of the urban population of Kazakhstan, which is logical if we take into account the confirmed relationship between the two demographic processes. For further analysis, the following selected indicators were grouped into the table (table 1).

Table 1. Dynamics of the total fertility coefficient and amplitude of regional fluctuations (1999-2019)

Year	The maximum value of the total birth rate of the urban population	The minimum value of the total birth rate of the city population	The amplitude of regional fluctuations	The average value in the republic
1999	2.46 (Atyrau region)	1.03 (Nur-Sultan city)	1.43	1.7
2009	4.28 (Turkistan region)	1.64 (Kostanay region)	2.64	2.53
2019	4.45 (Almaty region)	1.74 (North Kazakhstan region)	2.71	3.0
<i>Calculated by: Demographic yearbook of the regions of Kazakhstan, 2006, p. 277; Demographic yearbook of Kazakhstan, 2010, pp. 127-146; Demographic yearbook of Kazakhstan, 2020, pp. 96, 99, 102, 105, 108, 111, 114, 117, 129, 132, 135, 137, 139.</i>				

Comparing of the data by the total fertility rate allows us not only to attest the birth rate leap, that occurred in Kazakhstan in the first decade of the twentieth century, but also identify the growing amplitude of regional fluctuations. If in 1999 the difference between the maximum and minimum indicators of the total fertility rate was 1.7 (which evidenced to significant polarization), in 2019 this difference almost doubled and amounted to 3.0. Such fluctuations within a unified demographic system indicate the crucial imbalance in fertility processes. But the data shown in the table reflects only extremes. Is it possible that the situation did not affect the other regions? To answer this question, the dynamic grouping of the regions was carried out (1999-2019). The grouping by the total fertility rate was carried out as follows: the point of reference is 2.0 - the lower reproduction of the population

usually becomes constricted, higher - extended. Further measuring step is equal to 1. As a result, four groups of regions were obtained (table 2).

Table 2. Regional dynamics of the total fertility coefficient (1999-2019)

Groups	1999		2009		2019	
	Regions	Average Value for the Group	Regions	Average Value for the Group	Regions	Average Value for the Group
Group 1: less than 2.0	Kostanay, North Kazakhstan, East Kazakhstan, Pavlodar, Karaganda, Akmola, Aktobe, Zhambyl and Almaty regions; Almaty city, Nur-Sultan city	1.43	Kostanay, North Kazakhstan, East Kazakhstan, Pavlodar and Karaganda regions; Almaty city	1.84	Kostanay and North Kazakhstan regions; Almaty	1.79
Group 2: from 2.0 to 3.0	Mangistau, Turkestan, Kyzyl-Orda and Atyrau regions; Shymkent city	2.33	Aktobe, West Kazakhstan, Akmola, Almaty and Zhambyl regions; Nur-Sultan city, Shymkent city	2.54	East Kazakhstan, Pavlodar, Karaganda Akmola and West Kazakhstan regions; Nur-Sultan city	2.47
Group 3: from 3.0 to 4.0			Mangystau, Atyrau and Kyzyl-Orda regions	3.32	Aktobe, Atyrau, Kyzyl-Orda and Zhambyl regions; Shymkent city	3.56
Group 4: above 4.0			Turkestan region	4.28	Turkestan, Mangystau and Almaty region	4.38

Calculated by: Demographic yearbook of the regions of Kazakhstan, 2006: 277; Demographic yearbook of Kazakhstan, 2010, pp. 127-146; Demographic yearbook of Kazakhstan, 2020, pp. 96, 99, 102, 105, 108, 111, 114, 117, 129, 132, 135, 137, 139.

The analysis of the general regional dynamics of the total birth coefficient reveals those areas that formed groups 3 and 4 (TFR is above 3.0 and 4.0) from 1999 to 2009 and from 2009 to 2019. This is the Turkestan, Mangystau, Almaty, Aktobe, Atyrau, Kyzyl-Orda, Zhambyl regions and Shymkent city, all of them are located in the South-West of Kazakhstan. It was them that became the source of a sharp increase in the polarization of reproductive scenarios - there the total birth rate increased almost twice, while in the northeastern regions its growth amounted only to 0.4 (table 2).

The relationship of these processes with the ongoing urbanization of the Kazakhs is additionally confirmed by the data presented in table 3.

The grouping by the proportion of the Kazakhs in the urban population was carried out considering the parameters of the grouping by the total fertility rate. There were identified four groups, the measuring step was determined by the amplitude of the fluctuations of the main indicator at a certain period of time.

Table 3. Dynamics of the Kazakhs proportion in the urban population and amplitude of regional fluctuations (1999-2019)

Year	The maximum value of the Kazakhs proportion in the urban population	The minimum value of the Kazakhs proportion in the urban population	The amplitude of regional fluctuations	The average value in the republic
1999	91.3% (Kyzyl-Orda region)	18.8% (North Kazakhstan region)	72.5% (grouping step - 18.1%)	44.7%
2009	91.2% (Kyzyl-Orda region)	24.1% (North Kazakhstan region)	76.1% (grouping step - 16.8%)	58.4%
2019	93.5% (Kyzyl-Orda region)	29.3% (North Kazakhstan region)	64.2% (grouping step - 16.1%)	64.2%
<i>Calculated by: The national composition of the population of the Republic of Kazakhstan. Results of the 1999 Population census in the Republic of Kazakhstan, 2000, pp. 29,41,53,65,77,89,101,13,125,137,149,161,173,185,195,199; Analytical report "Results of the national population census of the Republic of Kazakhstan of Kazakhstan", 2011, pp. 20. The population of the Republic of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2020.</i>				

Thus, if the amplitude was 44.7%, then after dividing into four equal parts the step of 18.1% was obtained. Such approach made it possible to keep the comparability of the process of the Kazakhs urbanization and the urban population birth rate (table 4).

Table 4. Regional dynamics of the Kazakhs proportion in urban population (1999-2019)

Groups	1999		2009		2019	
	Regions	Average Value for the Group	Regions	Average Value for the Group	Regions	Average Value for the Group
Group1	North Kazakhstan, Kostanay, Akmola, Pavlodar, Karaganda and East Kazakhstan regions	26.9%	North Kazakhstan, Kostanay and Karaganda regions	31.8%	North Kazakhstan, Kostanay and Karaganda regions	36.3%
Group 2	West Kazakhstan, Atyrau, Almaty and Zhambyl regions; Almaty city, Nur-Sultan city	44.2%	Pavlodar, Akmola, East Kazakhstan and Almaty regions, Almaty city	48.3%	Pavlodar, Akmola, East Kazakhstan and Almaty regions, Almaty city	56.7%
Group 3	South Kazakhstan, Aktobe and Mangistau regions	65.6%	West Kazakhstan, Zhambyl and Turkestan regions, Shymkent city, Nur-Sultan city	65.5%	West Kazakhstan, Zhambyl, Turkestan, Mangistau and Almaty regions, Shymkent city, Nur-Sultan city	69.6%

Group 4	Kyzyl-Orda region	91.3%	Aktobe, Mangistau, Atyrau and Kyzyl-Orda regions	82.4%	Aktobe, Atyrau and Kyzyl-Orda regions, Nur-Sultan city	84.8%
<i>Calculated by: The national composition of the population of the Republic of Kazakhstan. Results of the 1999 Population census in the Republic of Kazakhstan. T.1 2000, pp. 29,41.53,65,77,89,101,13,125,137,149,161,173,185,195,199. Analytical report "Results of the national population census of the Republic of Kazakhstan" 2011, pp. 20. The population of the Republic of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2020.</i>						

RESEARCH RESULTS

The demographic clusters were identified after comparing of the two groups (table 5). Judging by the statistics, in the latest decade in Kazakhstan the polarization of demographic clusters not only exists, but increases. Although the total dynamics of the population in twenty years (1999-2019) demonstrates the growth by only 1.4% (Demographic statistical yearbook of Kazakhstan, 2000, pp. 7; Kazakhstan, 2020, pp. 1), the proportion of urban Kazakhs for the same period increases by 19.6% (table 3). Such rates demonstrate that the main content of urbanization processes in Kazakhstan provides the title ethnos due to internal migrations and natural growth.

Table 5. Demographic clusters based on grouping by the TFR and the Kazakhs proportion in the urban population (1999-2019)

Regions	1999		2009		2019	
	Group	Cluster	Group	Cluster	Group	Cluster
Akmola	1-1	1	2-2	2	2-2	2
Aktobe	1-3	2	2-4	3	2-4	3
Almaty	1-2	1.5	2-2	2	4-3	3.5
Atyrau	2-2	2	3-4	3.5	3-4	3.5
East Kazakhstan	1-1	1	1-2	1.5	2-2	2
Zhambyl	1-2	1.5	2-3	2.5	3-3	3
West Kazakhstan	1-2	1.5	2-3	2.5	2-3	2.5
Karaganda	1-1	1	2-1	1.5	2-1	1.5
Kostanay	1-1	1	1-1	1	1-1	1
Kyzyl-Orda	2-4	3	3-4	3.5	3-4	3.5
Mangistau	2-3	2.5	3-4	3.5	4-3	3.5
Pavlodar	1-1	1	1-2	1.5	2-2	2
North Kazakhstan	1-1	1	1-1	1	1-1	1
Turkestan	2-2	2	4-3	3.5	4-3	3.5
Almaty city	1-2	1.5	1-2	1.5	1-2	1.5
Nur-Sultan city	1-2	1.5	2-3	2.5	2-4	3
Shymkent city	2-2	2	2-3	2.5	3-3	3
<i>In the Column "Group" - the first number indicates belonging to the group by the total urban birth rate, the second - belonging to the group by the Kazakhs proportion in the urban population</i>						

In this regard the obtained results confirm the importance of urbanization processes in the TFR dynamics of the urban population. It seems to be essential to point out the definition and characteristics of history of various types of Kazakhstani cities formation and typical scenarios of reproductive behavior. The modern cities of Kazakhstan demonstrate two main historical types: "the old" and "the new" ones. They differ geographically, by the time of emergence, ethnic structure of the population, as well as social-economic and social-cultural characteristics.

In Kazakhstan, urbanization has a pronounced ethno-regional specificity. The noticeable movement of the Kazakhs from the countryside into the cities throughout most of the country, especially in the central, northern and eastern regions, begins in the 1960s and becomes more active

in the period when sovereignty was regained. As a result, an idea of a city as a new, previously not mastered territory has been formed. However, in the South and the West, where most of the population concentrates, in 1999, the share of Kazakhs in the urban population exceeded 50%: in the Kyzyl-Orda region - 91.3%, Mangystau¹ - 72.9%, Aktope - 62.2 %. Hence, the cities in the south-west of the country have long ago become more "Kazakh" to a large extent. It is completely not justified to talk about the urbanization of the Kazakh ethnicity as a new phenomenon in these regions. A completely different picture was observed in the central and north-eastern regions of Kazakhstan in 1999: the proportion of Kazakhs in the urban population reached only 33.1% - the East Kazakhstan region, and the minimal indicators were registered in the North Kazakhstan (18.8%) and Kostanay (20.2%) regions. Thus, on one pole of the urbanization process there were almost mono-ethnic Kazakh cities of the Kyzyl-Orda region (91.3%), and on the other - the city, where Kazakhs were the insignificant part of the population with the background of the representatives of other ethnic groups - the North Kazakhstan region (30.0%). It is important to note that the Russian population prevailed in the cities of the second type. They were represented by migrants from more economically developed regions of the USSR, with a high level of vocational training, which made the city of second type not only industrial in economic terms, but also Russian-speaking in the aspect of different social -cultural medium formation.

The differences in reproductive behavior may be largely influenced by such factor as urban birth cycles (Salvati, 2021, pp. 195-215). It should be noted that Kazakhstani cities, in the terms of progress cyclicality, are unsynchronized, they are at different stages of urbanization-suburbanization-ruralization. The history of their occurrence and formation (pre-industrial and industrial), the population density in the territories surrounding the cities, the conditions of modern post-industrial functioning are of great importance.

Up to date, two different types of the Kazakhs urbanization have been developed. The first type historically rooted in the Middle Ages, when the city did not play a significant role in the productive sector of the traditional society economy, but took a key position in trade, religion, politics. With such cities the Kazakhs in the south-west were well acquainted; the social-cultural space of those cities was formed to a large extent being influenced by the Turkic (including Proto-Kazakh) traditional culture. Currently, the population of these cities is substantially characterized by preservation of preindustrial tradition of high fertility. The second type of urbanization spread in the context of the modern industrial city, which becomes the center of all socially significant processes and, first of all, of economic development. The social-cultural space of these cities was formed primarily by Russian-speaking migrants. A new industrial tradition of low fertility was formed and consolidated there in two or three generations.

Different types of urbanization correspond to a different social-cultural space, which directly forms a system of values and social practices and dictates specific types of behavior, including reproductive. The thesis that urbanization quickly and inevitably leads to a fertility decrease came from experience of the second type urbanization, which is typical of the industrial phase of social development. The authors suggest that the differences in a social-cultural background largely determine the distinctions in the reproductive behavior of the Kazakhs living in the cities of various regions of the country. According to statistics of 2019, these differences are really big – from the constricted reproduction in the North Kazakhstan (TFR 1.74) and Kostanay (TFR 1.8) regions to the well -pronounced expanded reproduction in Almaty (TFR 4.45), Mangystau (TFR 4,4) and Turkestan (TFR 4,28) regions.

Women living in the cities of various regions experience a certain socializing influence of these social-cultural complexes and the degree of that influence largely depends on the duration of living in the certain type of the city, as well as the age the woman arrived in the city. Definitely, the reproductive behavior of a woman is affected by a large number of factors of different origin, but for

¹ The center of Mangystau region - the city of Aktau- is the exception of general way of Kazakhstani cities emergence and development. Having appeared in 1964 at the climax of industrialization, Aktau immediately became a city with the Kazakh population prevalence.

the authors of the article, it is important to find out a relationship or its absence between the designated social-cultural urban complex and the reproductive self-realization of the city Kazakh women. In 2021, the authors of the article started to implement a "Regional features of reproductive behavior of Urban Kazakh women" project (funded by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan). Qualitative studies into the influence of the social-cultural urban environment on the reproductive attitudes of women are conducted within the framework of this project.

Modern types of reproductive behavior were determined on the basis of statistical and sociological data. It is possible to distinguish a number of components of such behavior: the assimilated reproductive experience of previous generations, personal attitudes towards a certain number of children or refusal to bear children, attitudes towards conditions for children socialization. All these components are under continuous impact of woman's living conditions and can be modified during their reproductive age. The content of these components and their combination form various reproductive scenarios:

The scenario "High fertility rate": the pre-industrial tradition of having many children preserved in the early stages of urbanization (reproductive conformism, non-critical succession), economic feasibility (programs of state support for large families), status-psychological motivation (social significance of motherhood in woman personal attitude), the pressure of the external environment (husband, relatives, micro-society). As a rule, marriage (issued by the secular registration and / or religious ritual) remains an important condition for the implementation of high fertility.

The scenario "Middle fertility rate": transitional option from high fertility to low fertility. The gradual change in the content of the high fertility concept, when three children in family are perceived in society as the upper limit of the reproductive norm. Reverse transition is also possible - from low fertility to high fertility. For Kazakhstan, the second option is associated with the practice of postponed (third) birth after overcoming the crisis of the 1990s.

The scenario "Low fertility rate": two main options are possible: 1) the early phase of urbanization, when the low fertility becomes the result of individual experience, breaking with the tradition of having many children in previous generations (kind of urbanization blow to the pre-industrial tradition of high fertility); 2) a new tradition of low fertility, formed and implemented in the second/third urban generation: new opportunities and motivation for woman's social self-realization; the increased demand for conditions for children socialization; economic inadvisability of high fertility.

The scenario "Refusal of childbearing": Negative background of maturity in a destructive family (the next phase of the low-fertility tradition), dysfunction of family social institution. Decline of the social significance of maternity and growth of social and economic significance of professional self-realization. High expenditure on conditions for children socialization.

Differentiated expansion of these scenarios in different cities and regions of Kazakhstan demonstrate different fertility standards for different social-cultural locations. The authors share views of a number of scholars that the birth rate in cities is cycled, and the growing fertility may (and necessarily early or later will) be changed by stabilization and gradual or fast recession (Salvati, 2020, pp. 549-575). However, how long each cycle will last depends on a number of factors. Under their influence the low birth rates can eventually demonstrate quantitative growth and qualitative transformation, including through the introduction of new social-cultural meanings into the reproductive behavior of citizens. Currently, despite the differences in the intensity of the process, the growth of fertility rates is recorded in all major Kazakhstan cities. This is primarily connected with the changes in the ethnic structure of urban population. However, accession of rural suburbs to the city territories also plays a certain role. In many cases, suburbs, formally included in the city borders, provide rapid fertility growth. Thus, it is not always possible to evaluate statistically the cycling of the birth rate, since the regional data often are not available.

The case study method makes it possible to identify how big the differences in the demographic and social-cultural geography of Kazakhstan are. Four cases, which represent a brief overview of the historical, economic, demographic parameters of Kazakhstani cities will be considered further. In all

cases, there is a conclusion about the most typical reproductive scenario for the particular city and social risks, which are inherent in these scenarios. Each selected city belongs to one of four demographic clusters. The dominance of a reproductive scenario in each specific case does not cancel the presence of other options of reproductive behavior, which, however, do not currently affect significantly the demographic situation.

Case "North". Petropavlovsk city (North Kazakhstan region): in two indicators (TFR - 1.74 and the proportion of Kazakhs in the city population - 29.3%). (The Population of the Republic of Kazakhstan, 2020). Petropavlovsk belongs to the first demographic cluster (table 5).

City's history. Petropavlovskaya fortress was founded in 1752, in 1807 the defensive fortifications were renamed Petropavlovsk. From 1936 up to now, it is the administrative center of the North Kazakhstan region. According to the census of 1897, 19,688 people lived in the city, among them the Kazakhs were 7.5%. Most of the population were the Russians (The first general population census of the Russian Empire, 1897, pp. 2-3).

Demographic characteristics. In 2019, the population amounts 218,956 people, for the first decade of the XXI century, it increased by 7.0% (due to internal migrations) (Demographic yearbook of the North Kazakhstan region, 2020, pp. 9). The ethnic structure is represented by 59.3% of the Russians, 30.0% of the Kazakhs and 10.7% of other ethnic groups (The population of the Republic of Kazakhstan, 2020).

Reproductive scenario. Most of Petropavlovsk women's choice is low fertility. This is confirmed by the data for 2019 - a child care allowance for up to 1 year was received by: for the first child - 31.0%; for the second one - 34.0%; for the third one - 21.3%; for the fourth and more - 13.7%. The number of mothers of many children (four and more underaged children) receiving a special allowance - 1241 (Women and men of the North Kazakhstan region, 2020, pp. 33). According to the medical statistics, 57.5% of Petropavlovsk residents of fertile age use contraception. Among them - 46.8% use condoms, 32.8% - hormonal drugs, 20.3% - intrauterine devices (Women and men of the North Kazakhstan Region 2020, pp. 33). This indicates a significant redistribution of reproductive responsibility, in almost half of the cases men participate in the birth control directly. At the same time, there is a high abortion rate - 42.3 per 1000 women aged 15-49 years (Women and men of the North Kazakhstan region, 2020, pp. 43), the infant mortality rate - 9.88% (Demographic yearbook of the North Kazakhstan region, 2020, pp. 83). This reproductive scenario identified the corresponding age structure of the city: children under 14 are 18.2%, the elderly (over 65 years old) - 11.5% (Demographic yearbook of the North Kazakhstan Region, 2020, pp. 11). Overall, for a long time a depopulation demographic model has been fulfilled and there is no potential to change the situation: the number of female fertile cohort in the city is 49,504 people, which is 22.6% of the total population, a third of them – Kazakh women (Demographic yearbook of the North Kazakhstan region, 2020, pp. 12). The industrial tradition of low fertility or refusal to childbearing has been formed in the city.

Migration factor. Petropavlovsk does not belong to the number of the most attractive for the Kazakh population cities. In the nearest future it cannot expect a large influx of new inhabitants - bearers of the pre-industrial tradition of large families that could turn the current situation.

Social-demographic risks and threats. Ethnic replacement has not greatly influenced the main reproductive scenario yet, which, in combination with negative migration indicators, makes real the following social-demographic risks:

- low population density of the North Kazakhstan region (average value of 5.66 people / km²) and a potential reduction in control over border areas.
- aging of the population, high demographic burden, the deficit of the working-age population.
- high mortality rates of the population as a result of the ageing population structure, which in turn entails a specific pressure on the health care system.
- depopulation and lack of demographic resource to increase fertility.
- high risk of migration outflow, including due to the high proportion of non-Kazakh population.

- high migration potential both of internal nature (moving to other cities of the country) and external (outflow of qualified personnel, including the most competitive youth - loss of human resources).

Case "East". Ust-Kamenogorsk (East Kazakhstan region): According to two indicators (TFR - 2,21 and the share of Kazakhs as a part of the urban population - 46.8%) (The Population of the Republic of Kazakhstan, 2020). Ust-Kamenogorsk takes an intermediate position between the first and second demographic clusters (table 5).

City's history. Ust-Kamenogorsk fortress was founded in 1720, in 1868 the fortress received the status of the city. According to the census of the population of the city was 8,721 people, 85.8% of them Russians, 7.5% Kazakhs (The First general population census of the Russian Empire, 1905, pp. 2-3). Since 1939, it is the Administrative Center of the East Kazakhstan region. Since the late 1940s, the social-economic life of the city is influenced by large metallurgical enterprises. In the immediate vicinity of the city there are dozens of rural settlements.

Demographic characteristics. The data on the population number and the ethnic structure at the end of the 19th century. In 2019, the population was 343,799 people; in two decades it increased by 11.0% (Demographic yearbook of the East Kazakhstan region, 2020, pp. 12). In 2019, the ethnic structure is formed by the Russian and the Kazakh population - 49.1% and 46.8%, respectively (Demographic yearbook of the East Kazakhstan region, 2020, pp. 12).

Reproductive scenario. The main reproductive choice is middle fertility, which ensures simple reproduction of the population. Women of fertile age make up 22.5% of all citizens (Demographic yearbook of the East Kazakhstan region, 2020, pp. 22, 23). In 2019, out of the total number of child care allowance (up to one year) recipients those, who received it for the first child - 27.4%; 29.1% for the second, 23.4% for the third, 21.1% for the fourth or more. The number of mothers living together with four and more under aged children - 746 (Women and men and the East Kazakhstan region, 2020, pp. 30). Infant mortality rate - 10.33 per thousand (Demographic yearbook of the East Kazakhstan region, 2020, pp. 109). According to the medical statistics, 48% of reproductive age women in Ust-Kamenogorsk use contraception, 38.0% use condoms, 39.5 - tablets, 22.4% - intrauterine device (Women and men and The East Kazakhstan region, 2020, pp. 41). The total abortion coefficient in 2019 was 30.4 per 1000 women aged 15-49 years (Demographic yearbook of the East Kazakhstan region, 2020: 99). The age structure of the city's population: children under 14 years old - 20.2%, elderly group over 65 - 12.3% (Demographic Yearbook of the East Kazakhstan Region, 2020, pp. 16). Ethnic substitution is particularly noticeable: natural growth in population among the Kazakhs in 2019 amounted to 11,337 people, the Russians' indicators are negative (-3 322) (Demographic yearbook of the East Kazakhstan region, 2020, pp. 79). Soon, the Kazakhs will become the defining element of the city's ethnic structure, but at the time the fertility indicators of the Kazakh women are noticeably lower than in other cities with the historically predominant Kazakh population.

Migration factor. Mainly Kazakhs arrive in the city (85.3% of the total number of arrivals), but the balance of migration, both external and internal is negative (Demographic yearbook of the East Kazakhstan region, 2020, pp. 149). Ust-Kamenogorsk plays the role of a kind of "transit point" - the Kazakh population, first of all, the youth, is leaving for more attractive to migrants cities of Kazakhstan, the Russians move to the Russian Federation. A prominent role for young people of all ethnic groups is played by internal and external educational migration, often irretrievable.

Social-demographic risks and threats. Ethnic replacement has not greatly influenced the main reproductive scenario yet; that is, in combination with negative migration indicators, makes real the following social-demographic risks:

- Low density of the population of the East Kazakhstan region (the average value of 4.9 people / km²) and a potential reduction in control over the border areas.

- Ageing of the population, high demographic burden, the deficit of the working-age population.

- High mortality rates of the population as a result of the ageing of the population structure, which in turn leads to the specific pressure on the health care system.

- High risk of migration outflow, including due to the relatively high proportion of the non-Kazakh population.
- High migration potential both of internal nature (other cities of the country) and external (outflow of qualified personnel, including the most competitive youth - loss of human resources).

Case "South". Shymkent city (city of republican significance, earlier was the center of the South Kazakhstan region): in two indicators (TFR - 3.32 and the proportion of Kazakhs in the city population - 67.1%) (The population of the Republic of Kazakhstan, 2020) Shymkent belongs to the third demographic cluster (table 5).

City's history. In 1897, the population of the city was 11,194 inhabitants, since 1932 Shymkent is the center of the South Kazakhstan region. At the beginning of the XXI century (2004, 2013, 2015), the area and the population of the city are rapidly growing, including through the accession of adjacent rural areas. At once it added 237 thousand people to the number of residents. Currently, Shymkent has the status of the city of republican significance. There are dozens rural settlements in the vicinity of the city.

Demographic characteristics. In 2019, according to the official data, the population of Shymkent was 1,038,52 people. In 2019 the Kazakhs make up two thirds of the population - 67.1%, the Uzbeks (17.5%), the Russians (8.6%), and other ethnic groups - 5.7% (Demographic yearbook of the city of Shymkent, 2021, pp. 5).

Reproductive scenario. A typical reproductive scenario tends to the middle and high fertility, which is determined by women's choice. Each third woman in the city uses some kind of contraception according to the medical statistics. Condoms make up only 12.1%; other types: hormonal preparations (13.8%), intrauterine device (73.8%) (Demographic yearbook of the city of Shymkent, 2021, pp. 34). Hence, the participation of men in the birth control is minimal. Allowances for the mothers with many children become in great demand, this is confirmed by the following data - a child care allowance (up to one year) in 2019 were received: for the first child 26.5%, for the second - 26.6%, for the third - 21.9%, for the fourth and more - 25.5%. (Women and men of the city of Shymkent, 2020, pp. 20). Each fourth woman- the resident of fertile age in Shymkent has four or more children. Women of fertile age make up a quarter of total population, 2/3 of them are the Kazakhs. Official data on abortions (0.8 per 1000 women aged 15-49 years 2019) are not credible; moreover, they need additional explanation. (Women and men of the city of Shymkent, 2020, pp. 24). In informal communication it is known that Shymkent is the "center of illegal abortions". This fact was repeatedly confirmed while conducting in-depth interviews with the women-residents of the cities of the South of Kazakhstan. The combination of rigid moral and religious condemnation of abortion, corruption in the health care system and low reproductive literacy lead to the situation when the real number of abortions done in the medical institutions of Shymkent cannot be estimated. It can be assumed that this figure is lower than in the northern and eastern regions, but is significantly higher than officially declared. Children under 14 years old make up 33.1% of the city population, the elderly (more than 65) account for less than 5% (Demographic yearbook of the city of Shymkent, 2021, pp. 9). Such age structure not only has great potential for demographic growth, but also requires a developed infrastructure focused on children, as well as an urban economy, capable to provide employment for rapidly growing number of youth.

Social-demographic risks and threats. The current state of the city does not meet these requirements (among the most significant problems, the city authorities note the shortage of student places - 29.7 thousand) (Shymkent city development program for 2021-2025). The city has formed a medium that not only retained the pre-industrial traditions of high fertility, but even prolonged them gaining such support as state programs. Internal differentiation is great that creates additional social tension. For example, infant mortality rates in the city on average amounted to 9.59 per a thousand newborns, but inside the city they range from 5.47 to 15.26, depending on whether the area is fully "urban" or keeps a rural lifestyle (attached rural areas) (Demographic yearbook of the city of Shymkent, 2021, pp. 34). This situation exacerbates such social risks as:

- high figures of real unemployment, arising as a consequence of insufficient industrialization pace in the second half of the twentieth century, which is not able to adapt most of the rural population.

Nowadays it is not possible to achieve the required level of the economy diversification, which should have reduced such risks.

- high demographic burden on the able-bodied population and a significant specific pressure on the health care system due to the large proportion of children's age groups.
- a shortage of educational services, the lack of both pedagogical personnel, and the capacity of preschool and secondary educational institutions.
- high migration potential (from village to city), which is fueled by unqualified and unsatisfactory qualified youth.
- high risk of religious radicalization.

The combination of the mentioned problems forms threats of social and political destabilization, when a large number of young people are concentrated in a big settlement without having prospects for decent employment and socially approved self-realization.

Case "West". Aktau city (Mangystau region): By two indicators (TFR - 4.4 and the proportion of Kazakhs in the city population - 71.9%) (The population of the Republic of Kazakhstan 2020) Aktau takes an intermediate position between the third and the fourth demographic clusters (table 5).

City's history. Aktau is the youngest of Kazakhstani cities. The status of the city it acquired in 1964; before that for three years, it existed as a village. The reason for creating a city in a desert, almost unsuitable for living area on the shore of the Caspian Sea is the uranium ore deposit. Since 1988, it is the administrative center of the Mangystau region. Currently, Aktau is the center of oil and gas mining. Suburban periphery is represented by one village of Umirzak (7 km from Atyrau) with a population of less than 3,000 people (Demographic yearbook of the Mangystau region, 2020, pp. 8).

Demographic characteristics. When the village of Aktau was founded its population was 14,000 people, among them almost 60.0% were employees of enterprises. The population in 2019 amounted 187,690 people, in twenty years the increase was 13.1% (Demographic yearbook of the Mangystau region, 2020, pp. 8). Throughout the short history the Kazakhs dominate in the ethnic structure of the city - in 2019, they accounted for 71.9%, the Russians - 18.2%, about 10.0% are the representatives of other ethnic groups.

Reproductive scenario. The data on the granted child care allowances (for up to one year) is absent in the regional statistics of Aktau. The conclusion that women living there tend to have a few or many children can be made due to general and specific fertility rates that are provided by republican sources. However, it is known that there are 23.9% of women of fertile age in the city, among them 2/3 are Kazakhs (Men and women of Mangystau region, 2020, pp. 15). For Aktau, "young" age structure is typical, the proportion of children 0-14 years in 2019 amounted to 31.0%, residents over 65 years old - 6.2%. (Demographic yearbook of the Mangystau region, 2020, pp. 11). Infant mortality in 2019 was 12.1 per thousand newborns. (Demographic yearbook of the Mangystau region, 2020, pp. 92). According to the medical statistics, only 19.5% of women of fertile age use contraception (11.9% - condoms, 22.8% - hormonal drugs, 65.1% - intrauterine device), participation of men in the birth control is minimal (Men and women of Mangystau region, 2020, pp. 45). In 2019 the number of abortions per 1,000 women aged 15-49 years was 19.5 (Men and women of Mangystau region, 2020, pp. 44). It can be assumed that this figure is underestimated for the same reasons as in Shymkent.

Migration factor. Aktau, due to high salaries in the oil and gas sector, has a high internal migration attractiveness: the migration balance of the urban Kazakhs in 2019 was +372 people and grows annually, the Uzbeks (31 people), this indicator is negative among the Russians (-192 people). For five years (2015-2019), the number of arrivals in the city increased 5 times. (Demographic yearbook of the Mangystau region, 2020, pp.131).

Social-demographic risks and threats. The sustainable scenario for the middle fertility and high fertility is fed by governmental programs for supporting large families. It was in this region that there were no conditions for the formation of pre-industrial tradition of high fertility - the natural and climatic conditions did not allow to engage in agriculture which would justify economically having many children.

Nevertheless, the combination of migration attractiveness of Aktau in recent decades with the support policy has formed a crisis demographic model with following characteristic risks:

- High figures of real unemployment, especially among the woman's part of the population, as the result of low educational level.
- High demographic burden on the able-bodied population and a significant specific pressure on the health care system due to the large proportion of children's age groups.
- A shortage of educational services, the lack of both pedagogical personnel, and the capacity of preschool and secondary educational institutions. As a result of existing and evolving demographic and social-economic situation, Aktau and other territories of the region have repeatedly become the place of spontaneous protest actions - risks are growing and becoming real threats to social and political stability.

CONCLUSIONS

The data presented in the Cases reveal the following features and trends in the development of Kazakhstani cities, as well as the reproductive scenarios that dominate them.

From the point of view of the typology of Kazakhstani urbanization, which reflects the history of emergence, the ethnic composition of the population and the way of economic development, Shymkent ("Case South" - the 3rd demographic cluster) and Ust-Kamenogorsk ("Case East" - the 2nd demographic cluster) are vivid examples of the "old" and the "new" cities. Shymkent, as the regional trade, culture and crafts center, has been known since ancient times, and Ust-Kamenogorsk fully implements urban status only from the middle of the twentieth century. In Shymkent, Kazakhs were the main element of the ethnic structure over the centuries, but in Ust-Kamenogorsk even today their representation in the ethnic structure of the city is less than 50%. Finally, although there are a number of large industrial enterprises in Shymkent - none of them can be fully called the city-forming; there is a tight connection with the agricultural periphery of the city. In turn, Ust-Kamenogorsk is well-known as the largest center of non-ferrous metallurgy and to date the life of the city directly depends on the functioning of several industrial giants.

Two other cases - "North" (Petropavlovsk - the 1st demographic cluster) and "West" (Aktau - the 4th demographic cluster) cannot be attributed in the pure form to any of the two urbanization types. Petropavlovsk is the city with the predominance of the Russian population, but not possessing significant industrial potential. Aktau is the only example of a new industrial city, whose majority of the population from the moment of emergence is Kazakhs. Talking about the birth rate of the urban population, the similarity of Shymkent and Aktau (3rd and 4th clusters) becomes obvious, as the reproductive scenarios of the middle fertility and the high fertility dominate there - the South-West reproductive scenario (TFR is above 3.0). In turn, it can be noted that in the North-East (Petropavlovsk and Ust-Kamenogorsk - the 1st and the 2nd clusters) the scenarios of the middle and low fertility persist. North-East does not have any significant potential for fertility growth and loses the population of reproductive ages as a result of migration outflow. The risks of less control over border territories and desertification come against the background of low birth rates in the cities of these clusters.

In the South-West there are the 3rd and the 4th demographic clusters with alarmingly high and still growing fertility rates. There the pre-industrial tradition of having many children receives a new economic sense due to the combination of governmental programs for supporting fertility and underemployment (especially among women). The risks of domestic political destabilization have already become apparent and constitute direct threats to state security and there is no reason to believe that such events will not repeat in the future.

Thus, the use of the cluster approach demonstrates the increase in the polarization of reproductive processes in Kazakhstan in the period 1999-2019 and allows us to pinpoint the main cause of what happens- the south-western regions of the country. Due to the absence of a coherent state demographic policy, which would take into account and correct cluster differences, the demographic system of Kazakhstan is getting more and more polarized. That already creates additional social and economic stress which will increase in the next decade. In addition to the main conclusion, it seems necessary to make some additional comments:

1. The urbanization process of the Kazakhs has a different content depending on the type of urbanization.
2. The pace of urbanization of the Kazakhs in reality is not as high as official statistics show, since rural areas may be assigned the urban status, when rural residents become citizens only nominally.
3. The phase of demographic transition, for which the decline in fertility indicators is common, has for most of the population of Kazakhstan slow and in some regions delayed nature. As a result, the dominant reproductive scenario over the past two decades remained the trend on middle and high fertility, which was dictated by the south-western demographic clusters.

The situation is aggravated by the fact that in the Republic of Kazakhstan, as in a unitary state, it is difficult to adopt and implement differential demographic policy, as it can run counter to a unified ideological discourse. This discourse includes such ideology as “High fertility is the tradition of the Kazakhs, an integral element of ethnic identity”. It can only be assumed that in the conditions of increasing mono-ethnicity of Kazakhstani society, this premises will lose its attractiveness, and the small generation born in the 1990s will implement its reproductive choice mostly by focusing on the real social-economic conditions and not counting on the state support. If it happens, it will be possible to state that significant changes have occurred in the social-cultural space of Kazakhstani cities and the reproductive choice of urban Kazakh women is transformed according to the general laws of the demographic transition.

REFERENCES

- Alekseenko, A. & Baykhonova, S. (2014). Internal migrations and evolution of urban space of the Republic of Kazakhstan. *Oriental studies in Altai*, № 8, 203-208.
- Analytical report "Results of the national population census of the Republic of Kazakhstan in 2009 (2011). Smailov, Alihan, ed. Astana: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- Antonov, Anatoly (1980). Sociology of fertility (theoretical and methodological problems). Moscow: Statistics.
- Aubakirova, Zh., Stolyarova, E. & Toibayev, A. (2021). Fertility as a factor of development and risks for the modern demographic system of Kazakhstan. *Bulletin Almanach Science Association France-Kazakhstan*, 2, 106-113.
- Bogue, D. J. (1971). *Demographic techniques of fertility analysis*. Chi.
- Borisov, V. (1997). Desired number of children in Russian families according to the 1994 Russian micro census. *Bulletin of Moscow University*, 18 (2), 29-65.
- Bourgeois-Pichat, J. (1964). Recent trends in infant mortality. *Population*, 3, 417-438.
- Demographic statistical yearbook of Kazakhstan. 1999 (2000). Smailov, A., ed. Almaty: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- Demographic yearbook of the East Kazakhstan region (2020). Terlikbaev, B., ed. Stat. collection, Oskemen: Department of Statistics of East Kazakhstan region.
- Demographic yearbook of Kazakhstan, 2009 (2010). Stat. collection. Astana: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- Demographic yearbook of Kazakhstan (2020). Stat. collection. Nur-Sultan: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- Demographic yearbook of the Mangystau region. 2015-2019 (2020). Stat. collection. Utyusheva, R., ed. Aktau: Department of Statistics of Mangystau region.
- Demographic yearbook of the North Kazakhstan region, 2015-2019 (2020). Petropavlovsk: Department of Statistics of the North Kazakhstan region.
- Demographic yearbook of the regions of Kazakhstan (2006). Stat. collection. Almaty: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- Demographic yearbook of the city of Shymkent, 2016-2020 (2021). Stat. collection. Madiev, S., ed. Shymkent: Department of Statistics of Shymkent city.

- Egidi, Gianluca and Salvati, Luca (2021). Changes over time in the spatial structure of fertility rates as a dynamic indicator of urban transformations. *Quality and Quantity*, 55 (1), 151-172.
- Ethnodemographic yearbook of Kazakhstan (2006). Stat. collection. Shokamanov, Y., ed. Almaty: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- Freedman, R. The sociology of human fertility: a trend report and bibliography. *Current sociology*, Oxf., 1961 - 62, V. 10/11, 2.
- Halbac-Cotoara-Zamfir et al. (2021). Recession, local fertility, and urban sustainability: Results of a quasi-experiment in greece, 1991-2018": 1-18. *Sustainability (Switzerland)*, №13 (3), 1-18. DOI: 10.3390/su13031052.
- Harutyunyan, Marina (1997). Gender relations in the family. Materials of the first Russian summer school on women's and gender studies "Valdai-96". Moscow: Moscow Center for Humanitarian Studies.
- Henri, Louis and Blum, Alain (1997). Methods of analysis in historical demography. Moscow: Russian State University for the Humanities.
- Kazakhstan in 2019 (2020). Statistical yearbook. Nur-Sultan: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- Lopez-Gay, Antonio and Salvati, Luca (2020). "Polycentric development and local fertility in metropolitan regions: An empirical analysis for Barcelona, Spain". *Population, Space and Place*, №27 (2). DOI: 10.1002/psp.2402
- Men and women of Mangystau region 2015-2019 (2020). Stat. collection. Utyusheva, Rimma, ed. Aktau: Department of Statistics of Mangystau region.
- North Kazakhstan region in 2019 (2020). Stat. yearbook. Nurzhaupova, Maral, ed. Petropavlovsk: Department of Statistics of the North Kazakhstan region.
- Rodrigo-Comino, Jesus et al. (2021). "Suburban fertility and metropolitan cycles: Insights from european cities". *Sustainability (Switzerland)*, №13 (4): 1-14. DOI: 10.3390/su13042181.
- Romanova, Natalya (1999). "Ethnopsychological aspects of migration processes in Kazakhstan". *Eurasian community: society, politics, culture*. №1, 135-139.
- Salvati, Luca (2021). "Births and the City: urban cycles and increasing socio-spatial heterogeneity in a low-fertility context". *Tijdschrift voor*, №112 (2), 195-215. DOI: 10.1111/tesg.12454
- Salvati, Luca (2020). "Demographic Dynamics, Urban Cycles and Economic Downturns: A Long-term Investigation of a Metropolitan Region in Europe, 1956-2016". *Population Research and Policy Review*, №39 (3), 549-575.
- Sarsembayeva, Gulzhan (2013). Demographic development of the Kazakh ethnos in the Republic of Kazakhstan at the end of the XX - beginning of the XXI centuries. Barnaul: Azbuka LLC.
- Sarsembayeva, Gulzhan and Krasnobayeva, Nelli (2021). The influence of socio-cultural and ethnic factors on the peculiarities of reproductive behavior of the population of Kazakhstan (based on the results of content analysis of regional Internet media). Collection of analytical materials. Ust-Kamenogorsk: Media Alliance Publishing House.
- Shryock, Henry S. and Siegel, Jacob S. (1976). "The methods and materials of demography". V. 1 - 2. San Diego: By academic press, INC.
- Shymkent City Development Program for 2021-2025. <https://shymkent-maslihat.kz/ru/programma-razvitiya-shymkent-2025/> assessed December 10, 2021.
- Sultangalieva, Alma (2010). City and people: experience of socio-cultural transformation in Kazakhstan. Almaty: Altynbek Sarsenbauly Foundation.
- Tatimov, Makash (1997). Demographic depopulation: strategic consequences of the current situation in Kazakhstan, № 3, 30-35.
- Tatimov, Makash (1989). Social conditioning of demographic processes. Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR.
- Tatimov, Makash and Tatimova, Miras (2010). Globalization of demography. Almaty: TSAU Printing House.

- The national composition of the population of the Republic of Kazakhstan. Results of the 1999 population census in the Republic of Kazakhstan (2000), T.I. Smailov, Alihan, ed. Almaty: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics.
- The first general population census of the Russian Empire, 1897 (1905). Syr-Darya region, V.86, St. Petersburg, 1905: 2-3; Semipalatinsk region, V.84, St. Petersburg: "Central" type-lithography.
- The first general population census of the Russian Empire, 1897 (1904). Publication of the Central Static Committee of the Ministry of Internal Affairs. N. Troynitsky, ed. T.81. Akmol region, St. Petersburg: "Central" type-lithography.
- The population of the Republic of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2020. Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection> assessed January 2, 2022.
- Valitova, Zulfiya (2008). "Reproductive family behavior in Kazakhstan: the role of social networks". Abstracts of reports and speeches at the III All-Russian Sociological Congress October 21-24. Moscow. https://www.isras.ru/abstract_bank/1208435344.pdf assessed December 20, 2021.
- Women and men and the East Kazakhstan region, 2015-2019 (2020). Stat. collection. Terlikbaev, Berik, ed. Oskemen: Department of Statistics of East Kazakhstan Region.
- Women and men of the North Kazakhstan region 2015-2019 (2020). Stat. collection. Nurzhaupova, Maral, ed. Petropavlovsk: Department of Statistics of the North Kazakhstan region.
- Women and men of the city of Shymkent, 2015-2019 (2020). Stat. collection. Kuldaev, Ernazar, ed. Shymkent: Department of Statistics of Shymkent city.
- Yessimova, Aigul (2010). "Family ties as social capital in the implementation of reproductive behavior". *Bulletin of Pavlodar State University. Humanitarian series*. Pavlodar, 2010, №2, 8-14.
- Yessimova, Aigul and Valitova Zulfiya (2021). "New trends in reproductive behavior of the population of the South of Kazakhstan". In Collection of scientific papers of the XX International scientific and practical conference "Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories". Ust-Kamenogorsk-Moscow: Media Alliance Publishing House.

Information about the authors

- Aubakirova Zhanna Sakenovna** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the International Research Center «Digital Social Research» of D.Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>
- Stolyarova Eleonora Olegovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher at the International Research Center "Digital Social Research" of the D.Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: eleonora193967@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0722-1589>
- Krasnobayeva Nelly Leonidovna** – Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher at the International Research Center "Digital Social Research" of the D.Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: krasn_nelli@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>
- Alekseyenko Alexander Nikolaevich** – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher at the International Research Center "Digital Social Research" of the D.Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: alalexeenko56@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1169-412X>

Сведения об авторах

- Аубакирова Жанна Сакеновна** – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, руководитель Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, ассоциированный профессор, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: eleonora193967@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0722-1589>

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: krasn_nelli@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>

Алексеев Александр Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: alalexeenko56@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1169-412X>

Авторлар туралы мәліметтер

Әубәкірова Жанна Сәкенқызы - тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университетінің «Digital Social Research» халықаралық ғылыми-зерттеу орталығының жетекшісі, Өскемен, Қазақстан Республикасы, e-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>

Столярова Элеонора Олеговна – әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университетінің «Digital Social Research» халықаралық ғылыми-зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, Өскемен, Қазақстан Республикасы, e-mail: eleonora193967@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0722-1589>

Краснобаева Нелли Леонидовна – тарих ғылымдарының кандидаты, Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университетінің «Digital Social Research» халықаралық ғылыми-зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, Өскемен, Қазақстан Республикасы, e-mail: krasn_nelli@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>

Алексеев Александр Николаевич – тарих ғылымдарының докторы, Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университетінің «Digital Social Research» халықаралық ғылыми-зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, Өскемен, Қазақстан Республикасы, e-mail: alalexeenko56@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1169-412X>

ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_8

MPHTI 05.11.69

Игнатьева Л.Н. *

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Демографическая политика КНР: трансформация, проблемы, результаты

АННОТАЦИЯ.

Демографические проблемы в виде сокращения рождаемости, увеличения числа пожилого населения, возрастания демографической нагрузки вызывают естественную реакцию государства – проведение демографической политики для решения возникших проблем. Для Китая одной из главных демографических проблем была большая численность населения, которая грозила новому государству большими социальными проблемами. Целью настоящего исследования является систематический, исторически обусловленный анализ демографической политики, проводимой Китайской Народной Республикой с 1979 г. вплоть до 2016 г., когда руководство страны осознало проблемы, которые породила политика «Одна семья – один ребенок». Методология исследования включает сравнительно-исторический анализ, позволяющий проанализировать изменения демографической политики КНР, системный подход, фиксирующий изменения демографической ситуации, в зависимости от проводимой политики государства. Результаты показывают, что политика, проводимая на протяжении практически сорока лет создала проблемы, которые в руководстве Компартии и государства никто не просчитывал и соответственно предвидеть последствия на тот момент не представлялось возможным. Поэтому с 2015 года начинается постепенная корректировка политики ограничения деторождения, а окончательная отмена происходит с 2016 года, когда всем китайцам было разрешено иметь в семье двух детей, но данное послабление не изменило репродуктивное поведение китайского населения. Однодетная семья стала нормой для китайцев. Многодетность, которая на протяжении столетий была для китайского населения нормой ушла в прошлое. Поэтому, не получив результата от политики «Одна семья – два ребенка» китайцам разрешили, а затем настоятельно рекомендовали, особенно членам КПК, рожать трех детей. Но при этом материальных стимулов для реализации новой демографической политики практически не было предусмотрено. Практическая значимость исследования заключается в том, проведенный анализ демографической политики КНР в области рождаемости позволит избежать негативных последствий при регулировании рождаемости другими государствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демографическая политика, рождаемость, воспроизводство населения, политика «Одна семья – один ребенок», гендерный дисбаланс, «черные дети», старение населения.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Игнатьева, Л.Н. (2026). Демографическая политика КНР: трансформация, проблемы, результаты. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 124-139. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_8

История статьи:

Получено: 24.04.2026

Принято: 19.05.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Игнатьева Людмила Николаевна, e-mail: luda_uk@mail.ru

Игнатъева Л.Н.

Н.А. Добролюбов атындағы Нижний Новгород мемлекеттік лингвистикалық университеті, Нижний Новгород қаласы, Ресей Федерациясы

Қытайдың демографиялық саясаты: трансформация, проблемалар, нәтижелер

АНДАТПА. Бала туудың қысқаруы, егде халық санының ұлғаюы, демографиялық жүктеменің өсуі түріндегі демографиялық проблемалар мемлекеттің табиғи реакциясын тудырады - туындаған проблемаларды шешу үшін демографиялық саясат жүргізу. Қытай үшін басты демографиялық проблемалардың бірі жаңа мемлекетке үлкен әлеуметтік проблемалармен қатер төндірген халық саны болды. Осы зерттеудің мақсаты 1979 жылдан 2016 жылға дейін Қытай Халық Республикасы жүргізген демографиялық саясатқа жүйелі, тарихи негізделген талдау болып табылады, ол кезде ел басшылығы «Бір отбасы - бір бала» саясаты тұғызған проблемаларды түсінді. Зерттеу әдіснамасы ҚХР демографиялық саясатының өзгерістерін талдауға мүмкіндік беретін салыстырмалы-тарихи талдауды, мемлекеттің жүргізіп отырған саясатына байланысты демографиялық ахуалдың өзгерістерін тіркейтін жүйелі тәсілді қамтиды. Нәтижелер көрсеткендей, қырық жыл бойы жүргізіліп келе жатқан саясат Компартия мен мемлекет басшылығында ешкім есептемеген және тиісінше сол кезде оның салдарын болжау мүмкін болмаған проблемаларды тудырды. Сондықтан 2015 жылдан бастап бала тууды шектеу саясатын біртіндеп түзету басталады, ал түпкілікті алып тастау 2016 жылдан басталады, ол кезде барлық қытайлықтарға отбасында екі бала болуға рұқсат берілген болатын, бірақ бұл босану қытай халқының репродуктивтік мінез-құлқын өзгерткен жоқ. Бір балалы отбасы қытайлықтар үшін қалыпты жағдайға айналды. Қытай халқы үшін ғасырлар бойы қалыптасқан көп балалы болу өткенге айналды. Сондықтан «Бір отбасы - екі бала» саясатының нәтижесін ала алмай, қытайлықтарға рұқсат берілді, содан кейін әсіресе ПБК мүшелеріне үш бала тууға кеңес берілді. Бірақ бұл ретте жаңа демографиялық саясатты іске асыру үшін материалдық ынталандыру іс жүзінде көзделмеген. Зерттеудің практикалық маңыздылығы, ҚХР-дың бала туу саласындағы демографиялық саясатына жүргізілген талдау басқа мемлекеттермен бала тууды реттеу кезінде теріс салдарларды болдырмауға мүмкіндік береді.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: демографиялық саясат, бала туу, халықтың өсімін молайту, «Бір отбасы - бір бала» саясаты, гендерлік теңгерімсіздік, «қара балалар», халықтың қартаюы.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуде демеушілік қолдау болған жоқ (меншікті ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Игнатъева, Л.Н. (2026). Қытайдың демографиялық саясаты: трансформация, проблемалар, нәтижелер. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 124-139. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_8

* Хат-хабаршы авторы: Игнатъева Людмила Николаевна, e-mail: luda_uk@mail.ru

Ludmila N. Ignatieva *

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

Demographic policy in China: transformation, problems and results

ABSTRACT. Demographic problems in the form of a decrease in the birth rate, an increase in the number of the elderly population, an increase in the demographic burden cause a natural reaction of the state - a demographic policy to solve the problems that have arisen. For China, one of the main demographic problems was the large population, which threatened the new state with big social problems. The aim of this study is a systematic, historically driven analysis of the demographic policies pursued by the People's Republic of China from 1979 until 2016, when the country's leadership realized the problems that the One Family, One Child policy had created. The research methodology includes a comparative historical analysis that allows analyzing changes in the demographic policy of the PRC, a systematic approach that records changes in the demographic situation, depending on the state policy. The results show that the policy pursued for almost forty years has created problems that no one in the leadership of the Communist Party and the state calculated and, accordingly, it was not possible to foresee the consequences at that time. Therefore, in 2015, a gradual adjustment of the policy of restricting childbearing begins, and the final cancellation occurs in 2016, when all Chinese were allowed to have two children in the family, but this relaxation did not change the reproductive behavior of the Chinese population. A single-child family has become the norm for the Chinese. Large families, which for centuries have been the norm for the Chinese population, are a thing of the past. Therefore, without receiving a result from the "One Family - Two Children" policy, the Chinese were allowed, and then strongly recommended, especially to members of the CCP, to give birth to three children. But at the same time, there were practically no material incentives for the implementation of the new demographic policy. The practical significance of the study lies in the fact that the analysis of the demographic policy of the PRC in the field of fertility will avoid negative consequences when regulating the birth rate of other states.

KEYWORDS: demographic policy, fertility, population reproduction, "One Family – One Child" policy, gender imbalance, "black children", population ageing.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship (own resources).

FOR CITATION: Ignatieva, L. N. (2026). Demographic policy in China: transformation, problems and results. Social Sciences & Digital Humanities, 2(2), 124-139. https://doi.org/10.51885/3134-8041_JACS_2026_2_2

* Corresponding author: Ignatyeva Ludmila Nikolaevna, e-mail: luda_uk@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «демографическая политика» имеет довольно широкий спектр определений. Их значительная часть воспроизводство населения определяет доминирующим объектом демографической политики государства. «Современный социоэкономический словарь» выделяет наиболее приемлемую формулировку данного понятия. В данной работе демографическая политика трактуется как «совокупность концепций, программ и деятельности государственных органов различного уровня, направленных на прямое или косвенное регулирование демографических процессов» (Рейзберг, 2010). Рассматриваемая демографическая политика КНР практически всегда регулировала репродуктивное поведение населения и была направлена на сокращение рождаемости, без учета репродуктивных установок населения. При этом она всегда носила характер рефлексирования на последствия политики «Одна семья – один ребенок», причем их решения также сводились к регулированию рождаемости, но теперь в сторону увеличения количества детей.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Динамика численности населения Китая с 1949 г., изменение репродуктивных установок населения, политика в области деторождения и ее результаты (Баженова, 1991). Демографический анализ развития населения КНР, а также демографические теории, демографическая информация, включая переписи населения (Баженова, 2018). Процесс трансформации традиционных семейных ценностей, прогноз развития китайской семьи (Бергер, 2001).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях системного анализа демографической политики Китайской Народной Республики, в настоящем исследовании использованы сравнительно-исторический метод, формально-логический, в том числе анализ и сравнение, историко-системный метод, метод контент-анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Китай на протяжении долгого времени удерживал лидерство по численности населения к 2020-м годам приблизившись к отметке в 1,5 млрд человек. Но в апреле 2023 г. пальма первенства перешла к Индии. Согласно официальным данным, население Индии на конец 2022 года, составило 1,417 млрд человек, что на 5 млн больше, чем в Китае, где показатель составил 1,412 млрд. (Основные данные седьмой всекитайской переписи, 2021).

На протяжении истории Китая доминирующим типом воспроизводства населения оставался традиционный тип, который при высокой рождаемости и смертности все же гарантировал стабильный рост населения, что в свою очередь обеспечивало устойчивое развитие государства. Появление на политической карте мира нового государства Китайской Народной Республики в 1949 г. привели к изменению демографической ситуации в стране. На фоне социально-экономических изменений произошло резкое снижение смертности и увеличение рождаемости (до шести детей на женщину). (Медков, 1999). Этому способствовало улучшение медицинского обслуживания, что снизило смертность и увеличило темпы роста населения с 16 на тысячу в 1949 году до 25 на тысячу в 1954 году (Что означает, 2026).

Для властей нового Китая большое население становилось основой могущества и величия страны, главным «строителем» ее силы и благополучия, поэтому не было ограничений количества детей, рожденных в браке, а дети, рожденные вне брака, были уравнены в правах с законными братьями и сестрами (Материалы VIII Всекитайского съезда, 1956). Новое правительство по Закону «О браке» 1950 г. установило обязательную государственную регистрацию брака в органах местного управления, а также официально закрепляло возраст вступления в брак – для женщин – 18 лет, для мужчин – 20 лет (Материалы VIII Всекитайского съезда, 1956). Экономические преобразования, начатые правительством Китайской Народной Республики, улучшили социально-экономическую ситуацию в стране, что сказалось на уровне

рождаемости, она начала расти. Но для китайского руководства это стало проблемой, так как, по его мнению, данный рост сдерживал экономическое развитие. По мнению члена Госсовета Шао Лицзы, который в докладе на первой сессии ВСНП обратил внимание на то, что слишком большое население – источник больших проблем. Первая кампания по ограничению рождаемости, основанная на докладе Чжоу Эньлая на VIII съезде КПК (сентябрь 1956 г.) проводилась в 1956 – 1958 гг. В нем говорилось о том, что «в целях охраны материнства и детства, воспитания и образования нашего молодого поколения, охраны здоровья и процветания всего народа и страны мы согласны, что желательны меры по контролю над рождаемостью» (Основные статистические, 1964).

Политика «Большого скачка» отложила решение демографических проблем на более отдаленный период. Провалу политики по контролю над рождаемостью способствовал не только «Большой скачок», но традиционные взгляды китайцев на рождение детей. Самыми популярными в тот период были: «Контрацепция не соответствует законам природы» и «Рождение детей – личное дело семьи, нельзя его нарушать». Незычным признавалось все что относилось к ограничению зачатия детей или снижению фертильности. Вместе с тем свою роль играли сохранение традиционности китайского общества и экономическая необходимость, как для сельских, так и для городских жителей. В деревне нужны были «рабочие руки», а в городе – дети – это «благополучная старость». Политика, проводимая китайским правительством в 50 – 60-е годы XX века в области народонаселения, была двойственной. Дихотомия заключалась в следующем, с одной стороны большое население являлось социальной проблемой и отсюда требование позднего вступления в брак и малодетности, с другой стороны экономика требовала большого количества трудовых ресурсов и отсюда призыв Мао Цзэдуна - рожать больше.

Согласно данным Второй национальной переписи населения КНР 1964 г., общая численность населения достигла 694,5 млн человек и росла на постоянной основе (Основные статистические, 1964). Правительство Китая к началу 70-х годов XX века находит главную причину проблем в социально-экономической сфере и приходит к выводу, что решать ее нужно не только и не столько «рекомендательными мерами» в форме пропагандистских кампаний. В 1971 г. Госсоветом КНР был принят Декрет № 51, который предписывал органам власти всех уровней проводить активную пропаганду позднего вступления в брак и планового рождения детей, за исключением слаборазвитых районов и районов проживания национальных меньшинств. Помимо этого, в качестве препятствия формирования нового репродуктивного поведения называлось традиционное сознание китайцев, которое попытались изменить с помощью лозунгов: «Один ребенок – это жизнь в благополучии, два ребенка – в постоянных трудностях, три ребенка – это еще одна могила (или «жизнь в постоянном ужасе»)», «...лучше выращивать много свиней, чем много детей...» (Симонова, 2017, С. 115).

Руководящая группа по вопросам планирования рождаемости под контролем Министерства здравоохранения была создана в 1973 году при Госсовете КНР, к ее обязанностям относилось: координация исследований в области контрацепции, пропаганды планового деторождения, контроль за обеспечением населения средствами контрацепции (Обзор важных, 2001). Провинциальные органы власти должны были осуществлять соответствующие мероприятия. В 1973 году Всекитайским совещанием по вопросам планирования рождаемости были установлены показатели, которых должны были достигнуть в результате мероприятий по регулированию рождаемости – естественный прирост в городах должен снизиться до 1 % в год, в сельской местности – до 1,5 % к 1975 г. Одновременно было предусмотрено сделать популярным принцип «поздно, редко, мало», что значило «поздно» – время, приемлемое для вступления в брак, то есть возраст, раньше которого вступать в брак и рожать детей «нежелательно». Для женщин – это 23 года, для мужчин – 25 лет. При этом женщинам рекомендовали рожать ребенка не ранее 24 лет. «Редко» – частота, с которой семья может заводить ребенка (интервал 3 года), «мало» – возможность иметь не более двух детей (Обзор важных, 2001).

В результате значительных реформ, проведенных китайским правительством в первые

30 лет существования КНР население страны возрастает на 42,6 % с 540 млн до 940 млн человек. А в период с 1971 по 2022 гг. население республики увеличивается на 40,6 %. В 1981 году население Китая достигло 1 миллиарда человек. При этом максимальные контрольные цифры согласно политике «Одного ребенка» составляли к концу XX в. должны составлять 1,1 – 1,2 млрд человек. В 2022 г. численность населения Китая впервые за 60 снизилось на 850 тыс. человек по сравнению с 2021 годом. Специалисты выделяют две основные причины такого снижения: первая – краткосрочная – рост смертности в результате распространения коронавирусной инфекции и введение жестких антиковидных ограничений; вторая – долгосрочная – последствия политики «Одна семья – один ребенок», проводившейся в Китае практически сорок лет. Динамика численности населения Китая представлена в таблице 1.

Таблица 1. Динамика численности населения Китая

Год	Количество населения, тыс. чел.	Процент прироста населения
1971	838 267 499	2,62
1981	1 007 112 978	1,41
1991	1 184 956 288	1,48
2001	1 294 875 513	0,69
2011	1 372 685 709	0,56
2012	1 380 373 083	0,56
2013	1 410 468 287	0,56
2014	1 395 699 763	0,55
2015	1 403 181 303	0,54
2016	1 410 468 287	0,52
2017	1 417 564 227	0,50
2018	1 424 362 022	0,48
2019	1 430 740 957	0,45
2020	1 436 568 870	0,41
2021	1 443 981 565	0,52
2022	1 411 750 000	0,50
2023	1 458 921 902	0,52

Примечание: составлено автором по данным Национального бюро статистики Китая <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/>

По данным Национального статистического бюро, снижение рождаемости и увеличение смертности в 2025 году привели сокращению населения материкового Китая на 3,39 млн человек по сравнению с 2024 годом. В 2025 году в Китае было зарегистрировано 7,93 млн рождений, что стало историческим минимумом с момента основания КНР в 1949 году. С 2016 года рождаемость снижалась каждый год, кроме кратковременного роста в 2024 году (Что означает, 2026).

К концу 1970-х годов китайское руководство приходит к констатации факта, что экономические проблемы, существующие в стране, усугубляются большой численностью населения. Дэн Сяопин в рамках Программы «Четырех модернизаций» сделал акцент на том, что ее осуществлению может помешать значительный рост населения. В 1978 г. в новой Конституции КНР статья 53 была дополнена положением о том, что «государство поощряет оказывает поддержку планированию семьи» (Полный текст, 1978). Данные изменения положили начало проведению государственной демографической политики по регулированию рождаемости. В октябре 1978 г. Центральный Комитет КПК принял документ № 69 «лучше всего – один ребенок, максимум – двое» (Ansley, 1984).

В 1981 г. ВСНП основало Национальный комитет по планированию деторождения – в функции данного исполнительного органа, собственно, и входило проведение демографической политики. В городах, провинциях, округах и поселках формировались

местные контролирующие комитеты. А в 1982 г. в ст. 49 новой Конституции закрепляется положение о том, что планирование рождаемости становится прямой обязанностью каждой семьи (Полный текст, 1982). Нарушение установок политики «Одна семья – один ребенок» влекло за собой различные взыскания как материального, так и нематериального характера. Так партийные работники могли лишиться работы или подвергнуться дисциплинарным взысканиям. Женщины, находящиеся в положении второй раз принуждались к прерыванию беременности, по улицам и домам проводились рейды в поисках нарушителей. Из заработной платы нарушителей вычитали 10 % после рождения третьего ребенка, 15 % после рождения четвертого, 20 % после рождения пятого (Баженова, 1992, С.85). Штраф, называемый взносом в виде социальной компенсации, являлся типовым взысканием за нарушение основного правила политики «Одного ребенка». Размер штрафа определялся несколькими факторами: местом проживания нарушителя (село или город), численностью населения данного места проживания, годового дохода на душу населения и доходов семьи как в целом, так и в отдельности каждого члена.

Государственная регистрация новорожденных детей стала обязательной в ходе проведения политики «Одна семья – один ребенок». Регистрацию необходимо было осуществить в течение одного месяца с момента рождения ребенка. А если это был ребенок, рожденный сверх нормы («лишний»), то в этом случае нужно было предоставить документы, подтверждающие выплату штрафа. Чтобы избежать выплаты штрафа и государственного осуждения, родители «лишних» детей предпочитали их не регистрировать.

В результате данного требования многие семьи, где рождалась девочка, стараясь избежать санкций со стороны государства, избавлялись от нежеланного ребенка. Вариантов было не очень много. Самым страшным был вариант умерщвления данного ребенка. В целом для Китая избавление от девочек было не столь уж редким явлением. Для китайцев ценность представлял лишь сын, как продолжатель рода, хранитель религиозных ритуалов, кормилец в старости. В новое время при неразвитости пенсионной системы, особенно в сельской местности сын также являлся главной гарантией благополучной старости. Дочь никогда не могла сравниться по ценности с сыном, поэтому убийство девочки было вполне обычным явлением традиционного Китая. Новый толчок развитию этого явления дала политика «Одного ребенка». Другим вариантом стало утаивание лишних детей. Эти дети получили название «дети в тени» (иногда их называют «черные дети»). Эти дети не регистрировались в системе Хукоу, соответственно они не могли пользоваться всем комплексом прав китайского гражданина. Особенно это явление процветало в деревнях. Масштаб проблемы стал выявляться в процессе проведения переписей населения в XXI в., когда населению пообещали не применять санкции за легализацию таких детей. На 2010 г. было выявлено более 10 млн «детей в тени». При этом их подавляющее большинство составляли женщины (примерно 70-80 %). При этом считается, что это недостоверные данные, так как не все поверили государству и показали лишних детей.

Кроме санкций, в рамках данной политики, предусматривалась система поощрений для добросовестных семей. Удостоверения «отличника планирования рождаемости» предусматривались для женщин, соблюдающих ограничения. Те, кто получал данные удостоверения могли претендовать на ежемесячную денежную выплату в размере 10 % от месячного заработка, кроме этого, для них аннулировался налог на образование и воспитание. В социальном плане однопотная семья находилась в более благоприятной ситуации в плане – устройства ребенка в детский сад или школу, получения медицинского обслуживания или поиска жилья.

После нескольких лет проведения политики «Одна семья – один ребенок», правительство КНР в 1986 г. заявляет о необходимости ее корректировки. Вносятся изменения и дополнения в документы, регулирующие, проводимую политику. Внимание акцентировалось на изменении половозрастной структуры населения, исходя из этого предполагалось, что могут возникать определенные затруднения при проведении политики планирования рождений, поэтому следует скоординировать деятельность контролирующих комитетов друг с другом и с

центральными органами, усилить контроль за всеми районами, уделив особое внимание отсталым сельским, чтобы «обеспечить седьмую пятилетку, и, по крайней мере, стабилизацию демографической политики на ближайшие годы» (Gu Baochang China's, 2007).

Программа демографической политики с изменениями и дополнениями стала включать следующие позиции: 1. для всего населения – поздние браки и поздние рождения детей; 2. для чиновников, бюджетников, простых работников – один ребенок в семье, за исключением особых случаев и при наличии особых разрешений; 3. для сельских жителей – один ребенок в семье, но при наличии определенных условий в плановом порядке можно получить разрешение на рождение второго ребенка; 4. для представителей национальных меньшинств – разрешено рождение двух детей, с возможностью рождения трех в определенных случаях (Hardee-Cleaveland, 1988). Основная тяжесть ограничений по рождению детей ложилась на ханьцев, которые должны были выполнять все пункты политики практически без исключений.

Несмотря на определенные трудности к началу XXI в. политика «Одна семья – один ребенок» стала приносить определенные результаты. Произошло замедление роста численности населения, но все же реальная численность оказалась выше плановых показателей. При этом темпы роста в регионах страны варьировались: наиболее существенный рост фиксировался в южных и восточных районах, в других – умеренный. Только к 2010-м годам будет отмечено снижение прироста населения республики. При этом первые два десятилетия проведения политики привели Китай к демографическому дивиденду, когда численность трудоспособного населения достигла максимума. Но уже к 2010 г. демографический дивиденд стал исчерпываться. Что в последствие создаст не только демографическую проблему, но и экономическую.

Закон «О народонаселении и планировании рождаемости» был принят 29 декабря 2001 г. на 25-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания Народных Представителей (Закон КНР, 2001). Согласно ст. 18 Закона «Государство занимается стабилизацией политики рождаемости, поощряет граждан поздно вступать в брак и заводить детей, а также выступает за то, чтобы в семье был один ребенок. Если пара соответствует условиям, предусмотренным законами и другими нормативными актами, она может обратиться с прошением о разрешении рождения второго ребенка. Национальные меньшинства также должны были придерживаться данного положения» (Закон КНР, 2001).

К 2010-м годам все более явственно стали проявляться проблемы, порождаемые проведением политики «Одна семья – один ребенок». На этом фоне правительство КНР с 2013 г. начинает смягчать требования к семьям. Разрешили иметь второго ребенка парам, где хотя бы один из супругов был единственным ребенком. В октябре 2015 г. на пятом Пленуме 18 созыва ЦК КПК была предложена инициатива «о реализации политики, согласно которой пара может иметь двух детей» (Доклад 5 Пленума, 2015). На основе данной инициативы в декабре 2015 г. внесены соответствующие поправки в Закон «О народонаселении и планировании рождаемости». Несмотря на то, что китайцам разрешили иметь двух детей, ситуация с рождаемостью практически не изменилась. С целью переломить ситуацию с рождаемостью, 20 августа 2021 г. в ст. 18 Закона вновь вносятся корректировки. В новой редакции семьям разрешалось иметь трех детей (Закон КНР, 2001). Изменения также вносились в ст. 22, теперь она выглядела следующим образом: «дискриминация и жестокое обращение с женщинами, рожаящими девочек, и бесплодными женщинами запрещены. Дискриминация, жестокое обращение и отказ от рождения девочек запрещены» (Закон КНР, 2001). Коммунистическая партия для стимулирования рождаемости, обратилась к членам партии с призывом, стать примером в проведении политики «трех детей» и самим рожать третьего ребенка.

Суммарный коэффициент рождаемости в конце 70-х гг. XX в. в Китае составлял 2,6. С 1991 года он находился между 1,6 и 1,7, а в 2021 году снизился до 1,3, а в 2022 году составит всего 1,15. Снижение СКР (суммарный коэффициент рождаемости) происходило на фоне отказа от политики «Одна семья – один ребенок» и введение в 2016 году политики «Одна семья – два ребенка», которая сопровождалась материальными и нематериальными стимулами.

Специалисты, выдвигают различные версии объясняющие нежелание китайских

женщин рожать детей, несмотря на усилия государства экономически простимулировать рождаемость. Рассматриваются три основные причины: во-первых, привычка к маленьким семьям; во-вторых, рост стоимости жизни; в-третьих, увеличение брачного возраста, что сдерживает рождение детей и в целом сказывается на желании иметь детей.

Немаловажным фактором провала политики «Одна семья – два ребенка» является чисто демографический фактор – малочисленность женщин фертильного возраста. Возможность иметь только одного ребенка с 1980 года привела к тому, что при выборе пола ребенка срабатывала традиционность китайцев, приоритет отдавался мальчикам. В результате соотношение мальчиков и девочек при рождении достигала значений 120 к 100 (нормальное соотношение 106 к 100) (National Bureau, 2026).

Седьмая перепись населения, проведенная в КНР в 2020 году, отражает актуальные демографические процессы в стране. Перепись зафиксировала снижение темпов роста численности населения, трансформацию половозрастной структуры и изменение соотношения браков и разводов.

Специалисты в 2018 г. делали долгосрочный прогноз о перспективах постепенного повышения СКР с 1,6 до 1,7, но при этом делается вывод о том, что деторождение будет почти на 20 % ниже уровня, который необходим для долгосрочного стабильного роста населения (Эберштадт, 2018). Хотя это предположение о траектории рождаемости в Китае является весьма спорным - будущие тенденции рождаемости всегда остаются «неизвестными» – факт заключается в том, что это предположение имеет относительно небольшое влияние на общую оценку последствий грядущих демографических тенденций. При этом необходимо отметить другую сторону демографических процессов – это общая ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин, которая составляла 76 лет в 2010/15 году и ожидаемо, по прогнозам возрастет до 80 лет к 2040/45 году.

Что касается структуры населения КНР по регионам то она практически не подверглась изменениям. Незначительно трансформировалась относительная численность населения: в тройку лидеров входят провинции Хунань (8,93% от общей численности населения КНР в 2020 году), Цзянси (7,19%) и Шаньдун (7,04%) (Полный текст, 1978).

На рисунке 1 приведена численность населения Китая по провинциям в 2010 и 2020 гг.

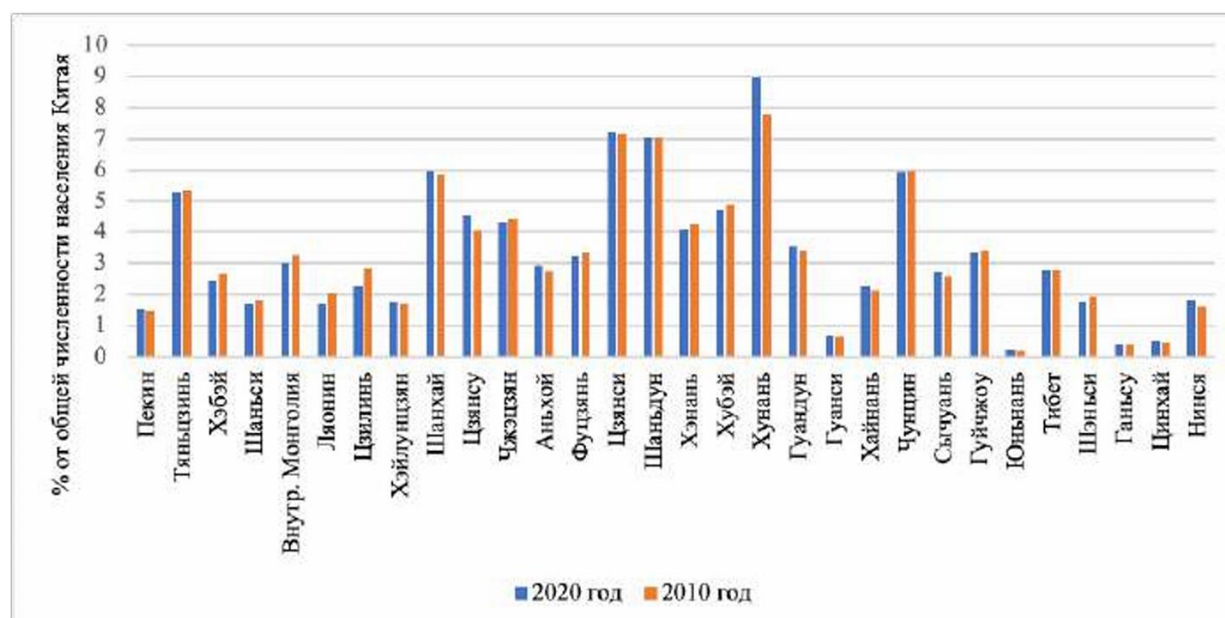

Рисунок 1. Численность населения Китая по провинциям в 2010 и 2020 гг.

Примечание: составлено автором на основе *Население и экономика*
<https://populationandeconomics.pensoft.net>

Изменению подверглась возрастная структура населения республики. Самые заметные из них наблюдаются в динамике роста численности населения старших возрастов. В начале XXI века 10,3% населения Китая были в возрасте 60 лет и старше, а 7% – 65 лет и старше, что соответствует стандарту ООН – 10% и 7%, чтобы население страны считалось стареющим обществом (Passport statistics, 2000).

Несмотря на то, что для увеличения доли пожилого населения потребовалось много времени – от 40 до 100 лет – время, данный факт работает не в пользу Китая, так как по данным демографов, через несколько лет более 20% населения Китая будет в возрасте 60 лет и старше, а более 14% – в возрасте 65 лет и старше.

Эти данные акцентируют внимание на том, что Китай перейдет от стареющего общества к пожилому всего за 22 года, по сравнению с 115 годами во Франции и 85 годами в Швейцарии – странами, которые первыми в мире приобрели статус пожилого общества (Вяткин, 1984, С.116).

К концу 2019 года 254 миллиона китайцев были в возрасте 60 лет и старше, что составляло 18,1% всего населения, а 176 миллионов были в возрасте 65 лет и старше, что составляло 12,6% от всего населения. К 2050 году, согласно прогнозам, в Китае будет более 500 миллионов человек в возрасте 60 лет и старше, или почти треть всего населения, прогнозируемого на тот момент.

Рисунок 2. Возрастная структура населения Китая

Примечание: составлено автором на основе Национальное бюро статистики Китая <https://data.stats.gov.cn/english/>

Отдельные специалисты считают, что минимизировать последствия проблемы старения населения возможно путем повышения пенсионного возраста. (Вяткин, 1984, С.123). В Китае на сегодняшний день пенсионный возраст один из самых низких в мире – 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Такая ситуация характеризуется значительной демографической нагрузкой, так как в связи с низкой рождаемостью идет сокращение трудоспособного населения. По мнению специалистов повышение пенсионного возраста на пять-семь лет приведет к увеличению численности трудоспособного населения в разы, что в результате снизит демографическую нагрузку.

Стареющее население как следствие политики «Одна семья – один ребенок» породило

не только серьезные демографические проблемы, но и экономические. Прежде всего это касается дефицита рабочей силы, с которым Китай, по прогнозам может столкнуться уже к 2030 году, а к 2035 году на каждого второго налогоплательщика будет приходиться один пенсионер (Основные данные, 2021).

Сочетание нескольких условий – низкий уровень рождаемости, увеличение продолжительности жизни и развитие медицины – способствовало возрастанию доли пожилого населения в общей численности населения Китая. По уточненным прогнозам, к 2035 году население Китая в возрасте старше 60 лет будет составлять 32,7 % от общей численности населения или более 450 миллионов человек. А лица в возрасте 65 лет и старше будут составлять 25,1 %. Сложившаяся ситуация с одной стороны увеличивает финансовую нагрузку на государство, а с другой стороны дает импульс для развития сферы здравоохранения (Демографические перспективы, 2024).

Начиная политику «Одна семья – один ребенок» в конце 70-х гг. XX в. Китай пытался решить проблему большой численности населения и ее постоянное увеличение. Решение проблемы виделось в ограничении рождаемости. В итоге получили другую демографическую проблему – старение населения.

Еще одно важное последствие политики «Одна семья – один ребенок» – это гендерный дисбаланс. Китайское правительство, начиная политику ограничения рождаемости, рассчитывало на быстрое решение проблемы перенаселения, простым запретом рожать более одного ребенка. При этом не учитывалась традиционность китайского населения в вопросах предпочтения пола ребенка. В результате традиционалисты китайцы всеми правдами и неправдами старались родить именно сына. Следствием этого стал дисбаланс мужского и женского населения. Согласно данным Национального бюро статистики Китая разрыв между мужчинами и женщинами составляет более чем 60 миллионов человек (Национальное бюро статистики). Наиболее остро проблема гендерного дисбаланса стоит для людей, рожденных после 2000-х годов, которые вступают в брачный возраст.

Максимальный гендерный дисбаланс в 2019 г. фиксировался в двух возрастных группах китайского населения – 10-14 лет и 15-19 лет. В этих двух возрастных группах соотношение полов составило 119,10 и 118,39 соответственно, то есть на каждые 100 женщин приходилось примерно 120 мужчин (Национальное бюро статистики).

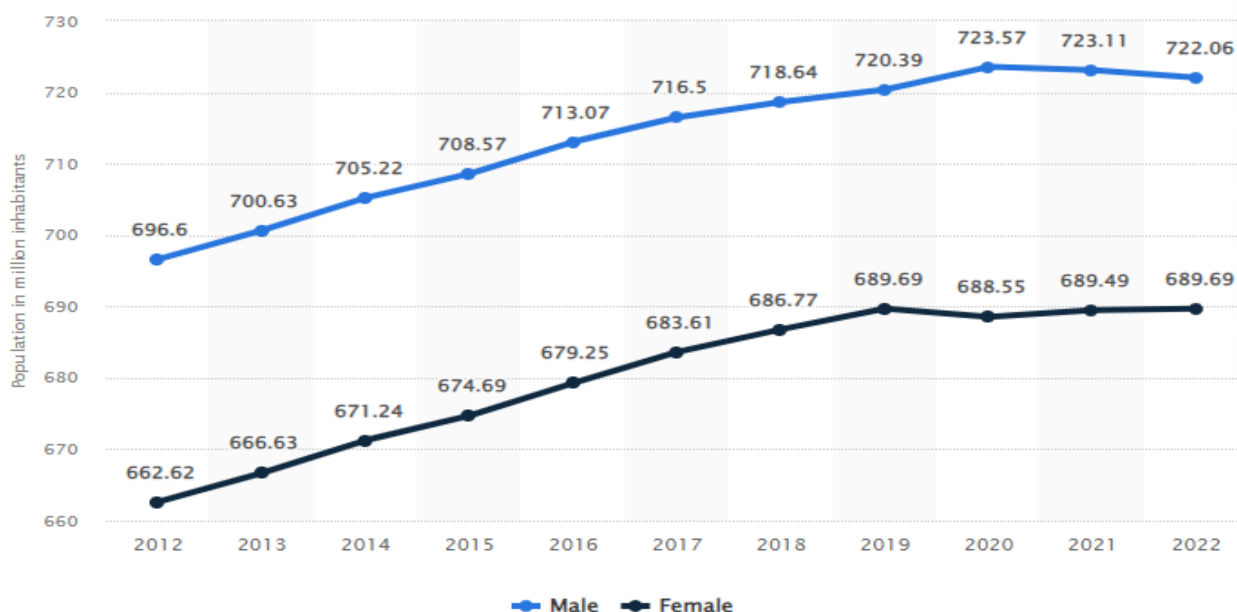

Рисунок 3. Сравнение соотношения полов.

Примечание: составлено автором на основе The Party Committee of the Nanchong
<https://www.ncjggw.gov.cn/index>.

Специалисты отмечают, что последствия гендерного дисбаланса проявят себя довольно остро через 20-30 лет, когда будет происходить заметное сокращение заключенных браков, особенно это отразится на отдаленных, сельских и бедных районах и как следствие данного процесса – снижение уровня рождаемости. Число лиц способных вступить в брак будет близко к показателям периода после 2000-х гг. Соотношение полов среди населения в возрасте 20-24 и 25-29 лет достигло 114,61 и 106,65 соответственно, что указывает на то, что по крайней мере один из 11 мужчин не сможет вступить в брак с женщиной из той же возрастной группы (National Bureau of Statistics of China, 2026). Ситуацию удалось стабилизировать к началу XXI в., после того как китайское правительство официально запретило узнавать пол ребенка и умерщвлять новорожденных по гендерному признаку. В результате ситуации, сложившейся в первое десятилетие проведения политики «Одна семья – один ребенок» в Китае запрещено определять пол до рождения в немедицинских целях или прерывать беременность по гендерным предпочтениям.

Решением проблемы гендерного дисбаланса, по мнению экспертов, могли бы стать межнациональные браки и перераспределение населения по регионам с учетом половозрастного фактора.

Структура населения Китая по полу в 2020 г. отличалась доминированием мужского населения, доля которого составляла 51,24 % (Основные данные, 2021). Соотношение полов всего населения КНР в 2021 г. составило 105,07 мужчин на 100 женщин (China Development, 2020). В том же году соотношение полов при рождении равнялось 111,3 мальчиков на 100 девочек, что на 6,8 пунктов меньше, чем в 2010 г. (National Bureau of Statistics of China, 2026). Многие специалисты делают вывод о наметившейся положительной тенденции гендерному выравниванию структуры населения республики, хотя здесь можно вести речь лишь об определенной возрастной когорте.

Проблемой является репродуктивное поведение молодых китайцев, которые не заинтересованы создавать большие семьи. Значительная их часть нацелена на получение высшего образования, соответственно более позднего вступления в брак и позднее рождение детей. Китайцы, вступающие или вступившие в брачный возраст чаще всего были единственными детьми в семье, следовательно для них образец семьи – это семья с одним ребенком. Помимо этого, немаловажным фактором препятствующим рождением вторых и третьих детей является материальный фактор – высокая стоимость жилья и образования.

Для облегчения финансового бремени китайских семей, правительство Китая могло предоставлять жилищные субсидии, увеличивать продолжительность отпуска по уходу за ребенком, повысить финансирование расходов на образование. Также возможно послабление системы регистрации домохозяйств в стране и повышение официального пенсионного возраста могли бы увеличить численность трудоспособного населения страны, облегчив экономическую нагрузку, которая возникает при сокращении численности населения. Реальные шаги правительства, направленные на рост рождаемости: 2024 г. – субсидии по уходу за детьми; 2025 г. – выделение семьям около 500 долларов в год на ребенка, родившегося с 1 января 2025 г. и позже, до достижения им возраста 3 лет. По инициативе местных властей, продлевается отпуск по уходу за ребенком и предоставляются налоговые льготы родителям (Что означает, 2026). При этом как отмечают специалисты и потенциальные родители, предпринимаемые меры недостаточны для коренного изменения ситуации в сфере рождаемости. При анализе причин низкой рождаемости и путей выхода из сложившейся ситуации, чаще всего акцент делается на экономической и поведенческой составляющей проблемы и практически полностью игнорируется основная объективная причина – низкая численность женщин фертильного возраста.

На фоне всех проблем, возникших в результате демографической политики, проводимой в Китае с 1979 по 2016 г., появилась тенденция к росту численности одиноко проживающих граждан. В условиях сокращения размера семьи, одиночество становится желательным для всех возрастов. Устойчивое сокращение размера семьи по данным Переписи населения КНР 2020 г. фиксируется последние десятилетия, так уже более 57 % населения страны проживает

в домохозяйствах, состоящих из двух или менее человек. Еще более тревожная тенденция наблюдается с 2010 г., когда численность домохозяйств, состоящих из одного человека, возросла более чем в два раза (Демографические перспективы, 2024). Данная тенденция соответствует демографическим закономерностям развитых стран, в то же время для Китая характерны свои особенности. Одиночество как явление в республике демонстрирует не только откладывание браков из-за высокого уровня образования, повышенного внимания к построению карьеры и принятия индивидуальности, но и на фоне большого количества мигрантов, которые вынуждены проживать одиноко, не имея возможности перевезти семьи в Китай. Также в категорию одиноких попадают пожилые люди, живущие самостоятельно (Демографические перспективы, 2024).

Описанные тенденции свидетельствуют о том, что рождаемость в ближайшей перспективе в Китае будет снижаться. В отличие от экономистов, которые считают сокращение численности населения Китая мрачным признаком для глобального роста, многие демографы настроены более оптимистично, отмечая преимущества уменьшения численности населения. Джон Уилмот, директор Отдела народонаселения ООН, сказал, что после десятилетий экспоненциального роста, когда население мира удвоилось и достигло более семи миллиардов человек в период с 1970 по 2014 год, мрачные прогнозы о снижении рождаемости и депопуляции, как правило, преувеличены. Япония борется с сокращением численности населения с 1970-х годов, отметил он, но она остается одной из крупнейших экономик мира. При этом в Японии в последние несколько лет отмечается устойчивая тенденция к сокращению численности населения, учитывая несколько неблагоприятных моментов в демографической ситуации страны (низкий уровень рождаемости, высокая доля старшего поколения, сокращение трудоспособного населения) оценки экономистов не выглядят столь оптимистичными, учитывая, что последствия демографических процессов растянуты во времени. Необходимо отметить, что миграцией проблема страны восходящего солнца решаться не будет, учитывая ее мононациональную структуру населения.

Китай, который попытался решить проблему перенаселения, начав политику «Одна семья – один ребенок», создал более сложную демографическую ситуацию (старение населения, сокращение трудовых ресурсов, гендерный дисбаланс и др.). Отмена в 2016 г. данной политики и введение новой «Одна семья – два ребенка», не изменили сложную демографическую ситуацию, в частности в области деторождения. С весны 2021 г. китайцам разрешили иметь трех детей, а с осени того же года членов партии обязали иметь трех детей всем членам партии. Меры по изменению политики в области деторождения не улучшают демографическую ситуацию в республике. Последствия демографической политики, проводимой китайским правительством на протяжении почти сорока лет будут ощущаться еще очень долго и простого решения проблем в этой ситуации не существует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило, что демографическая политика КНР, призванная решать демографические проблемы, была сосредоточена прежде всего на регулировании рождаемости, так как в качестве основной проблемы называлось большое население страны. В период правления Мао Цзэдуна демографическая политика носила несистемный характер. Противоречивые оценки большого населения как блага, так и проблемы приводили к призывам – рожать то больше, то меньше. С начала реформ правительство КНР окончательно утвердилось в мысли, что бесконтрольный рост населения приводит к большим проблемам, поэтому политику по сокращению рождаемости нужно проводить систематически и организованно. Результатом этого стала политика «Одна семья – один ребенок». Главной целью данной политики обозначалась стабилизация численности населения. Но при этом не были просчитаны проблемы, которые могли возникнуть в ходе ее реализации. При этом не учитывались репродуктивные установки и репродуктивное поведение китайцев, которые предпочитали рожать сыновей, как продолжателей рода и будущих кормильцев пожилых родителей, учитывая неразвитость пенсионной системы в тот

период. Результатом стал гендерный дисбаланс. Еще одной проблемой стала обязательная государственная регистрация новорожденных. В итоге возникает феномен «детей в тени» (или «черных детей») - это чаще всего девочки, рожденные в период проведения политики «Одна семья – один ребенок», родители которых не регистрировали их в системе Хукоу, чтобы избежать штрафов или в надежде потом родить сына. Эти дети не имеют документов, не могут получить образование, обратиться за медицинской помощью и т.д. На 2010 г. таких было 13 млн человек (China's Hidden Children). После послабления политики в области регулирования деторождения таких детей постепенно стали выводить из тени. Хотя данный процесс довольно сложный. Помимо гендерного дисбаланса политика «Одна семья – один ребенок» породила еще ряд проблем. Самые значимые из них – это сокращение численности трудоспособного населения и старение населения, которые со временем будут усугубляться. Изменения, введенные в демографическую политику в 2016 и 2021 гг. по разрешению иметь двух и трех детей проблемы предыдущих лет не решили. Помимо финансовых препятствий к увеличению рождаемости, изменившегося демографического поведения китайцев, главную роль в этой ситуации будет играть чисто демографический фактор – небольшое количество женщин фертильного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ansley J. Coale. *Rapid Population Change in China, 1952-1982*. Washington, D.C.: National Academy Press. <https://archive.org/details/rapidpopulationc0000coal>
- China Development Report 2020: Aging Population: China's Development Trends and Policy Options. <https://wid.world/document/towards-equity-and-sustainability-chinas-pension-system-reform-moves-center-stage-worldinequality-lab-wp-2021-13/>
- China's Hidden Children. *The country's one-child policy has created an astonishing number of unregistered children.* <https://www.britannica.com/place/China/Waterways>
- Gu Baochang China's Local and National Fertility Policies at the End of the Twentieth Century (2007) / Gu Baochang, Wang Feng, Zhigang Guo, and Erli Zhang. *Population and Development Review*. New York: Population Council. <https://www.semanticscholar.org/paper/China's-Local-and-National-Fertility-Policies-at-of-Gu-Feng/de8ae9a334f075f58470ae31addb02769c05be79>
- Hardee-Cleaveland K. (1988). Fertility Policy and Implementation in China, 1986-88 / Karen Hardee-Cleaveland and Judith Banister. *Population and Development Review*. New York: Population Council, 1988. <https://www.semanticscholar.org/paper/Fertility-policy-and-implementation-in-China%2C-Hardee-cleaveland-Banister/17125faae92f631dcb4b8107e5b57ee0423366e4>
- Li Q., Reuser M., Kraus C., Alho J. (2009). *Ageing of a giant: a stochastic population forecast for China, 2006-2060.* https://www.academia.edu/70838189/Ageing_of_a_giant_a_stochastic_population_forecast_for_China_2006_2060
- National Bureau of Statistics of China. (2026). <http://www.stats.gov.cn>
- Passport statistics (2000). China population. <https://ru.theorychina.org.cn/c/2021-12-06/1426576.shtml>
- Баженова, Е.С. (1992). *Китай в демографическом измерении*. М.: Наука // Bazhenova E.S. (1992). *Kitaj v demograficheskom izmerenii*. М.: Nauka.
- Баженова Е.С. (2018). *Население Китая: история и современность*. М.: ИПЦ «МАСКА» // Bazhenova E.S. (2018). *Naselenie Kitaja: istorija i sovremennost'*. М.: IPC «МАСКА».
- Баженова Е.С. Островский А.В. (1991). *Население Китая*. М.: Мысль // Bazhenova E.S. Ostrovskij A.V. (1991). *Naselenie Kitaja*. М.: Mysl'.
- Бергер Я.М. (2001). Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы. *Проблемы Дальнего Востока*. № 1, 100 – 113 // Berger Ja.M. (2001). *Planirovanie sem'i v Kitae: itogi i perspektivy*. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 1, 100 - 113.

- Демографические перспективы Китая и их среднесрочные последствия до 2035 года. (2024) // Demograficheskie perspektivy Kitaja i ih srednesrochnye posledstviya do 2035 goda. (2024). <https://enterchina.ru/blog/demograficheskie-perspektivy-kitaya-i-ih-srednesrochnye-posledstviya-do-2035-goda/>
- Вяткин А.Р. (1984). *Юго-Восточная Азия: демографический анализ*. Москва. // Vjatkin A.R. (1984). *Jugo-Vostochnaja Azija: demograficheskij analiz*. Moskva.
- Доклад 5 Пленума 18 созыва ЦК КПК, октябрь 2015. // Doklad 5 Plenuma 18 sozyva SK KPK, oktjabr' 2015. <http://russian.people.com.cn/n/2015/1031/c95181-8969671.html>
- Закон КНР «О браке» (1950) (婚姻法全文). // Zakon KNR «O brake» (1950). <https://zhidao.baidu.com/question/3757923>
- Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» (2001). (中华人民共和国人口与计划生育法) // Zakon KNR «O narodonaselenii i planirovanii rozhdaemosti» (2001). [https://zh.wikisource.org/zh-hans/中华人民共和国人口与计划生育法_\(2001年\)](https://zh.wikisource.org/zh-hans/中华人民共和国人口与计划生育法_(2001年)).
- Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1956). М. // Materialy VIII Vsekitajskogo s#ezda Kommunisticheskoy partii Kitaja (1956). М.
- Медков В.М., Ли Вэй (1999). Политика однодетной семьи в Китае и ее влияние на некоторые аспекты репродуктивного поведения семей. *Вестник МГУ*. Серия №18, № 3. // Medkov V.M., Li Vjej (1999). Politika odnodetnoj sem'i v Kitae i ee vlijanie na nekotorye aspekty reproduktivnogo povedenija semej. *Vestnik MGU*. Serija №18, № 3.
- Национальное бюро статистики Китая. *Ежегодные данные*. // Nacional'noe bjuro statistiki Kitaja. *Ezhegodnye dannye*. <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData>.
- Основные данные седьмой всекитайской переписи населения (2021). Нин Цзичжэ, заместитель руководителя ведущей группы Седьмой всекитайской переписи при Госсовете, и директор Национального бюро статистики Китая 11 мая 2021 г. // Osnovnye dannye sed'moj vsekitajskoj perepisi naselenija (2021). <https://ru.theorychina.org.cn/c/2021-12-06/1426576.shtml>
- Основные статистические данные второй переписи населения (1964). // Osnovnye statisticheskie dannye vtoroj perepisi naselenija (1964). <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12314775/>
- Обзор важных событий по решению проблем народонаселения и планового деторождения. (2001). (Чжунго жэнькоу юй цзихуашэньюй даши яолань) Пекин. // Obzor vazhnyh sobytij po resheniju problem narodonaselenija i planovogo detorozhdenija. (2001). <https://ru-chinafamily.livejournal.com/4360.html>
- Полный текст Конституции КНР 1978 года. (中华人民共和国宪法) // Polnyj tekst Konstitucii KNR 1978 goda. <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/peoples-republic-of-china-constitution-1978.pdf>
- Полный текст Конституции КНР 1982 года. (中华人民共和国宪法) // Polnyj tekst Konstitucii KNR 1982 goda. <http://www.window2china.ru/upload/iblock/51e/Konstitutsiya-KNR.pdf>
- Рейзберг Б.А. (2010). *Современный социоэкономический словарь*. М.: ИНФРА-М. // Rejzberg B.A. (2010). *Sovremennij sociojekonomicheskij slovar'*. М.: INFRA-M.
- Симонова А.И. (2017). Китайский опыт в политике планирования рождаемости: результаты и последствия. *Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии* доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Совет молодых ученых ИДВ РАН, 114-122. // Simonova A.I. (2017). Kitajskij opyt v politike planirovanija rozhdaemosti: rezul'taty i posledstviya. *Arhitektura bezopasnosti i sotrudnichestva v Vostochnoj Azii* doklady, predstavlennye na IV mezhdunarodnoj konferencii molodyh vostokovedov v Institute Dal'nego Vostoka RAN. Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk; Sovet molodyh uchenyh IDV RAN, 114-122.
- Что означает сокращение населения для Китая. (2026) // Chto oznachaet sokrashhenie naselenija dlja Kitaja. (2026). <https://www.finam.ru/publications/item/chto-oznachaet-sokrashchenie-naseleniya-dlya-kitaya-20260125-1300/>

Эберштадт Н. (2018). *Демографические перспективы Китая до 2040 года: возможности, ограничения, возможные меры государственной политики.* // Jebershtadt N. (2018). *Demograficheskie perspektivy Kitaja do 2040 goda: vozmozhnosti, ogranichenija, vozmozhnye меры gosudarstvennoj politiki.* https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d08e25a2-69fe3876-57e6c8e6-74722d776562/https/www.hoover.org/research/chinas-demographic-prospects-2040-opportunities-constraints-potential-policy-responses.

Сведения об авторе

Игнатьева Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: luda_uk@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7125-1825>

Автор туралы мәліметтер

Игнатьева Людмила Николаевна – тарих ғылымдарының кандидаты, Н.А. Добролюбов атындағы Нижний Новгород мемлекеттік лингвистикалық университеті, Нижний Новгород қаласы, Ресей Федерациясы, e-mail: luda_uk@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7125-1825>

Information about the author

Ignatyeva Ludmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: luda_uk@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7125-1825>

ДЕМОГРАФИЯ ЖӘНЕ СОЦИОЛОГИЯ

Түпнұсқа мақала/Оригинальная статья/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_9

FTAXP 15.21.51

Самадиева М.О. *

Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан

Студенттердің өзін-өзі тануы

АНДАТПА. Бұл жұмыста Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университетінің бастапқы буын студенттерінің өзін-өзі тануы бойынша зерттеу қарастырылған. Аталған процесті зерттеу - жеке тұлғаның қалыптасуында және дамуында маңызды. Жеке тұлға ретінде даму және кәсіби салада өсу үшін өзін-өзі танудың маңыздылығы - бұл жас ұрпақты қалыптастырудың ажырамас критерийі болып табылатын осы процестің басталуы. Қоғамның жастарды тек кәсіби тұлға ретінде ғана емес, жеке тұлға ретінде де оқытуға қойылатын талаптары мен біржақты оқу процесі арасындағы қайшылық. Өзін-өзі тану процесі, ең алдымен, ішкі үйлесімділік, сонымен қатар, жастардың психикалық және физикалық денсаулығын табудың шарты. Біздің бұл процесті зерттеуімізде бір жағынан студенттің өзін жеке тұлға ретінде дамытуы деп түсінеміз, екінші жағынан, кәсіби маман ретінде қалыптасуының нәтижесі. Жұмыстың мақсаты - жастардың өзін-өзі тану деңгейін зерттеу және олардың жеке және кәсіби өзін-өзі анықтау процесінде өзін-өзі танудың маңыздылығын ашу. Жұмыста зерттеулерге сүйене отырып, аталған процестің жеке дамуға, өзін тәрбиелеуге, кәсіби өсуге, психологиялық әл-ауқатқа, оқу мен ғылымдағы сәттілікке және болашақ мамандықты таңдауға әсер ету жолдары ашылды. Зерттеудің практикалық маңыздылығы студенттердің жеке және кәсіби дамуын жақсартуға бағытталған.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: студенттердің өзін-өзі тануы, мәселе, тұлға, студенттердің өзін-өзі тәрбиелеуі, академиялық жетістік, өзін-өзі дамыту, жеке және кәсіби даму.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеу жұмысы автордың өз бастамасы аясында және Д. Серікбаев атындағы ШҚТУ ғылыми-зерттеу базасында орындалды. Сауалнамаға белсенді қатысқан және шынайы жауап берген студенттерге алғыс айтамыз.

ДӘЙКЕСӨЗ ҮШІН: Самадиева, М.О. (2026). Студенттердің өзін-өзі тануы. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 140-154. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_9

Мақала тарихы:

Редакцияға түсті: 13.02.2026

Жариялау туралы шешім қабылданды: 05.06.2026

Жарияланды: 30.06.2026

* Хат-хабаршы авторы: Самадиева Мейрамгуль Оралтаевна, e-mail: msamadieva@edu.ektu.kz

Самадиева М.О. *

Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Самопознание студентов

АННОТАЦИЯ. В данной работе рассмотрено исследование самопознания студентов начального звена Восточно-Казахстанского технического университета им.Д. Серикбаева. Изучение данного процесса-важно в становлении и развитии личности. Важность самопознания для развития как личности и роста в профессиональной сфере-это начало этого процесса, который является неотъемлемым критерием формирования подрастающего поколения. Противоречие между требованиями общества к обучению молодежи не только как профессиональной личности, но и как личности и односторонним процессом обучения. Процесс самопознания-это, прежде всего, внутренняя гармония, а также условие нахождения психического и физического здоровья молодежи. В нашем исследовании этого процесса мы понимаем, с одной стороны, как развитие студентом себя как личности, а с другой-как результат его становления как профессионала. Цель работы-изучить уровень самопознания молодежи и раскрыть важность самопознания в процессе их личностного и профессионального самоопределения. На основе исследований в работе раскрыты пути влияния указанного процесса на личностное развитие, самообразование, профессиональный рост, психологическое благополучие, успех в учебе и науке, выбор будущей профессии. Практическая значимость исследований направлена на улучшение личностного и профессионального развития студентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самопознание студентов, проблема, личность, самообразование студентов, академический успех, саморазвитие, личное и профессиональное развитие.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследовательская работа выполнена в рамках собственной инициативы автора и на научно-исследовательской базе ВКТУ им. Д. Серикбаева. Благодарим студентов, которые активно участвовали в опросе и дали честный ответ.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Самадиева, М.О. (2026). Самопознание студентов. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 140-154. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_9

* Автор-корреспондент: Самадиева Мейрамгуль Оралтаевна, e-mail: msamadieva@edu.ektu.kz

Meiramgul O. Samadiyeva *

D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Self-awareness of students

ABSTRACT. In this paper, a study of the self-knowledge of elementary school students of the D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University is considered. The study of this process is important in the formation and development of personality. The importance of self-knowledge for personal development and professional growth is the beginning of this process, which is an integral criterion for the formation of the younger generation. The contradiction between the requirements of society for the education of young people not only as a professional person, but also as a person and a one-sided learning process. The process of self-discovery is, first of all, inner harmony, as well as a condition for finding the mental and physical health of young people. In our study of this process, we understand, on the one hand, how the student develops himself as a person, and on the other-as a result of his becoming a professional. The purpose of the work is to study the level of self-knowledge of young people and to reveal the importance of self-knowledge in the process of their personal and professional self-determination. Based on the research, the work reveals the ways in which this process affects personal development, self-education, professional growth, psychological well-being, academic and scientific success, and the choice of a future profession. The practical significance of the research is aimed at improving the personal and professional development of students. The practical significance of the research is aimed at improving the personal and professional development of students.

KEYWORDS: self-knowledge of Students, problem, personality, self-education of students, academic success, self-development, personal and professional development.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The research was carried out by the author on their own initiative and at the research base of the D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University. We thank the students who actively participated in the survey and provided honest responses.

FOR CITATION: Samadiyeva, M.O. (2026). Students' Self-Awareness. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 140-154. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_9

* Corresponding author: Samadiyeva Meiramgul Oraltaevna, e-mail msamadiyeva@edu.ektu.kz

КІРІСПЕ

Бұл жұмыстың өзектілігі студенттердің өзін-өзі тануы олардың жеке жетілуіне, мамандық таңдауына, жоғары оқу орнындағы өмірін сәтті бастауына және болашақ маман ретінде дамуына тікелей әсер ететіндігімен көрінеді. Қазіргі білім беру ортасында студенттердің өзін-өзі тануын жақсарту өте маңызды ғылыми-практикалық мәселе болып келеді.

Адамның өзін-өзі тануы әлемдегі өзекті және талқыланатын тақырыптардың бірі. Жынысы мен жасына қарамастан, адам өз болмысының мәнін түсінуге тырысады. Өзара түсіністік пен үйлесімділікке қол жеткізу үшін, сондай-ақ қай бағытта дамитынын білу үшін жеке тұлғаны зерттеу қажет. Сондықтан өзін-өзі тану қажеттілігі көптеген ғасырлар бойы бүкіл әлемде өзекті тақырып болып қала береді. Бірінші кезекте, өзін-өзі тану құрылымына қандай компоненттер кіретінін анықтап алайық. Ғылымда өзін-өзі тану құрылымы туралы консенсус жоқ. Өзін-өзі танудың компоненттік және деңгейлік құрылымдары бар. Өзін-өзі білуі, тануы - сәйкестендіру және рефлексия негізінде өзін, өзінің қасиеттерін, қатынастарын білу процесі; өзін-өзі бағалауы - өзіне қанағаттану және қанағаттанбауы қағидаты бойынша процесс; өзін-өзі бақылауы - өзінің мінез-құлқы, қарым-қатынасы және қызметінің талаптары мен нормалары негізінде өз іс-әрекеттерін, психикалық күйлерін реттеу және «Мен» бейнесі - өзі туралы идеялар жүйесі, өзіне деген көзқарас, басқа адамдармен қарым-қатынас орнатудың негізі болып табылады. Өзін-өзі қабылдау - өзінің артықшылықтарымен қатар, кемшіліктерін де қабылдау.

Әр адамның өнімді, табысты қызметі олардың әлемді де, өзін де білуін қамтиды. Адамға өзін-өзі тануы не береді? Өзін-өзі тану адамның әлсіз және күшті жақтарын анықтаудан басталады. Өзін-өзі тану арқылы адам өзінің артықшылықтары мен кемшіліктерін біледі, кедергі келтіретін нәрсені жою үшін жұмыс істейді, өзін-өзі бағалауды көтереді, өмір бойғы кәсібін табады, өзімен үйлесімді өмір сүреді, өзін және айналасындағыларды қабылдайды. Өзін-өзі танудың қиындықтары: қалыптаспау, өзін-өзі тану және өзін-өзі дамыту мотивтерінің болмауы, өзін-өзі тәрбиелеуге деген ұмтылыстың болмауы; өзін-өзі бағалауы төмен және өзін-өзі толық қабылдай алмайтын адамдарда кездесетін көптеген мәселелер; дұрыс емес өмірлік мақсаттар қою, бейімділік пен қабілетке сәйкес келмейтін мамандықты таңдау; өзін-өзі тану мен өзін-өзі дамыту механизмдерінің қалыптаспауы: сәйкестендіру және әсіресе, рефлексия; өзін-өзі тану мен өзін-өзі дамытудың дамыған тәсілдерін елемей.

Адамдар көбінесе өздерін ұмытып кетеді, тек нақты қауіп төнген жағдайда, қандай-да бір проблемаға тап болғанда немесе ауыр сырқаттанған кезде, ішке үңілу керек екенін түсіне бастайды, бұл, әрине, дұрыс шешім қабылдауға көмектеседі. Іс-әрекеттерін талдап, неге дәл осылай істеп жатқанын, оны осы іске не итермелейтінін, оны не ынталандыратынын, оның басқаша әрекет етуіне не кедергі болатынын түсіну маңызды. Мұндай қателіктермен жұмыс істеу - адамның ішкі күші мен әлсіздігі неде екенін, өзінде нені жетілдіру керектігін және нені жою керектігін түсінуге мүмкіндік береді. Өзін-өзі реттеу және аталған қателіктерді түзету адамның әлсіз жақтарын, қай жағын жақсарту керектігі және нені жою керектігі туралы білімді кеңейтуге мүмкіндік береді. Көп жағдайда адамдардың басым бөлігі кемшіліктерін мойындамай, өздерін мейірімді және адал деп қабылдайды. Сондықтан да, өкінішке орай, олар өздерін өзгертуге тырыспайды. Ал, өзіне «Не себепті осындай жағдай орын алды?», - деген сұрақ қоймаған адам нақты проблеманы түсінбейді және шеше алмайды. Ұлы данышпан, ойшыл А. Құнанбаев өзінің 15 қара сөзінде: «Егер де, адам баласы ақылды және өзін танығысы келсе, өзінен күнделікті, не болмаса жұмасында бір, тіпті болмағанда айына бір рет өзінен есеп алғаны жөн болар», - деген екен, яғни, есеп алу арқылы адам өзін тұлға ретінде жетілдіреді.

Өзін тану арқылы адам өз мінезін де өзгерте алады және өз темпераментін білу арқылы өзін тәрбиелейді. Тіпті мамандық таңдау үшін де өзін тану қажет. Білім алушылардың көпшілігі өз қабілеттерін және ішкі таланттарын білмегендіктен дұрыс мамандық таңдай алмайды және өмірде немен айналысатындарын білмейді. Әрине, жастардың бүкіл өмірі алда, ал егер ересек адам өзін танымаған жағдайда, ол өз өмірін сүрмейді, яғни адасады.

В.Франклдың пікірі бойынша, бақыт, сәттілік сияқты өздігінен пайда болуы керек (Франкл және т.б., 1985).

Әрине, өзіне не ұнайтатынын және ненің жақсы екенін талдап зерттеген адам бақытты болады. Сонымен бірге, өзін танып білу ішкі және сыртқы үйлесімділікке әкеледі, ол адамның психикалық денсаулығы үшін өте маңызды. Өзін толық тану адамның өзін әлсіз және мықты жақтарымен, яғни, дәл солай өзін қабылдауға көмектеседі, өзін қабылдау арқылы адам әлемді қабылдауға көшеді. Жастардың өздерін тануы, бірінші кезекте, қабылдауды, айқындауды, басқаруды, маңыздауды, өз өмірі үшін жауапкершілік алуды қосатын көп қырлы процесс болып табылады. Қазіргі уақытта студенттердің көп бөлігі адасуда, бұл олардың өміріндегі қиындықтарға байланысты, яғни, аталған процесстің өте маңызды екенін көрсетеді. Бұл процеске отбасы, оқу орны, ұлттық құндылықтар, жеке тәжірибелер, тіпті жеңістердің өзі де әсер ететін факторларға жатады. Әрине, ата-ананың қолдауы, білім алып жатқан оқу орнының қолдауы, рухани тұлға ретінде дамуы, өміріндегі болып жатқан оқиғалардың маңызы айтарлықтай.

Бұл процесті жеңілдету үшін бірінші кезекте жоғары оқу орны оқытушылары, психологтары мен кураторларының қолдауы, сонымен қатар, онтайландыру шараларын ұйымдастыру қажет. Кез келген жоғары оқу орнына ерекше әдістерді қажет ететін өздерінің қиындықтары тән. Бұл кедергілер олардың миссиясына, ішкі құрылымына және профессорлық оқытушылық құрамына және білім алушыларды оқыту тәсілдеріне байланысты болып келеді. Әрине, бұл жастардың кәсіби өзін-өзі анықтауында және жүзеге асыруында әсері бар, соған байланысты, бұл сұрақтарды қарастыру - жоғары оқу орындарының міндеті болып келеді.

ӘДЕБИЕТТЕРГЕ ШОЛУ

Бұл процесс студенттік өмірде ғана емес, сонымен бірге олардың бүкіл өміріне қажет процесс болып келеді. Осыған орай, бірқатар әдебиеттерге жасалды. Өзін толық таныған адам, ең алдымен, өзінің оң және теріс жақтарын білетін және олармен жұмыс істей алатын, тәуелсіз, өзінің жеке пікірі бар, шынайы, мейірімді, өзін және басқа адамдарды қабылдай алатын, ішкі қабілеттерін жетілдіре алатын адам, және де кез келген адам осыған ұмтылу керек.

S.V. Belova және басқалары өз еңбектерінде келесідей қорытындыға келді: білім беру қызметінің шеңберінде студенттердің өзін-өзі танулары және олардың оқудағы табыстылығы арасында оң байланыс анықталды. Бұл байланыс кешенді талдау барысында студенттердің өтініштерін, эсселерін, бейнелерін, түйіндемелерін, кәсіби және жеке өсуге байланысты деректерін қарастыру арқылы айқындалды. Болашақ мамандардың психологиялық интеллектісінің іргетасын құрайтын өзін-өзі тану тұлғааралық қарым-қатынасқа, психологиялық жай-күйге, жеке және кәсіби дамуға әсер ететіні анықталды (Belova S.V. et.al., 2022).

Психоанализдің негізін қалаған З. Фрейдтің пікірінше, бейсаналық адам психикасындағы маңызды элементтердің бірі және өзін-өзі тану жасырын қалауларды, ішкі тұлғалық қақтығыстарды және адамның басынан өткерген сезімдерді түсінумен байланысты (Фрейд және т.б., 2005). А.С. Спиркин өзін-өзі тануды келесідей түсіндірді: адамның өз әрекеттерін, сезімдері мен қызығушылықтарын түсінуі және идеалдары мен мінез-құлық мотивтерін түсінуі, өмірдегі орнын бағалауы (Спиркин және т.б., 1972). Келесі зерттеуші В.Г. Мараловтың айтуы бойынша, аталған процесс - жеке тұлғаның адами шынайы қасиеттерін, тұлға ретінде интеллектуалды даму қабілеттерін танып білуі, және де, қоршаған ортамен қарым-қатынасқа түсе білу процесі (Маралов және т.б., 2002).

Жоғары оқу орнында білім алып жатқан студенттердің өздерін тануы - өздерін күнделікті зерттеулері, өздерінің кім екендерін, басқа адамдардан қалай ерекшеленетіндерін білуі, қоршаған ортадағылармен өздерін салыстыру арқылы және кешедегі, нақты бүгіндегі және болашақ өмірдегі бейнелерімен өзін салыстыру арқылы бірегей ерекше қабілеттерін ашуы (Сорокоумова және т.б., 2014).

M.L. Sharovalova және басқаларының пікірінше, кәсіби өзін-өзі анықтай білу, өзін кәсіби маман ретінде білу, өзінің жетістіктерін бағалай білуі және кәсіби маман ретінде өзіне деген

қатынасы, өзін-өзі реттеуі және дамытуы сияқты негізгі үш аспектіні құрайтын көп қырлы жүйе болып келеді. Бұл аспектілер кәсіби маман ретінде толық қалыптасуға және үздіксіз дамып отыруға да әсер етеді (Shapovalova et.al., 2020). Платонның «Протагор» диалогында баяндалған «Өзіңді таны» аңызындағы ежелгі Грецияның данышпандары Дельфидегі Аполлон ғибадатханасында келесі жазбаларды қалдырған: афиналық данышпан Сократтың ойынша, «өзін таныған адам, өзіне не пайдалы екенін білу арқылы не істей алмайтынын толық, әрі анық біледі. Сонымен қатар, өз қажеттіліктері мен мақсаттарына қадам қадаммен қол жеткізіп, бақытты өмір сүреді (Байлук және т.б., 2019). С. Л. Рубинштейннің еңбегінде өзін-өзі тану адамның өзі туралы түсініктерін қалай қалыптастыратыны туралы қарастырылған. Ғалым өзін-өзі тануды адамның бүкіл әлемге және басқа адамдарға деген қарым-қатынасымыз туралы сөйлесу қабілетіміз деп санайды (Рубинштейн және т.б., 1957). Зерттеуші Е. В. Рузова өзін-өзі тануды күрделі, көп қырлы, әрі тұрақты процесс және оған әртүрлі заттар әсер ететінін айтып өтті (Рузова және т.б. т.б., 2014). В. В. Горшкова және т.б. «Өзін-өзі тану процесінің күнделікті істейтін жұмысымыздан ешқандай айырмашылығы жоқ, сонымен қатар, өзін-өзі тану процесі адамның өзінің жетістіктері мен кемшіліктерін бағалауында және қалыптасқан қарым-қатынастарда көрінеді, - деп атап өтті (Горшкова, Синяевский және т.б., 2016.).

Бірқатар ғалымдар өзін-өзі танудың құндылықтары туралы сөз қылған. Грек философы (б.з.д. 400-325 жж.) Диогеннің пікірінше, өзін-өзі тану - шынайы гүлденудің кілті. Рим философы Эпиктет (б.з. 50–138 жж.): адам өткен және бүгінгі өмірін зерттеу арқылы әділ өмір сүреді және қиындықтармен күреседі. Даосизм өкілі Ли Исюге сәйкес (1833–1892), өзін терең тану және қарсыласын түсіну жеңілмейтіндіктің кепілі және кез келген қақтығыстардан оңай шығуға мүмкіндік береді» (Байлук және т.б., 2019). Психолог В.Г. Маралов атап өткендей, өзін-өзі тану, ең алдымен, тұлғаның психикалық денсаулығы, ішкі және сыртқы үйлесімділігі және өзін-өзі маңыздауы (Маралов et al., 2002). Н.Толстойдың «Менің сенімім неде?» еңбегінде жазылған: өзін тану - өмірдің мәнін табу және оған жету (Байлук et al., 2015).

L.A. Yakovleva және басқаларының зерттеулеріне сәйкес, студенттердің өзін-өзі тануын дамыту үшін, ең алдымен, оқытушы мен студент тиімді қарым-қатынасқа қол жеткізулері қажет. Оқу үдерісі аясында дидактикалық процедураларды және рефлексивті педагогикалық әдістерді енгізу және қолайлы асмосфера құру болып табылады (Larisa A. Yakovleva et al., 2021).

Австриялық жазушы С.Цвейгтің пікірінше, «өзінің жолын тапқан және басқа адамдарды танып білген адам ештеңе жоғалтпайды және өзін де, басқаларды да толық түсінеді», - деп жазды (Байлук, 2019). Өз өмірі үшін жауапкершілікті алу, бұл, өзін-өзі маңыздаудың шынайы субъектісі болу. А.Маслоудың ойынша, «адамның жауапкершілігі артқан сайын, ол өзін жетілдіре түседі». Адамның өсуі және толыққанды бақытына жету. Өзін-өзі тану процесі - адамның тағдыры (Байлук, 2010). Thielman I. және Burghart M. өзін-өзі тану процесін күрделі міндеттердің бірі екенін, әсіресе, этикалық нормалар саласында, ол жерде біздің қорғаныс механизмдеріміз ең күшті екенін атап өтті. Дегенмен, басқа адамдармен өзара кері байланыс жасап, бірқатар қиындықтарды жеңіп, тұлға ретінде өсуді бастауға болады, - дейді (Thielman I. et.al, 2025). Barranka-Enriquez, A. және басқаларының пікірінше, «өзін-өзі тану және психикалық денсаулықты күту» студенттердің мінез-құлқындағы жақсы қырларын ашу арқылы және эмоционалды интеллектті арттыру арқылы олардың психологиялық жай-күйін айтарлықтай жақсартады (Barranka-Enriquez, A. et.al., 2021). Яғни, эмоционалды интеллектті дамытатын білім алушылар тұлғалық және кәсіби өзін өзі анықтау арқылы өзін жетілдіре алады және университет ортасына да тез бейімделетін болады.

Зерттеулер көрсеткендей, студенттердің өзін-өзі маңыздаулары, академиялық жетістіктері, жеке тұлғалық өсулері, өздерін тәрбиелеулері, қиындықтарды жеңе білулері, тиімді қарым-қатынас құра білулері өзін-өзі тану деңгейіне байланысты. Сондықтан да жоғары білім беру жүйесінде кейбір тұжырымдарға толықтырулар енгізу қажет, яғни, өзін-өзі дамыту, оқу сапасын арттыру.

МАТЕРИАЛДАР МЕН ӘДІСТЕР

Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университетінің (бұдан әрі Д.Серікбаев атындағы ШҚТУ) бастапқы буын студенттерінің жеке тұлға ретінде және кәсіби маман ретінде жетілуіндегі өзін-өзі тану процесінің маңыздылығын айқындау үшін бастапқы эмпирикалық деректерді жинау мақсатында әдебиеттерге шолу және сауалнама жүргізілді. Әдебиеттерге шолу студенттердің өзін-өзі тануын дамыту – студенттердің тұлға ретінде және кәсіби маман ретінде өсулері үшін маңызды екенін көрсетті, ал сауалнама нақты қандай мәселелер кедергі келтіруі мүмкін екенін анықтады.

Сауалнама Д. Серікбаев атындағы ШҚТУ-да 2024-2025 оқу жылының наурызынан бастап мамырына дейін бастапқы буын студенттері арасында онлайн режимде (Google Forms) өткізілді. Жүргізілген сауалнама жасырын түрде және студенттердің толық келісімімен өткізілгенін атап өткен жөн.

Сауалнама сұрақтарын әдебиеттегі сілтеме бойынша көруге болады (сауалнама сұрақтары, 2024-2025).

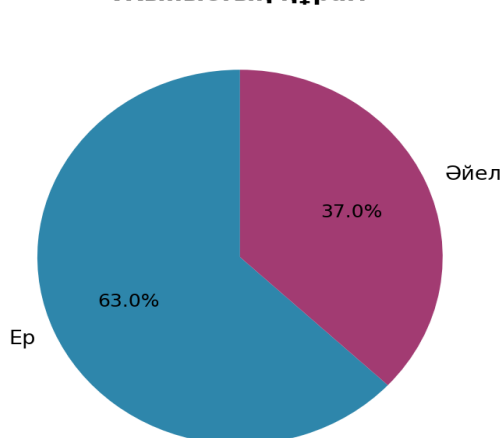
НӘТИЖЕЛЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ТАЛҚЫЛАУ

73 студент «Өзін-өзі тану» тақырыбындағы сауалнамаға жауап берді. Сұрақ саны - 13. Жеке мәліметтен бастап, өмірлік мақсатқа дейінгі аралықты қамтыды. Әр жауапты жеке қарап шықтым, тек пайыз санаумен шектелмей, артындағы ойды ұстап қалуға тырыстым - өйткені бірдей пайызды әртүрлі студент мүлде басқа себеппен таңдай алады. Қатысушылардың 46-сы - ер, 27-сі - әйел студент. 2-курс басым: 46 адам, яғни жалпы санның 63%-ы. 1-курстан небәрі 26 адам қатысты. Бұл арақатынас кездейсоқ болмауы мүмкін - 2-курс топтары әдетте бір-бірімен жақын таныс, сондықтан мұндай сауалнамаға тартылу да жеңілрек өтеді.

Кесте 1. Жалпы ақпарат

Көрсеткіштер	Саны
Барлық респондент	73 студент
Ер жынысы	46 адам - 63%
Әйел жынысы	27 адам - 37%
1-курс	26 адам - 36%
2-курс	46 адам - 63%
<i>Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)</i>	

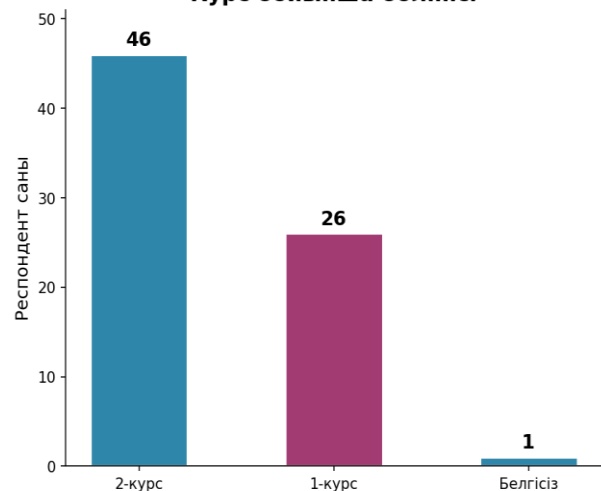
Жыныстық құрам

Сурет 1. Жыныстық құрам

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

Курс бойынша бөлінісі

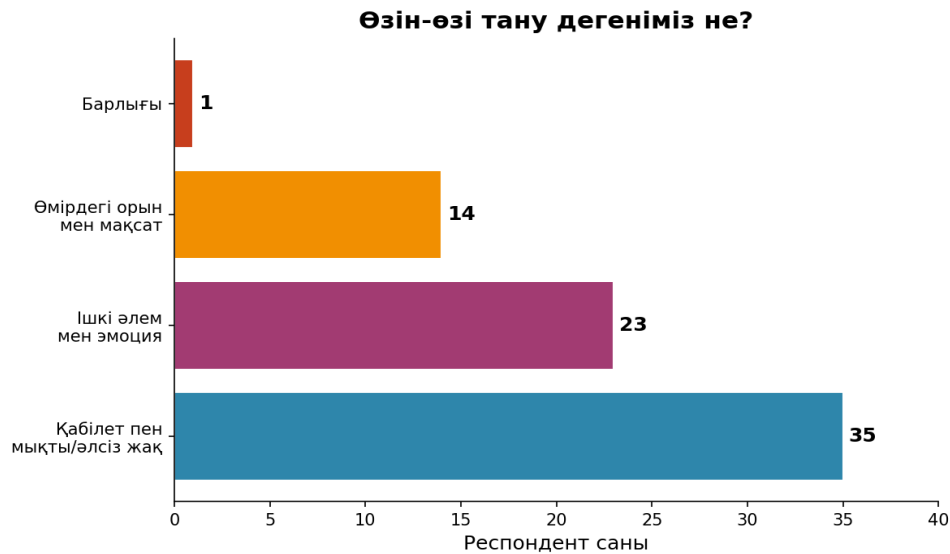

Сурет 2. Курс бойынша ақпарат

Сауалнамаға көбіне 2-курс студенттері қатысқан. Бұл олардың оқу ортасына бейімделіп, мұндай зерттеулерге белсендірек араласатынын көрсетеді.

1-сұрақ. Өзін-өзі тану сіз үшін нені білдіреді?

Сауалнаманың негізі болған сұрақ. Студенттерге 4 нұсқа ұсынылды.

Сурет 3. «Өзін-өзі тану сіз үшін нені білдіреді?»

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

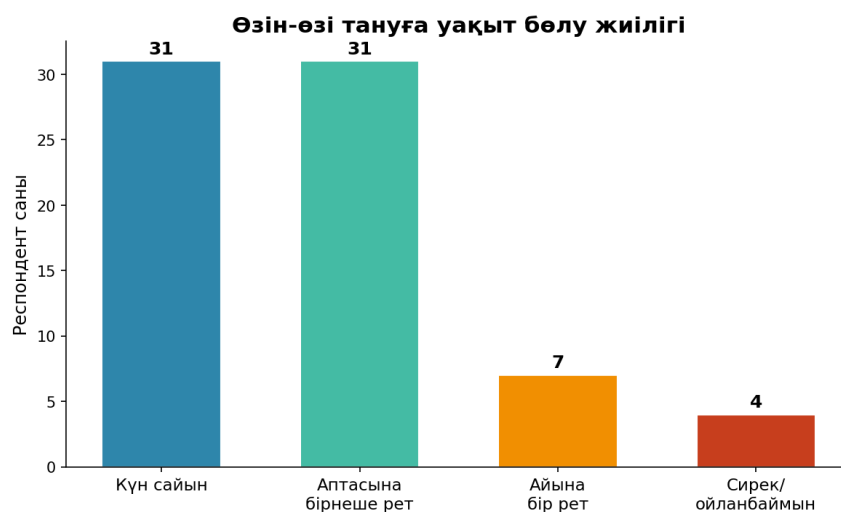
Кесте 2. Өзін-өзі танудың компоненттері

Өз қабілеттерін, мықты-әлсіз жақтарын тану	46 студент - 63%
Ішкі әлемін зерттеу, эмоцияны басқару	22 студент - 30%
Өмірдегі орнын табу, мақсат қою	22 студент - 30%
Жоғарыдағы барлығы	1 студент - 1%

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

30% студент өзін-өзі тануды эмоцияны басқарумен, ішкі жан-дүниесін түсінумен байланыстырды. Тағы 30%-ы «өмірдегі орнымды табу» жауабын таңдады - бұл топ үшін өзін-өзі тану «мен кіммін?» және «неге ұмтыламын?» деген сұрақтарға жауап іздеумен бірдей екен. Ал барлық нұсқаны таңдаған бар болғаны бір студент. Аз сан, бірақ мағынасы аз емес: ол үшін өзін-өзі тану бір ғана бағытпен шектелмейді.

2-сұрақ. Өзін-өзі тануға қаншалықты жиі уақыт бөлесіз?

Сурет 3. «Өзін-өзі тануға жұмсалатын уақыт

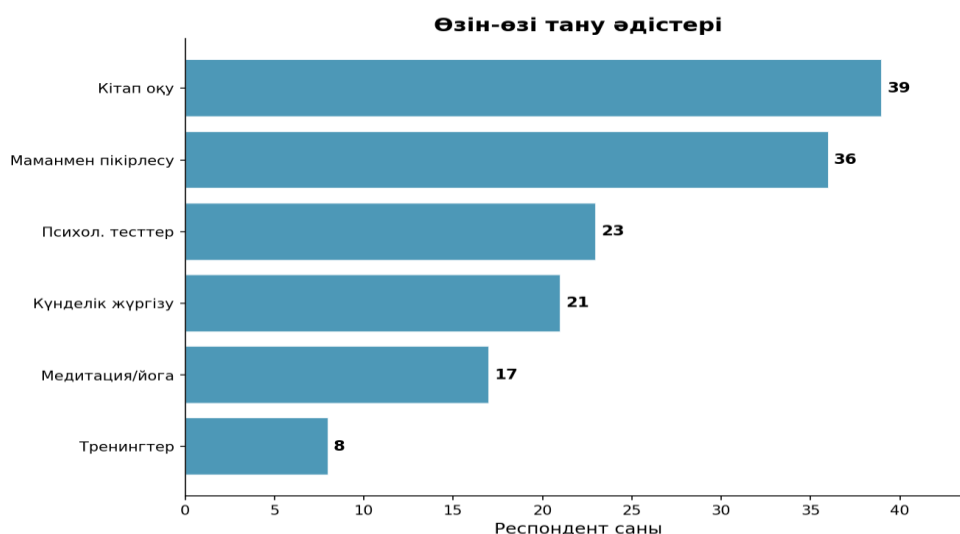
Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

Кесте 3. Өзін-өзі тануға жұмсалатын уақыт

Күн сайын	27 студент - 37%
Аптасына бірнеше рет	30 студент - 41%
Айына бір рет	10 студент - 14%
Сирек немесе мүлде ойланбаймын	6 студент - 8%
<i>Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)</i>	

Аптасына бірнеше рет дегенді 30 студент таңдады - бұл топ ең үлкені, 41%. Күн сайын дегенді 27 студент белгіледі (37%); бұлар үшін өзін-өзі тану күнделікті әдетке жақын нәрсе. Ал 6 студент - небәрі 8% - сирек ойланатынын немесе мүлде мән бермейтінін айтты. Сан шамалы көрінгенмен, бұл топты елемей кетуге болмайды: жасы жиырманың үстінде болса да, өзін-өзі тану дегеннің не екенін әлі толық сезінбеген студент бар деген сөз.

3-сұрақ. Өзіңізді қалай тануға тырысасыз?

Сурет 4. Өзін-өзі тану әдістері.

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

Бұл сұраққа бірнеше жауап нұсқасын қатар таңдауға болатын. Алдыңғы орында - мамандармен немесе достарымен пікірлесу. Жалғыз отырып ойлану емес, сенімді адаммен сөйлесу студенттер үшін көбірек жұмыс істейді сияқты. Кейде қарапайым әңгіменің өзі адамға өзіне сырттай қарауға мүмкіндік береді. Екінші орында - кітап оқу, мотивациялық материал. Үшінші орында - өз әрекетін кейін отырып талдау, қорытынды шығару.

Кесте 4. Өзін жайлы сезінетін орта

Отбасымның жанында	25 студент - 34%
Жеке өзім болғанда	30 студент - 41%
Достарыммен бірге	16 студент - 22%
Үлкен топ ішінде	2 студент - 3%
<i>Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)</i>	

Ең көп таңдалған жауап - «жеке өзім болғанда», 41%. Топ ішінде емес, жалғыз қалғанда жайлы сезінеді деген сөз - демек, бұл студенттер ойымен қалуды, ішкі дүниесімен оңаша болуды қалайды. 34%-ы отбасының жанында өзін жайлы сезінеді: отбасы әлі де қауіпсіздік пен қолдаудың негізгі көзі болып тұр. Ал 22% досымен бірге болғанда еркін сезінеді - бұлар қарым-қатынасқа ашығырақ, эмоциялық қолдауды сырттан іздейтін топ.

5-сұрақ. Сіз үшін ең маңызды өмірлік құндылықтар қандай?

Сурет 5. Ең маңызды өмірлік құндылықтар

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

3 құндылықты таңдау керек еді. Нәтиже анық: отбасы - 64, денсаулық - 53, достық - 34, білім - 33, қаржы тұрақтылығы - 29, мансап - 23, еркіндік пен рухани даму - әрқайсысы 22 студенттен. Білім мен достықтың саны дерлік теңесіп қалғаны қызық - оқу мен жеке қарым-қатынас бір студент үшін бір деңгейде тұр екен, демек, табысқа жетудің өзі жалғыз мақсат емес, айналаңдағы адам да маңызды. Ал рухани даму мен еркіндікті таңдаған 22 студент басқаша ойлайды: оларға материалдық нәрседен гөрі ішкі еркіндік, өз ойын ашық айта алу маңыздырақ көрінеді.

6-сұрақ. Өзіңіздің бойыңыздағы ең мықты қасиетіңіз қандай?

Жауап еркін түрде берілді, сондықтан вариация көп болды. Дегенмен бірнеше қасиет қайта-қайта қайталанды.

Ең жиі айтылғаны - сабырлылық пен төзімділік. Көп студент өзін шыдамды, қиындықтан бірден сынбайтын адам ретінде сипаттаған. Табандылық пен мақсатқа ұмтылу да жиі кездесті: «бастаған ісімді соңына дейін жеткіземін» немесе «мақсатыма жету үшін күн сайын еңбек етемін» деген тіркестер бірнеше анкетада қайталанды. Шыншылдық, адалдық, әділдік те жиі аталды - студенттер өздерінің мықты жағын көбіне адамгершілік қасиет ретінде көреді екен. Мейірімділік, жанашырлық, эмпатия, жауапкершілік, ерік-жігер сияқты жауаптар да болды.

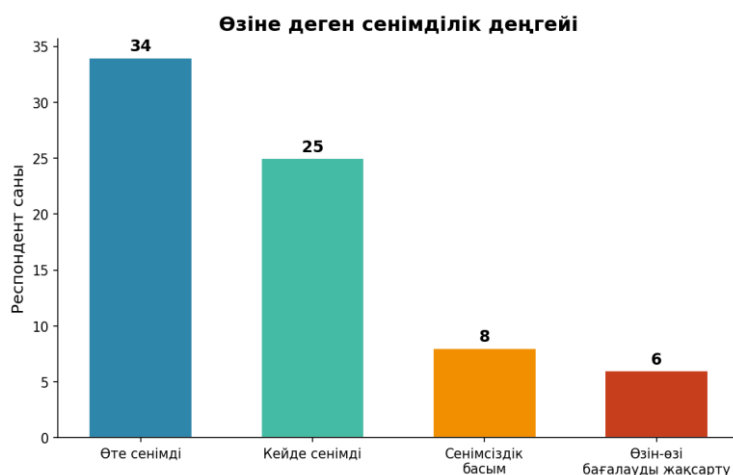
Бір студенттің жауабы бөлек түр: өзінде ерекше мықты қасиет жоқ деп ойлайды, бірақ адамдарға әрдайым қолдау көрсетуге тырысады дейді. Тағы біреуі жай ғана «жылау» деп жазған - қысқа жауап, бірақ өз сезімін жасырмай, мойындай алатынын көрсетеді.

7-сұрақ. Сіздің әлсіз тұстарыңыз қандай?

Бұл жерде студенттер айтарлықтай ашық жауап берді. Талдау барысында бірнеше қайталанатын мәселе көрінді.

Бірінші орында - эмоцияны басқарудағы қиындық. Тез ашуланатынын, ренжігіш екенін немесе бәрін жүрекке жақын қабылдайтынын жазғандар көп. Екіншісі - еріншектік пен істі кейінге қалдыру: бірнеше студент тікелей «жалқаумын» деп жазған, ал бұл - адамның өзіне сыни қарай алуының белгісі. Үшіншісі - өзіне сенімсіздік: ұялшақтық, «жоқ» деп айта алмау, басқаның пікіріне тым тәуелді болу. Бұл жауаптар - өз шекарасын қоюда қиналатын топтың дауысы. Тағы бірнеше студент шешім қабылдау қиын екенін айтты - ұзақ ойланып қалады немесе маңызды қадамға батылы жетпейді. Ал бірнеше адам «әлсіз тұсым жоқ» деп жазды - бұл өзіне нақты сенімділіктің көрінісі ме, әлде сұраққа терең ойланбай жауап беру ме, түсініксіз. Бәрібір, осы жауаптың өзі де назардан тыс қалмауы керек.

8-сұрақ. Өзіңізге қаншалықты сенімдісіз?

Сурет 6. Өзіне деген сенімділік деңгейі

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

Кесте 5. Өзіне деген сенімділік деңгейі

Өте сенімдімін	34 студент - 47%
Кейде сенімдімін	25 студент - 34%
Сенімсіздігім басым	8 студент - 11%
Өзін-өзі бағалауды жақсартқым келеді	6 студент - 8%
<i>Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)</i>	

Студенттердің жартысына жуығы - 34 адам, 47% - «өте сенімдімін» деп жазды. Бірақ мұндай жауап тұрақты ішкі сенімділікті әрдайым білдірмейді - кейде адам сол сәттегі көңіл күйіне қарап жауап беруі мүмкін ғой. 25 студент (34%) «кейде сенімдімін» деген: бұлар үшін сенімділік жағдайға қарай ауысып тұрады - бір кезде толық сенсе, екінші жерде күмәнданады. Мұндай студентке тұрақтылық пен сырттан қолдау маңыз береді.

Кесте 6. Өзіңізді дамытудың жолдары

Жаңа дағдылар үйрену (тіл, спорт, өнер)	45 студент - 62%
Іс-әрекеттерін талдау, қорытынды жасау	41 студент - 56%
Кітап оқу, өзіндік білім алу	28 студент - 38%
Өзін-өзі жетілдіру курстарына қатысу	12 студент - 16%
<i>Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)</i>	

Екі тәсіл алда: жаңа дағды үйрену және өз әрекетін талдау. Бұлар бір-бірінен бөлек тұрған жоқ - адам жаңа тәжірибе жинай отырып, одан қорытынды да шығарады. Кітап оқуды 28 студент (38%) таңдады. Ал курсқа қатысатын бар болғаны 12 студент - 16%, қалғандарға қарағанда айтарлықтай төмен. Мүмкін уақыт жетпейтін шығар, мүмкін қолжетімді курс аз шығар - бұл сұрақ жеке зерттеуді талап етеді.

10-сұрақ. Өміріңіздегі басты мақсаттарыңыз қандай?

Бұл сұрақта дайын нұсқа болмады - студент өз сөзімен жазды. Сондықтан жауаптар студенттің нақты ойын анығырақ көрсетті.

Ең жиі кездескені - оқуды аяқтап, жақсы маман болу. Көбі болашағын өз мамандығымен тікелей байланыстырған, тек диплом алу емес, сол салада орнын табу маңызды дейді. Ата-ана үмітін ақтау, отбасыға тірек болу да жиі айтылды - отбасы құндылығы тағы да алдыңғы қатарда. Қаржылық тәуелсіздік те жиі кездескен жауап, бірақ мұнда қызық бір нюанс бар: ақша көбіне жеке мақсат емес, отбасыға көмек пен тұрақты өмір құру құралы ретінде көрінеді.

Бірнеше жауап бөлек көзге түсті. «Өзімнің жақсы нұсқам болу» - үнемі дамуға деген ұмтылыс. «Өкінішсіз өмір сүру» - өмірді мәнді өткізу қалауы. «Тұлға ретінде даму» дегендер де болды - мұндай студент үшін материалдық жетістіктен бұрын ішкі өсу тұрады.

11-сұрақ. Өзін-өзі тану мамандық таңдауға әсер етті ме?

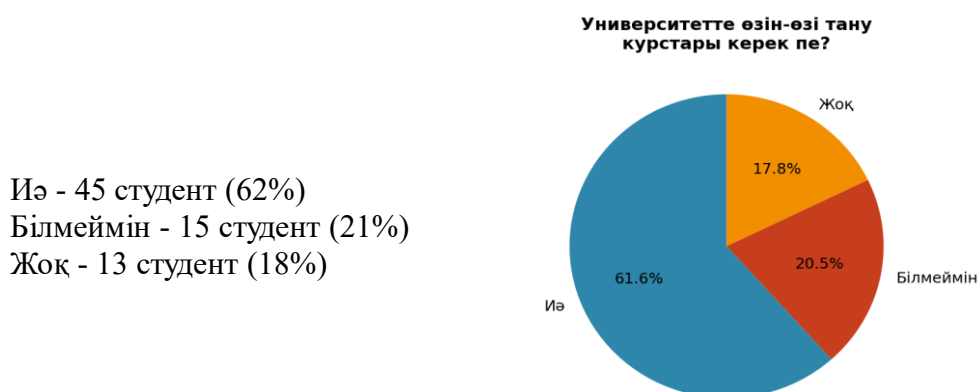
Сурет 7. «Өзін-өзі танудың мамандық таңдауға әсері

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

55% - 40 студент - өзін-өзі танудың мамандық таңдауына тікелей әсер еткенін айтты. Бұл топ мамандықты сырттан көрінетін факторларға емес, өз қызығушылығына қарап таңдаған дейді. 15% «иә, бірақ нақты білмеймін» деп жауап берді - байланыс барын сезеді, бірақ толық сенімді емес. Ал 23% әсер болмағанын көрсетті. Мұнда бір ескерту орынды: адам кейде өз таңдауының ішкі себебін өзі де байқамайды, сондықтан бұл байланыс әрдайым саналы түрде сезіле бермейді.

12-сұрақ. Университетте өзін-өзі тануға бағытталған курс немесе тренинг қажет пе?

62% мұндай бастаманы қолдайды - сан аз емес. 21% нақты жауап бере алмады; бұлар қарсы емес, бәлкім, мұндай курстың не беретінін толық елестете алмай тұрған шығар. Қызықты формат немесе нақты мысал көрсетілсе, бұл топтың пікірі өзгеруі мүмкін. 18% қолдамайды - бұл да қалыпты жайт, өйткені өзін-өзі тану әр адамда өз жолымен жүреді, сондықтан мұндай бағыттағы жұмыс міндетті емес, ерікті болуы керек.

Сурет 8. Курстардың қажеттілігі

Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)

13-сұрақ. Қандай қосымша материалдар немесе іс-шаралар сізге қызықты болар еді?

Соңғы сұрақ толығымен ашық болды. Нақты сан да, жеке ой да аралас келді.

Кесте 7. Студенттермен таңдалған іс-шаралар тізімі

Тренингтер	12 студент атады
Ойындар және тесттер	7 студент атады
Психологпен жұмыс, жеке кеңесу	5 студент атады
Онлайн немесе офлайн курстар	4 студент атады
Кітап оқу ұсынымдары	3 студент атады
Дебат, пікірталас	2 студент атады
Мастер-кластар	2 студент атады
Коучинг	2 студент атады
Спортпен айналысу	2 студент атады
Лекция, консультация	1 студент атады
<i>Ескертпе – автордың деректері негізінде құрастырылған (Самадиева, 2025)</i>	

Тренинг форматы көш бастап тұр. Бұл - тек тыңдап отырудан гөрі, белсенді қатысуды, тәжірибе арқылы үйренуді қалайтын топтың таңдауы. Ойындар мен психологиялық тесттер де айтылды - өзін-өзі тануды жеңіл, қызықты форматта өткізудің жолы. Бірнеше студент жеке психологпен жұмысты бөлек атап өтті: барлығына топтық формат бірдей ыңғайлы емес екен, кейбірі мәселесін тек оңаша сөйлесіп шешуді жөн көреді.

Бір-екі жауап ерекшеленіп тұр. Бір студент адамның шынайы «мені» мен «идеалдағы өзін» қалай үйлестіруге болатыны туралы сұрақ қойған - бұл тек іс-шара емес, терең мағына іздеген жауап. Тағы бір студент топ ішінде өзін еркін ұстауды үйренгісі келетінін жазды. Қалғандары мотивациялық кітап, пікірталас, арт-терапия, табиғат аясындағы серуен сияқты әртүрлі форматты ұсынды.

73 жауапты қатарынан өткізіп шыққанда бір нәрсе анық көрінді: өзін-өзі тану тақырыбына бейжай қарайтын студент көп емес. Көбі ойын қысқартып айтпай, ашық жеткізуге тырысқан. Кейбір жауап жай ғана пікір емес, ішкі толғаныстың ізі сияқты көрінеді.

Жалпы алғанда, студенттердің басым бөлігі өзін-өзі тануға күнделікті немесе аптасына бірнеше рет уақыт бөледі - бұл олардың өзін дамытуға қызығушылығы бұрыннан қалыптасқанын білдіреді. Мықты қасиет ретінде көбіне сабырлылық, шыншылдық, мейірімділік сияқты адамгершілік қасиеттер аталды, ал әлсіз тұс ретінде эмоцияны басқарудағы қиындық пен еріншектік жиі қайталанды - мұны ашық жазу өзі студенттің өзіне сыни қарай алатынының белгісі.

Отбасы, денсаулық және жақын адамның қолдауы - студенттер үшін ең маңызды құндылықтар қатарында тұр. Соған қоса, көп студент мамандық таңдауында өзін-өзі танудың рөлі болғанын мойындады.

ҚОРЫТЫНДЫ

Қазіргі жоғары білім беру ордалары тек білім мен дағдыларды берумен және игерумен ғана шектелмей, сонымен қатар, университет қабырғасына енді келген түлектердің университет ортасына сәтті және тез бейімделуіне және трансформациялануына ықпал ететін ортасын құруға міндетті. Сондықтан да, жастардың өзін-өзі тануын дамыту жоғары білім алудың негізгі аспектісіне айналған, яғни, өзін жасына сәйкес жеткілікті деңгейде таныған тұлға дұрыс мамандық таңдайды және университетте сапалы білім алуға және болашақта кәсіби жетістікке қол жеткізеді.

Зерттеу бірқатар студенттердің университетте өзін-өзі тануға бағытталған бағдарламаларды және іс-шараларды енгізуді қолдайтынын көрсетті, әсіресе студенттер тренингтер, ойындар, пікірталастар, арт-терапиялар сияқты белсенді форматтарға қызығушылық танытқан. Тек дәріс тыңдаумен шектелмей, тәжірибе арқылы үйренуді тиімді

деп санайды. Соған сәйкес, практикалық тренингтер ұйымдастыру және психологиялық кеңес беру орталықтарын құру маңызды.

Жоғарыдағы талдауға сәйкес келесідей қорытынды шығаруға болады: дамыған өзін-өзі тану студенттердің өздеріне деген сенімділігіне, жеке тұлға және кәсіби маман ретінде дамуына және мамандықты саналы таңдауына әкеледі, ал дамымаған өзін-өзі тану, керісінше, бірқатар қиындықтарға, атап айтсақ, шешім қабылдаудағы қиындықтарға және кәсіби белгісіздікке әкеледі.

Алынған нәтижелер білім алушылардың өзін-өзі тануын дамыту қырларын білу арқылы олардың өзін-өзі тануына психологиялық және педагогикалық тұрғыда қолдау қажеттілігі туралы гипотезаны растайды.

Мақалада студенттердің өзін-өзі тану мәселесі жоғары оқу орнындағы оқу жетістіктерінен басқа да жетістіктерге әсер ететін маңызды тақырып екені дәлелденді.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- Barranka-Enriquez, A., Romo-Gonzalez, T., Lopez-Mora, G., Contreras-Miranda, Maria-de-Jesus, Sanchez-Silva, Diana-María; Hernández-Pozo, María-del-Rocío (2021). *Positive education in college students: the effects of the “self-knowledge and soul care” workshop on the emotions and character strengths*. 21, 2. <https://doi.org/10.30554/archmed.21.2.4098.2021>
- Belova, S.V., Khazykova, T.S., Botova, S.N., Artaeva, G.V., Chubakov, I.I., Mandzhieva, A.O. (2022). *Self-knowledge of future specialist in vocational education. International Scientific Congress «Knowledge, man and civilization»*. 10.15405/epsbs.2022.12.25 <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2022.12.25>
- Shapovalova, M.L., Enns, E.A., Serdyukova, E.F., Zvereva, R.G. (2020). *Professional self-consciousness as factor of professional formation and self-development of personality. International Scientific Conference «So-cial and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism»*. 10.15405/epsbs.2020.10.05.41 file:///C:/Users/meira/Downloads/10.15405_epsbs.2020.10.05.41.pdf
- Thielman, I., Burghart, M. (2025). *Self-knowledge Limits, implications, and paths to change. Current Opinion in Psychology*. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2025.102056>
- Yakovleva, L.A., Razumova, E. M., Tumbasova, E. R., Ruslyakova, E. E. (2021). *Self-knowledge and ways of its improvement amongst university Learners*. v. 25, n. esp.7, dez. DOI: 10.22633/rpge.v25iesp.6.16178
- Байлук, В.В. (2019). *Самопознание и саморазвитие личности в их взаимосвязи: моногр. Екатеринбургская академия современного искусства*. 136 с. elibrary_41341828_12375466.pdf // Bajluk, V.V. (2019). *Samopoznanie i samorazvitie lichnosti v ih vzaimosvyazi: monogr. Ekaterinburgska-ja akademija sovremennogo iskusstva*. 136 [1] s. elibrary_41341828_12375466.pdf
- Байлук, В.В. (2015). Какова цена самопознания в системе образования? *Уральский государственный университет. № 1*. С. 104-108. elibrary_22989182_98701913.pdf // Bajluk, V.V. (2015). *Kakova cena sam-opoznaniya v sisteme obrazovaniya? Ural'skij gosudarstvennyj univesitet. № 1*. S. 104-108. elibrary_22989182_98701913.pdf
- Байлук, В.В. (2010). *Основы самопознания и самореализации личности. Основы самопознания личности*. Екатеринбург, С. 19-27. // Bajluk, V.V. (2010). *Bajluk, V.V. (2010). Osnovy samopoznaniya i samorealizacii lichnosti. Osnovy samopoznaniya lichnosti. Ekaterinburg, S. 19-27*
- Горшкова, В.В., Синяевский, Д.О. (2016). *Самопознание личности и его роль в процессе обучения*. С. 11-17 EDN: XDCXYT // Gorshkova, V.V., Sinjaevskij, D.O. (2016). *Samopoznanie lichnosti i ego rol' v processe obuchenija*. S. 11-17 EDN: XDCXYT
- Құнанбайұлы, А. 15 қара сөзі: // Құнанбайұлы, А. 15 қара сөзі // Qūnanbaiūly, A. 15 qara sözi: // Qūnanbaiūly, A. 15 qara sözi: Абайдың қара сөздері/Абайдың он бесінші қара сөзі — Уикикітап

- Маралов, В.Г. (2002). *Основы самопознания и саморазвития*. М.: Наука. // Maralov, V.G. (2002). *Osnovy samopoznaniya i samorazvitiya*. М.: Nauka.
- Психология личности: хрестоматия*. М.: АСТ: Астрель, 624 с. // Psihologija lichnosti: hrestomatija. М.: AST: Astrel', 624 s
- Рубинштейн, С.Л. (1957). *Бытие и сознание*. М.: Наука. // Rubinshtejn, S.L. (1957). *Bytie i soznanie*. М.: Nauka.
- Рягузова, Е.В. (2014). *Социальная психология репрезентаций взаимодействия «Я - Другой»*. Саратов: 199 с. // Rjaguzova, E.V. (2014). *Social'naja psihologija reprezentacij vzaimodejstvija «Ja - Drugoj»*. Saratov: 199 s.
- Спиркин, А. (1972). *Сознание и самопознание*. М.: Наука. // Spirkin, A. (1972). *Soznanie i samopoznanie*. М.: Nauka.
- Сорокумова, Е.А. (2014). *Этапы экспериментального исследования развития самопознания в процессе обучения*. С. 124-132. EDN: RXOQXB // Sorokoumova, E.A. (2014). *Jetapy jeksperimental'nogo issledovanija razvitija samopoznaniya v processe obuchenija*. S. 124-132. EDN: RXOQXB
- Frankl, V. E. (1985). *Man's Search for Meaning*. Издательство: Washington Square Press/Перевод Маргариты Маркус, mmarkus(a)bgu.ac.il // Frankl, V. E. (1985). *Man's Search for Meaning*. Izdatelstvo: Washington Square Press/Perevod Margarity Markus, mmarkus(a)bgu.ac.il Человек в поисках смысла.
- Фрейд, З. (2005). *Психология бессознательного*. СПб.: Питер, Изд 2-е, 400 с. – (Серия «Мастера психологии»). // Frejd, Z. (2005). *Psihologija bessoznatel'nogo*. SPb.: Piter, Izd 2-e, 400 s. – (Serija «Mas-tera psihologii»).
- Сауалнама сұрақтары:
https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSev22yu3qF_yt_3zudeJ8X7pDQ2B9EIqJFipyWaf1xl3heoGA/viewform?usp=dialog //
 Saualnaма сұрақтары:
https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSev22yu3qF_yt_3zudeJ8X7pDQ2B9EIqJFipyWaf1xl3heoGA/viewform?usp=dialog

Автор туралы мәліметтер

Самадиева Мейрамгуль Оралтаевна – оқытушы, педагогика ғылымдарының магистрі, Ж.Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университетінің 2-ші курс аспиранты (мамандығы – 13.00.01 Жалпы педагогика, педагогика және білім тарихы); Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, msamadiyeva@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1706-0072>

Сведения об авторе

Самадиева Мейрамгуль Оралтаевна – преподаватель, магистр педагогических наук, аспирант 3-го курса Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына (специальность 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования); Восточно-Казахстанский технический университет им. Д.Серикбаева; Усть-Каменогорск, Казахстан, msamadiyeva@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1706-0072>

Information about the author

Samadiyeva Meiramgul Oraltayevna – lecturer, Master of Educational Sciences, 2nd year postgraduate student at the Kyrgyz National University. Zh. Balasagyn (specialty – 13.00.01 General pedagogy, history of pedagogy and education), D.Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, msamadiyeva@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1706-0072>

ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_10

MPNТИ: 04.51.23

Илеуова Г.Т. , **Симакова О.А.** *

Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», г.Алматы, Казахстан

Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью

АННОТАЦИЯ. Казахстанский специалист в области диаспорологии Г.Н.Ким указывал что «тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением». И в этой связи возникает вопрос, а кто такие русские в Казахстане: «навязанная диаспора» или часть казахстанского народа? И каково самочувствие русских в Казахстане: смогли ли они приобрести казахстанскую идентификацию или чувствуют себя «российской диаспорой»?

Русские были и остаются вторым по численности этносом в Казахстане. Но смена русским этносом статуса в независимом Казахстане в начале 1990-х годов, а также планомерное снижение его доли в структуре населения сегодня, оставляет вопрос о самоощущении русских в стране актуальным.

В статье на основе кабинетного анализа и анализа результатов социологических исследований авторы пытаются определить, как интегрировались русские в процессе формирования «казахстанской нации» и приобретение ими казахстанской идентичности. И результаты исследований показывают, что в идентификационной матрице русских базовыми маркерами являлись поколение/возраст, локальность (житель своего города/села) и гражданственность, каждый четвертый в той или иной мере владеет казахским языком, русские хорошо представлены в общественном и гражданском секторах общества и демонстрируют умеренную электорально-политическую активность. Миграция русских из Казахстана сократилась в 8 раз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские, гражданская нация, диаспора, социальное самочувствие, идентификация

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют, что исследование проводилось в отсутствие каких-либо коммерческих или финансовых связей, которые могли бы быть истолкованы как потенциальный конфликт интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Данная статья подготовлена для выступления на XXIV Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях», Усть-Каменогорск, Казахстан, 20 октября 2025 года. Авторы благодарят организаторов Конференции за возможность поделиться результатами исследования с коллегами. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: Автор(ы) заявляют, что при подготовке данной рукописи технологии генеративного искусственного интеллекта использованы не были.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Илеуова, Г.Т., Симакова, О.А. (2026). Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 155-184. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_10

История статьи:

Получено: 18.03.2026

Принято: 03.06.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Симакова Ольга Александровна, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Илеуова Г.Т. , Симакова О.С.*

«Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» Қоғамдық Қоры, Алматы қ., Қазақстан

Қазақстандағы орыстар: диаспора мен азаматтылық арасында

АННОТАЦИЯ. Диаспоратану саласындағы Қазақстан маманы Г.Н.Ким «этникалық диаспоралар мәселесіне қатысты тақырыптың отандық ғылым үшін күн өткен сайын өзектілігі артып отыр, өйткені тағдыр тәлкегімен бөлініп, жан-жаққа тарыдай шашылған халықтардың болашағы көбіне ұлттық диаспора өкілдері мен титулды ұлт арасындағы қарым-қатынастың жаңа жағдайда қалай қалыптасатынына байланысты» деп атап көрсеткен еді. Осыған орай Қазақстандағы орыстар кім: «еріксіз диаспора» ма, әлде Қазақстан халқының бір бөлігі ме? Қазақстандағы орыстардың көңіл-күйі қандай: олар қазақстандық бірегейлікті қабылдай алды ма әлде өздерін «ресейлік диаспора» санай ма? деген сұрақ туындайды.

Орыстар Қазақстандағы саны жағынан екінші этнос болды және солай болып қала береді. Алайда 1990 жылдардың басында тәуелсіз Қазақстанда орыс этносының мәртебесі өзгеруі, сондай-ақ оның халық құрамындағы үлесінің бүгінгі таңда жоспарлы түрде азаюы елдегі орыстардың өзіндік сезіміне қатысты мәселенің өзектілігін жоймай отыр.

Мақалада авторлар кабинеттік талдау мен әлеуметтік зерттеулердің нәтижелерін сараптау негізінде «қазақстандық ұлтты» қалыптастыру үдерісінде орыстардың қалай кіріккенін және олардың қазақстандық бірегейлікке ие болуын анықтауға тырысады. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, орыстардың бірегейлік матрицасында негізгі маркерлер буын/жас, жергілікті (өз қаласының/ауылының тұрғыны) және азаматтық болды. Әрбір төртінші орыс қазақ тілін азды-көпті меңгерген, олар қоғамның қоғамдық және азаматтық секторларында жақсы танылған және орташа деңгейде электоралдық-саяси белсенділік танытады. Орыстардың Қазақстаннан көшіп кетуі 8 есеге азайған.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: орыстар, азаматтық ұлт, диаспора, әлеуметтік көңіл-күй, сәйкестендіру

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар зерттеудің ықтимал мүдделер қақтығысы ретінде түсіндірілуі мүмкін коммерциялық немесе қаржылық қатынастар болмаған жағдайда жүргізілгенін мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Бұл мақала 2025 жылғы 20 қазанда Өскемен қаласында (Қазақстан) өтетін «Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер» атты XXIV Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияда баяндама жасау үшін дайындалды. Авторлар зерттеу нәтижелерімен әріптестерімен бөлісуге мүмкіндік бергені үшін конференцияны ұйымдастырушыларға алғыс білдіреді.

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНУ ТУРАЛЫ ХАБАРЛАМА: Автор (лар) осы қолжазбаны дайындау барысында генеративті жасанды интеллект технологияларының қолданылмағанын мәлімдейді.

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Илеуова, Г.Т., Симакова, О.А. (2026). Қазақстандағы орыстар: диаспоралық пен азаматтық арасында. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 155-184. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSA DH_2026_2_10

* Хат-хабаршы авторы: Симакова Ольга Александровна, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Gulmira T. Ileuova , Olga A. Simakova*

Public Foundation "Center for Social and Political Research "Strategia", Almaty, Kazakhstan

Russians in Kazakhstan: in-between diasporic identity and citizenship

ABSTRACT. Kazakhstani specialist in the field of diaspora studies G.Kim pointed out that “issues related to ethnic diasporas are becoming increasingly relevant for domestic science, because the fate of peoples separated and scattered by circumstances largely depends on how relations between representatives of the national diaspora and the titular population develop under new conditions.” The question arises: who are the Russians in Kazakhstan—an “imposed diaspora” or part of the Kazakhstani people? And how do Russians feel in Kazakhstan: have they been able to acquire a Kazakhstani identity or do they feel like a “russian diaspora”?

Russians were and remain the second largest ethnic group in Kazakhstan. However, the change in the status of the russian ethnic group in independent Kazakhstan in the early 1990s, as well as the systematic decline in its share of the population today, raises the question of how Russians feel about themselves in the country.

In this article, based on desk research and analysis of sociological studies, the authors attempt to determine how Russians integrated into the process of forming the “Kazakhstani nation” and acquired a Kazakhstani identity. The results of the research show that the basic markers of the identification matrix of Russians is generation/age, locality (resident of their city/village) and civil nation; one in four speaks Kazakh to some extent; Russians are well represented in the public and civil sectors of society and demonstrate moderate electoral and political activity. Migration of Russians from Kazakhstan has decreased eightfold.

KEYWORDS: Russians, civic nation, diaspora, social well-being, identification

CONFLICT OF INTEREST: The authors declare that the research was conducted without any commercial or financial ties that could be interpreted as a potential conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: This article was prepared for presentation at the XXIV International Scientific and Practical Conference ‘Ethnodemographic Processes in Kazakhstan and Adjacent Territories,’ held in Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, on October 20, 2025. The authors express their gratitude to the conference organizers for the opportunity to share the results of their research with colleagues. The study received no financial support (funded by the authors' own resources).

DISCLOSURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE USE: The author(s) declared that no generative artificial intelligence technologies were used during the preparation of this manuscript.

FOR CITATION: Ileuova, G.T., Simakova, O.A. (2026). Russians in Kazakhstan: in-between diasporic identity and citizenship. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 155-184. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_10

* Corresponding author: Olga A. Simakova, e-mail: olga@ofstrategy.kz

ВВЕДЕНИЕ

По итогам переписи 2021 г. в Казахстане проживают представители 124 этносов («Итоги Национальной переписи населения 2021 года», 2023). Большая их часть оказалась здесь вследствие «переселенческой» политики Российской империи, сталинских репрессий и депортации времен Второй мировой войны, масштабных экономических программ времен СССР.

На начало 2025 г. русские в Казахстане – вторая после казахов этническая группа, составляющая около 14,6%, что соответствует примерно 2,96 миллиона человек («Численность населения РК по отдельным этносам и возрастным группам», 2025). Появление русских в Казахстане началось в XVIII веке с момента присоединения к Российской империи территории Младшего жуза (1731 г.). Е.Р.Морозова (2019) выделяет пять этапов «формирования *российской* диаспоры в Казахстане: первый этап: XVIII – середина XIX вв.; второй этап: 1861 г. – конец XIX в.; третий этап: начало XX в. – 1916 г.; четвертый этап: 1917–1991 гг.; пятый этап: с 1991 г. по настоящее время». И далее она отмечает, что российская диаспора формировалась «в результате двух вещей – миграции (как вынужденной (репрессии, войны), так и добровольной) и вследствие распада СССР. Однако, если в результате первой, число переселенцев увеличивалось от года к году, то вторая, напротив, поспособствовала оттоку этнических русских с казахских земель».

Так, все-таки, кто такие русские в Казахстане? Часть казахстанского народа, составлявшая в 1991 году почти 40% его численности? Или русская или даже российская диаспора, для молодежи которой «все в большей мере Россия становится понятием географическим» (Лобанов, 2005)?

В целом надо отметить, что наше обращение к теме русских в Казахстане вызвана ее актуальностью в контексте различий трактовки понятия «диаспора», зачастую применяемого в отношении русских, а также тем, как указывал известный казахстанский специалист в области диаспорологии Г.Н. Ким, что «тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением» («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017).

Безусловно, сложность и многоаспектность понятия «диаспора» не позволит нам в полной мере дать ответ на вопрос о том, кто такие русские в Казахстане, но мы попытаемся на основе данных социологических исследований, которые Фонд проводил в течение последних 20 лет, описать современное состояние этой этнической группы, социальные (оптимизм, оценка перспектив, удовлетворенность жизнью, оценка материального положения и др.) и идентификационные маркеры, ее характеризующие. И предполагаем, что полученные описания позволят составить портрет крупнейшего этноса страны, и определить некоторые тенденции, согласно которым он будет развиваться в будущем.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Прежде чем перейти к непосредственному описанию демографических и социологических показателей, несколько замечаний предваряющего характера по поводу термина «диаспора». Анализ литературы позволяет выделить подходы к описанию положения русских в Казахстане, условно их можно определить как казахстанский взгляд (два подхода) и российский взгляд (два подхода).

Казахстанский взгляд на основе гражданского подхода говорит о том, что казахи и русские, как и представители всех этносов, проживающих в стране, принадлежат к единой политической общности «граждане Казахстана». Этот подход получил свое закрепление в преамбуле Конституции республики 1995 г., статьях Раздела II «Человек и гражданин» (Республика Казахстан, 1995). В последующем он получил свое развитие и в других документах государства, касающихся межэтнических отношений и выработки новых подходов к интеграции казахстанского полиэтнического общества. Можно упомянуть в этой связи

«Доктрину национального единства Казахстана» (апрель 2010 г.), две «Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана», включая Концепцию на период с 2022 по 2026 год (Республика Казахстан, 2022). Интересно, что понятие «диаспора» использовалось в указанных документах в двух случаях – в отношении казахской диаспоры за рубежом (Республика Казахстан, 2010), и среди внешних факторов, влияющих на состояние межэтнических отношений в стране, при описании «диаспоральной политики зарубежных государств» («Концепция развития АНК (до 2020 г.); утратила силу в декабре 2015 г.).

Таким образом можно утверждать, что на протяжении трех десятилетий после принятия в 1995 г. Конституции РК имеет место последовательная политика в определении граждан страны – представители различных этнических групп, принадлежащие к единой политической общности. В подтверждение вышесказанного приведем позицию президента К.Токаева, которую он озвучил в интервью одному из российских изданий: «Недавно в одном из зарубежных аналитических материалов я наткнулся на формулировку «русская диаспора в Казахстане». Предупредил наших идеологов и аналитиков ни в коем случае не применять такие выражения, в корне противоречащие истинному положению вещей. Русские – это часть нашего народа, их вклад в становление и развитие Казахстана огромен и не подлежит забвению» (Сунгоркин, Седов&Кияница, 2020).

Однако если государство в основополагающих документах и в лице его главных представителей не придерживается линии по использованию термина «диаспора» в отношении своих граждан, то почему в публикациях периодических изданий, в социальных сетях, да и в некоторых научных изданиях можно встретить тезис о том, что русские в Казахстане – это диаспора? Одно из объяснений сложившейся практики можно найти в ранних законодательных актах, касающихся вопроса развития языков в республике. Интересно, что Закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года применяет среди основных понятий термин «диаспора», подразумевая, что это «часть народа (этническая общность), проживающая вне страны его исторического происхождения», но используется это понятие только в отношении зарубежной диаспоры казахов: правительство, иные государственные, местные представительные и исполнительные органы обязаны...«оказывать помощь казахской диаспоре в сохранении и развитии родного языка» (Республика Казахстан, 1997).

Вместе с тем в Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы, которая утратила силу только в апреле 2011 г., одной из задач программы ставилось «оказание государственной поддержки в обучении представителей этнических общностей (диаспор) родным языкам». И далее указывалось, что «государством оказывается помощь языкам всех диаспор, проживающих на территории Казахстана. В целях развития национальных языков и культуры в стране создана система воскресных школ по обучению родному языку. В 1999–2000 учебном году в воскресных школах в качестве родных изучались 14 языков: корейский, иврит, украинский, татарский, немецкий, турецкий, чеченский, уйгурский, армянский, азербайджанский, чувашский, польский, курдский, дунганский» (Республика Казахстан, 2001).

Приведенные выдержки из законодательства по развитию языков в Казахстане с использованием понятия «диаспора» подтверждают наблюдения французских исследователей М.Ларюэль и С.Пейруза (2007), сделанные ими в начале 2000-х годов, что все основные баталии разворачиваются вокруг темпов расширения зоны использования казахского языка, как государственного. А использование понятия «диаспора» придавала этим «баталиям» еще большую остроту. «Сторонники быстрого развития казахского языка призывали к действенным мерам, приводя в оправдание тот факт, что ранее принятые законы не возымели должного эффекта в областях с преобладанием русского населения. Нападая на русских и видя в них основных противников казахского языка, националисты стремились также привлечь внимание к проблеме недостаточного владения родным языком самих казахов.

Русские организации продолжали возмущаться несоответствием между конституционной гарантией не подвергать людей по мотивам незнания языка и существования

таких профессий, например, связанных с политической деятельностью, для которых обязательно знание казахского языка» (Ларуэль & Пейруз, 2007).

Не только в некоторых официальных документах в отношении русских и других этнических групп, а также их языков использовался термин «диаспора». Его применение широко практиковалось в национал-патриотических кругах, как не вспомнить в этой связи нашумевшее высказывание журналиста А.Умарова о русских как «навязанной диаспоре». В 2007 г. в статье «Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?», опубликованной на портале Asiaplus.news, делается однозначный вывод, что «на данный момент русские в Казахстане являются диаспорой, весьма значительной в количественном выражении, осознающими свою этническую принадлежность и обладающие ярко выраженным национальным самосознанием». *(прим. авторов: обращает внимание синонимичное использование слов «этническое» (принадлежность) и «национальное» (самосознание))*.

Можно привести интервью политика М.Тайжана (2011), который, раскрывая свою позицию по поводу русского языка, приводил следующие аргументы: «Русскому языку как таковому ничего не угрожает – есть мощная Российская Федерация. Как и корейскому языку ничего не угрожает – есть даже два корейских национальных государства. Ничего не угрожает греческому языку, польскому, украинскому, азербайджанскому, армянскому – *почти все наши диаспоры* имеют собственные национальные государства. А вот если казахский не поддержать нашей государственной политикой, он больше нигде не сохранится». Т.е. очевидно, что в Казахстане сформировались два параллельных дискурса о «диаспоре»: при официальном «гражданственном» курсе государства функционировал другой, языковой, дискурс, согласно которому – тот, кто не казах и особенно, кто не владеет казахским языком, должен быть отнесен к диаспоре.

В свою очередь если рассмотреть российский публичный и научный контент о русских в Казахстане, то он вполне определенный: казахстанские русские – это диаспора. Примечательно, что в законодательстве РФ используется понятие «соотечественники», при этом «отношения с соотечественниками за рубежом являются важным направлением внешней и внутренней политики Российской Федерации». Согласно ст.25 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 г., ведется государственный мониторинг в области отношений с соотечественниками, «включающий в себя сбор, анализ и оценку информации о положении соотечественников, создание банка данных, прогнозирование ситуации и проведение научно-исследовательских работ» (Российская Федерация, 1999).

На практике понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских не просто сразу стало использоваться в общественном дискурсе, но нашло свое воплощение на институциональном уровне. Весной 1996 г. в Москве с государственным участием был создан Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции). И как указано на официальном сайте организации: «С момента основания Института в круг его задач входит изучение постсоветского пространства, научно-аналитическое и общественно-политическое сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации в ближнем зарубежье, а также российской диаспоральной политики, мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней политики бывших союзных республик, анализ моделей экономической, политической, военной и культурной интеграции на постсоветском пространстве. Большое значение Институт уделяет сбору и обработке информации о положении соотечественников в ближнем зарубежье, укреплению связей с *российской диаспорой* за рубежом» (Официальный сайт Института СНГ).

При этом, как отмечает Г.Н. Ким, «новой России необходима и ее диаспора, и высокий имидж этой диаспоры в мире и в отдельных странах. Использование диаспорального потенциала в реализации национальных интересов Россией уже вполне созрело, однако основной проблемой ее взаимодействия с зарубежными общинами является отсутствие четко выраженной прагматической концепции» («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Т.е. в России использование понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских

вполне легально и научно обоснованно, и можно отметить использование сразу двух определений: «русская диаспора» и «российская диаспора». Считаем важным добавить, что использование понятия «диаспора» в отношении казахстанских русских на официальном уровне в РФ и в общественно-публичном поле в Казахстане с учетом одного языкового пространства – на русском языке – позволяет этим двум сторонам находить общее основание, приводить одни и те же «удобные» аргументы в отношении казахстанских русских, но с той лишь разницей, что с одной стороны они звучат как «притягивающие», с другой – как «выталкивающие».

Согласно другому направлению в российской научной мысли применять по отношению к казахстанским русским термин «диаспора» не корректно, поскольку этимологически понятие «диаспора» означает «рассеяние». Диаспора обычно не располагается на своей исторической территории, «а русские Казахстана (особенно северного) как раз там и живут, и считают себя автохтонами. Они не «рассеивались», не покидали свое государство» («Этнографическая экспедиция в Казахстан и Киргизию», 2019).

Академик В. А. Тишков (2007), указывая на слабость общепринятого определения диаспоры, связывает это с тем, что «оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой менее распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве». С точки зрения Тишкова, политическая метафора «разделенного народа» как исторической аномалии, «составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве. Однако эта важная оговорка не отменяет факт образования диаспоры в результате изменения государственных границ. Проблема в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую — «основная территория проживания».

По мнению Е. Р. Морозовой (2019), «по факту народ не покидал своей Родины. Она их «покинула» в 1991 г. в результате прекращения существования СССР. Поэтому большинству русскоязычного населения было тяжело осознавать, что теперь они являются гражданами иного государства. Именно это обстоятельство сказалось на структуре и системе организации российской диаспоры не только в Казахстане, но и на всем постсоветском пространстве, что и является главной ее отличительной чертой от диаспоры дальнего зарубежья». Для справедливости отметим, что подобный взгляд можно распространить и на другие «разделенные» государственными границами народы, в том числе на казахов, проживающих по другую сторону казахстанско-российской и других границ нашей страны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Чтобы составить портрет одного из крупнейших этносов страны и определить некоторые тенденции, согласно которым он будет развиваться в будущем, мы провели вторичный анализ комплекса статистических и социологических данных. В частности, для проведения статистического анализа мы опирались на материалы и базы с ретроспективой до 30 лет, публикуемые Бюро по статистике АСПиР РК, а именно: это данные официальных Переписей населения 1989, 1999, 2009, 2021 годов, Демографический сборник Казахстана и статистический сборник «Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам» за разные годы. В качестве социологической основы для анализа выступили данные 14 волн исследования «Мониторинг социального самочувствия стран постсоветского пространств» МИА «Евразийский монитор», проведенных ОФ ЦСПИ «Стратегия» с 2005 по 2025 год, как одним из оператором проекта в Казахстане с правом продвижения результатов исследования. Опросы проводились в форме очного формализованного интервью по заданному вопроснику. Для обеспечения репрезентативности опроса взрослого населения (от 18 лет и старше) формировалась выборочная совокупность, репрезентирующая население

страны по полу, возрасту и типу поселения. Объем выборки в волнах варьировал от 1100 до 1600 респондентов.

Также для анализа были использованы собственные данные ОФ ЦСПИ «Стратегия» по замерам общественно-политической ситуации в стране, проведенные в период с 2009 по 2025 год. Опросы проводились в форме очного формализованного интервью с использованием репрезентативной выборки по полу, возрасту и типу поселения. Объемы выборки в исследованиях варьировали от 1600 до 2500 респондентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Демографическое описание казахстанских русских: динамика численности, расселение, браки. Русские были и остаются на сегодняшний день второй по численности этнической группой в Казахстане. По данным Бюро национальной статистики на начало 2025 г. доля русских в стране составила 14,6%, или 2963938 человек (Бюро национальной статистики, 2025а). Сравнительный анализ численности русских в структуре населения страны по результатам переписи населения демонстрирует устойчивый тренд на снижение их доли в общей численности населения в среднем на 7% за каждые 10 лет. Если по состоянию на 1999 г. доля русских составляла 30%, то уже в 2009 г. показатель снизился до 23,7%, а в 2021 г. составил 15,5%. Внутри этноса убыль за один межпереписной период в среднем составляет 20% (Бюро национальной статистики, 2023).

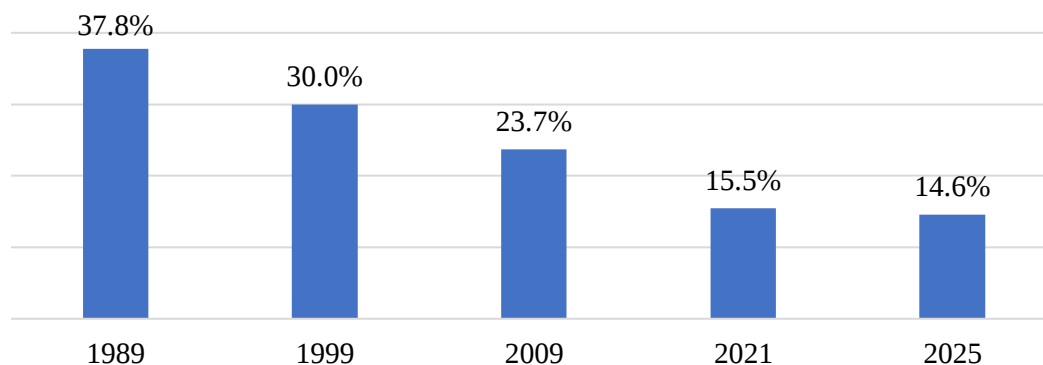

Рисунок 1. Численность русских в структуре населения Казахстана по результатам переписей, 1989, 1999, 2009 и 2021 гг., %.

Примечание – составлено авторами на основе результатов переписей населения (Демографический сборник Казахстана, 2025)

Русские являются урбанизированным этносом в Казахстане. Как отмечает С.Я. Суций (2019), «основная пространственная ось расселения русских, вытянутая от берегов Волги до Амура и Тихого океана, проходила севернее (южная ее граница располагалась на широте Оренбурга)». Будучи оседлым народом, русские осваивали северные и восточные территории, практически не создавая общего русско-казахского расселенческого ареала. В результате такого расселения «вдоль казахских кочевий формируется укрепленная линия – цепочка крепостей, спустя время обраставших посадами и приобретающими статус городов (в их числе Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Орск)». Таким образом, по мнению Суцкого, «русские преимущественно через растущую вширь городскую сеть перемещаются внутрь региона». На сегодняшний день 77% от общего числа русских, проживающих в стране, живет в городах, и только 23% – в сельской местности.

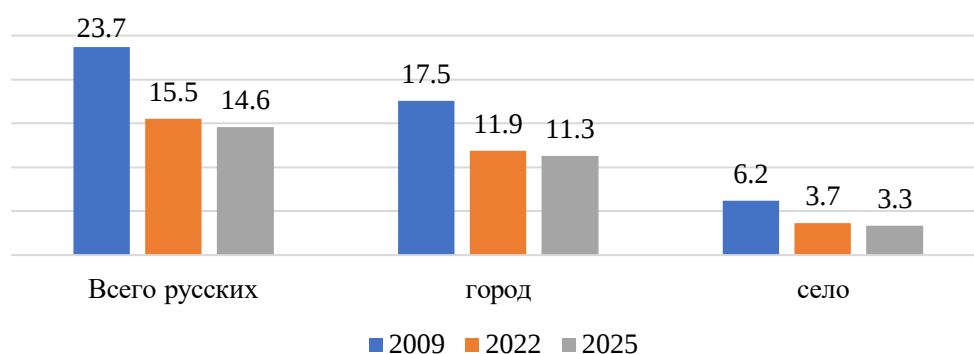

Рисунок 2. Численность русских в структуре населения Казахстана 2009-2025 гг., %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан на начало 2025 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2020 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2009 года)

Сохраняются и исторически сложившиеся ареалы расселения русских в северных и северо-восточных регионах, а также в силу развития добывающей промышленности и в центральных регионах (Карагандинская и Улытауская (бывш. Жезказганская) области) Казахстана. Если смотреть на страну в целом, то можно говорить о том, что в этих ареалах живет каждый второй русский в стране. Если говорить о доли русских в этнической структуре указанных регионов, то она варьирует от 30 до 45% (Бюро национальной статистики, 2025b).

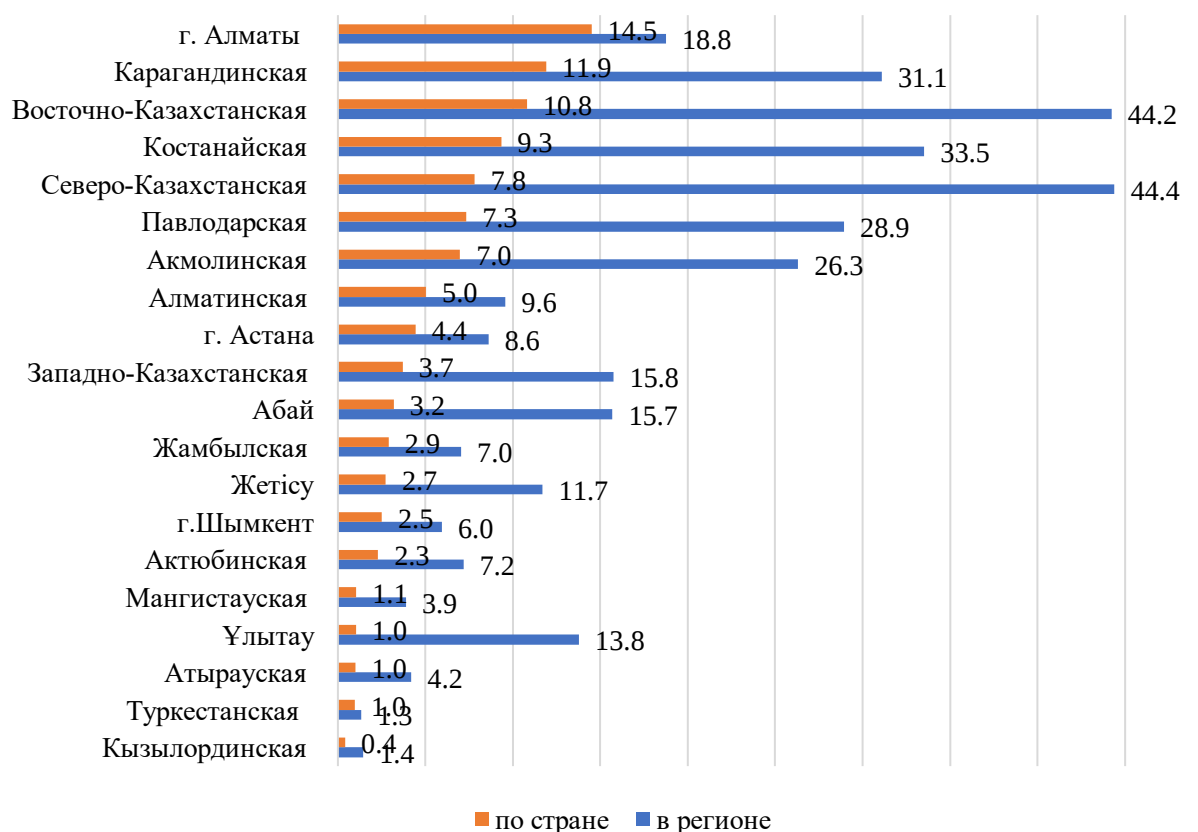

Рисунок 3. Численность русских в регионах Казахстана по состоянию на начало 2025 г., %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных («Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан». 18 серия. Демографическая статистика, 2025)

Как отмечалось выше, в стране сохраняется устойчивый тренд на снижение численности русских. На представленном ниже графике видно, что в межпереписной период с 2009 по 2021 год наблюдалось снижение показателя численности русских в среднем $-0,5\%$ в год. Но по результатам переписи населения 2021 г. стало видно, что разница в показателях численности русских на начало 2022 г. к предыдущему 2021 г. составила -450248 человек, или -13% . С одной стороны, данные были скорректированы и позволили получить более объективную картину по этническому представительству русских в стране. С другой стороны, напрашивается вывод, что снижение доли русского этноса в структуре населения страны в межпереписной период идет более высокими темпами.

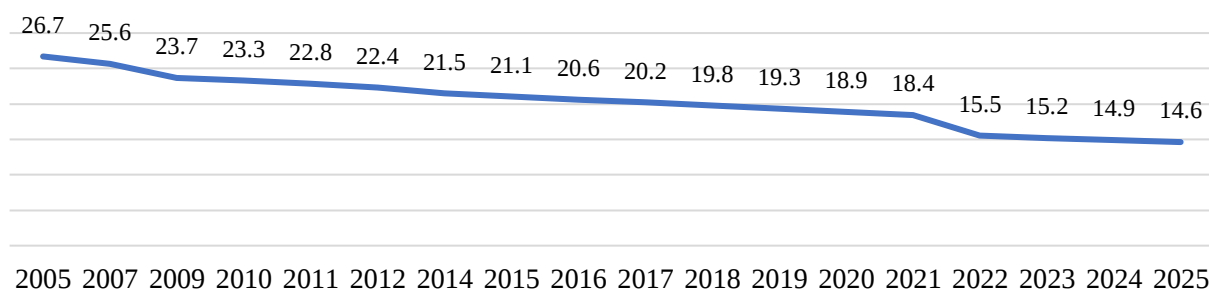

Рисунок 4. Численность русских в структуре населения Казахстана 2009-2025 гг., %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Демографический сборник Казахстана 2020–2024; Демографический сборник Казахстана 2016–2020; Демографический сборник Казахстана 2009–2017)

Как показывает статистический анализ, убыль русских происходит по нескольким причинам. До недавнего времени заметные опасения по степени влияния на численность русского этноса в стране вызывала миграция за пределы Казахстана. Миграция, или пространственная мобильность, населения является одним из трех демографических феноменов (наравне с рождением и смертностью), которые «объединяют свои усилия для того, чтобы изменить численность населения» (Вандескрик, 2005). Начиная с 2010-х годов сальдо миграции русских варьировало на уровне 13–15 тысяч человек в год со знаком минус, а в 2019 г. превысило порог в 30 тысяч со знаком минус. Тем не менее, динамика сальдо миграции русских за последние 5 лет показывает, что при сохраняющемся отрицательном балансе сам показатель уменьшился в 8 раз – с 17663 человек в 2020 г. до 2101 человек в 2024 г.. Это свидетельствует о существенном сокращении эмиграционного потока русских и, как следствие, снижении влияния миграционного фактора на их численность в стране.

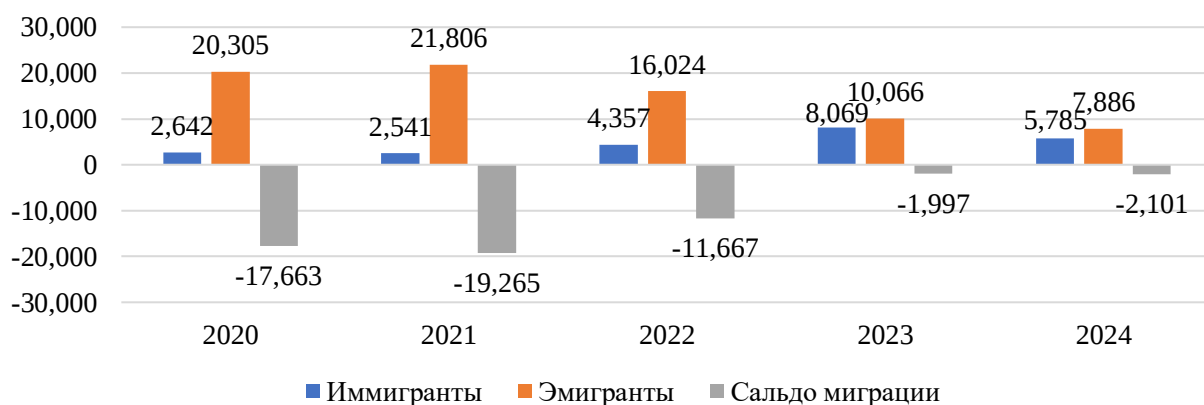

Рисунок 5. Сальдо миграции русских, 2020 – 2024 гг., чел.

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Демографический сборник Казахстана 2020–2024 гг.)

Если в 1999-2000 гг. можно было говорить о том, что миграция влияет на численность русских, так как 74,5% потерь русских обусловила внешняя миграция, то уже в 2004-2005 гг. миграция сократила численность русских на 47,5%, а отрицательный естественный прирост – на 52,5%. Согласно расчетам демографов, за последние 25 лет число матерей в русском этносе сократится более чем на треть (Краснобаева, 2024). Таким образом, основной причиной убыли русских, начиная с середины 2000-х годов, выступает отрицательный естественный прирост у представителей этого этноса. С 2010-х годов средний коэффициент рождаемости (далее – СКР) русских в Казахстане имеет тенденцию к снижению, и по состоянию на 2023 г. оценивался в 1,33 ребенка на женщину («Фертильность русских в Казахстане», 2024).

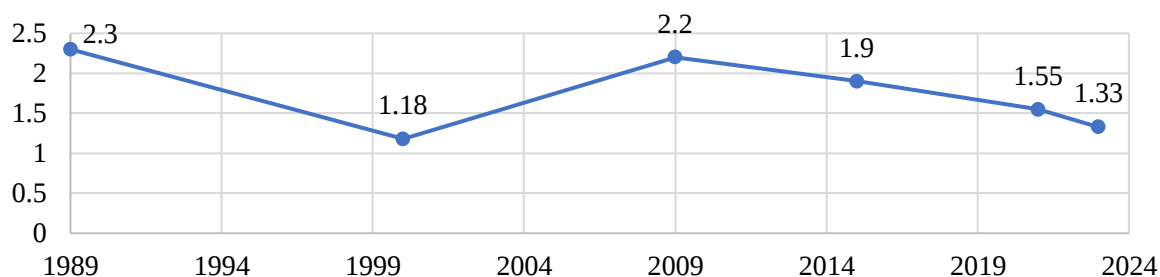

Рисунок 6. Средний коэффициент рождаемости русских в Казахстане, 1989-2023 гг., %.

Примечание – составлено авторами на основе публикации «Фертильность русских в Казахстане» (<https://denalt.livejournal.com/84302.html>)

Также согласно данным переписи населения, среди основных этнических групп, проживающих на территории Казахстана, самый высокий уровень старения населения фиксируется у славянских этносов (Сагынбаева, 2023). По результатам переписи 2021 г., среди русских доля старшего поколения в возрасте 60+ лет составила 25%, среди казахов – 9%. Средний возраст русских по разным источникам варьирует от 44 до 48 лет, и это на 10 лет выше, чем в среднем по стране на начало 2024 г. (32,3 года) («Средний возраст казахстанцев – 32,3 года», 2024).

Как фактор влияния на численность этноса, а также косвенно на миграцию, интерес представляют межнациональные браки. Как отмечает Ю.В. Арутюнян (2003), изучавший на основе социологических исследований в конце 90-х – начале 2000-х годов положение русских в некоторых странах бывшего СССР, «у русских, в отличие от других национальностей, в соответствии с сохранностью их более устойчивых установок на межнациональные контакты и национально-смешанные семьи в исследуемых регионах интернациональные нормы поведения соблюдались больше: они чаще состояли в смешанных браках и те, кто был связан такой семьей, конечно, реже уезжали в Россию». По мнению А. Калыша, одной из особенностей количества этнически смешанных браков выступает численность и компактность расселения этноса: чем больше численность этнической группы и сильнее ее локализация, тем меньше их участие в смешанных браках, и наоборот («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Русские отличаются относительной дисперсностью расселения, а также тем, что придают меньшее значение этническому происхождению партнера, ставя на первое место чувства к избраннику/-це, что делает для них решение о вступлении в межэтнический брак более простым, чем, например, для казахов. Также отмечается повсеместное превышение участия в межнациональных браках мужчин по сравнению с женщинами одного этноса.

Статистический анализ показывает, что доля межэтнических браков среди русских за последние пять лет вновь увеличилась и варьирует на уровне 30% от числа межэтнических браков; аналогичный показатель среди казахов составляет 20–22%.

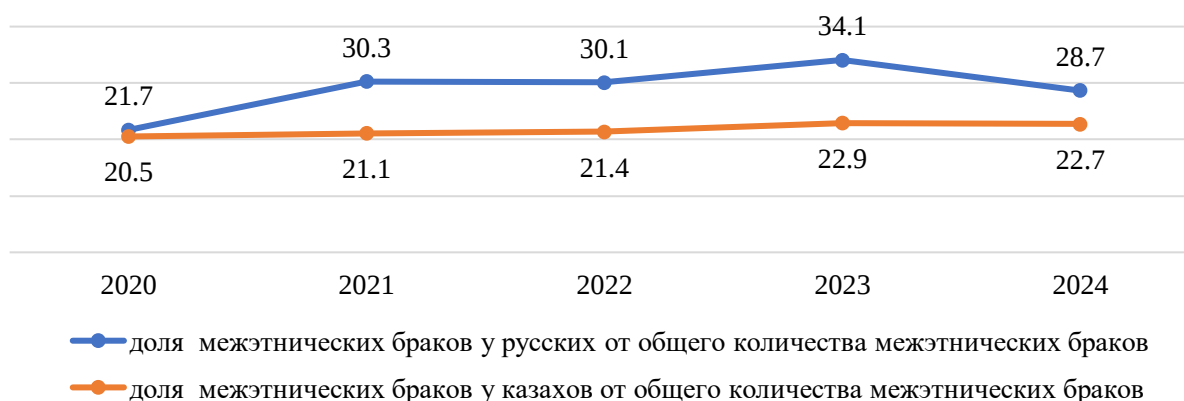

Рисунок 7. Доля межэтнических браков среди русских и казахов за 5 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Демографический сборник Казахстана 2020–2024 гг.)

Тема межэтнических браков влечет за собой вопрос об ассимиляции и самоопределении второго поколения, рожденного в таких браках. В межнациональной семье ребенок объективно вовлечен в ситуацию межэтнического взаимодействия в рамках одной и той же семьи, где смешиваются различные этнические культуры и религии. И как показывает исследование (Уалиева, 2020), в большинстве случаев лица смешанного происхождения при получении документов выбирают этническую принадлежность по отцу. Но этническая самоидентификация детей из межэтнических браков де-юре и де-факто не всегда совпадают. На практике существенное влияние на процесс идентификации имеют язык общения в ближнем окружении, культура и отношения внутри семьи. Как отмечает А. Калыш, в южных регионах, «в условиях количественного преобладания казахов, несомненно, ассимиляция будет происходить с перевесом казахской культуры», в то время как в северных регионах «сохраняется сильная языковая и культурная ассимиляция со стороны русского и русскоязычного населения» («Диапоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Практика это подтверждает.

Таким образом, можно говорить о том, что русские, все еще оставаясь вторым по численности этносом в стране, не испытывают критической этнической модификации и развиваются как самостоятельная этническая единица. И пока на это не оказывают существенного влияния такие факторы, как низкий естественный прирост и дисперсность расселения русских в Казахстане.

Уровень жизни и социальное самочувствие. Приступая к рассмотрению положения казахстанских русских на основе социологических данных, начнем с оценок семейного материального положения. Как видим, на протяжении 20 лет наблюдений русские респонденты при ответе на соответствующий вопрос чаще всего выбирали вариант «материальное положение среднее». Причем в 2009 г. был достигнут один из самых высоких показателей таких оценок (68%), после чего в течение почти 15 лет большинство русских практически не меняло своих оценок (55–62%), вплоть до 2025 г., когда доля оценки «среднее» достигла высоты 70%. При этом оценки материального положения как хорошего и очень хорошего менялись более динамично, с заметными падениями с обычных в спокойные годы 30% до 15% в кризисный 2009 г., 8% в пандемический 2021 г. и 17% в 2025 г. с его высокими инфляционными ожиданиями.

Заметно, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране часть русских из сравнительно хорошей экономической позиции переходила на оценку своего положения как среднего (как мы видим на данных 2025 г.), а другая – чаще была склонна называть свое материальное положение как плохое и очень плохое (в 2009 и особенно в 2021 годах).

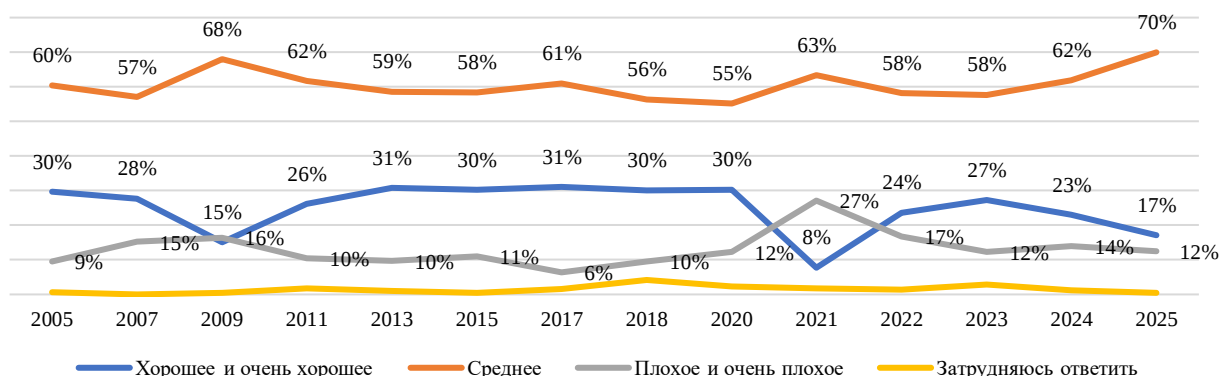

Рисунок 8. Динамика материального положения русских за 20 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

При сопоставлении оценок удовлетворенности жизнью русских с общестрановыми показателями видим практически полностью схожий рисунок, говорящий о единстве восприятия условий жизни у всего населения страны, как в спокойные, так и кризисные периоды. Т.е. можно предположить, что происходит постепенная гомогенизация, повышение однородности населения страны с точки зрения восприятия условий жизни вне зависимости от этнического признака.

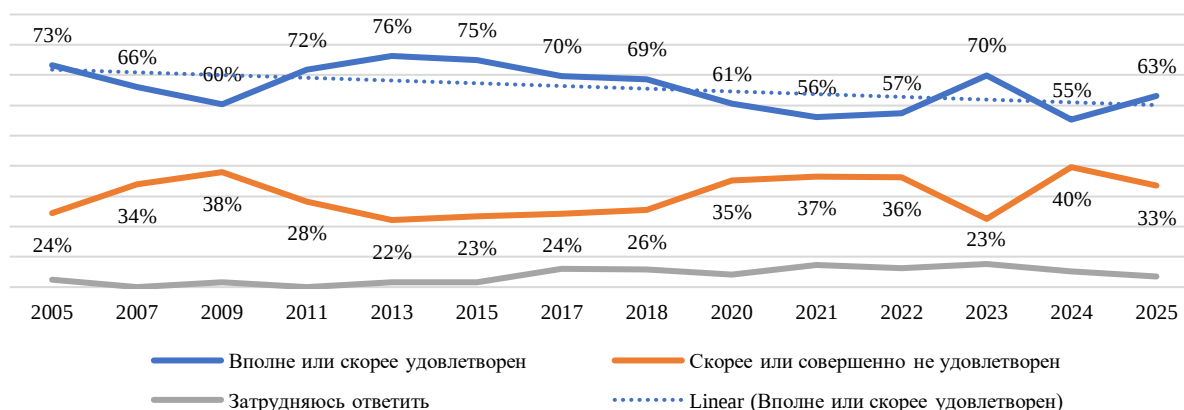

Рисунок 9. Динамика удовлетворенности жизнью русских за 20 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Вместе с тем русских отличает более низкий уровень социального оптимизма: из года в год происходило, не очевидное, через относительно короткие периоды подъема, но снижение числа тех, кто ожидает в краткосрочной перспективе улучшения своей жизни и жизни своих семей. В 2025 г. доля таких ответов упала до 23%, причем наблюдается последовательное снижение этого показателя, начиная с 2022 г. – с 36%. При этом с 2023 г. увеличиваются доли тех, кто предполагает, что их жизнь несколько или значительно ухудшится (в 2 раза) и тех, кто считает, что ничего в жизни не поменяется (будет так же, как сейчас). В т.г. число таких ответов достигло исторического максимума – 55%.

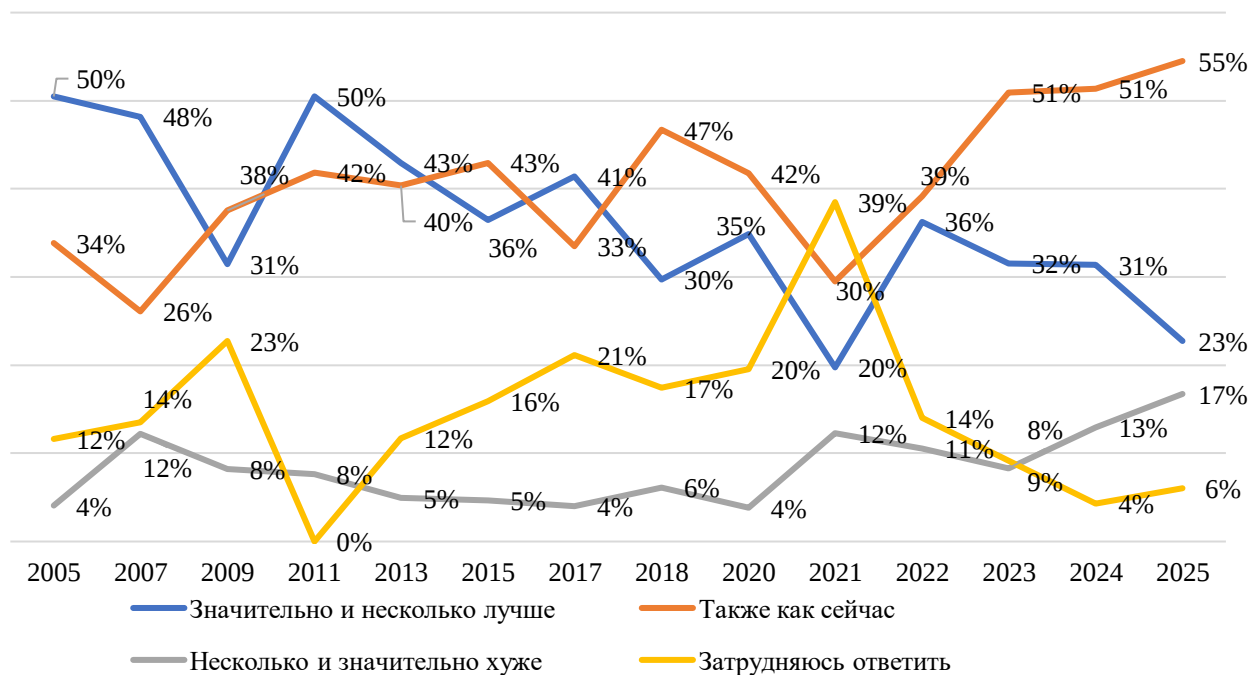

Рисунок 10. Динамика показателя социального пессимизма русских за 20 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

О падении оптимизма среди русских можно судить и по итогам ответов на следующий вопрос. Если в 2022 г. были уверены в будущем 52% опрошенных из этой группы, то в т.г. положительно ответили на данный вопрос только 42%. При этом в 2025 г. более половины опрошенных русских (54%) сказали, что они не уверены в будущем.

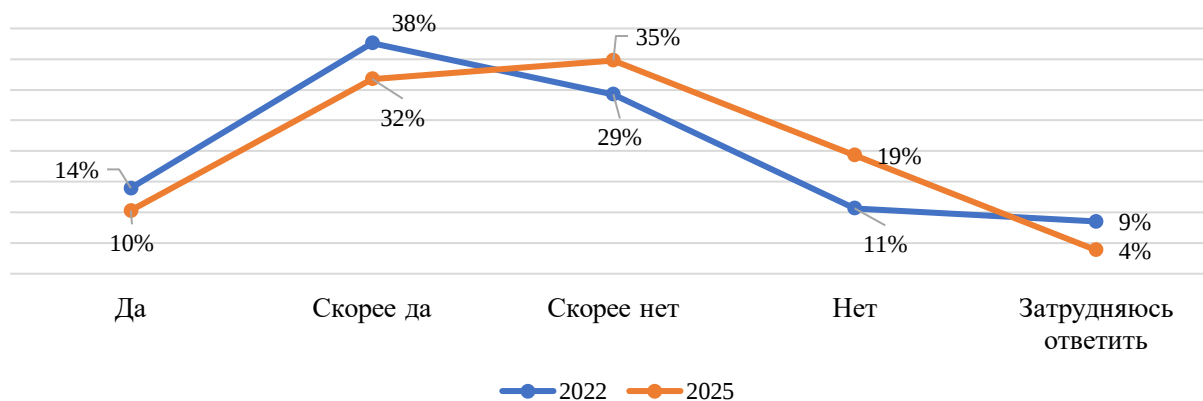

Рисунок 11. Сравнительные данные по оценке субъективной уверенности в будущем респондента, %

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В то же время среди русских только пятая часть опрошенных (21%) чувствуют себя некомфортно в Казахстане, а 77% с той или иной степенью уверенности сказали, что в Казахстане им комфортно, в 2022 г. так ответили 87%, но при этом уровень определенности был выше (44% дали уверенный ответ «да»).

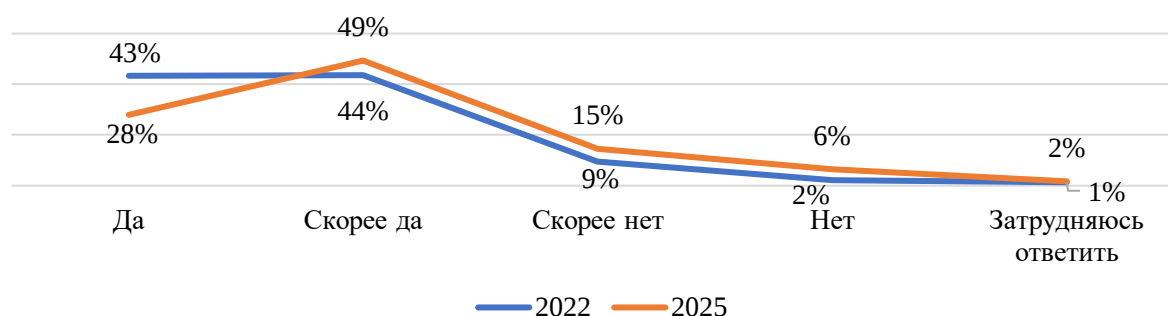

Рисунок 12. Сравнительные данные по оценке комфортности жизни в Казахстане, %

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Возникает вопрос, с чем связано падение оптимизма среди русских? Является ли причиной их количественное сокращение в структуре населения или влияют какие-то другие обстоятельства? Интересное предположение по поводу настроений среди русских было высказано М. Ларюэль и С. Пейрузом (2007): «местных русских нельзя рассматривать и через призму обычной проблематики «национальных меньшинств» – отношение к ним в Казахстане не может быть таким, как к другим подобным сообществам, даже славянским. Отличие определяется не только «количеством», но и «качеством»: русские в Казахстане никогда не считали себя меньшинством; до недавнего времени они были большинством и «физически». Их требования исходят не от «группы», а носят общеполитический характер, ведь они уверены, что должны определять пути развития страны наравне с казахами». Таким образом, можно предположить, что снижение до уровня меньшинства, пусть и многомиллионного, будет влиять на настроения в этносе, привыкшего быть в центре общественных процессов.

Однако, на наш взгляд, снижение оптимизма в период, начиная с 2022 г., на фоне того, что другие показатели, например, комфортности жизни в Казахстане, состояния материального положения семей и удовлетворенности жизнью не показывают ухудшения, может говорить о том, что на настроения русских оказывают влияние иные факторы. И в данном случае речь идет о факторе военного конфликта между Россией и Украиной, который повысил уровень тревожности и неопределенности в русском этносе в Казахстане, представители которого не могут не испытывать беспокойства из-за ситуации в стране происхождения (исторической родине), что оказывает воздействие на их жизненные планы. Можно привести в качестве подтверждения нашего предположения мнение академика В.А. Тишкова, который в одной из своих статей указывал, что «...диаспорам безразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода — улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда, присутствует также символический интерес — это иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания» (Тишков, 2007).

В уже упоминавшейся статье «Русские в Казахстане — диаспора или единый казахстанский народ?» (2007) отмечалось, что причиной слабой интеграции русских в процесс формирования «казахстанской нации» является «дискриминация в сфере языковой политики и в области допуска русских и другого нетитульного населения к государственному управлению и представительству во властных и законодательных структурах».

Определенно, требования знания казахского языка при приеме на государственную службу и, в целом, значительное расширение сфер его использования оказалось важным ограничителем социальной мобильности для тех, кто плохо или совсем не владел государственным языком, а их среди русских — большинство. Однако ситуация постепенно

меняется, и, как показало последнее исследование Фонда, сейчас в той или иной мере владеют казахским языком около четверти русских казахстанцев.

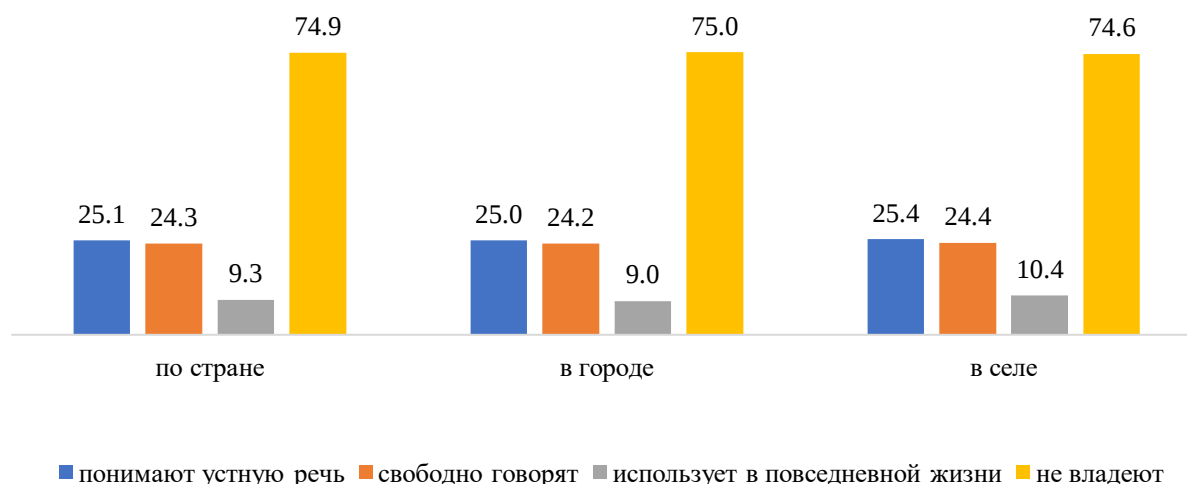

Рисунок 13. Владение казахским языком среди русских, %, 2025

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Возвращаясь к вопросам социального самочувствия русских необходимо отметить, что в сложных социально-экономических условиях первого десятилетия независимости, а также слома привычных каналов вертикальной мобильности, русскими, как и многими другими казахстанцами, был сделан выбор в пользу рыночных форм занятости в целях обретения нового социального статуса. В подтверждение сказанного приведем данные исследований Ю.В. Арутюняна (2003), который отмечал настороженность русского населения в России к рыночным элементам, прежде всего к частной собственности и соответственно, их предпочтительного отношения к работе на государственных предприятиях. В то время как у русских в изучаемых им республиках, так же, как и у эстонцев, молдаван, грузин, произошел сдвиг в востребованности в сторону частной собственности и работы на частных предприятиях.

Согласно собственным данным Фонда, все последние годы русские в Казахстане преимущественно заняты в качестве наемных работников частного сектора (38–41%), еще одна часть (8–12%) работали на себя (собственники, индивидуальные предприниматели), в то время как в госсекторе (бюджетные организации, госорганы) было занято в разные годы не более 12% опрошенных. Т.е. на уровне половины опрошенных русские предпочитают работать в частном секторе, а если прибавить к этой группе тех, кто отнес себя к самозанятым, то очевидно, что большинство русских заняты вне государственного сектора. Формирование статуса занятости русских в условиях рыночной экономики и при ограничении использования других социальных лифтов, привело к результату, на который еще в середине 2000-х годов указывал А. Лобанов (2005): «Положительная сторона сегодняшней жизни (с какой только стороны), что среднестатистический русский казахстанец привык стоять на своих ногах и "не ждать милостей от природы". Благодаря, видимо, этому качеству русское население в большинстве своем живет лучше аборигенного населения – нет "олигархов", но и нет бишары (нищеты) среди работающих».

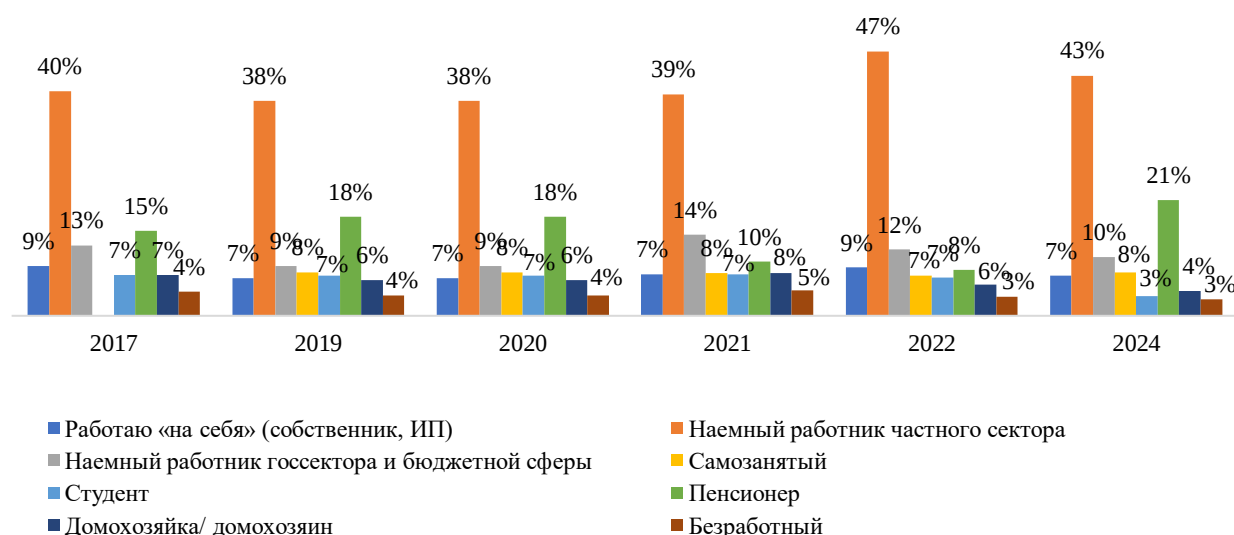

Рисунок 14. Изменение в социально-профессиональном статусе русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В определенной мере выбор занятости коррелирует с выбором образовательной стратегии. Русские несколько чаще, чем представители казахов и других этносов, склонны получать среднее специальное образование, которое является достаточным для получения работы в частных компаниях, тогда как для работы в государственных и бюджетных организациях практически всегда требуется полное высшее образование.

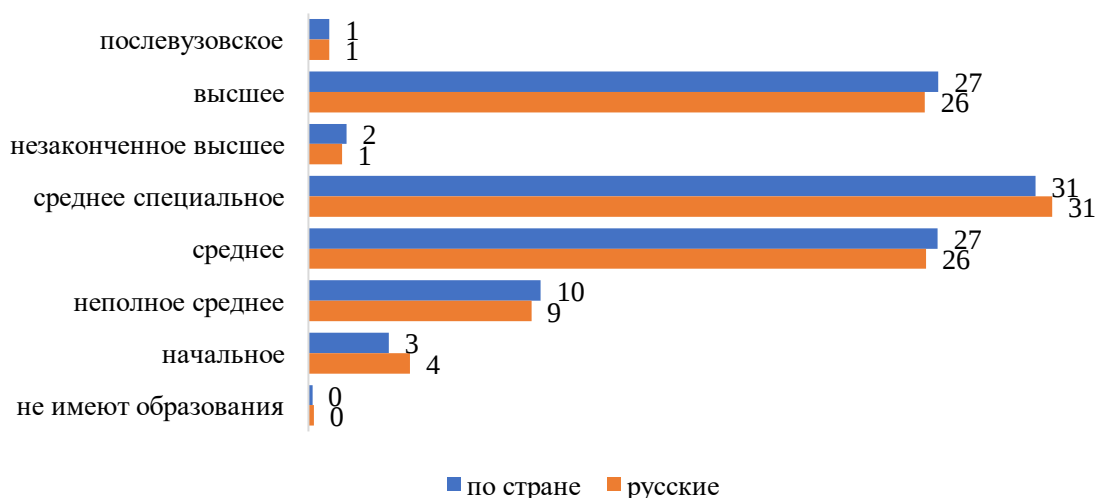

Рисунок 15. Сравнительные данные по образованию, %, 2025

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Политические и внешнеполитические ориентации. Можно сделать вывод, что адаптация к изменившимся условиям у русских в Казахстане пошла вынужденным образом через те каналы и в те области, которые были открыты и доступны, прежде всего, речь об экономических возможностях и направлениях. Что касается политических ориентаций и практик русских казахстанцев, то в этом случае нельзя сказать, что вектор развития сразу получил свое оформление. В начале 2000-х годов Ларюэль и Пейруз (2007) фиксировали аполитичность русских казахстанцев, особенно с точки зрения поддержки ими политических партий и общественных организаций, в том числе использующих этнические лозунги: «как большинство бывших советских граждан, русские сегодня отвернулись от политики, в которой они активно участвовали только в период перестройки и в первые годы независимости».

Политическое поле воспринимается как чуждое, находящееся за пределами повседневных забот, полностью захваченное коррумпированными элитами, которые обогащаются за счет народа, в то время как каждый сегодня старается выжить, обеспечить себе приемлемый уровень доходов».

Этнограф И.Савин, рассуждая о том, почему в Казахстане не сложилась «эффективная русская идеология» в качестве одной из причин назвал то, что этничность, «т.е. культурная специфичность, не могла стать надежной основой для более-менее оформленной идентичности русских Казахстана потому, что в 1990-х годах два-три поколения у них выросли уже в условиях общесоветской индустриальной социальной и культурной среды». К тому же социализация в рамках нескольких поколений одной семьи оказалась невозможной из-за катаклизмов советского периода (30-50-х гг.), поэтому групповая идентичность у русских складывалась «не на семейных или локальных культурных ценностях, а на коллективизме производственных, образовательных и военных организаций, пронизанных советской идеологией». В этих условиях этническая солидарность выступала в представлениях русских не действенным ресурсом, а этнографической архаикой, которую другие народы должны пережить в ходе социального прогресса («Русские: этносоциологические исследования», 2011).

Эти авторы, как и казахстанские публицисты (Омарова, 2001), рассуждая о политической культуре русских в Казахстане и ее недостатках, делали акцент на недостаточной представленности их в государственных и выборных органах, практическом отсутствии на политическом поле «русских» партий и также слабую их поддержку русским электоратом. В то же время надо сказать, что с момента создания в 1995 г. Ассамблеи народов (-а) Казахстана, в ней всегда был представлен ряд русских общественных организаций, которые в настоящее время входят в ОЮЛ «Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций Казахстана», насчитывающих более 45 первичных самостоятельных славянских общественных объединений (Официальный сайт АНК). Т.е. на уровне АНК у русских имеется возможность для этнического представительства. Но такое представительство сформировало иную модель гражданского участия у русских в сравнении с казахами.

Особенности гражданской активности русских казахстанцев можно показать на социологических данных. Так, по итогам опроса, проведенного нами в 2024 г., на вопрос «Являетесь ли Вы членом какой-нибудь организации?» ответили «да» 8,2% казахов и 8,4% русских. При этом казахи чаще состоят в политических партиях, а русские чаще являются членами профсоюзов и волонтерских движений, т.е. им больше свойственен выбор не политических, а общественных образований для проявления своей гражданской активности.

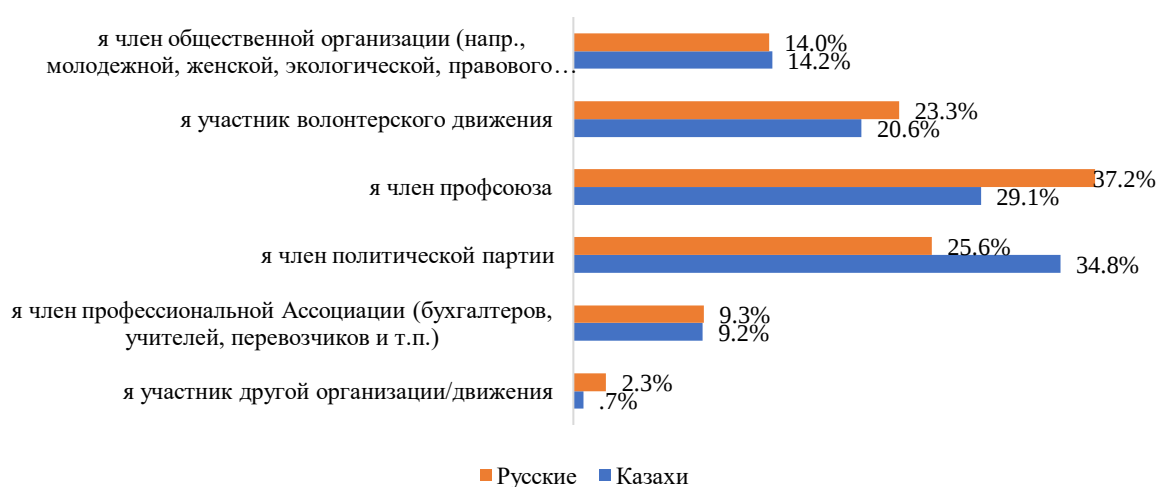

Рисунок 16. В настоящий момент вы состоите/являетесь членом какой-нибудь организации? Если да, то какой? %, 2025

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Как показывают многолетние наблюдения, русские, впрочем, как и другие граждане Казахстана, лучше других институтов оценивают работу президентской ветви власти. В то же время одобрение работы правительства и Парламента всегда было значительно ниже, за исключением периода пандемии ковид-19, в который произошло снижение оценок работы всех трех центральных органов власти.

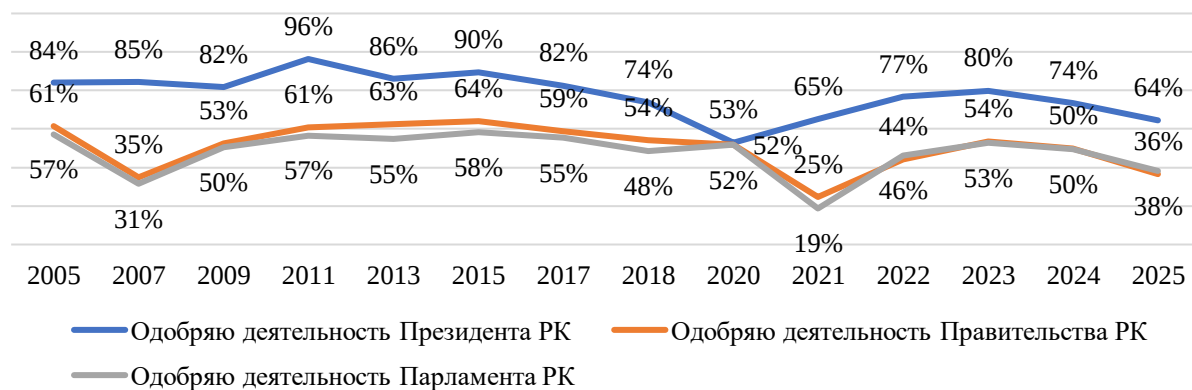

Рисунок 17. Одобрение деятельности центральных государственных органов, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Вместе с тем обратим внимание на некоторые особенности оценок работы государственных органов. При сравнении показателей одобрения работы Президента страны за истекшие 20 лет, видим практически полное совпадение оценок русских с общестрановыми показателями, что говорит как о существенной поддержке представителями различных этнических групп политики, проводимой главой государства, так и сложившейся однородности их оценок.

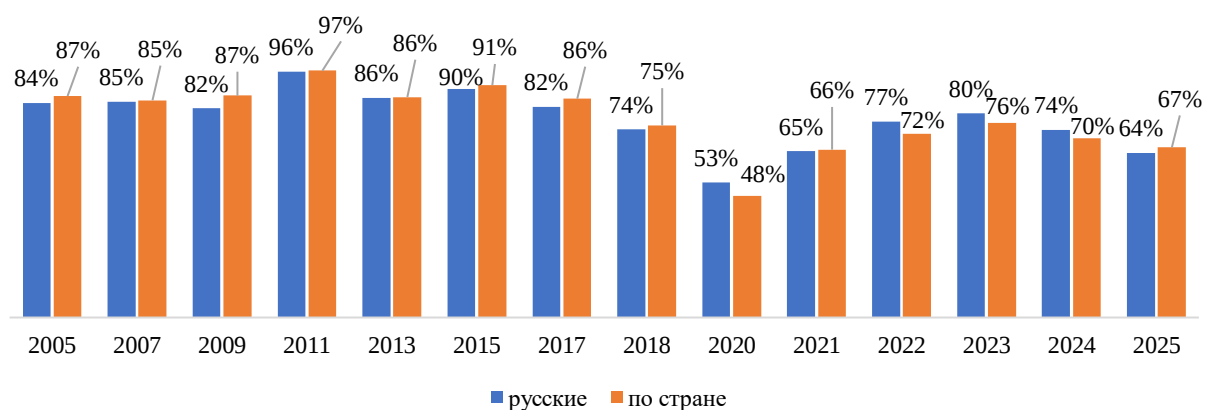

Рисунок 18. Сравнительные данные по одобрению деятельности Президента по стране и среди русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В то же время с точки зрения оценок работы правительства и Парламента у русских формировались иные мнения. Так, в отношении правительственного курса русские активнее, чем в среднем по стране, выражали неодобрение, как это было в периоды 2007-2009 гг., 2015-2017 гг. и в настоящее время.

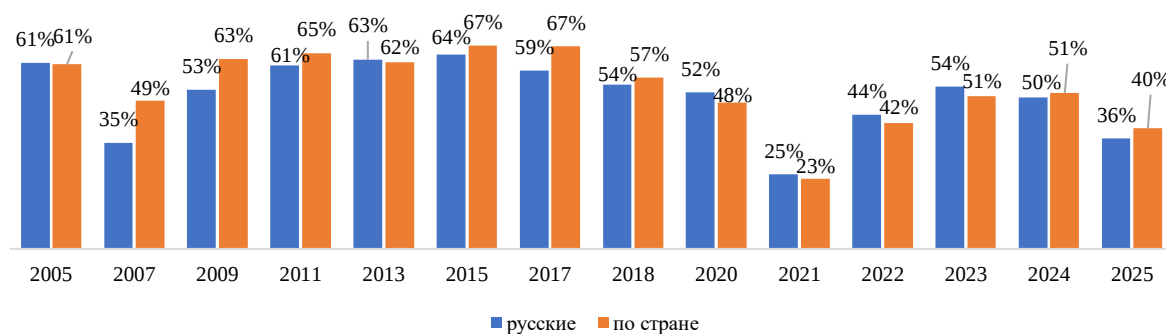

Рисунок 19. Сравнительные данные по одобрению деятельности правительства по стране и среди русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

И также русские заметно критичнее в отношении работы Парламента – их одобрение работы парламентариев в период с 2007 по 2020 год было существенно ниже, чем оценки всего населения страны. 2020 и 2021 гг. показали сходство восприятия работы Парламента всеми гражданами, включая катастрофическое падение показателей одобрения в 2021 г. – до 19% у русских и 20% по стране. В последующем (до 2024 г.) имели место рост показателей одобрения и определенная синхронизация оценок русских с общестрановыми. Однако в 2025 г. наблюдается общее снижение количества одобрительных ответов, причем среди русских оно более заметное.

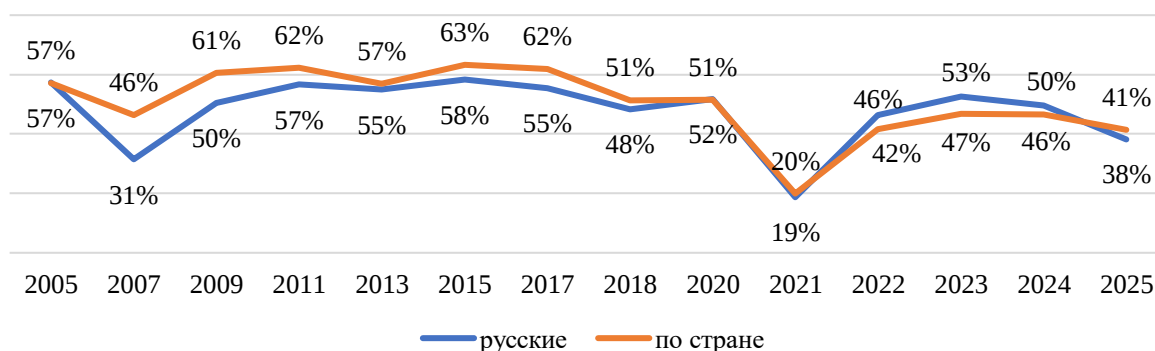

Рисунок 20. Сравнительные данные по одобрению деятельности Парламента по стране и среди русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Таким образом, если взять результаты опросов по трем центральным государственным органам, то заметно, что именно в отношении законодательного органа у русских сложилось наиболее критичное отношение.

На какой базе происходит изменение/снижение оценок одобрения работы правительства и Парламента? В 2022 г. более половины опрошенных русских (54%) говорили о том, что они чувствуют заботу государства о таких людях, как они (по стране этот показатель составлял 54%), в 2025 г. доля подобных ответов сократилась до 40% (по стране – 47%), при том, что увеличилось число тех, кто не чувствует о себе заботу государства (52%; по стране 49%). Можно сказать, что в 2025 г. изменения в социальной ситуации коснулись всего населения, но русские респонденты отреагировали более болезненно.

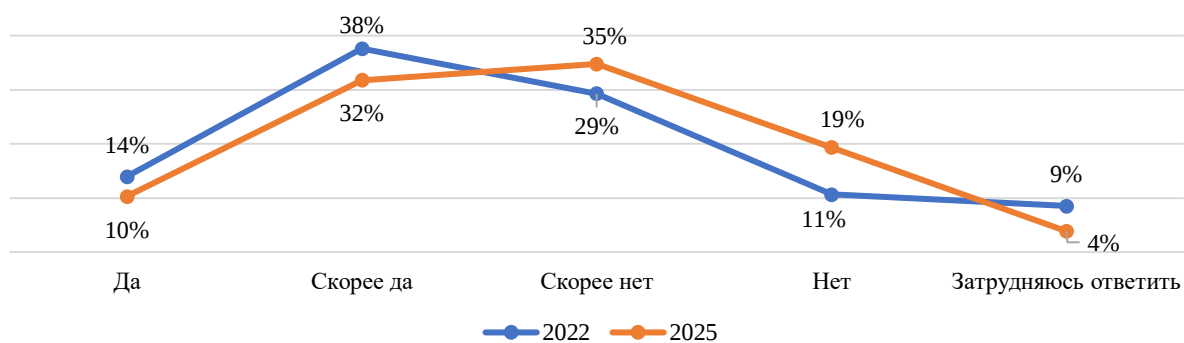

Рисунок 21. Чувствуете ли заботу государства о таких людях, как Вы? %, среди русских

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Вместе с тем ответы на следующий вопрос показали наличие непонимания во всех этнических группах направленности развития страны. Так, если в 2022 г. 43% отмечали, что им понятна направленность развития государства (по стране этот показатель составил 46%), то в 2025 г. доля таких ответов снизилась до 37% (по стране – 42%). В 2025 г. более половины русских респондентов (55%) и половина опрошенных по стране (51%) ответили, что им непонятно, в каком направлении развивается государство. Таким образом сформирован запрос на более точное определение курса развития страны среди значительной доли казахстанцев, вне зависимости от этнической принадлежности.

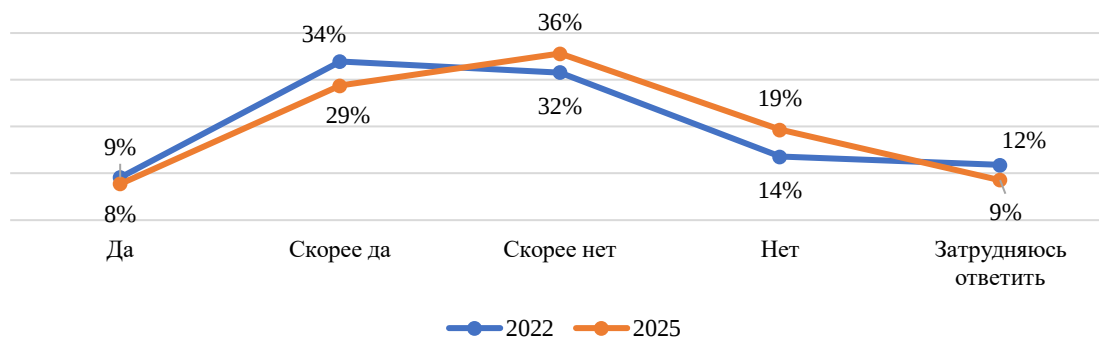

Рисунок 22. Вам понятно, в каком направлении развивается государство? %, среди русских

Примечание - составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Считаем возможным предположить, что снижение у русских понимания и одобрения направленности развития государства может быть связано с оценкой его внешнеполитического курса. Очевидно, что взаимоотношения Казахстана с Россией является важным фактором формирования настроений у значительной части населения, и прежде всего, русских казахстанцев. Мониторинг ответов на вопрос о том, на какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике показал, что треть русских (с провалом до 25% в 2018 г.) полагала и полагает, что Казахстан должен в качестве ориентира выбирать РФ и страны СНГ. В то же время, начиная с 2016 г., русские стали все меньше (с 41% до 16% в 2025 г.) поддерживать политику многовекторности, при том, что на уровне пятой части они поддерживают курс на сохранение приверженности Казахстана собственным государственным интересам.

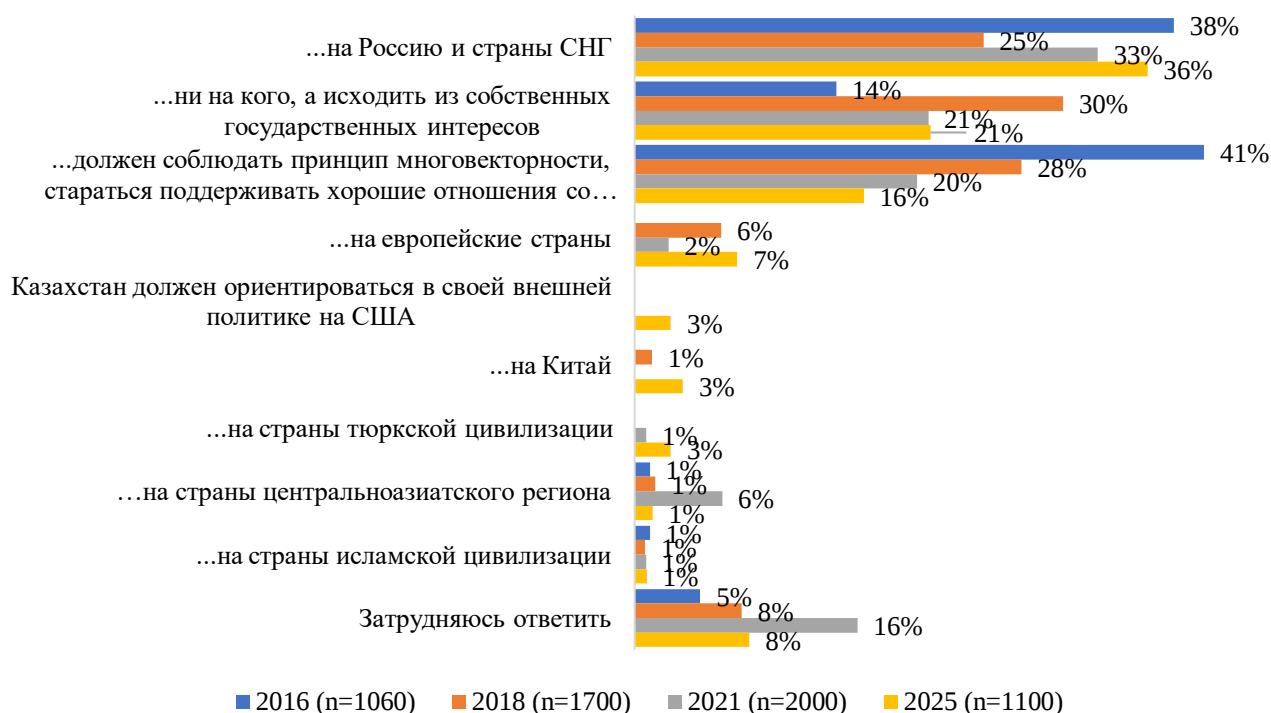

Рисунок 23. На какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике? %, среди русских

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Примечательно, что европейский и американский внешнеполитические векторы, впрочем, как и центральноазиатский, китайский, тюркский и, тем более, исламский, векторы, поддерживаются самым малым числом русских (1–7%). Если же проанализировать результаты ответов русских на вопрос об их отношении к отдельным странам, то можем увидеть, что в 2024 г. отношение к России и Китаю было значительно лучше (77% и 63% положительных ответов соответственно), чем к США, к которым 14% опрошенных русских относятся отрицательно, половина – нейтрально и только 32% выразили положительное отношение, т.е. видим сохранение «антиамериканизма» среди части русских.

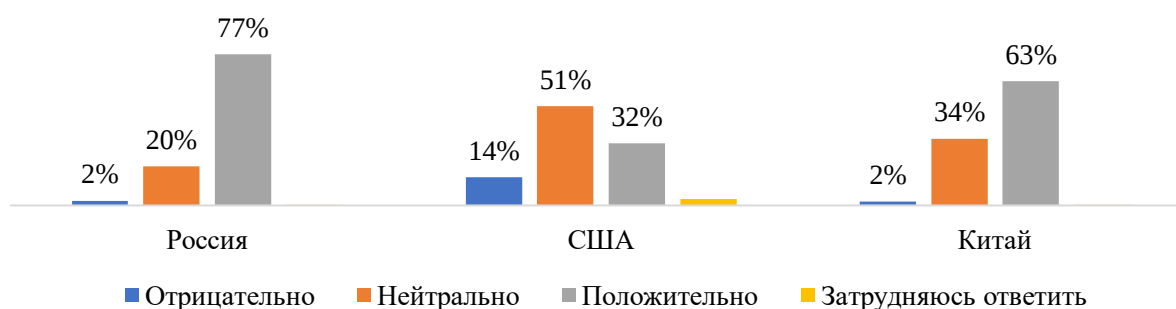

Рисунок 24. Как Вы в целом относитесь к следующим странам – положительно, отрицательно или нейтрально (безразлично)? %, среди русских, 2024

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Возвращаясь к теме гражданского участия, обратим внимание, что среди русских, как и среди всего населения страны, в одинаковой мере наиболее эффективными методами влияния на власть признаются голосование на выборах, обращения в СМИ и в суды. На уровне пятой

части опрошенных во всех группах имеющими результат считаются обращения в вышестоящие инстанции, также есть совпадение взглядов русских и других граждан страны на эффективность таких инструментов влияния, как участие в общественных организациях, самостоятельные действия через свои личные связи и акты гражданского неповиновения. В то же время у русских несколько завышено представление об эффективности влияния таких инструментов влияния на власть, как политические партии, профсоюзы, а также участие в различных протестных акциях. Но, в целом, надо сказать, что русские рассматривают для себя использование всего набора конвенциональных и не всегда конвенциональных способов оказания давления на власть, что не отличает их от всех других граждан страны.

Рисунок 25. Какие инструменты влияния на власть вы считаете наиболее эффективными?
Сравнительные данные, 2024

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Что касается такой конвенциональной формы, как участие в голосовании на парламентских выборах, то сравнительные данные показывают, что доля русских, которые планируют участие в выборах, никогда не была ниже 50%, что в целом соответствовало показателям по стране. Интересно и совпадение долей тех, кто не планировал идти на выборы и тех, кто затруднялся с ответом как среди русских, так и по стране, т.е. можно видеть формирование однородности в электоральном поведении граждан страны.

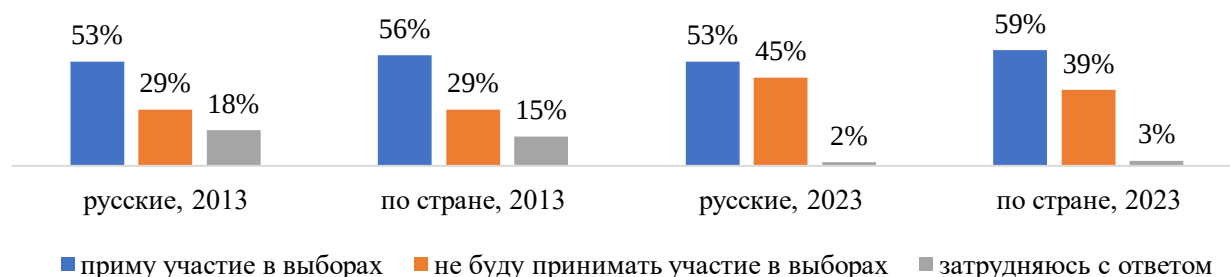

Рисунок 26. Потенциальное участие в голосовании на парламентских выборах.
Сравнительные данные

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Результаты исследований и наблюдения указывают на то, что политическое поведение русских остается в фарватере сложившихся моделей общественно-политической активности казахстанцев, даже несмотря на то, что они обладают более критичным взглядом на ситуацию в стране и чаще других высказывают недовольство работой центральной власти. Русские хорошо представлены в общественном и гражданском секторах общества, состоят в профессиональных организациях и демонстрируют умеренную электорально-политическую активность. В то же время заметно, при сохраняющем определенную устойчивость мнению среди русских, что Казахстан должен исходить из собственных интересов (21%), во внешней политике они все-таки тяготеют к российскому и европейскому векторам.

Идентификация, самобытность, интеграция. В советской национальной политике проповедовался принцип «одна этнонация – одно государство», согласно этому принципу, «национальные» республики были соотнесены с определенной титульной нацией, т.е. народом, чей этноним входит в титул (название) соответствующего государственного или автономного образования (Савоскула, 2001), понимаемым как этнос. Это же представление распространялось и на русских как самой большей части советского народа. Л.М. Дробижева (2010) в своей статье отмечала, что термин «государственно-гражданская» или «национально-гражданская» идентичность, как отождествление себя «с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)» было достаточно новым для публичной сферы и научной литературы постсоветской России, где «исторически сложилось понимание нации в этнокультурном значении».

По этой же причине, по мнению С.С. Савоскула (2001), «ситуация вокруг русского (как и другого нетитульного) населения бывших союзных республик за пределами России» стала одной из наиболее актуальных этнических проблем, имеющих всеобъемлющий для постсоветского пространства характер. Он связывал эту проблему «с объективным радикальным противоречием между недавним статусом этой части русских, ясно осознающих свою принадлежность к народу, доминировавшему в бывшем СССР и по преимуществу отождествлявшему себя (в отличие от других народов страны) с единой союзной державой, и их нынешним положением этнического, зачастую дискриминируемого меньшинства в новых независимых государствах», поскольку «главной составляющей идеологии радикальной суверенизации и реальной политики по ее осуществлению практически во всех бывших союзных республиках, за исключением, пожалуй, России и Белоруссии, стал этнический национализм. Его суть состоит в идее создания «своей» этнической государственности, призванной защищать прежде всего интересы развития «своего» титульного этноса, его языка и культуры». Именно это обстоятельство предопределяло этнические различия в становлении новой гражданской идентичности на постсоветском пространстве вне России: у большинства титульного населения этот процесс проходит относительно благоприятно, для большинства же русского (и другого нетитульного) населения новых независимых стран был характерен идентификационный кризис. В то же время содержание и глубина идентификационного кризиса различались в каждом из постсоветских государств, поскольку определялись их этнонациональной и языковой политиками.

Как уже отмечалось ранее, в Казахстане потеря русскими доминирования во всех сферах жизни общества, требование владения казахским языком, расширение сфер его применения вызывало сложности адаптации русских к новым условиям. В то же время надо отметить и тот факт, что в республике за все постсоветские годы не было зафиксировано ни одного открытого противостояния между казахами и русскими, хотя нельзя отрицать, что в определенные моменты истории уровень межэтнической конфликтности возрастал (из наиболее известных – выступления уральских казаков в 1991 г.) («Уральские события 1991 г.», 2011). Вместе с тем результаты опросов показывают, что среди большинства русских до сих пор сохраняется существенный уровень тревожности, связанный с возможностью межэтнических конфликтов,

причем с 2010 г. показатель опасений сохраняется примерно на одном уровне и никогда не был ниже 50%.

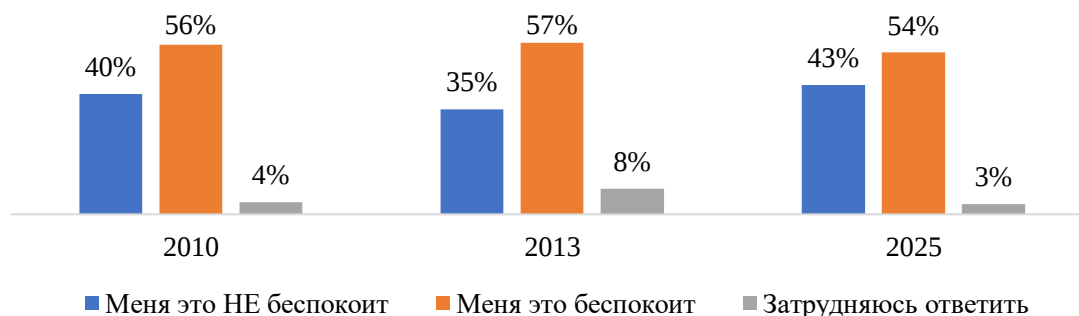

Рисунок 27. Обеспокоенность конфликтами на межэтнической почве, среди русских.

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Обращает внимание и то, что в 2024 г. почти 60% русских чувствовали себя как полноценные граждане страны, но в то же время 40% опрошенных русских отмечали проблемы, включая наличие притеснений и ущемления их прав как граждан (6%), еще 2,3% указывали на оскорбление и унижение национального (этнического) достоинства.

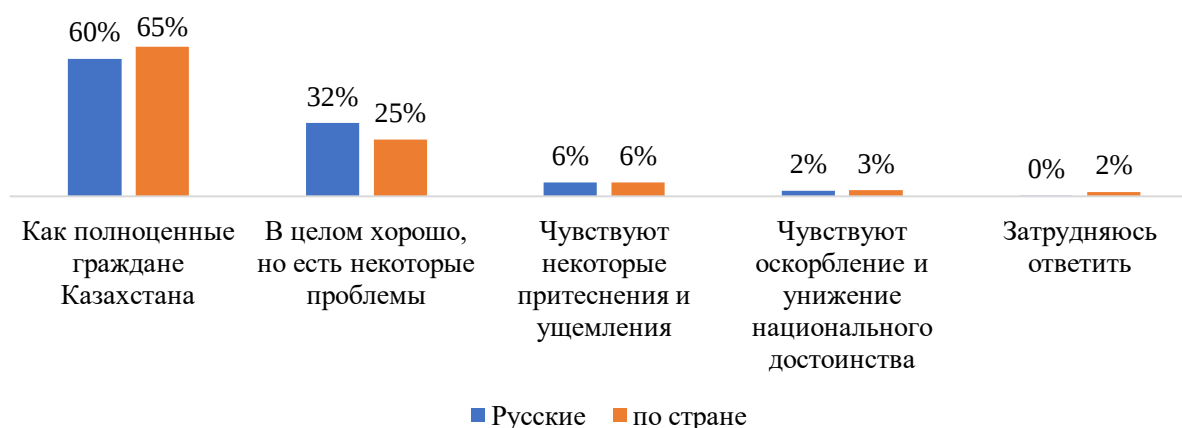

Рисунок 28. Как чувствуют себя сегодня люди вашей национальности в Казахстане?

Сравнительные данные

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2023)

Мониторинговый вопрос «Чаще всего к какой группе вы себя относите?» показывает, что с годами в среде русских снижалась важность практически всех идентификационных маркеров, включая гражданский (гражданин Казахстана), региональный (житель своей области), национальный (этнический). Вместе с тем имело место последовательное увеличение доли тех, кто соотносит себя со своим поколением, с людьми одного возраста. Таким образом, в 2022 г. в идентификационной матрице русских базовыми маркерами являлись поколение/возраст (55%), локальность (житель своего города/села) (54%) и гражданственность (51%). Ко второстепенным можно отнести такие маркеры, как этнос (39%), вера (38%), род занятий (37%), род (34%), достаток (33%), региональный признак (32%).

Рисунок 29. Чаще всего к какой группе вы себя относите? среди русских

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В опросе 2025 г. (вопрос был задан в другой форме), 54% русских сказали, что в первую очередь считают себя гражданами Казахстана, 20% определили себя представителем своей национальности (этнуса), еще 16% сказали, что считают себя в первую очередь жителем определенной территории (места жительства). Т.е. каким бы образом ни задавался вопрос, результат чаще всего сообщал о том, что не менее половины русских в Казахстане считают себя в первую очередь гражданами страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно определению, гражданство является устойчивой правовой связью между индивидом и государством, которая выражается в наличии взаимных прав и обязанностей, определенным статусом, закрепляющимся за всеми индивидами, в такой связи находящимися. Закон о гражданстве полагает ответственность государства в лице своих государственных органов и должностных лиц перед гражданами республики, но и граждане ответственны перед республикой. Гражданин «обязан соблюдать Конституцию и законы Республики Казахстан, защищать интересы Республики Казахстан, ее территориальную целостность, уважительно относиться к обычаям, традициям, государственному языку и языкам всех национальностей, проживающих на ее территории, способствовать укреплению могущества, суверенитета и независимости Республики Казахстан» (Республика Казахстан, 1991). В свою очередь гражданственность можно определить как осознание себя гражданином своей страны и соответствующее этому поведение, готовность человека активно содействовать процветанию общества. Гражданственность также включает в себя патриотизм, любовь и преданность родине.

Очевидно, что выбор в анкете варианта ответа «считаю себя гражданином Казахстана» не обязательно может соответствовать внутреннему убеждению отвечающего. Вполне вероятно причиной выбора такого ответа является прагматизм, согласно которому «большинство русских в Казахстане не строят иллюзий по поводу своей возможной интеграции в России и предпочитают разыгрывать казахстанскую карту» (Ларуэль & Пейруз, 2007). Но каким бы ни было основание, почему люди идентифицируют себя в первую очередь

как граждане страны, то, как измерить реальный уровень гражданственности и патриотизма, как измерить любовь к родине, к Казахстану?

Все приводимые нами данные показывают, что в среде русских казахстанцев идут сложные нелинейные процессы адаптации и интеграции в единое общество. Можно привести мнение участника одной из фокус-групповых дискуссий (еще 2014 г.) в поддержку идеи формирования единой нации «казахстанцы», что должно позволить избежать этнической дискриминации и сделать аксиомой, что Казахстан – это одна родина для всех: *«Может, не разделять нас на русских и казахов, а как Америка прошла все в 18 веке, как они стали все – и черные, и белые – американцами. Я не против стать – если убрать графу «русский» – я не против стать казахстанцем»* (село, Алматинская обл.). В каких-то случаях уже можно говорить о значительном продвижении в сторону гомогенизации/повышения однородности казахстанского общества, понимаемой как унификация политических, правовых и организационных принципов, что способствует консолидации общества и здесь видим схожесть оценок вопросов социального развития, работы органов власти, особенности электорального поведения и гражданского участия. С другой стороны, у русских все еще остаются опасения в связи с дискриминацией по причине незнания казахского языка, а также страхи перед возможностью конфликтов на межэтнической почве – все это оказывает влияние на уровень доверия, а также скорость и содержание интеграционных процессов в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян, Ю. В. (2003). Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. Москва. Наука. // Arutyunyan, Yu. V. (2003). Transformatsiya postsovetskikh natsiy: po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniy. Moskva. Nauka.
- Бюро национальной статистики. (2023). *Бюро национальной статистики опубликовало тематический сборник по Национальному составу населения по итогам переписи 2021 года.* <https://stat.gov.kz/ru/news/byuro-natsionalnoy-statistiki-opublikovalo-tematicheskii-sbornik-po-natsionalnomu-sostavu-naseleniya/>. // Byuro natsionalnoy statistiki. (2023). *Byuro natsionalnoy statistiki opublikovalo tematicheskii sbornik po natsionalnomu sostavu naseleniya po itogam perepisi 2021 goda.*
- Вандескрик, К. (2005). Демографический анализ. Москва. Гаудеамус. // Vandeskrik, K. (2005). Demograficheskiy analiz. Moskva: Gaudeamus.
- Диаспоры Казахстана: единство в многообразии. (2017). Сборник статей под ред. д.и.н., проф. Г. Н. Ким. Алматы. Казах университети. https://library-koresaram.com/f/kim_gn_red_diaspory_kazahstana_edinstvo_v_mногоobrazii_almaty_2018.pdf. // Diaspory Kazakhstan: edinstvo v mnogoobrazii. (2017). Sbornik statey pod red. d.i.n., prof. G. N. Kim. Almaty: Qazaq universiteti.
- Республика Казахстан. (2010). *Доктрина Национального единства Казахстана.* https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158. // Respublika Kazakhstan. (2010). *Doktrina Natsionalnogo edinstva Kazakhstana.*
- Дробижева, Л. М. (2010). Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. *Социологические исследования*, 12(12). 49-58. // Drobizheva, L. M. (2010). Identichnost i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 12(12), 49–58.
- Республика Казахстан. (1997). *Закон РК «О языках в Республике Казахстан».* N151, 4ст. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151>. // Respublika Kazakhstan. (1997). *Zakon RK «O yazykakh v Respublike Kazakhstan».* N151, 4st.
- Республика Казахстан. (1995). *Конституция Республики Казахстан.* https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_#z0. // Respublika Kazakhstan. (1995). *Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan.*
- Краснобаева, Н. (2024). Демографическое развитие русских Казахстана в начале XXI века. *Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь*

- и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур». Барнаул. ФГБОУ ВО «АлтПТУ». 197–201. // Krasnobaeva, N. (2024). Demograficheskoe razvitie russkikh Kazakhstana v nachale XXI veka. *Sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rossiya, Sibir i Tsentralnaya Aziya: vzaimodeystvie narodov i kultur»*. Barnaul. FGBOU VO «AltPTU». 197–201.
- Ларюэль, М., Пейруз, С. (2007). «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. Москва. Наталис. // Laryuel, M., & Peyruz, S. (2007). «Russkiy vopros» v nezavisimom Kazakhstane: istoriya, politika, identichnost. Moskva. Natalis.
- Лобанов, А. (2005). Русская диаспора в Казахстане. <https://russkie.org/articles/russkaya-diaspora-v-kazakhstane/>. // Lobanov, A. (2005). Russkaya diaspora v Kazakhstane.
- Морозова, Е. Р. (2019). Историко-географические условия формирования российской диаспоры в Республике Казахстан. *Постсоветские исследования*. Т.2. 3(8). DOI 10.24411/2618-7426-2019-00026. // Morozova, E. R. (2019). Istoriko-geograficheskie usloviya formirovaniya rossiyskoy diaspory v Respublike Kazakhstan. *Postsovetskie issledovaniya*, Т.2. 3(8). DOI 10.24411/2618-7426-2019-00026.
- Республика Казахстан. (1991). Закон РК «О гражданстве Республики Казахстан». https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800_. // Respublika Kazakhstan. (1991). Zakon RK «O grazhdanstve Respubliki Kazakhstan».
- Республика Казахстан. (2022). Указ Президента РК «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 гг.». https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014_. // Respublika Kazakhstan. (2022). Ukaz Prezidenta RK «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya Assamblei naroda Kazakhstana na 2022–2026 gg.».
- Омарова, А. (2001). Есть ли русское движение в Казахстане? <https://zonakz.net/2001/02/20/est-li-russkoe-dvizhenie-v-kazaxstane/>. // Omarova, A. (2001). Est li russkoe dvizhenie v Kazakhstane?
- Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана. <https://assembly.kz/ru/struktury-ank/etnokulturnye-obedineniya/respublikanskije-eko/assotsiatsiya-russkikh-slavyanskikh-i-kazachikh-organizatsiy-kazakhstana/>. // Ofitsialnyy sayt Assamblei naroda Kazakhstana.
- Официальный сайт Института стран СНГ. <https://i-sng.ru/institut-stran-sng/>. // Ofitsialnyy sayt Instituta stran SNG.
- Итоги Национальной переписи населения 2021 года. (2023). *Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан*. https://stat.gov.kz/ru/national/2021_. // Itogi Natsionalnoy perepisi naseleniya 2021 goda. (2023). *Natsionalnyy sostav, veroisповедание i vladenie yazykami v Respublike Kazakhstan*.
- Сунгоркин, В., Седов, А., Кияница, В. (2020). Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: «В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство». *Комсомольская правда*. <https://www.kp.ru/daily/27137/4228949/>. // Sungorkin, V., Sedov, A., Kiyanyitsa, V. (2020). Prezident Kazakhstana Kasym-Zhomart Tokaev: «V Kazakhstane net ponyatiya “natsionalnoe menshinstvo”». *Komsomolskaya pravda*.
- Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ? (2007). *AsiaInform.Ru*. <https://asiaplus.news/2007/03/02/russkie-v-kazahstane-diaspora-ili-edinyj-kazahstanskij-narod/>. // Russkie v Kazakhstane – diaspora ili edinyy kazakhstanskij narod? (2007). *AsiaInform.Ru*.
- Русские: этносоциологические исследования. (2011). Под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробизевой, Л. В. Остапенко и др. Москва. Наука. // Russkie: etnosotsiologicheskie issledovaniya. (2011). Pod red. Yu. V. Arutyunyana, L. M. Drobizhevoy, L. V. Ostapenko i dr. Moskva. Nauka.
- Савоскул, С.С. (2001). Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. *Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук*. https://www.dissercat.com/content/russkie-novogo-zarubezhya-vybor-sudby_. // Savoskul, S. S. (2001). Russkie novogo zarubezhya: vybor sudby. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk*.

- Сагынбаева, А. (2023). О возрастном и брачном состоянии этнических групп в Казахстане по итогам Национальной переписи населения 2021 года. <https://iaer.kz/ru/item/264-o-voznrastnom-i-bracnom-sostoanii-etniceskih-grupp-v-kazakhstane-po-itogam-nacional-noj-perepisi-naseleniya-2021-goda>. // Sagynbaeva, A. (2023). O voznrastnom i brachnom sostoyanii etniceskikh grupp v Kazakhstane po itogam Natsionalnoy perepisi naseleniya 2021 goda.
- Средний возраст казахстанцев – 32,3 года. (2024). *Официальный Telegram-канал БНС Qazstat*. https://t.me/stat_gov_kz_official/2697. // Sredniy vozrast kazakhstantsev – 32,3 goda. (2024). *Ofitsialnyy Telegram-kanal BNS Qazstat*.
- Суций, С.Я. (2019). Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы. Гл.5. Русские в Казахстане. https://www.ssc-ras.ru/ckfinder/userfiles/files/227_263_Suschij-6.pdf. // Sushchiy, S. Ya. (2019). Russkie blizhnego zarubezhya: istoriya, sovremennost, perspektivy. Gl. 5. Russkie v Kazakhstane.
- Тайжан, М. (2011). Почему защита русского языка – патриотизм, а казахского – национализм? https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31077833&pos=4;-98#pos=4;-98. // Tayzhan, M. (2011). Pochemu zashchita russkogo yazyka – patriotizm, a kazakhskogo – natsionalizm?.
- Тишков, В. А. (2007). Русский мир: смыслы и стратегии. <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-russkij-mir-smysly-i-strategii>. // Tishkov, V. A. (2007). Russkiy mir: smysly i strategii. [https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-russkij-mir-smysly-i-strategii.
- Уалиева, С. К. (2020). Новые особенности в формировании этнической идентичности детей из межэтнических браков в Восточном Казахстане. *Вестник Каз НПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки*. Т.3. 66. <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/282>. // Ualieva, S. K. (2020). Novye osobennosti v formirovanii etnicheskoy identichnosti detey iz mezhetnicheskikh brakov v Vostochnom Kazakhstane. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki*. Т.3, 66.
- Республика Казахстан. (2001). Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000550>. // Respublika Kazakhstan. (2001). *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan «O Gosudarstvennoy programme funktsionirovaniya i razvitiya yazykov na 2001–2010 gody»*.
- Уральские события 1991 года. В 3-х частях. 07-09.09.2011. https://rus.azattyq.org/a/uralskie_sobytia_1991_oral_okigasy_uralsk_events_kazakhstan_kazak_escaliev_makashov/24322127.html. // Uralskie sobyitiya 1991 goda. V 3-kh chastyakh. 07–09.09.2011.
- Российская Федерация. (1999). Федеральный закон "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" от 24.05.1999 N 99-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/. // Rossiiskaya Federaciya. (1999). *Federalnyy zakon "O gosudarstvennoy politike Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom"* ot 24.05.1999 N 99-FZ (poslednyaya redaktsiya).
- Фертильность русских в Казахстане. 14.02.2024. <https://denalt.livejournal.com/84302.html>. // Fertilnost' russkikh v Kazakhstane. 14.02.2024.
- Бюро национальной статистики. (2025a). Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам и возрастным группам (на начало 2025г.). <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/>. // Byuro natsionalnoy statistiki. (2025a). *Chislennost naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosam i voznrastnym gruppam (na nachalo 2025 g.)*.
- Бюро национальной статистики. (2025b). Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан. Демографическая статистика. 18 серия. <https://stat.gov.kz/ru/publication/spreadsheets/?year=&name=18633&period=&industry=&type=> // Byuro natsionalnoy statistiki. (2025b). *Chislennost' naseleniya po otdelnym etnosam Respubliki Kazakhstan. Demograficheskaya statistika. 18 seriya*.

Этнографическая экспедиция в Казахстан и Киргизию. (2019). <https://rgo-etnomir.ru/analytics/875-obshchie-vyvody-predvaritelnogo-analiticheskogo-otchjota-o-realizatsii-2-go-polevogo-etapa-ekspeditsii-sovremennyy-etnomir-po-kazakhstanu-i-kirgizii>. // Etnograficheskaya ekspeditsiya v Kazakhstan i Kirgiziyu. (2019).

Сведения об авторах

Илеуова Гульмира Токшалыковна – кандидат социологических наук, президент Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Казахстан, e-mail: gulmira@ofstrategy.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6349-4720>

Симакова Ольга Александровна – магистр социологии, координатор проектов Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Казахстан, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Авторлар туралы мәліметтер

Илеуова Гульмира Токшалыковна – әлеуметтік ғылымдар кандидаты, «Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» Қоғамдық Қоры президенті, Алматы қ., Қазақстан, e-mail: gulmira@ofstrategy.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6349-4720>

Симакова Ольга Александровна – әлеуметтану магистрі, «Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» Қоғамдық Қоры жобаларының үйлестірушісі, Алматы қ., Қазақстан, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Information about the authors

Gulmira T. Ileuova– Candidate of Sociological Sciences, President, Public Foundation "Center for Social and Political Research "Strategia", Almaty, Kazakhstan, e-mail: gulmira@ofstrategy.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6349-4720>

Olga A. Simakova – Master of Sociology, project manager, Public Foundation "Center for Social and Political Research "Strategia", Almaty, Kazakhstan, e-mail: olga@ofstrategy.kz

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Research paper/Түпнұсқа мақала/Оригинальная статья

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_11

IRSTI 03.20

Aizat I. Urystymova *

D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Historical Evolution of Informal Education in Engineering Training: from Traditions to Modern Practices

ABSTRACT. This article examines the role and significance of non-formal education in the contemporary educational landscape and its growing importance in response to the demands of modern society. Non-formal education is considered an effective means of supporting intellectual, social, moral, emotional, physical, artistic, and professional development. The study analyzes the institutions involved in the provision of non-formal education, as well as their goals, objectives, and areas of implementation. The article presents a historical overview of the development of non-formal education, from early European educational traditions to current 21st-century practices. It explores the key principles, approaches, forms, advantages, and challenges associated with organizing non-formal learning. Particular attention is given to its role in preparing competitive, self-improving professionals capable of adapting to rapidly changing social and professional environments. The research also examines the increasing demand for non-formal education and its practical application within higher education institutions. Examples of additional educational opportunities for students, teachers, and university staff are discussed, including activities implemented through a university student club. The purpose of the study is to demonstrate the effectiveness of non-formal education in training modern, competitive specialists and fostering active individuals who contribute to societal development through continuous learning and personal growth.

KEYWORDS: non-formal education, additional education, professional competence, engineering specialists, students, practical training, comprehensive development.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study received no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Urystymova, A.I. (2026). Historical evolution of informal education in engineering training: from traditions to modern practices. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 185-196. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_11

Article history:

Received: 26.02.2026

Accepted: 18.05.2026

Published: 30.06.2026

* Corresponding author: Urystymova Aizat Ishimbaevna, e-mail: aurystymova@edu.ektu.kz

Урюстюмова А.И. *

Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан

Инженерлік дайындықтағы бейресми білім берудің тарихи эволюциясы: дәстүрден қазіргі тәжірибеге дейін

АНДАТПА. Мақалада қазіргі білім беру саласындағы бейресми білім берудің орны анықталып, оның бүгінгі уақыт талабына байланысты маңыздылығы мен дамуы туралы сөз қозғалған. Бейресми білім беру адам өмірінің зияткерлік, әлеуметтік, рухани-адамгершілік, эмоционалды, физикалық көркем-музыкалық, әлеуметтік-педагогикалық, техникалық, туристік-өлкетану, жаратылыстану, дене шынықтыру-спорт, кәсіби т.б. салаларын ұйымдастыруына оң әсерін тигізетіндігіне мән берілген. Бейресми білім беруді ұйымдастырудың мекемелері мен оларды жүзеге асырудың мақсат, міндеттеріне талдау жасалған.

Мақала Еуропалық Университет дәстүрлерінен бастап ХХІ ғасырдың өзекті тенденцияларына дейінгі бейресми оқытудың қалыптасуы мен дамуына тарихи шолуды қамтиды. Бейресми білім беруді ұйымдастырудың ерекшеліктері, принциптері мен тәсілдері, білім берудің түрлері мен мысалдары, артықшылықтары мен қиындықтары зерттелген. Автор бейресми білім беруді тиімді ұйымдастыру арқылы бүгінгі заманға сай бәсекеге қабілетті кәсіби маман дайындаудың жолын ұсынады. Бұл әдіс қазіргі білімнің тиімді түрі болып табылатындығын және сол бойынша білім беруді ұйымдастырудың жолдарына тоқталады. Қазіргі қоғамдағы білім алудың ерекшеліктерін ескере отырып, бейресми білімге деген сұраныстардың артуы салдары зерттелген. Сонымен қатар бейресми білім берудің практикалық тұстарына мән беріліп, университет қабырғасындағы студенттерге, оқытушыларға және қызметкерлерге арналған қосымша білім беруді ұйымдастыру жолдары туралы баяндалған. Университет негізінде құрылған студенттік клуб негізінде жүзеге асырылатын тәжірибелерді талдауға ерекше назар аударылады.

Мақаланың мақсаты білім беру орындарында бейресми білім беру формаларын қолдана отырып, заман талабына сай, өзін-өзі жетілдірген, бәсекеге қабілетті мамандарды даярлаудың жолдарын ұйымдастырудың тиімділігін ашу. Бейресми білім беруді ұйымдастыру арқылы қоғамның дамуына белсенді ат салысатын тұлғаны қалыптастыру.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: бейресми білім беру, қосымша білім беру, кәсіби құзіреттілік, инженерлік мамандар, білім алушылар, тәжірибелік оқыту, жан-жақты дамыту.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуге демеушілік қолдау көрсетілмеді (жеке ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Урюстюмова, А.И. (2026). Инженерлік дайындықтағы бейресми білім берудің тарихи эволюциясы: дәстүрден қазіргі тәжірибеге дейін. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 185-196. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_11

* Хат-хабаршы авторы: Урюстюмова Айзат Ишимбаевна, e-mail: aurustymova@edu.ektu.kz

Урюстюмова А.И. *

Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Историческая эволюция неформального образования в инженерной подготовке: от традиций до современных практик

АННОТАЦИЯ. В статье определено место неформального образования в современной сфере образования, речь идет о его важности и развитии в связи с требованиями сегодняшнего времени. Особое внимание уделяется тому, что не-формальное образование оказывает положительное влияние на организацию интеллектуальной, социальной, духовно-нравственной, эмоциональной, физической художественно-музыкальной, социально-педагогической, технической, туристско-краеведческой, естественнонаучной, физкультурно-спортивной, профессиональной сфер жизни человека. Проведен анализ учреждений организации неформального образования и целей, задач их реализации.

В статью включает исторический обзор становления и развития неформального обучения, начиная с европейских университетских традиций и заканчивая актуальными тенденциями XXI века. Исследуются особенности, принципы и подходы к организации неформального образования, его основные формы и примеры, а также преимущества и возникающие трудности. Автор предлагает способ подготовки современного конкурентоспособного профессионала путем эффективной организации неформального образования. Этот метод указывает на то, что современное образование является эффективной формой образования и, следовательно, на пути организации образования. Изучены последствия возрастания спроса на неформальное образование с учетом особенностей получения образования в современном обществе. Также было уделено внимание практическим аспектам неформального образования, рассказано о путях организации дополнительного образования студентов, преподавателей и сотрудников в стенах университета. Особое внимание уделяется анализу практик, реализуемых в рамках студенческого клуба, действующего при университете.

Цель статьи раскрыть эффективность организации путей подготовки современных, самосовершенствованных, конкурентоспособных специалистов с использованием форм неформального образования в образовательных учреждениях. Формирование личности, активно участвующей в развитии общества через организацию неформального образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неформальное образование, дополнительное образование, профессиональная компетентность, инженерные специалисты, обучающиеся, практическое обучение, всестороннее развитие.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Спонсорская поддержка исследования не оказана (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Урюстюмова, А.И. (2026). Историческая эволюция неформального образования в инженерной подготовке: от традиций до современных практик. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 185-196. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_11

* Автор-корреспондент: Урюстюмова Айзат Ишимбпевна, e-mail: auryustyumova@edu.ektu.kz

INTRODUCTION

Currently, in higher education institutions, it is important to have an equal balance of in-depth knowledge and corresponding practical skills in the field of professional education. The main feature of modern teaching approaches is that students not only master theoretical knowledge but also know how to implement it in practice – this is one of the skills required in the 21st century. It represents the skills model for training specialists in the 21st century. The integration of knowledge and practice characterizes a system of key competencies, such as the ability to choose from a wide range of solutions and actions, demonstrating that participants have mastered fundamental literacy combined with deep conceptual understanding. The required skills for training specialists in the 21st century cannot be called entirely new. For example, the skills of implementing and applying acquired knowledge in practice have been a reliable companion of human progress throughout the history of human development, from the making of tools in ancient times, agricultural achievements, and the invention of vaccines to contemporary research. Currently, methods for developing practical pathways of learning are being comprehensively considered, continuing these requirements. To implement this work, all interested parties – namely, preschool institutions, schools, vocational education institutions, and higher education institutions – have taken on commitments and are effectively implementing them.

In the process of effective teaching that integrates theory and practice, wide-ranging tasks are solved, positively influencing the learner's ability to work in various situations. Regardless of which learning pathways are used, the meaning of effective teaching is understood as creating conditions that positively influence the mastery of a profession or other human activities.

Today, there are sufficient institutions that implement theoretical knowledge in practice and organize various ways of education. These include not only traditional educational institutions but also creative-cognitive organizations and associations. However, among educational institutions, the responsibility for organizing any type of education, especially teaching theoretical knowledge in practice, falls on universities. Among the many functions performed by university teachers and staff, the most important is providing high-quality educational experience, participating in professional, university, and public work, and conducting research that contributes to the "public good" (Charlir, 2024). One of such additional learning pathways is the organization of non-formal education types in higher education institutions. Participation in non-formal education is a central factor for success in economic growth and social and personal development. This is particularly important today, as labor markets and work processes are rapidly changing in most industrially developed countries (Lischewski, 2020). Before discussing the organization of non-formal education forms, their importance, and characteristics, it is necessary to clarify what non-formal education is.

Non-formal education is a type of information and knowledge distinct from traditional forms of learning. Non-formal education often covers many different areas and may result in certificates or attestations of completion. Organizations offering non-formal education include clubs, circles, various courses, trainings, short programs, master classes, seminars, online courses, and others. Such organizations can be established in schools, higher education institutions, theaters, museums, libraries, cultural centers, sports complexes, and other institutions, and they may implement non-formal education.

The main goal of non-formal education is to improve a person's qualifications in various fields, acquire additional knowledge, and also to create the necessary conditions for mastering spiritual, cultural, economic, political, informational, technological, and other forms of knowledge relevant to the times. The advantage of non-formal education types is that they allow individuals to develop personally regardless of age (young, adult, or elderly), field of activity, and professional competencies. Additionally, one of the main priorities of non-formal education is its accessibility (Informal learning Encyclopedia, 2024).

According to UNESCO's International Standard Classification of Education, non-formal qualification "refers to a qualification awarded as a result of achieving the learning objectives of an educational program in the non-formal education system, which is not recognized by the relevant national education authorities and is not equivalent to qualifications in the formal education system."

Typically, these include various life, professional, and socio-cultural skills: leadership competencies, organizational abilities, intercultural communication skills, and others.

Non-formal education plays an important role in personal development and social progress. Its importance lies in the opportunity to acquire knowledge and grow outside traditional educational programs and institutions. Through non-formal education, additional learning contributes to skill development, knowledge enrichment, and broadening horizons. In turn, this contributes to personal achievements and socio-cultural and economic growth. Therefore, non-formal education enriches the learning experience and, by providing opportunities for lifelong learning and development through additional education, is an integral part of modern educational platforms. Non-formal education can be understood as any knowledge acquired outside the formal education system. It is not necessarily confirmed by a diploma or certificate of completion, and institutions engaged in non-formal education are not required to have state licenses for conducting programs and courses.

Considering these positive aspects of non-formal education in personal development, it can be applied to training specialists in any field. This is because all professionals are part of society and its constituents. Thus, alongside acquiring knowledge in their specialty, individuals can develop the skills necessary for their social, economic, political, cultural, and other societal activities through additional education, i.e., non-formal education.

Non-formal education supports individuals in achieving goals in various fields through educational institutions or other types of organizations, contributing to self-realization. Currently, the younger generation lacks motor, emotional, and social skills. They appear aggressive, anxious, dependent, and uncreative. This is one of the very important reasons for children, adolescents, and young people to engage in extracurricular activities (Terrazas, 2021).

After a specialist receives education in their field, they find employment. In the course of their work, situations often arise where they need to express their opinions and implement new initiatives. Such readiness can be achieved through types of non-formal education, which reveal various facets of personality and contribute to a certain degree of freedom in society. For example, various clubs that develop leadership in individuals can be mentioned, such as acting clubs in theaters, debate clubs, and others. Within the framework of leadership programs, such clubs consider all leaders and participating members as educational leaders. Furthermore, taking into account the priority direction of the leadership program, specialists who have mastered it become leaders who implement the education of learners under their supervision. The concept of teaching management and leadership is based on individuals who have great untapped potential among leaders. This can be seen only through work accompanied by innovation and joint professional development. Such work should proceed in parallel at all levels of educational institutions and be included in the non-formal education plans of students, employees, and adults in other fields. Such views have been known since the last century. For example, the concept of leadership in teaching was discussed in the Hertfordshire Cambridge Network project supported by David Frost and the University of Cambridge, regarding the development of leadership qualities. The benefits and essence of leadership are skills aimed at achieving high results comparable to intellectual learning standards. Today, in the educational process, work, and profession, more is required than just intellectual achievements limited to evaluating results and complicating cognitive standards. Today, leadership in education and work allows for the learner's emotional-moral literacy, emotional-regular learning, and comprehensive development. The most important focus here is on improving the quality of education. In today's understanding, leadership is not something exclusive to employees in managerial positions. As modern social research results show, leadership is widely used in the life of ordinary people in society. For example, in the family institution, in expressing political views, etc. According to researchers of leadership issues, in changing social and economic conditions, leadership is also becoming more complex and is becoming one of the qualities required of a person today. Therefore, various non-formal educational organizations are currently working to develop leadership qualities in individuals. And this can also be said to be a requirement of the times.

In modern European higher education institutions, specifically according to research from colleges in England, the effectiveness of institutions that continuously improve and practically

develop leadership aimed at enhancing the quality of teaching and learning has been determined. Scholars believe that in any activity, leadership is a tool for improving practice. And leadership aimed at additional education is exactly that. Learning-oriented leadership is focused on the educational process and the outcomes of students, employees, with the aim of achieving high-quality education.

People acquire knowledge by using dialogue methods, such as discussion, debate, collaboration, and co-construction of knowledge, forming understanding and skills. Social-constructivist learning also allows for the integration of skills and deeper understanding. All methods focus on:

- learner activity;
- implementing activities in accordance with expected outcomes;
- the importance of feedback;
- opportunities for experience and integration.

The significance of this lies in the ability to formulate concrete conclusions about how to create a learning environment to increase learning opportunities.

Much can be said about the importance and characteristics of organizing non-formal education. Its development, as practice currently shows, is a requirement of the times. Therefore, much attention is now being paid to this area. Developing non-formal education positively affects the socio-economic, political, cultural-spiritual, and other spheres of society. For example, non-formal education plays a decisive role in personal development and social progress. The importance of non-formal education lies in the opportunity to acquire knowledge and grow outside formal educational programs and institutions. This contributes to skill development, knowledge enrichment, and broadening horizons. In turn, this contributes to personal success and socio-cultural diversity. Therefore, non-formal education enriches the learning experience and, by providing opportunities for lifelong learning and development, is an integral part of the modern educational landscape.

The International Education Corporation (IEC) offers various opportunities for non-formal education by introducing the following aspects:

- Courses and master classes. That is, organizing courses and master classes in various subjects and fields of knowledge. Through this, students and pupils can learn foreign languages, acquire informational and technical skills, and master arts and other interesting fields.
- Educational projects and initiatives. Universities currently participate in various educational projects and initiatives that promote knowledge and cultural exchange. This means that within such projects and initiatives, lectures, exhibitions, and forums can be organized for students.
- Clubs and community organizations. They support many clubs and community organizations, creating a platform for knowledge and experience exchange between students and teachers. The effectiveness of implementing such organizations alongside traditional education has been proven.

Thus, the International Education Corporation (IEC) contributes to the personal development and enrichment of knowledge of students and young people in Kazakhstan, offering various opportunities and creating many conditions for non-formal education.

Currently, although non-formal education is a relatively new concept in Kazakhstan, it has already become widely known. There is a reason for this. Upon closer examination, its rapid popularity and demand can be attributed to its effectiveness and advantages. One of the first and most important advantages is the accessibility of non-formal education. As mentioned above, regardless of age, gender, or education level, training is universally accessible. That is, everyone has the opportunity to learn. Various people may need non-formal education, not only those with higher education who wish to improve their qualifications, but also those with different life circumstances, such as young mothers returning to work and needing to update their knowledge, or elderly people wanting to keep up with the times. This means this advantage in education is convenient and effective for people.

Another advantage is the effectiveness of the training. Accessibility and voluntariness are the main principles. If organizers use various teaching models, develop specific programs based on the needs and interests of learners, this further increases the effectiveness of training. Non-formal

education is a new opportunity for people with different social statuses and workloads. Now, acquiring knowledge, improving education, or enhancing skills in a particular field is accessible and convenient.

Non-formal education is a type of additional education. To recognize the results of additional education as a form of education aimed at comprehensively satisfying educational needs for a person's intellectual, spiritual, moral, physical, and professional development, it enters the general system of quality assurance in education. Additionally, additional education is implemented in various areas that satisfy individual personal development needs. For example, intellectual, social, spiritual-moral, emotional, physical, artistic-musical, socio-pedagogical, technical, tourist-local history, natural science, physical education-sports, and professional.

LITERATURE REVIEW

Scientific works in the last decade offer an understanding of the theory, practice, and impact of non-formal education in various contexts, including its role in promoting social change, expanding opportunities, and developing individuals. Before comprehensively analyzing non-formal education in the current information field, it is necessary to briefly review research from the late 20th and early 21st centuries that laid the theoretical foundations for this issue.

In the 1980s and 1990s, international conferences and symposia were held on issues of improving the quality of educational outcomes through the transformation of education.

In 1981, the first national conference, "Public Education as a Concept for a New Society," was held in Australia. In the reports of conference participants, the idea was expressed that education should become the main mechanism ensuring social change, forming new policies, and creating a developed economy. At the same time, education was considered from a social perspective, and it was concluded that it should effectively respond to events such as population growth, social inequality, environmental damage, economic crises, and pandemics.

Governmental documents began to be adopted at interstate and state levels, revealing the depth of established problems in education. For example, the report "A Nation at Risk" published in 1983 by the US National Commission on Excellence in Education showed that the level of illiteracy among young people was still high in the 1980s. To understand why this situation developed, the report presented the results of an assessment of the quality of teaching and learning in US public and private schools, colleges, and universities. The assessment was based on comparing American schools and colleges with those of other developed countries, as well as studying the relationship between college requirements and the performance of secondary school students. The report also reveals the connection between student educational achievement and the orientation of the educational trajectory in school. Much attention is given to determining how the major social and educational changes of the last quarter of the century have affected student achievement (Brennan, 2023).

Let us turn to a brief analysis of some scientific works covering education issues in the late 20th century.

The idea of programmatic documents at the state level that education is the key to economic development is reflected in E.V. McGregor's work "Economic Development and Popular Education: Strategies and Standards. Education Policy" (McGregor, 1994).

A number of studies addressed the issues of developing education systems. Such development was aimed at forming the following skills in learners: the ability to use electronic technologies, systematize and apply information, think critically and creatively, evaluate the results of their thinking, establish effective communication, and especially collaborate in different cultural environments.

The issues discussed in the scientific field in the 20th century were wide-ranging: from current problems of education and the need for its transformation to describing mechanisms for implementing these changes. The idea that education should be aimed at developing a personality that can influence society is systematically encountered in the analyzed works. And personal development is impossible without independent activity in acquiring knowledge and experience outside traditional learning conditions: in daily life, in interaction with the environment, in communication with other people, and when mastering new knowledge and skills through practice. To describe such a personal development process, the works used the concept of "informal education" – a type of learning determined by the interests, needs, and environment of the learner; the process of acquiring knowledge, skills, and experience outside formal educational institutions such as schools or universities, which occurs on the basis of independent activity and natural interaction with the environment.

As a result of this integration, "non-formal education" was formed, which combines the advantages of traditional and informal education, preparing people to live in a changing society and helping solve modern problems. By recognizing the strengths of both approaches and utilizing them, the academic community can

create a more holistic and effective educational environment that better prepares learners for the challenges and opportunities of the 21st century (Bentley, 1998).

Thus, education at the turn of the 20th–21st centuries is a complex process covering various aspects of teaching, adaptation to new technologies, and changes in society. In recent decades, a significant diversity of educational forms has been observed, associated with socio-cultural changes and technological breakthroughs. The development of internet technologies allowed educational institutions to expand their audiences and organize teaching independent of time and place. Due to the growing popularity of the individual approach to teaching, the shift from the traditional classroom model to flexible methods allowed for greater emphasis on individual needs and pace, personalized educational programs, online self-learning platforms, and adaptive learning technologies. In recent years, there has been an increasing interest in learning types based on experience and practical skills.

MATERIALS AND METHODS

In writing the topic, the documents "Non-formal Education. International Education Corporation" and "Guidelines for Quality Assurance in Additional Education" were studied, and based on these materials, the activities and goals of organizations currently implementing non-formal education were analyzed. During the research, methods of systematization, description, comparison, and analysis were used.

RESULTS AND DISCUSSION

Considering the current necessity and importance of non-formal education in training specialists, as discussed above, we will examine the types of non-formal education organized for engineering specialists at D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University. D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University implements non-formal education in accordance with the regulations on additional education and non-formal education of the Republic of Kazakhstan. Within the university, there are various non-formal educational organizations for students, teachers, staff, and applicants: clubs, circles, courses, trainings, short programs, master classes, seminars, online courses, sports sections, and others (Engin Unguren, 2020). Their main goal is to improve the qualifications of participants in various fields, acquire additional knowledge, and create the necessary conditions for mastering spiritual, cultural, economic, political, informational, technological, and other knowledge relevant to the times, thus training competitive specialists. Since students at the university are primarily studying in technical specialties, alongside training them as qualified specialists, it is also important to educate them as citizens who are accustomed to socio-social life, can express themselves freely, respect their homeland, and are patriotic. Therefore, the educational institution offers future engineers many additional educational opportunities and various clubs, courses, circles, sports sections, and trainings for self-development. One of the extracurricular activities within the university is the student club. Student clubs are one of the important elements of the university's educational process. Student clubs are groups voluntarily formed to allow students to participate in scientific, social, cultural, artistic, and sports activities on campus outside of class time.

As an example, let us consider the "Altyn Besik – Muзtau" student club, established in 2017 at the university. The club provides students with additional, non-formal education based on a practical orientation. The club's philosophy:

1. focus on the personal interests and inclinations of students and teachers;
2. maximum diversity of topics and work formats;
3. informality and openness.

The club's goals and objectives:

- to educate a patriotic citizen who knows and loves their multi-ethnic region, its material and spiritual culture, the unique nature and history of Altai, and wishes to actively participate in its development;

- as one of the university's strategic goals, to train qualified specialists capable of adapting to the industrial development and socio-cultural conditions and peculiarities of Altai for the full and successful employment of EKTU graduates.

Areas of club work:

- historical and local history direction;
- cultural direction;
- spiritual and moral direction;
- patriotic direction.

Objectives:

- familiarization with history, cultural heritage, and modern life of Altai in the context of the Kazakhstani socio-cultural space;
- study of regional development problems;
- accumulation of skills in independent productive activity that allows solving tasks related to the fate of Altai at a personal level;
- development and stimulation of cognitive activity;
- orientation in solving issues of choosing a further type of education and profession;
- formation of a personal-value attitude towards the past and present of one's homeland;
- development of civic qualities, patriotic attitude towards the great and small homeland;
- formation of tolerance and tolerant behavior in the conditions of polyethnicity, polyconfessionality, and multiculturalism of the region;
- promotion of social values (work, patriotism, service to the homeland, responsibility, active life and civic position);
- fostering a responsible attitude towards the cultural and historical heritage of Altai.

These are the general strategic goals and objectives of the club. At the beginning of each academic year, an annual plan is created and fully implemented. In recent years, in accordance with student requests, non-formal education forms that increase their interests have been organized. Especially significant are events related to increasing knowledge in the practical application of theoretical knowledge about our history and the material and spiritual culture of our people. In this regard, the club organizes joint events with cultural institutions in the city. A leader among these is the joint events with the "Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve" of the East Kazakhstan Region's Department of Culture. In January 2024, a Memorandum of Cooperation and Interaction was signed between D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University Non-Commercial Joint-Stock Company and the "Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve" of the East Kazakhstan Region's Department of Culture. Since then, joint activities for the development and organization of non-formal education have been actively carried out.

On March 26, 2024, members of the "Altyn Besik – Muзtau" club from the Department of History of Kazakhstan and Socio-Political Sciences at D. Serikbayev EKTU, along with university students, visited the "East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum" for the "Great Day of the Nation – Nauryz" holiday. During the event, scenes about Kazakh national games, traditions, and customs were presented, with student participation. Information about the main concepts, traditions, national games related to the "Nauryz" holiday was provided. Additionally, students played Kazakh national games such as "bilek synasu" (arm wrestling) and "oramal tartu" (towel pulling), and answered interesting questions prepared by the hosts according to tradition. The organized event proved to be a very effective method of non-formal education for students. Students toured the museum's ethnographic halls and, through scenes about national games, traditions, and customs, became acquainted with the historical-ethnographic values and national artifacts of the Kazakh people. The event was held at a high level, leaving an unforgettable impression on participants and sparking their interest.

Such joint events between the East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve and the club continued. On February 2, 2024, students of the "Altyn Besik – Muзtau" club, together with the mentioned museum, held a master class-lecture. The master class included workshops on "Patchwork quilting" and "Decorative jewelry" crafts, where club girls learned methods of making ornaments, decorative pillows, patchwork, and bracelets. The workshops were conducted by renowned city masters A.T. Umbetova and A. Kuzmina, who taught

the club girls how to cut ornaments, make patchwork, and create bracelets. We consider this event a wonderful way for students to receive non-formal education in national values outside the traditional form of university education.

The university and the museum continued to hold joint events on non-formal education every month throughout the year. On April 25, students of D. Serikbayev EKTU visited the "East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum" for a creative master class. The master class was conducted by the city's renowned craftsman N. Yeskhodzhi, who held a workshop on wood carving and making various items from iron. The event proved to be an important and highly educational non-formal learning type for the club's male students. At the creative master class, all students learned to draw on metal materials using special tools, and to create images using axes and hammers. Additionally, they became acquainted with products made from wood, bone, and leather, traditionally mastered by Kazakh craftsmen, and received information about manufacturing techniques. The organized event promoted our national values, contributed greatly to learning and mastering them, and aroused high interest among students. Furthermore, this event also served as practical experience for students studying in engineering fields.

The collaboration between D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University and the "Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve" of the East Kazakhstan Region's Department of Culture in providing additional, non-traditional education to students yielded high results and served as a model for the integration of non-formal education. We are confident that these events will continue in the future and help students achieve great success in any field.

Additionally, the university continuously organizes students' participation in other social and cultural events alongside the educational process. For example, club students attend performances and films related to the history of our country and the unique culture of our people at theaters and cinemas.

On November 17, 2022, students of the "Altyn Besik – Muзtau" local history club, together with the club leader, attended the play "A.L.Zh.I.R." performed at the East Kazakhstan Regional Drama Theater. This event introduced one of the most difficult periods in the history of the homeland and provided an opportunity to broaden knowledge on the subject. Taking students to the theater is of great importance because theater is a true environment for moral education and edification. A student who visits this sacred art center learns culture and sees life on stage. Moreover, collective theatrical activity has a holistic impact on a person's personality, is action-oriented, activates all their capabilities, contributes to the independent creative development of all leading mental processes, self-awareness, and self-expression. It creates conditions for the student's socialization, strengthens their adaptation abilities, and corrects communicative deviations. At East Kazakhstan Technical University, there are students participating in acting and stage skills clubs at the East Kazakhstan Regional Drama Theater.

Another form of non-formal education is taking students to screenings of domestic historical films. This is because, today, one of the educational models that promotes our nation, elevates our spirit, and strengthens our national confidence is the mass media. It is known that today's generation quickly absorbs any type of knowledge through media and mass media. Therefore, it is necessary to improve educational forms in new directions, update educational content, apply appropriate methods and techniques, and establish methodological foundations. Life experience proves that education is needed by every person throughout life. Furthermore, the use of advanced technologies is an important link in the renewal of education. Therefore, organizing students' attendance at films related to national history is also an important form of non-formal education. Such events are organized within the framework of the "Altyn Besik – Muзtau" historical and local history student club and are producing good results. Club members attended the film "Oyan, Kazakh!" based on domestic history. During the event, students gained information about difficult but important moments in our history, learned about outstanding historical figures of our country, and had the opportunity to increase their respect for them. The periods and themes depicted were analyzed with club students, and their opinions were heard. This event also contributed to strengthening the unity and solidarity of club members.

CONCLUSION

In conclusion, considering that the organization of non-formal education mentioned above is a requirement of the times, it can be seen that D. Serikbayev University is implementing these activities at a high level. In particular, it can be said that the university is conducting at a high level the ways of organizing non-formal education types aimed at the comprehensive formation and adaptation of engineering specialists. The examples given above are only information provided within the framework of one club. Within the university, it is necessary to mention many other courses, trainings, clubs, circles, short programs, master classes, seminars, online courses, and sports sections that organize various types of non-formal education and create significant conditions for training comprehensive, competitive specialists. These processes pay great attention to the development of students' creative abilities, formation of patriotic spirit, improvement of communicative skills, and preparation for professional activities. Non-formal education at EKTU is an integral part of the educational process and makes a significant contribution to training competitive specialists ready for successful careers and active civic positions.

REFERENCES

- Bentley, T. (1998). *Learning beyond the classroom: Education for a changing world*. Routledge.
- Brennan, M. (2023). Rear vision: Lessons from community education in the 80s. In B. Cleveland, S. Backhouse, P. Chandler, I. McShane, J. M. Clinton, & C. Newton (Eds.), *Schools as community hubs*. Springer.
- Charlir, D., Hall, S., & LaVelle, J. M. (2024). Learning from graduate students' non-formal evaluation experiences in university-based centers. *Evaluation and Program Planning*, 108, 102477. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2024.102477>
- Enguren, E., & Huseyinli, T. (2020). The moderating effect of student club membership on the relationship between career intention in the tourism sector and post-graduate employability anxiety. *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*, 27, 100265. <https://doi.org/10.1016/j.jhlste.2020.100265>
- Lischewski, J., Seeber, S., Wuttke, E., & Rosemann, T. (2020). What influences participation in non-formal and informal modes of continuous vocational education and training? An analysis of individual and institutional influencing factors. *Frontiers in Psychology*, 11, 534485. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.534485>
- McGregor, E. B. (1994). Economic development and public education: Strategies and standards. *Educational Policy*, 8(3), 252–271.
- Purwanti, I., & Widiastuti, I. (2015). Creative empowerment in non-formal education institution: Case study of education system in Rumah Musik Harry Roesli (RMHR). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 184, 63–70. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.05.054>
- Roy Terrazas, & Alvarado, B. (2021). Non-formal education as a foundation for active learning. In *Active Learning* (pp. 1–12). IntechOpen. <https://doi.org/10.5772/intechopen.96002>
- Simac, J., Marcus, R., & Harper, C. (2021). Does non-formal education have lasting effects? *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 51(5), 706–724. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1669011>
- Tang, X., & Zhang, D. (2020). How informal science learning experience influences students' science performance: A cross-cultural study based on PISA 2015. *International Journal of Science Education*, 42(4), 598–616. <https://doi.org/10.1080/09500693.2020.1719290>
- Akischeva, A. K., & Kenzhegulova, A. S. (2020). Sostoyanie i perspektivy razvitiya neformal'nogo obrazovaniya v Respublike Kazakhstan. *The Scientific Heritage*, 45. (In Russian)
- Biryukova, I. K. (2012). Neformal'noye obrazovaniye: ponyatiye i sushchnost'. *Izvestiya VGPU*, (10). (In Russian)
- Kicherova, M. N., & Muslimova, Y. O. (2020). Non-formal education at the present stage: Expert commentary. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 6(1), 64–85. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2020-6-1-64-85>

- Kulgildinova, T. A., Surova, D. S., & Sarsembayeva, A. A. (2024). *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy i prakticheskiye aspekty neformal'nogo obrazovaniya*. Monografiya. (In Russian)
- Non-formal education – Informal learning. (n.d.). *Informal Learning Encyclopedia*. <https://wikidkk.icu>
- Qazaqstan Respublikasy Bilim zhane gylm ministrinin buirygy. (2022). Qosymsha bilim beru sapasyn qamtamasyz etu jöindegі nusqaulыq. <https://arqa.agency> (In Kazakh)
- Sarsembayeva, A. A., Kalelova, I. M., & Uryustymova, A. I. (2024). *Neformal'noye obrazovaniye v akademicheskoy srede: Uchebnoye posobiye dlya prepodavateley i studentov*. VKTU. (In Kazakh)

Information about the author

Uryustymova Aizat Ishimbaevna – Senior Lecturer, master of Arts in Humanities, D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: aurustymova@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7189-1053>

Автор туралы мәліметтер

Урюстюмова Айзат Ишимбаевна – аға оқытушы, гуманитарлық ғылымдар магистрі, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: aurustymova@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7189-1053>

Сведения об авторе

Урюстюмова Айзат Ишимбаевна – старший преподаватель, магистр гуманитарных наук, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: aurustymova@edu.ektu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7189-1053>

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_12

МРНТИ 05.21.21

Сарсембаева Г.А. *

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Динамика численности и расселение казахов в начале XXI века (1999 – 2006 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены особенности динамики численности и расселения наиболее многочисленных этносов Казахстана в период с 1999 по 2006 гг. Особое внимание уделяется титульному населению. С обретением независимости республикой Казахстан казахи становятся государствообразующим этносом, что актуализирует изучение динамических изменений их численности, особенностей расселения. В представленной работе исследуются изменения численности казахского этноса в период 1999-2006 гг. В работе приводятся таблицы и графики, характеризующие динамику численности, расселение казаков и наиболее крупных этносов по районам Казахстана, а также по городам и селам. На основе анализа вышеназванных составляющих демографических процессов автор приходит к выводу, что на современном этапе отмечается стабилизация демографической ситуации, характеризующаяся доминированием эндогенного фактора в развитии населения. В сравнение с предыдущим периодом (1991 - 1999 гг.), численность всего населения республики, в том числе численность казахов, увеличивается. Методологической основой исследования явилась система методов. В работе были использованы основные общеисторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный. Отмеченные методы использовались во взаимосвязи с общенаучными методами – анализ, синтез, описание, объяснение. Наряду с этим, в статье были использованы статистические, демографические, математические методы. Результаты исследования могут быть использованы в научных работах по изучению демографических процессов казахского этноса в начале XXI века. Выводы работы могут быть использованы при подготовке к занятиям по демографии, истории, этнологии, политологии, социологии. Исследование может лечь в основу учебно-методических и практических пособий по вопросам демографии, истории, этнологии, политологии, социологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнос, население, численность, город, село, регион.**КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:** Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Сарсембаева, Г.А. (2026). Динамика численности и расселение казахов в начале XXI века (1999 – 2006 гг.). *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 197-205. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_12**История статьи:**

Получено: 14.04.2026

Принято: 01.06.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Сарсембаева Гульжан Алибековна, e-mail: Gulzhan1974@mail.ru

Сарсембаева Г.А. *

С. Аманжолов атындағы Шығыс-Қазақстан университеті, Өскемен қаласы, Қазақстан

XXI ғасырдың басындағы (1999-2006 жж.) қазақтардың саны мен қоныстануының динамикасы

АҢДАТПА. Мақалада 1999 және 2006 жылдар аралығындағы Қазақстанның неғұлым көпсанды этностарының сандық көрсеткіші мен қоныстануының ерекшеліктері қарастырылады. Басым келетін тұрғындары туралы мәліметтер ерекше ескеріледі. Қазақстан Республикасының тәуелсіздік алуымен қазақтар мемлекет құраушы этносқа айналды. Бұл олардың сандары мен есеп айырысу заңдылықтарының динамикалық өзгерістерін зерттеуді өзекті етеді. Ұсынылған жұмыс 1999-2006 жылдар аралығындағы қазақ этносының санындағы өзгерістерді зерттелуде. Бұл жұмыста Қазақстан аудандары, қалалары мен ауылдары бойынша қазақтар және неғұрлым ірі этностарының қоныстануы мен сандық көрсеткіштері сипаттайтын кестелер мен мәліметтер келтірілген. Жоғарыда келтірілген демографиялық үрдістерге жасалған анализ негізінде, автор қазіргі кезеңд тұрғылықты халықтың дамуына ықпал ететін эндогенді факторын сипаттайтын демографиялық жағдайлардың тұрақталғаны туралы қорытынды ойын білдіреді. Өткен кезеңмен салыстырғанда (1991-1999 жж.) республика халқының жалпы саны, оның ішінде қазақтар саны да өсуде. Зерттеудің әдіснамалық негізі әдістер жүйесі болды. Жұмыста негізгі жалпы тарихи әдістер қолданылды: тарихи-генетикалық, тарихи-салыстырмалы, тарихи-типологиялық, тарихи-жүйелік. Белгіленген әдістер жалпы ғылыми әдістермен – талдау, синтез, сипаттаумен бірге қолданылды. Сонымен қатар, мақалада статистикалық, демографиялық және математикалық әдістер қолданылды. Зерттеу нәтижелерін XXI ғасыр басындағы қазақ этносының демографиялық процестерін зерттеуге арналған ғылыми еңбектерде пайдалануға болады. Жұмыстың қорытындыларын демография, тарих, этнология, саясаттану, әлеуметтану сабақтарына дайындауда пайдалануға болады. Зерттеу демография, тарих, этнология, саясаттану және әлеуметтану бойынша оқу және практикалық құралдарына негіз бола алады.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: ұлт, халқы, саны, қала, ауыл, аймақ.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуде демеушілік қолдау болған жоқ (меншікті ресурстар)..

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Сарсембаева, Г.А. (2026). XXI ғасырдың басындағы (1999-2006) қазақтардың қоныстануы мен сандық көрсеткіштерінің динамикасы. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 197-205. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_12

* Хат-хабаршы авторы: Сарсембаева Гульжан Алибековна, e-mail: Gulzhan1974@mail.ru

Gulzhan A. Sarsembayeva *

East Kazakhstan University named S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

The population changes and the setting of the Kazakh nation at the beginning of the 21st century (1999-2006)

ABSTRACT. The given article is devoted to the features of the population changes and the setting of the most numerous nations of the Kazakhstan from 1999 to 2006. The special attention is given to the native-born population. With the independence of the Republic of Kazakhstan, Kazakhs become a state-forming ethnic group, which actualizes the study of dynamic changes in their numbers and settlement patterns. The presented work examines changes in the number of the Kazakh ethnic group in the period 1999-2006. There are tables and diagrams defining the population changes, the setting of the most numerous nations in Kazakhstan's regions, towns and villages. On the analysis of the above-named constituents of the demographic processes the author comes to a conclusion that nowadays we observe the stabilization of the demographic setting under the domination of the endogenous cause in the population's evolution. In comparison with the previous period (1991-1999), the total population of the republic, including the number of Kazakhs, is increasing. The methodological basis of the study was a system of methods. The main general historical methods were used in the work: historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, historical-systemic. The noted methods were used in conjunction with general scientific methods - analysis, synthesis, description, explanation. Along with this, statistical, demographic, and mathematical methods were used in the article. The results of the study can be used in scientific works on the study of demographic processes of the Kazakh ethnic group at the beginning of the 21st century. The findings of the work can be used in preparation for classes on demography, history, ethnology, political science, and sociology. The study can form the basis for teaching and practical manuals on issues of demography, history, ethnology, political science, and sociology.

KEYWORDS: ethnicity, population, number, city, village, region.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship (own resources).

FOR CITATION: Sarsembayeva, G.A. (2026). The population changes and the setting of the Kazakh nation at the beginning of the 21st century (1999-2006). *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 197-205. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_12

* Corresponding author: Sarsembayeva Gulzhan Alibekovna, e-mail: Gulzhan1974@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

В анализируемый время население республики все еще продолжает ощущать на себе последствия кризисных явлений в социально-экономическом развитии страны, обусловленные распадом СССР. Переходный период от социалистической к социально-рыночной модели развития, правовому государству и гражданскому обществу оказался исторически сложным этапом, который сопровождался экономическим кризисом, разрушением социальной сферы, трудностями создания новой рыночной инфраструктуры, изменением общественного сознания, широкомасштабной миграцией. Однако в рассматриваемое время наблюдается улучшение социально-экономической, политической, а значит и демографической ситуации в Казахстане. Отмечается увеличение численности населения республики, снижение миграционных оттоков их региона.

Целью статьи является обзор динамических изменений численности казахского этноса в период 1999-2006 гг. Для реализации цели были поставлены следующие задачи: анализ эволюций численности казахов и других наиболее многочисленных этносов страны; исследование расселения по городам и селам, по регионам в указанное время.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Статья написана на основе анализа статистического материала: переписей населения Казахстана, демографических ежегодников, других статистических сборников. В работе были использованы материалы научных статей и монографий казахстанских ученых по вопросам демографии и социологии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической основой статьи явилась система методов. В работе были использованы основные общеисторические методы: историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный. Отмеченные методы использовались во взаимосвязи с общенаучными методами – анализ, синтез, описание. Наряду с этим, были использованы методы демографического, статистического и математического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 2006 г. численность населения Казахстана составила 15219,3 тыс. человек, то есть в сравнении с 1999 г. она увеличилась на 1,8%. Данные таблицы 1 позволяют говорить о том, что рост численности населения республики обеспечивался в целом за счет титульного этноса, численность которого увеличилась на 11,6%, удельный вес поднялся на 5,2 пункта.

Тенденция уменьшения численности у таких этносов как русские, украинцы, белорусы и немцы, наметившаяся в предыдущий период (1989-1999 гг.), находит свое продолжение и в анализируемое время. Численность вышеупомянутых этносов, вместе взятых сократилась на 748,8 тыс. человек, удельный вес снизился на 5,7 пункта. При этом численность русских уменьшилась на 11,2%, украинцев – на 18,0%, белорусов – на 17,5%, немцев – на 40,0%. Уменьшение доли в составе всего населения у русских – на 3,9, украинцев – на 0,8, белорусов – на 0,1, немцев – на 0,9 пункта.

Исследуемый период отмечается увеличением численности узбеков на 15,7%, уйгур – на 8,1%, а также повышением их доли в составе населения республики на 0,3 и 0,1 пункта. У прочих этносов рост численности составил 1,3%, повышение удельного веса на 0,1 пункта.

Регионами сосредоточения титульного этноса по-прежнему, как и в предыдущие периоды, остаются Южный и Западный Казахстан. Ареалом расселения европейских этносов являются Восточный, Северный и Центральный экономические районы. Узбеки и уйгуры преимущественно проживают в Южном Казахстане.

Анализ динамики численности наиболее крупных этносов республики по регионам Казахстана позволяет сделать следующие выводы. Казахское население увеличивает численность и удельный вес по всем районам республики.

Таблица 1. Численность и этнический состав населения Казахстана
в 1999 – 2006 гг.

Этносы	1999 г. по итогам переписи		2006 г. на начало года	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Все население	14953,1	100	15219,3	100
Казахи	7985,0	53,4	8913,2	58,6
Русские	4479,6	30,0	3979,3	26,1
Украинцы	547,0	3,7	448,8	2,9
Белорусы	111,9	0,7	92,3	0,6
Немцы	353,4	2,4	222,7	1,5
Узбеки	370,7	2,5	428,9	2,8
Уйгуры	210,4	1,4	227,5	1,5
Другие	895,1	5,9	906,6	6,0

Примечание: составлено автором по данным «Национальный состав населения Республики Казахстан» (2000), «Демографический ежегодник регионов Казахстана» (2006)

В графике 1 приводятся данные по двум наиболее многочисленным этносам Казахстана – казахам и русским.

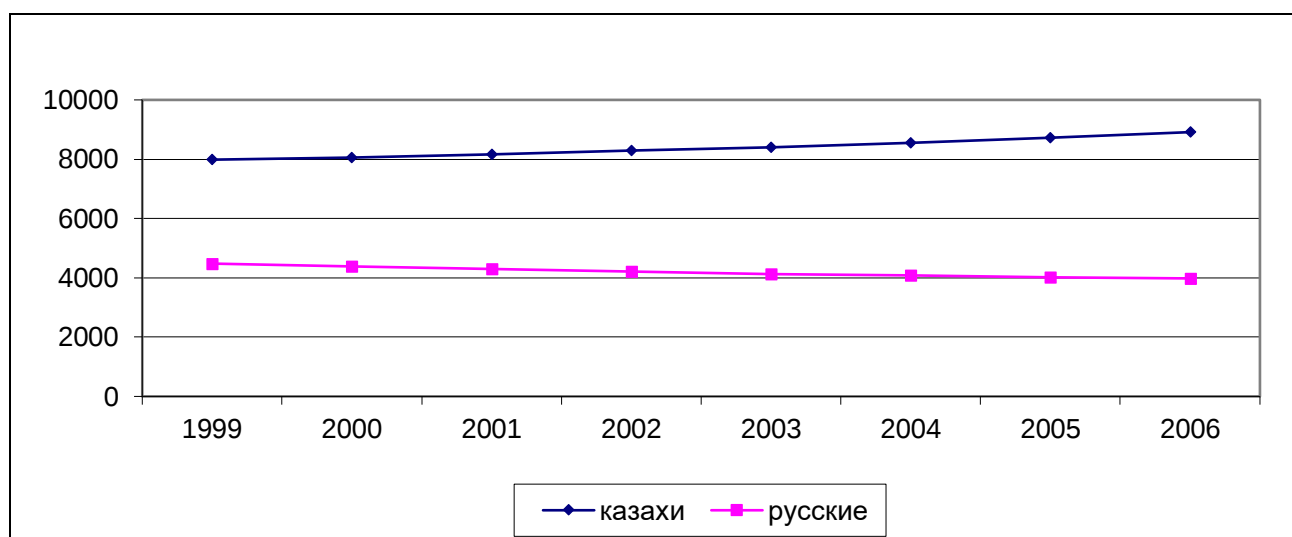

Рисунок 1. Динамика численности казахского и русского этносов в период 1999 – 2006 гг.,
тыс. человек

Примечание: составлено автором на основе («Национальный состав населения Республики Казахстан», 2000; «Демографический ежегодник регионов Казахстана», 2002; «Демографический ежегодник Казахстана», 2005; «Демографический ежегодник Казахстана», 2004; «Демографический ежегодник Казахстана», 2025)

Наибольший рост численности наблюдается в Западном (на 11,2%) и Южном (на 10,5%), наименьший – в Восточном (на 0,7%) экономических районах. Удельный вес титульного этноса в составе населения Южного Казахстана поднялся на 2,5, Западного – на 4,9 пункта. Увеличение доли казахов в составе населения Центрального (на 4,6), Северного (на 4,4) и Восточного (на 3,8 пункта) Казахстана в большей мере был следствием миграционного оттока из вышеназванных регионов республики некоренных этносов.

В исследуемый период отмечается сокращение численности и удельного веса европейских этносов по всем районам Казахстана. В Западном экономическом районе отмечается сокращение их численности на 21,0%, в Северном – на 19,8%, в Южном – на 16,5%, в Восточном – на 15,8%, в Центральном – на 15,1%. В Центральном и Северном

экономических районах численность уйгурского этноса незначительно сократилась (в сумме на 2,0 тысячи), в Восточном регионе осталась неизменной.

Отдельного рассмотрения заслуживают особенности динамики численности некоторых наиболее крупных этносов в городах Астана и Алматы, которые иллюстрирует таблица 2.

Таблица 2. Расселение этносов Казахстана в городах Астана и Алматы в 1999 – 2006 гг.

Города	1999 г. по итогам переписи		2006 г. на начало года	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
г. Астана	319,3	100	550,4	100
Казахи	133,6	41,8	323,0	58,7
Русские	129,5	40,6	158,3	28,8
Украинцы	18,1	5,7	19,3	3,5
Белорусы	5,8	1,8	5,6	1,0
Немцы	9,6	3,0	9,3	1,7
Узбеки	-	-	3,7	0,7
Уйгуры	-	-	-	-
Другие	22,7	7,1	31,2	5,6
г. Алматы	1129,4	100	1247,9	100
Казахи	434,4	38,5	579,8	46,5
Русские	510,4	45,2	466,9	37,4
Украинцы	22,8	2,0	18,6	1,5
Белорусы	3,4	0,3	2,9	0,2
Немцы	9,4	0,8	7,0	0,6
Узбеки	4,3	0,4	5,4	0,4
Уйгуры	60,4	5,3	71,4	5,7
Другие	84,3	7,5	95,9	7,7

Примечание: составлено автором по данным «Национальный состав населения Республики Казахстан» (2000), «Kazakhstan during the years of independence» (2021); «Employment in Kazakhstan» (2021); «World Population Ageing» (2021), «Human Development Report» (2021)

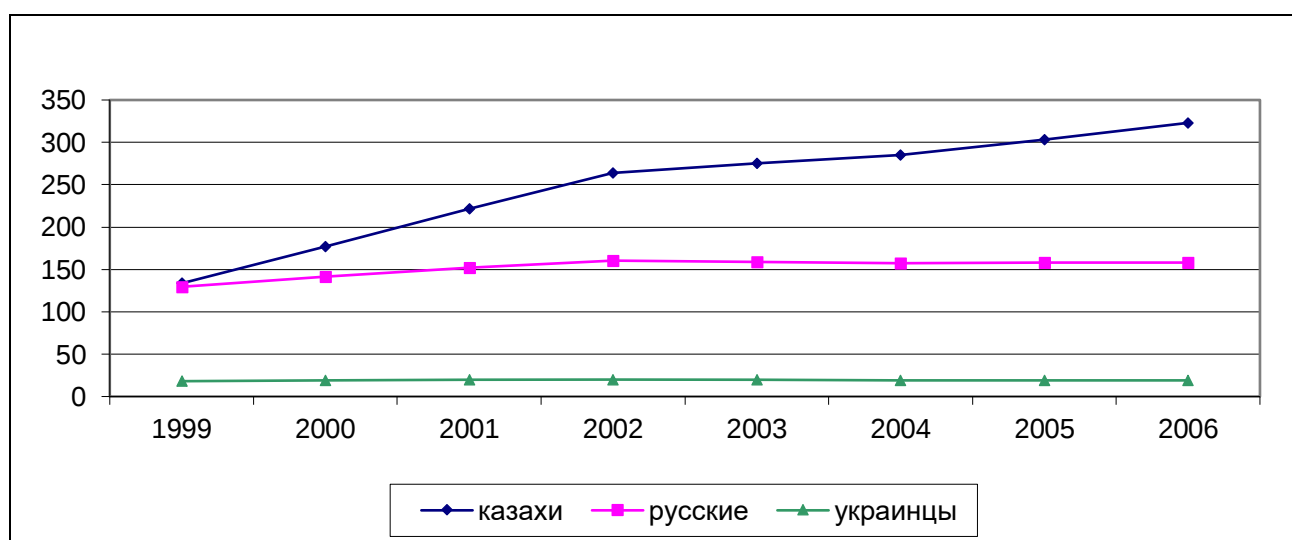

Рисунок 2. Динамика численности казахского, русского и украинского этносов в г. Астана в 1999 – 2006 гг., тыс. человек

Примечание: составлено автором на основе («Демографический ежегодник регионов Казахстана», 2006; «Демографический ежегодник Казахстана», 2005; «Итоги переписи», 2000; «Peoples of Kazakhstan», 2023; «Население Республики Казахстан», 2000)

Активизация в современное время миграционного потока в указанные городские поселения выявляет ряд проблем, с которыми сталкивается прибывшее население: востребованность на трудовом рынке, наличие жилищных условий и прочее. Всех переехавших в рассматриваемые города можно классифицировать по нескольким группам. Первую составляют межгородские мигранты. Как правило, данная категория прибывших имеет определенный материальный капитал и может претендовать на покупку благоустроенного жилья, включая так называемое элитное жилье, а также строительство благоустроенных домов и коттеджей. Вторую группу представляют преимущественно сельские мигранты, которые в силу низкого социально-экономического статуса довольствуются либо арендой жилья, либо проживают в построенных ими же домах на участках, где зачастую инфраструктура не до конца налажена. Лишь незначительная часть из них является пользователем вторичного рынка благоустроенного жилья («Реалии и прогнозы», 2025; Забирова, 2022).

Наличие в Казахстане только двух точек притяжения выступает свидетельством того, что остальные регионы республики в целом выглядят непривлекательными для мигрантов в плане их социальных, экономических и культурных притязаний. Большой поток мигрантов создает напряжение и конкуренцию на трудовом и жилищном рынке, из-за которой значительная часть переезжающих, особенно сельских, не имеет возможности для быстрой интеграции, в результате чего процесс урбанизации данной категории людей затягивается на долгие годы. Существует также угроза перенаселения рассматриваемых городов, возможности размещения на своей территории всех желающих, которых, рано или поздно иссякнут.

По данным таблицы 3 видно, что в исследуемый период происходит увеличение численности городского населения на 3,8%, повышение удельного веса в составе всего населения Казахстана – на 1,1 пункта.

Таблица 3. Расселение городского и сельского населения Казахстана по экономическим районам в 1999 – 2006 гг. (включая города Астана и Алматы)

Районы	1999 г. по итогам переписи		2006 г. на начало года	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Все население	14953,1	100	15219,3	100
городское	8377,3	56,0	8696,5	57,1
сельское	6575,8	44,0	6522,8	42,9
Южный Казахстан				
Все население	5121,9	100	5456,7	100
городское	2012,5	39,3	2191,1	40,2
сельское	3109,4	60,7	3265,6	59,8
Западный Казахстан				
Все население	2054,3	100	2142,8	100
городское	1138,4	55,4	1179,8	55,1
сельское	915,9	44,6	963,0	44,9
Центральный Казахстан				
Все население	1410,2	100	1334,4	100
городское	1158,9	82,2	1125,1	84,3
сельское	251,3	17,8	209,3	15,7
Северный Казахстан				
Все население	3387,0	100	3055,9	100
городское	1719,1	50,8	1551,4	50,8
сельское	1667,9	49,2	1504,5	49,2

Восточный Казахстан				
Все население	1531,0	100	1431,2	100
городское	899,7	58,8	850,8	59,4
сельское	631,3	41,2	850,4	40,6
г. Астана	319,3	100	550,4	100
г. Алматы	1129,4	100	1247,9	100
<i>Примечание: составлено автором по данным «Национальный состав населения Республики Казахстан» (2000), «Демографический ежегодник Казахстана» (2005), «Перепись населения» (2010)</i>				

Рассмотренные выше эволюции численности и расселения актуализируют вопросы изучения установок казахского населения на рождаемость. В ходе социологического исследования были изучены репродуктивные установки городских казахских женщин в современный период. Были исследованы установки женщин на число детей в семье, на многодетность, распределение ролей в семье и т.д. Анализ ответов участников интервью позволяет сделать вывод о набирающей силу трансформации репродуктивного поведения казахского этноса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ демографических процессов периода 1999-2006 гг. показывает, что в исследуемое время наблюдается увеличение численности тюркоязычных этносов, в особенности казахов. Так, отмечавшееся выше увеличение общей численности населения Казахстана на 266,2 тыс. человек, в целом было обусловлено ростом численности титульного этноса. Ареалом сосредоточения казахов продолжают оставаться Западный и Южный экономические районы, которые являются единственными в республике, где отмечается увеличение общей численности всего населения, причем как городского, так и сельского. Рост численности городских жителей в рассматриваемых районах говорит о том, что процессы урбанизации казахов, прослеживающиеся в предыдущие периоды, набирают силу. Коренное население, до недавнего времени традиционно занимавшее аграрную нишу, широко представлено теперь и в городах Казахстана.

Несмотря на сохраняющуюся тенденцию уменьшения численности европейских этносов, отмечается снижение их эмиграционной активности. В рассматриваемый период все большую актуальность приобретают не внешние, а внутренние миграции. Тенденции миграционного развития во внутриреспубликанских перемещениях приобретают общие для всех этносов черты. На смену этнической направленности миграционных процессов приходят социально-экономические мотивы. Важнейшим центром притяжения становится г. Астана, где отмечается увеличение численности не только титульного, но также русского и украинского этносов на 22,2% и 6,6%. Вышеизложенное говорит о том, что население Казахстана начинает формироваться на эндогенной основе, то есть становится независимым в демографическом плане. Это, по нашему мнению, является свидетельством того, что в исследуемый период демографическая ситуация в республике стабилизируется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н. (2023). *Региональные особенности репродуктивного поведения городских казахшек. Итоговый аналитический отчет по результатам социологического исследования (2021–2023 гг.)*. Алматы: ОО "Общество инвалидов "МЕЙІРІМДІ ЕЛ". <https://www.ektu.kz/dsr/publications/monographs/reproduktivnye-ustanovki-gorodskih-kazashkek.aspx>
- World Population Ageing 2019*. (2021). New York.
- Демографический ежегодник регионов Казахстана*. (2022). <https://stat.gov.kz/upload/iblock/8b4/amte2w23u52sjvyr5bzipag6igsp1safg/%D0%95-15->

- %D0%93%20(2018-2023)%20%D0%BA%D0%B0%D0%B7%20%D0%B8%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf
Демографический ежегодник Казахстана. (2024).
<https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=&name=16809&period>
Демографический ежегодник Казахстана. (2005).
<https://stat.gov.kz/upload/iblock/a45/2h021drzmdhjj9m5469ip17lb5xu3lfk/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA.pdf>
Демографический ежегодник Казахстана. (2025). <https://stat.gov.kz/ru/national/1999/>
Employment in Kazakhstan, 2016-2020. (2021). Istanbul.
 Забирова, А.Т. (2022). *Миграция казахов в Алматы и Астану: жилищные условия и занятость*. Астана.
Итоги переписи 1999. (2000).
https://books.google.kz/books/about/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81.html?id=uZEuAAAAMAJ&redir_esc=y
Kazakhstan during the years of independence. Information and analytical collection. (2021). Istanbul.
Население Республики Казахстан. (2000). <https://stat.gov.kz/ru/national/1999/>
Национальный состав населения Республики Казахстан. Население Республики Казахстан по национальностям и владению языками. (2000). <https://stat.gov.kz/ru/national/1999/>
Peoples of Kazakhstan 2003. (2023). New York.
Перепись населения 2010. (2010). <https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general/>
 Реалии и прогнозы демографического развития Евразийского пространства. (2024).
Материалы Международной научно-практической конференции, (с. 400-405). Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби.
Human Development Report 2020. (2021). UNDP.

Сведения об авторе

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: Gulzhan1974@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1371-1656>

Автор туралы мәліметтер

Сарсембаева Гульжан Алибековна – тарих ғылымдар кандидаты, С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: Gulzhan1974@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1371-1656>

Information about the author

Sarsembayeva Gulzhan Alibekovna – candidate of historical sciences, S. Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: Gulzhan1974@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1371-1656>

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Түпнұсқа мақала/Оригинальная статья/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_13

FTAXP 03.20

Айдарбаева Р.К. ¹, Джаксылыков А.Ф. ^{2*}¹С.Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті²Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан**Бұқтырма алқабының отарлануы**

АНДАТПА. Мақалада Қазақстандық Алтайдың негізгі бөлігін құрайтын Бұқтырма алқабының отарлануы және оның салдары мәселелері қарастырылған. Зерттеудің мақсаты мен міндеттері Бұқтырма өңірін отарлау мәселесі отандық тарихнамада әлі толық зерттелмеген тақырыптардың бірі болып табылады. Ресейлік зерттеушілер бұл проблеманы «Орыс әлемі» идеясы тұрғысынан бағалап, ерекше белсенділік танытуда. Осы жағдайда нақты тарихи деректерге сүйене отырып, қазақтардың Алтаймен байланысын, осы өңірдің отарлану ерекшеліктерін талдай отырып, Бұқтырма алқабы қазақтардың этникалық аумағының бір бөлігі болып табылатынын дәлелдейміз. Зерттеуде Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архиві мен Шығыс Қазақстан облыстық мемлекеттік Архивінің Алтай бөлімшесіндегі ізденіс жұмыстарының нәтижелері кеңінен қолданылған. Сонымен қатар аталған тақырыпқа қатысты әр жылдары жарық көрген құжаттар мен деректер пайдаланылған. Зерттеу барысында тарих ғылымында кеңінен тараған саралау, талдау, жүйелеу, салыстыру, әдістері қолданылды. Ұзақ уақыт бойы қазақтардың тарихы көршілес халықтардың, соның ішінде сібір түркілерінің тарихи тағдырынан тыс қарастырылып келді. Әр түрлі этнографиялық, археологиялық және фольклорлық деректерді салыстыра отырып, қазақтардың Алтаймен байланысы ұзақ уақыт үзілмегеніне көз жеткіземіз. Оңтүстік Алтайды алып жатқан Бұқтырма қазақтарының өміріндегі күрделі кезеңдердің бірі Ресейдің отаршылдық саясатының жүзеге асырылуымен байланысты. Алтай Тау-кен басқармасының иеліктерінің үнемі кеңейтіліп отыруы да жер мәселесін одан әрі ушықтырып жіберді. Осы кезеңде қазақтар жерлерінен айрылып, орыс қоныстанушыларының қысымына шыдамай, ата қоныстарын тастап, үдере көшуге мәжбүр болды. Қазақ руларының бір бөлігі Қытай аумағына кетуге мәжбүр болса, екінші бір бөлігі Таулы Алтайға қарай ығысуға мәжбүр болды. Мәжбүрлі көші-қон өте күрделі үрдіс екені белгілі. Бұл үрдіс Бұқтырма алқабындағы қазақ халқының басым бөлігінің шаруашылық құлдырауы мен кедейленуінің басты себептерінің бірі болып табылады.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: Ресей, Алтай Тау-кен басқармасы, отаршылдық саясат, көші-қон.**МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ:** Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.**ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС:** Зерттеуге демеушілік қолдау көрсетілмеді (жеке ресурстар).**ДӘЙКЕСӨЗ ҮШІН:** Айдарбаева, Р.К., Джаксылыков, А.Ф. (2026). Бұқтырма алқабының отарлануы. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 206-223. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_13**Мақала тарихы:**

Редакцияға түсті: 24.03.2026

Жариялау туралы шешім қабылданды: 29.05.2026

Жарияланды: 30.06.2026

* Хат-хабаршы авторы: Джаксылыков Амантай Фрунзевич, e-mail: nueman@mail.ru

Айдарбаева Р.К. ¹, Джаксылыков А.Ф. ^{2*}

¹ Восточно-Казахстанский Университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

² Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Колонизация Бухтарминской долины

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы колонизации Бухтарминской долины, составляющей основную часть Казахского Алтая, и ее последствия. Цель и задачи исследования. Вопрос колонизации Бухтарминского региона является одной из тем, которая еще не до конца не изучена в отечественной историографии. Особую активность проявляют российские исследователи, оценивая эту проблему с точки зрения идеи «Русского мира». В этой ситуации, основываясь на конкретных исторических данных, анализируя связь казахов с Алтаем, особенности колонизации этого региона, доказываем, что Бухтарминская долина является частью этнической территории казахов. В исследовании широко использованы результаты поисковых работ в Центральном государственном архиве Республики Казахстан и Алтайском филиале Восточно-Казахстанского областного государственного архива. Также были использованы документы и данные, опубликованные в разные годы. В ходе исследования были использованы широко распространенные в исторической науке методы анализа, систематизации, сравнения. Долгое время история казахов рассматривалась вне связи с историческими судьбами соседних народов, в том числе и сибирских тюрков. Сравнивая различные этнографические, археологические и фольклорные данные, мы убеждаемся, что связь казахов с Алтаем не прерывалось в течение длительного времени. Один из самых сложных этапов в жизни бухтарминских казахов связан с реализацией российской колониальной политики. Постоянное расширение владений Алтайского горного управления также усугубило земельный вопрос. В этот период казахи потеряли свои земли и, не выдержав давления русских поселенцев, были вынуждены покинуть родовые поселения и мигрировать в сопредельные территории. Часть казахского населения была вынуждена мигрировать на территорию Китая, другая часть была ушла в сторону Горного Алтая. Известно, что вынужденная миграция очень сложный процесс. Эта тенденция явилась одной из главных причин бедствия и распада хозяйства большей части казахского населения Бухтарминской долины

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Алтайское горное управление, колониальная политика, миграция.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Айдарбаева, Р.К., Джаксылыков, А.Ф. (2026). Колонизация Бухтарминской долины. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 206-223. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_13

* Автор-корреспондент: Джаксылыков Амантай Фрунзевич, e-mail: nueman@mail.ru

Raushan K. Aidarbayeva ¹, Amantai F. Dzhaksylykov ^{2*}

¹S. Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

²D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Colonization of the Bukhtarma Valley

ABSTRACT. The article discusses the issues of colonization of the Bukhtarma Valley, which makes up the main part of Kazakhstan's Altai, and its consequences. The purpose and objectives of the study. The issue of colonization of the Bukhtarian region is one of the topics that has not yet been fully studied in Russian historiography. Russian researchers are particularly active in assessing this problem from the point of view of the idea of the "Russian World". In this situation, based on specific historical data, analyzing the connection of the Kazakhs with Altai, the peculiarities of colonization of this region, we prove that the Bukhtarma valley is part of the ethnic territory of the Kazakhs. The results of search work in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and the Altai branch of the East Kazakhstan Regional State Archive are widely used in the study. Documents and data published in different years were also used. In the course of the research, the methods of analysis, systematization, and comparison widely used in historical science were used. For a long time, the history of the Kazakhs was considered out of connection with the historical destinies of neighboring peoples, including the Siberian Turks. Comparing various ethnographic, archaeological and folklore data, we are convinced that the Kazakhs' connection with Altai has not been interrupted for a long time. One of the most difficult stages in the life of Bukhtarma Kazakhs is associated with the implementation of the Russian colonial policy. The constant expansion of the Altai Mining Administration's holdings has also exacerbated the land issue. During this period, the Kazakhs lost their lands and, unable to withstand the pressure of Russian settlers, were forced to leave their ancestral settlements and migrate to neighboring territories. Part of the Kazakh population was forced to migrate to China, while the other part moved towards the Altai Mountains. Forced migration is known to be a very complex process. This trend was one of the main causes of the disaster and the collapse of the economy of the majority of the Kazakh population of the Bukhtarma valley.

KEYWORDS: Russia, Altai Mining Administration, colonial policy, migration.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Aidarbayeva, R.K., Dzhaksylykov, A.F. (2026). Colonization of the Bukhtarma Valley. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 206-223. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_13

* Corresponding author: Dzhaksylykov Amantai Frunzevich, e-mail: nueman@mail.ru

КІРІСПЕ

Біздің зерттеуіміздің нысаны Қазақстандық Алтайдың негізгі бөлігін құрайтын Бұқтырма алқабының отарлануы және оның салдары болып табылады. Бұл мәселе отандық тарихнамада әлі де болса толық зерттелмей келе жатқан тақырыптардың бірі. Керісінше, ресейлік зерттеушілер бұл тақырыпты өз назарларында жіті ұстап, «Орыс әлемі» идеясы тұрғысынан баға беріп келе жатыр. Оның саяси астары да бар. Соңғы кезде кейбір ресейлік саясаткерлер тарапынан еліміздің кейбір аумақтарына, соның ішінде шығыс аймақтарына көз алартушылық жиілеп кеткендігі ақиқат. Осындай жағдайда нақты тарихи деректерді негізге ала отырып қазақтардың Алтаймен байланысын, осы аймақты отарлаудың ерекшеліктерін талдау арқылы Бұқтырма аймағының қазақтың байырғы жері екендігін дәлелдейміз.

ӘДЕБИЕТТЕРГЕ ШОЛУ

Революцияға дейінгі орыс зерттеушілері маңызды үлес қосты. Куәгерлер бола отырып, қазақ даласында және оған іргелес аумақтарда болған оқиғаларды сипаттады. Ресейдің ғылыми қоғамдары мен орталықтарын білдіретін орыс зерттеушілерінің қызметі, ең алдымен, қазақ халқымен байланысты тарихи оқиғаларға қатысты мұрағаттық, археологиялық және лингвистикалық материалдарды терең зерттеумен сипатталды; тарихи деректерді жинау және сыни талдау әдістерін әзірлеу арқылы жүзеге асырылады. сонымен бірге революцияға дейінгі авторлардың көптеген шығармаларының кемшіліктерін атап өту қажет. өңірдің әлеуметтік-экономикалық тарихымен, демографиясымен және тарихи географиясымен тікелей байланысты бірқатар мәселелер оларда көрініс таппады: этникалық аумақты қалыптастыру және көрші халықтардың өзара байланыстары проблемалары зерттелмеді. Алтайдың зерттеушілерінің бірі капитан И.Г. Андреев (2007) болды. Білімі бойынша инженер, ол көпірлер салды, әскери бекіністердің картасын түсірді. Өзінің қызметтік міндеттерін ғылыми сабақтармен табысты ұштастырды. Оның еңбектерінен оған сол кездегі қазақ даласының, Сібірдің, көршілес елдердің халықтары туралы орыс тарихи-этнографиялық әдебиетінің барлығы дерлік белгілі болғаны көрінеді.

Қазақстанның отарлауы мен қоныс аудару саясатының алғышарттары мен салдары Е.Шмурло (1995), Т.Седельников (1907), Ф.Бабковтың (1912) еңбектерінде айқын көрініс тапты. Е.Шмурло мақаласында ресми құжаттар негізінде царизмнің отарлық саясатының мәні ашылып, өз жерлерінен күштеп айырылған және шектес аудандарға, оның ішінде Таулы Алтай аумағына қоныс аударуға мәжбүр болған Бұқтырма қазақтарының жағдайы егжей-тегжейлі сипатталған.

Сібір жергілікті халықтарының мәселелерін зерделеуге Н.М. Ядринцевтің (1882) еңбектері арналған. Деректі материалдар мен жеке бақылаулар негізінде ол Сібір халықтарының, оның ішінде қазақтардың тұрмысы мен жағдайын, олардың қоныс аударушы шаруалармен өзара қарым-қатынасын сипаттайды, царизмнің миссионерлік саясатының мәнін ашады.

Таулы Алтай аумағында тұратын қазақтар тобының бірі туралы толық мәліметтерді алғаш рет С.П. Швецов (1900) берді. Оның жұмысы алтайлықтар мен қазақтардың шаруашылықтары мен тұрмысын жан-жақты сипаттайды. Құнды этнографиялық материалдарды статистик және этнограф Ф.А. Щербина (1905) басқаратын экспедиция жинаған. Бұл зерттеуде Ертістің оң жағалауында қазақтардың қоныстануы туралы материалдар, Сібір аумағындағы қазақ руларының қозғалысы туралы тарихи мәліметтер үлкен маңызға ие болды.

Қазақстан тарихын жан-жақты және терең зерттеу кеңестік кезеңнен басталады. Жалпылама еңбектерде XVIII-XIX ғасырларда Сібір мен Алтай өңірінде болған тарихи оқиғалар жария етілді, Тарихи әдебиетте негізгі қоныстану аумағынан тыс, оның ішінде Таулы Алтай аумағында тұратын қазақ халқының түрлі топтарының этникалық даму проблемалары белгілі бір деңгейде жария етілді. Қазақтардың бұл тобына А.И. Самойлович (1930) арнайы тексеру жүргізді. Оның мақаласы қазақтардың Оңтүстік Алтайға қоныс аудару тарихына,

олардың генеологиясы мен тайпалық бөлінуіне, материалдық және рухани мәдениеттің кейбір компоненттерінің сипаттамасына арналған.

Құнды жұмыстардың бірі А.В. Коноваловты (1986) зерттеуі болып табылады, ол Таулы Алтайдың Қосағаш қазақтарының этнографиясына арналған. Алтайды мекендеген қазақ халқы туралы мәселені қарастыра отырып, біз Алтай түркілердің алтын бесігі екенін ұмытпауымыз керек. Мұнда тарих, мәдениет пен тілдің ортақтығымен біріктірілген тайпалар мен халықтар өмір сүрген. Көп жылдар бойы қазақтардың тарихы көршілес халықтардың, соның ішінде сібір түріктерінің тарихи тағдырларынан бөлек зерттелді. Осыған байланысты осы мәселелерді жеткілікті зерттемеген кәсіби тарихшылардың да кінәсін мойындау керек, өйткені идеологиялық инквизиция жағдайында пантүркизм мен панисламизмнен қорқу осы бағыттағы барлық әрекеттерге жол бермеді. Дегенмен, Алтайдың түркітілдес халықтарының басқа халықтармен, оның ішінде қазақтармен этногенетикалық және этномәдени байланыстары С.И. Руденконың (1953), С.М. Абрамзонның (1990), П.Л. Потаповтың (1949) жұмыстарында зерттелген. Бұл мәліметтер қазақтардың Алтаймен тарихи байланыстарының ежелгі тарихы бар екенін дәлелдейді.

Көтеріліп отырған мәселелерді шешуде М.С. Мұқановтың (1974), Н.А. Томиловтың (1992), К.А. Пищулинаның (1994) зерттеулері құнды үлес болып табылады. Н.В. Алексеенко (1966) өз еңбектерінде Алтай таулы округінің XVIII-XIX ғасырлардағы көпұлтты халқы мен сібір шаруалары, қазақтары мен казактарының өзара қарым-қатынасы мәселелерін қарастырды.

Соңғы жылдары Қазақстанмен шекаралас аймақтарды қоныстанған қазақ халқы туралы отандық тарихшылардың зерттеулері жарық көрді. Олардың қатарына Г. Меңдіқұлованың (2006), Р. Айдарбаеваның (2009) диссертациялық жұмыстарын атап өтуге болады.

Осы зерттеуге негіз болған мәселелер Ресей тарихшыларының да назарына тыс қалған жоқ. Олардың қатарында И.В. Октябрьская (2004), И. Анисимова (2004), Ю.А. Лысенколардың (2016) зерттеулерін атауға болады. Ресей және Қазақстан тарихшыларының арасында бітіспес дискуссия туғызып отырған мәселелердің бірі – отарлау саясаты. Ресей тарихшыларының бұл мәселе бойынша ортақ көзқарасы И. Анисимованың еңбектерінде көрініс тапқан. Ол орыс отарлау саясатын үзілді-кесілді мойындамай, царизмнің XVIII-XIX ғасырлардағы Қазақстан аумағындағы саясатын өркениет пен модернизация факторы тұрғысынан түсіндіруге тырысады. Сондай-ақ, Бұқтырма алқабына қазақ руларының орыс қоныстанушыларынан әлдеқайда ерте келіп орналасқанына қарамастан, «байырғы орыс жерлері» Қазақстанға өтіп кетті деген пікір білдіреді.

Қорытындылай келе, бірқатар жарияланған жұмыстар зерттелетін проблеманың кейбір жақтарын қамтығанын мойындаймыз. Дегенмен қазақ халқының Алтайдың осы бөлігін мекендеген тобы туралы әлі де болса толыққанды зерттеулер қажет. Ұсынылып отырған мақала осы олқылықтардың орнын толтыруға бағытталған қадамдардың бірі болып табылады.

МАТЕРИАЛДАР МЕН ӘДІСТЕР

Мақаланың деректігін негізін Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архивінің Дала генерал губернаторының кеңсесі № 64-қорының, Семей облыстық бақармасы № 15-қорының, Шығыс Қазақстан облыстық архивінің Алтай бөлімшесінің № 6-қорының құжаттары құрады. XX ғ. басында Ф. Щербина басшылығымен жүргізілген далалық облыстарды зерттеу экспедициясының қарастырылып отырған тақырыпқа қатысты материалдары мақаланың деректік негізін толықтыра түсті.

Қазақстан мен Ресей тарихшылары арасында отарлау саясатына байланысты бітіспес көзқарас бар екендігі мәлім. Мақалада нақты тарихи деректерге сүйене отырып патша өкіметінің отарлау саясатының мәнін ашуға талпыныс жасалды. Бұқтырма алқабының отарлану барысына талдау жасау нәтижесінде оның қазақ халқы үшін ауыр салдары ашып көрсетілді. Зерттеу барысында тарих ғылымында кеңінен тараған саралау, талдау, жүйелеу, салыстыру әдістері қолданылды.

НӘТИЖЕЛЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ТАЛҚЫЛАУ

Қазақтардың тарихы Алтаймен тығыз байланысты. Әр кезеңде бұл аумақты тарихы, мәдениеті, тілі ортақ тайпалар мен халықтар мекендеп келді. Ғалымдар түркітілдес халықтардың дамуының әртүрлі кезеңдеріндегі этномәдени байланыстарын зерттей отырып, ұлттық ерекшеліктермен қатар күнделікті тұрмыста, тіл мен мәдениетте, бүгінгі күні де байқалып келе жатқан сол қауымдастық белгілерінің терең тарихи тамырларының нақты бар екендігін дәлелдейді (Абрамзон, 1990, б. 45-46). Ұзақ уақыт бойы қазақтардың тарихы көршілес халықтардың, соның ішінде сібір түркілерінің тарихи тағдырынан тыс қарастырылылып келді. Сонымен қатар, оларды бір-біріне қарсы қойып, экономикалық және мәдени байланыстардың алуан түрлілігі Ресеймен қарым-қатынас шегінде ғана жасанды түрде шектеліп келді. Әр түрлі этнографиялық, археологиялық және фольклорлық деректерді салыстыра отырып, қазақтардың Алтаймен байланысы ұзақ уақыт үзілмегеніне көз жеткіземіз.

Қазақтардың Алтаймен байланысының терең тарихы бар, оның тамырлары сонау қола дәуірі, Андронов мәдениеті заманына кетеді. Археологиялық материалдар сол заман тайпалары мен қазіргі қазақтардың мәдениетінің арасында көптеген ұқсастықтар бар екендігін дәлелдейді (Муқанов, 1991, б. 3). Алтай тарихында ерте көшпенділердің негізгі өкілдері болып табылатын сақтардың үстемдік еткен кезеңі ерекше орын алады. Бақташылық және көшпелі мал шаруашылығына негізделген ортақ шаруашылық негіздің және табиғи шекаралары жоқ жалпы аумақтың болуы олардың арасында үздіксіз байланыс орнауына себепкер болып, мәдениеттеріне біртұтас көрініс берді.

Таулы Алтайды мекендеген тайпалардың этникалық шығу тегі С.П. Руденко «Таулы Алтай тұрғындарының физикалық типі қазіргі заманғы қазақтар мен қырғыздарға ең жақын» дейді (Руденко, 1953, б. 69). Бұл антропологиялық фактілер Алтай қорғандарында сонау өткен дәуірдің осы қазба мәдениеті мен Орталық Азия мен Сібірдің қазіргі халықтарының мәдениеті арасындағы күтпеген айқын және берік байланысты көрсететін заттардың табылуымен байланысты ерекше мәнге ие. Мысалы, Пазырықтың мұз камераларынан табылған киіз кілемдер қазіргі қырғыздардың, алтайлықтар мен қазақтардың ұқсас бұйымдарын безендіретін дәл осындай қисық өрнектермен қапталғаны анықталды (Народы Сибири, 1956, б. 130). Оңтүстік Сібірдің ерте көшпелілерімен шаруашылық пен материалдық мәдениеттің ортақтығы олардың кәсіптерінен, баспанасынан, тамақтарынан, киім-кешектері мен өнерінен көрінді (Потапов, 1949, б. 43, 46-51).

Алтайдың одан арғы тарихы көне түркілермен байланысты. Алтайдың түркілердің ата қонысы болғанын ұмытпауымыз керек. Дәл осы жерде түркі тілдес халықтардың тікелей ізашары мен ата-бабаларына айналған этносаяси бірлестіктер пайда болды. Түркі тілдес халықтардың дамуының әртүрлі кезеңдеріндегі олардың этномәдени байланыстарын зерттей отырып, ғалымдар күнделікті тұрмыста, тіл мен мәдениетте, халық шығармашылығында ұлттық сипаттармен қатар бүгінгі күнге дейін байқалып келе жатқан қауымдастықтың ерекшеліктерінің терең тарихи тамырының нақты бар екендігін дәлелдейді. Алтайлықтар, қазақтар мен қырғыздардың этникалық тарихын, материалдық және рухани мәдениетін салыстырмалы талдау осыған дәлел бола алады.

Алтайлықтар мен қазақтардың этногенетикалық байланыстары туралы мағлұматтар халық аузындағы аңыздарда да көрініс тапқан. Солардың бірінде, Белеуіт пен Телеуіт деген екі ағайындылардың ата-аналарынан айрылып, жетім қалғандығы туралы айтылады. Олардан мұраға бие мен мылтық қалады. Тайкескен Шұнақ деген жерде ата-ана мұрасын бөлу кезінде Белеуітке бие, ал Телеуітке мылтық бұйырады. Соңыра, аңызға сәйкес, Белеуіттен қазақтар, ал Телеуіттен алтайлықтар тараған. Сондықтан, қазақтар қымызды, алтайлықтар аңшылықты ұнатады-мыс (Потапов, 1969, б. 149).

Одан кейінгі бүкіл кезеңде қазақтардың Алтаймен байланысы үзілген жоқ. Жазба деректердің үзік-үзік болуы және археологиялық зерттеулердің әлсіздігі кейінгі ортағасырлық кезеңдегі қазақтардың Алтаймен байланысының тарихын қайта құруды қиындатады. Бірақ осыған қарамастан, әртүрлі дереккөздерді - фольклорлық, лингвистикалық, этнографиялық

және басқаларды - салыстыру осы кезеңде де қазақтардың ата-бабалары Алтайдың әртүрлі аудандарын мекендеуді жалғастырды деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Жағдай Алтаймен көршілес аймақта ойрат тайпаларының күшейіп, кейіннен Жоңғар хандығының пайда болуына байланысты күрт өзгере бастайды. Екі көшпелі мемлекеттің бақталастығы Алтай аумағының этникалық құрамына да өзгеріс әкелгені белгілі. Жоңғар әскерінің қысымына шыдамаған қазақ рулары өз ата қоныстарын тастап, батысқа қарай үдере көше бастайды. XVIII ғ. орта шеніне дейін бұл жерлер Жоңғар хандығының қол астында болғаны белгілі. Жоңғарлар жаулап алған соң бұл жерлерден қазақтардың барлығы батысқа қоныс аударып, көшіп кетті деу даусыз тұжырым емес сияқты. Жоңғар-қазақ қарым-қатынастарының күрделі болғаны сөзсіз, дегенмен, оларды тек әскери қатынастар шеңберімен ғана шектеуге болмайды. Олардың арасында қысқа уақыттық болса да бейбіт, сауда қатынастары мен өзара одақ кезеңдері де болғанын естен шығармауымыз керек. Осындай кезеңдерде ауылы аралас, қойы қоралас өмір сүрген кездері де болған. Сөзіміз дәлелді болу үшін тағы бір-екі мысал келтіре кетейік. Мысалы, белгілі ғалым М. Мұқанов алтай қазақтарының басым бөлігін құрайтын наймандардың түркі тектілігі туралы теорияны қолдай отырып, олардың бір бөлігінің бірнеше ғасыр бойы моңғолдар қоластында болса да (алғашында Шыңғыс хан мемлекеті, кейіннен Жоңғар хандығы құрамында), өздерінің тілін, дінін, әдет-ғұрпын сақтап қалғандығын тілге тиек етеді (Муканов, 1974, б.40). Келесі бір дерек бойынша, XVII ғ. соңы – XVIII ғ. басында төлеңгіттердің бір бөлігін жоңғарлар солтүстіктен оңтүстік Алтайға – Бұқтырма өңіріне – Бұқтырма және Уба өзендерінің алқабына - қоныс аудартып, ол жерлерде төлеңгіттер мен қазақтардың жайылымдары аралас-құралас (черезполосица) орналасқаны туралы айтылады (Пищулина, 1992, б.112).

Келтірілген деректер негізінде XVIII ғ. басында қазақтардың бір бөлігі әлі де болса Алтайдың оңтүстік бөлігі – Бұқтырма алқабын мекендегеніне көз жеткізуге болады. Кейбір орыс зерттеушілерінің Алтайды «иесіз жатқан бос жерлер» деп атауының негізсіз екендігі, бұл аймақты қазақтар, төлеңгіттер және басқа алтайлық көшпелі тайпалардың жыл мезгілдеріне сәйкес циклдік көшпеліліктің белгілі бір кезеңінде маусымдық жайылымдар ретінде пайдаланғаны белгілі.

Сонымен бірге, XVIII ғасырдың бас кезінде жекелеген қазақ руларының Ертіс өзенінің орта ағысына іргелес жерлерге көшуі де байқалды. Қазақтардың бұл қозғалыстары туралы құнды мәліметтерді статист Ф. Щербина басқарған экспедиция материалдарынан табуға болады. Олар Уактың екі ұрпағы алдымен Ертістің оң жағалауына қалай ауысқаны, содан кейін бірнеше жылдан кейін Батыс Алтай аймағына қоныс аударғаны туралы хабарлайды (Материалы..., 1903, б.7).

Алтайдың кен байлығы ертеден Ресей отаршыларының да қызығушылығын тудырды. XVIII ғасырдың басында Ресей мемлекеті өз тарихының ең қиын кезеңдерінің бірін бастан өткерді. Елдің экономикалық бірігуінің аяқталуы, мануфактуралық өндірістің басталуы Ресейдің салыстырмалы артта қалуынан шығуға объективті мүмкіндіктер туғызды, 1 Петр реформаларының табысты болуын қамтамасыз етті. Ақсүйектердің едәуір бөлігінің және өсіп келе жатқан сауда-өнеркәсіп буржуазиясының мүддесі үшін мемлекеттік аппаратты қайта құру жүргізілді, өнеркәсіп пен сауданы дамыту көтермеленді. Ақсүйектер мен көпестердің мүддесіне сай 1 Петр үкіметі жер иеліктерін кеңейтуге, ашық теңіздерге шығатын жолдарды жаулап алуға бағытталған сыртқы саясатты жүргізген болатын. Шығыс және Батыс елдерімен қауіпсіз сауданы қамтамасыз ету е басты міндеттердің бірі болды. Сол кездегі царизмнің сыртқы саясатының негізгі бағыты Балтық жағалауы мен Қара теңіз жағалауы үшін күрес болды. Алайда, сонымен бір мезгілде, анағұрлым аз дәрежеде болса да, оның Шығыстағы саясаты да жандана түсті. Оңтүстік Сібір, оның ішінде Алтай аумағы да күшейтілген отарлау объектісіне айналды.

Бұл бағыттағы ілгерілеу бірнеше факторларға байланысты болды. Бірінші кезекте, бұл Ресейдің аумақтық иелігін едәуір кеңейтуді қамтамасыз етті. Сондай-ақ Қытаймен және Үндістанмен сауда байланыстарын жеңілдетті. Ең бастысы - Алтайда полиметалл кендерінің табылуы болды. Дәл осы фактор царизмнің осы өлкені отарлауға ерекше қызығушылығын

тудырды. "Орыс мемлекеті... XVII және XVIII ғасырлардың тұсында... өзінің әскери және қаржылық қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін металдарға деген ерекше қажеттілікті сезінді", - деп жазды С.В. Бахрушин (Бахрушин, 1955, б.172) Бұл Ресей үкіметінің Алтай мен Ертіс маңы аудандарында өз билігін таратуға деген табанды ұмтылысын түсіндіреді. Алайда, бұл үшін қолайлы жағдайлар бірден қалыптасқан жоқ. Ең басты кедергі жоңғар билеуші топтарының қарсылығы болды.

Көп ұзамай Алтайдағы жағдай өзгерді. Жоңғар-қытай қарым-қатынастарының шиеленісуі ойраттардың назарын Алтайдан біраз уақыт басқа жаққа аударды. Бұл жағдай Алтайда отаршылдық саясаттың жандануына алып келді. Отарлаудың осы кезеңінде шешуші рөл әскери отрядтарға берілді (Казахстанская правда, 1990). Бұл әскери жасақтар редут-бекіністер, қоныстар мен қалаларды құрды. Жоңғарлармен ұзаққа созылған соғыспен айналысқан қазақтар Ертістің оң жағалауындағы олардың құрылысына кедергі келтірмеді.

XVIII ғ. орта шенінде, яғни 1758 ж. Жоңғар хандығының жойылуы аймақта үлкен өзгерістерге жол ашты. Цинь үкіметі өзін Жоңғария мемлекетінің мұрагері екендігін жариялап, қытай әскерлері жаңа шекара шебіне орналыстырыла бастады. Абылай ханның басшылығымен кезінде өз мекендерін тастап, батысқа ауған қазақ руларының бір бөлігі атақонысқа оралды. Әрине, Цинь үкіметі қазақтардың бұл көші-қонына тосқауыл қоюға тырысты. Император Цянь Лунь мен Абылай хан арасындағы хат алмасу соған дәлел бола алады. Алайда, қазақ руларының ғасырлар бойы қалыптасқан Алтай, Тарбағатай өңірлеріндегі жайылымдарына көшіп-қону үрдісін тоқтатуға мүмкіндігі жоқ еді. Сондықтан 1767 ж. Қытай үкіметі әр жүз бас малдан бір бас салық төлеп тұрған жағдайда бұл жерлерді қазақтардың «уақытша» пайдалануына беруге келісім береді.

Ертістен шығысқа қарай аймақты мекендеген Қаратай-Дәулет руларын басқарған белгілі Мәметек бай мен оның ұрпақтары орыс бодандығын қабылдағанға дейін билікті өз қолдарынан шығармады және Қытай императорына төленетін алымды реттеп отырды. Қаратай-Дәулет рулары жылына 10 бас жылқы төлеп тұруға міндеттелді (Материалы..., 1909: 5). Сонымен қатар қазақтар қытайларды олардың пикеттері арасында жүріп-тұруы үшін мініс аттармен қамтамасыз етіп отыруға келісті. Қазақтар мен Қытай үкіметі арасындағы материалдық қатынастар тек осымен шектеліп қалған болатын.

XVIII ғ. алғашқы ширегінде Алтайға табан тіреген орыс кәсіпкері А. Демидов Колыван заводы мен Змеиногор кенішінің негізін қалаған еді. Демидов қайтыс болған соң 1745 жылы Алтай патша отбасының иелігіне өтсе, зауыттар мен кеніштер Министрлер Кабинетінің меншігіне өтіп, ендігі жерде Алтай тау округі деп атала бастады.

Алтай тау округінің шекаралары XIX ғасырдың соңына дейін белгісіз болды. Тау-кен өндірісін кеңейте отырып, отарлаушылар жаңадан ашылған кен орындары есебінен округтің аумағын толассыз кеңейтіп отырды. Олардың бұл әрекеттерінен ең алдымен жергілікті халықтар, соның ішінде Алтай қазақтары да жапа шекті. Тау-кен зауыты басшылары қазақтарды өз жерлерінен ығыстырып шығаруды өздеріне мақсат етіп қойды. Реформаға дейінгі кезеңде тау-кен зауыты билігі Батыс Сібір генерал-губернаторлығына қазақтарды Алтай таулы округінің жерлерінен алып тастауды талап етіп жан-жақты қысым көрсетіп отырды. Қазақтарды өз мекендерінен аластату мәселелерімен айналыса отырып, Алтай тау-кен басқармасы олардың негізгі қоныстанған аудандарын айқындады. Тау-кен зауыты басшыларының 1852 жылғы 26 қаңтардағы хабарламаларына сәйкес қазақтар, негізінен, Бұқтырма, Уба болыстарының барлық шаруалар деревняларының жанындағы аймақтарды мекендеген.

Алтай тау округінің басқармасы қазақ ауылдары мен орыс деревняларының көршілес болуын шаруалардың әл-ауқатына да, зауыттар мен кеніштердің қызметіне де зиянды деп тапты. Олардың пайымдауынша, қазақтар «шаруалар мен зауыт тұрғындарына қысым көрсетіп, кендерді кеніштерден зауыттарға тасымалдауға кедергі келтіреді». Сонымен қатар, қазақтардың малдары жайылымдарды таптап, кен тасымалдаушылардың көліктеріне жем-шөп тапшылығы туындатып отыр, соның салдарынан кен тасымалдау жоспарлары орындалмай жатыр деп шағымданады.

Тау-кен басқармасы халықтар арасына іріткі салып, бір-біріне қарсы айдап салу сияқты құйтырқы әрекеттерден де бас тартқан жоқ. Орыс шаруалары мен қазақтар арасында ешқандай іскерлік байланыс жоқ, тек өзара араздық ғана барын дәлелдеуге тырысты. Алайда арнайы жүргізілген тексеру барысында оның бәрі жоққа шығарылды. Керісінше, орыс шаруалары өздерінің зауыттарға тіркелген соң өз шарушылықтарында жұмыс істеу мүмкіншіліктерінің шектелгеніне шағымданып, «тек қазақтардың көмегімен ғана егімізді салып, жинап алып отырмыз» дегенді алға тартады. Қазақ және орыс шаруаларының арасындағы іскерлік қарым-қатынасы айырбас саудада да көрініс тапты. Олар малдарын негізінен астыққа, металл бұйымдарына және арзан маталарға айырбастап отырды.

Жергілікті халық пен орыс шаруаларының көршілестігі мен қарым-қатынасы қазақ шаруашылығы үшін із-түзсіз өтпеді. Қазақтар біртіндеп орыс шаруаларының егіншілік дағдыларын игеріп, отырықшы өмірге үйрене бастады. Би округінің аумағында ұзақ уақыт өмір сүрген қазақтар шаруалардың отырықшы өмірінің әдет-ғұрыптарына үйренгендерін хабарлап, Қара Ануй өзенінің маңындағы бос жерлерде өз ауылдарын ұйымдастыруға рұқсат сұрайды. Қазақтармен күнделікті қарым-қатынас орыс шаруалары үшін де із-түзсіз болған жоқ. Бұл туралы Сібір әкімшілігінің құжаттарында және тарихи әдебиеттерде атап өтілген. Мысалы, Ядринцев Шығыстағы орыстардың жергілікті халықтардың мәдениетін, салт-дәстүрін, тілдерін қабылдап, өзара әрекеттесуі сөзсіз факт деп мәлімдейді (Ядринцев, 1882, б.32).

Орыс шаруалары қазақтың тілін меңгеріп, олардың мал шаруашылығын жүргізудегі тәжірибесін игерді. Орыс және қазақ халқының өзара ықпалы олардың материалдық мәдениетінде де көрініс тапты. Казак станицаларының аулаларында киіз үйлерді жиі кездестіруге болатын. Шаруалардың жергілікті табиғи жағдайға бейімделген қазақы киімдерді киюі де жиі кездесетін. Өз кезегінде қазақ халқы арасында орыс маталары мен металл бұйымдарына сұраныс артты. Осылайша, патша үкіметінің көзқарастарына қайшы келетін қазақ пен орыс халқының қарым-қатынасы қалыптасты.

Дегенмен Алтай тау округінің басшылығы қазақтарды толықтай ығыстырып шығару саясатынан бас тартқан жоқ. Бұл қазақтар алдын-ала жазғы жайылым мен қысқы тұрақтармен алдын-ала қамтамасыз етілмесе олардың экономикалық күйреуге ұшырауы мүмкін екендігі айдан анық еді. Жергілікті халықтың жағдайымен етене таныс Семей облыстық әкімшілігі мұндай шұғыл қадамдарға барудың қаншалықты қауіпті екендігін талай рет ескерткен де болатын. Алайда Алтай тау округінің басшылығы алдына қойған мақсаттарынан бас тартпады. Қазақтардың Алтай жерінен күштеп ығыстыру саясаты жалғаса берді (ҚРОМА).

Жағдай XIX ғ. 60 жылдарының аяғына қарай күрт өзгеріп кетті. Бұл кезде бүкіл қазақ жері Ресей құрамына еніп, оның отарына айналған еді. Осыған байланысты Ресей өз билігін нығайтуға бағытталған әртүрлі әкімшілік қайта құруларды жүзеге асырып, отарлау саясатын күшейтті.

Ресейдің оңтүстік Алтайды отарлау ерекшеліктерін Бұқтырма алқабы қазақтарының тарихы негізінде айқын ашып көрсетуге болады. Бұқтырма басын Алтайдан алып, Ертіске құятын өзен, ұзындығы 336 шақырым. Осы өлкедегі қазақтардың тілін зерттеуші Ж. Болатов өзен атауы анықтама беріп кеткен еді. Оның пікірінше, ағысы қатты, асау, тау өзені болғандықтан түсіп кеткен нәрсені, мейлі ол мал болсын, адам болсын, қайта тұруға шамасын келтірмей, тастан тасқа соғып, бұқтырып әкетеді. Бұқтырма өзені жағасында суға кетудің салдарынан адам, мал шығыны жиі болады. Сондықтан халық оны Бұқтырма деп атап кеткен екен.

Бұқтырма алқабы 12 660 шаршы шақырымды алып жатқан, аса шүйгін жайылымдар мен шабындықтарға бай, құнарлы топырақты аймақ. Мал шаруашылығы және егіншілікпен айналысуға аса қолайлы болып келеді. Қос қапталынан тау жоталарымен қоршалған, табиғаты аса көркем аймақ Алтай тауларын ертеден мекендеген тайпалар мен халықтардың ортақ мекені болып келген еді.

Бұқтырма алқабы қазақтарының ресей бодандығын қабылдауы XIX ғасырдың 60-70-жылдары жүзеге асты. Қаратай-Дәулет рулары орыс бодандығын қабылдағаннан кейін

Шыңғыстай және Үркер болыстарына бірігеді. XIX ғасырдың 70-жылдарының басында олардан Өтей руы бөлініп шығып жеке Күршім болысын құрайды. 1872-1873 жылдары Андағұл, Бура, Жәрімбет, Мұнайтпас, Шеруші рулары да бөлініп шығып, Нарым болысына бірігеді (Материалы..., 1909, б.5). Кейінірек бұл болыстардың құрамы жаңадан көшіп келген рулармен толығып, олардың қатарына Сарғалдақ, Шоңмұрын, Кәлім және тағы басқа рулар енеді. Кейін келген рулар Бұқтырманың жоғарғы ағысындағы жерлерге орналастырыла бастады. Аталған жерлерде олардың қыстаулары орналасқан болса, жазғы айларын олар Бұқтырманың оң жағалауында орналасқан кең байтақ шүйгін жайылымды Шабанбай жайлауларында өткізетін болған.

XIX ғасырдың 60-жылдары басталған орыс отарлау саясатының Бұқтырма қазақтары үшін ауыр салдары болды. Топографиялық жағдайлары және географиялық ерекшеліктеріне байланысты Бұқтырма алқабын отарлау біртіндеп өзен бойымен батыстан шығысқа қарай жүргізілді. Алғашында Бұқтырма алқабының тек төменгі сағасы басып алынды. 1864 жылға дейін Бұқтырма өзені бойымен Ресей мен Қытай арасындағы шекара белгіленген болса, Шәуешек шартына қол қойылғаннан кейін өзеннің сол жағалауы да Ресей бақылауын берілген болатын. Жалпы осы келісім бойынша Ресей құрамына 64 000 халық тұратын 25 960 шаршы километр жер кірді. Шекара географиялық белгілер бойынша анықталды. Екі жақ та аталған жерлерде өмір сүріп жатқан жергілікті тұрғындар – қазақтардың пікірін ескеру, мүддесін қорғау артық деп тапты. Нәтижесінде қандас туыстар шекараның екі жағында қалды. Ал, Бұқтырма қазақтары болса екі империя арасындағы келісімдерге қарамастан өзеннің екі жағалауын да өздерінің атамекені санап келді.

Жер мәселесі жөнінде қазақтар мен орыс әкімшілік органдары арасында қақтығыстардың осы кезден бастап жиілеп кеткенін атап өткен жөн. Солардың бірі Шәуешек келісіміне қол қоярдан сәл ғана бұрын орын алған болатын. Бұл оқиға былай болған еді. 1863 ж. 26 наурызында Батыс Сібір генерал-губернаторы Дюгамель өз жарлығымен Ресей бодандығын қабылдамаған қазақтарды Бұқтырманың оң жағалауы мен Берел өзендері сағасынан ығыстырып, қытай қарауылдары жағына шығару керек деп бұйырады. Өйткені, олар «біздің келісімізсіз *«атам заманнан орыстарға тиесілі жерлерге»* өз еріктерімен қоныстанып алған және орыс шаруаларының аң аулауына кедергі келтіріп отыр» деп түсіндіреді. Қазақтар бұл жерлерді «өз еріктерімен басып алды» деген сөздердің негізсіздігі айдан анық еді. Өйткені, олар Бұқтырма өңірінде бұл жерге алғашқы орыс қоныс аударушылары келерден әлдеқайда бұрын мекен еткен болатын.

Біраз уақыттан кейін, яғни сол жылдың 31 мамырында Семей губернаторы Панов жарлықтың жүзеге асырылғандығын айта келе, Бұқтырманың оң жағалауында Қаратай мен Самай руларының тек 5 ауылы ғана қалды, қалғаны өзеннің екінші жағалауына ығыстырылып шығарылды деп хабарлайды (ҚРОМА).

Қоныстарынан айрылған қазақтардың жағдайы тым ауыр еді. Оны Қытайдың Қобда ауданы басшысының (Хобой-Амбань) 1866 ж. 24- қыркүйегінде Пекин үкіметіне хабарынан білуге болады. Шыңғыстай пикетінің басшысы Дәшаньның хабарына қарағанда орыстардың қарулы отрядтары бұрыннан Бұқтырманың оң жағалауын мекендеп келген қазақтарды сол жағалауға қуып тастаған. Өз қоныстарынан айрылған қазақтарды әр жерлерге бөліп-бөліп орналастырған болдық. Орыс офицеріне шекаралық белгілер қойылғанға дейін бұл қазақтарды өз мекендерінде қалдыру керектігін түсіндірмек болған әрекетіміз нәтижесіз болды деп хабарлайды. Жайылымдардың тарлығынан рулар арасында қақтығыстар туу қаупі бар екендігін ескертеді. Бұқтырманың ар жағынан келген бір мыңға жуық қазақтың жағдайы тым ауыр. Сондықтан Пекиндегі орыс елшісі арқылы Батыс Сібір генерал губернаторымен байланысып, бұл мәселенің шешу керек деген ұсыныс жасайды (ҚРОМА).

Осы хабарды ала салысымен Пекин үкіметі 27 қыркүйекте орыс елшісі Влангалимен байланысып, жағдаймен таныстырады және шекара белгілері нақты қойылғанға дейін жергілікті халықты орнына қозғамау туралы өтініш білдіреді. Бұл мәселеге ерекше мән берілуінің тағы бір себебі бар еді. Ол сол кезде Батыс Қытайда орын алған халық көтерілістеріне байланысты болатын. Көтеріліс салдарынан мыңдаған адам босқыншылыққа

ұшырап отырған кезде, қазақтарды өз мекендерінен күштеп қуып шығу шекарадағы ауыр жағдайды сөзсіз одан әрі шиеленістіріп жіберетін еді. Дәл осы кезде өз мекендерінен қуылып шығарылған қазақтардың жағдайының тым ауыр болғаны айтпаса да түсінікті. Қалыптасқан жағдаймен таныса келе, оны одан әрі ушықтырып алмас үшін Семей губернаторының 1867 ж. 14 қаңтарындағы шешімімен аталған қазақтардың өз қонысына «уақытша» қайтып келуіне рұқсат беріледі. Қазақтар арасына арнайы жіберілген Көкпекті приказының тілмашы Черкашин, олардан бұл жерлерге тек уақытша ғана орналастырылғандығы туралы қолхат алады (ҚРОМА).

Сонымен бұл жолы қазақтар өз жерлерін сақтап қалуға мүмкіндік алады. Алайда, көп уақыт өтпей-ақ жер тартып алу үрдісі қайтадан жалғасып, ұзақ уақытқа созылды. Әсіресе, Бұқтырманың оң жағалауының Кабинет меншігіне берілуі жағдайды одан әрі ауырлатып жіберді. Алтай Тау-кен Басқармасының жер мәселесі жөніндегі көзқарасы өте қатал еді. Алтай округі құрылғаннан бастап, оның аумағы үздіксіз кеңейтіліп отырды. Ресей заңдарына сәйкес пайдалы кен қорлары табылған жерлердің бәрі Алтай Тау-кен округінің (кабинет меншігіндегі) меншігі болып табылды. Бұл үрдіс XIX ғ. бірінші жартысынан бастап-ақ жүзеге асырылғанымен, алғашқы кезде Бұқтырма қазақтарына әсері ондай қатты емес еді. Ғасырдың орта шеніне қарай жағдай күрт өзгеріп кетті.

Ал бұл кезде Бұқтырма алқабын орыстардың отарлауы одан әрі күшейіп, соның салдарынан жергілікті халық пен келімсектер арасындағы қарым-қатынас күннен күнге ушыға бастайды. Оған қазақтардың әр түрлі билік органдарына жіберілген шағым хаттары айғақ бола алады.

1866 жылы, негізінен, Том губерниясынан, сонымен қатар, Ресейдің ішкі губернияларын шыққан алғашқы орыс шаруалары Бұқтырманың сол сағасы болып табылатын Терісбұлақ өзені бойында қазақтардың шабындықтарын шауып, егістік жерлерді жыртып, омарталарын қойып, үй-жайларын сала бастайды. Осыған байланысты Қаратай елінің билері мен құрметті қазақтары Ергенекті-Найман болысының сұлтаны Майлыхан Нуралыұлына арнайы шағым хат түсіреді. Өз шағымдарында олар арғы аталарының төрт буынынан бері Бұқтырманың жоғарғы ағысынан Шыңғыстай сайына дейінгі жерлерде қыстаулары, Шабанбай тауларында жайлаулары боғандығын атап өтеді. Осы уақытқа дейін не орыс, не қытай тарапынан еш қысым болмай, олардың бұл жерлерге таласы жоқ боған болса, ендігі жерде жағдайларының қиындап кетуі орыстардың еш ескертусіз қазақ жерлеріне емін-еркін қоныстанып, үйлерін сала бастауымен байланыстырады (ҚРОМА).

Орыс қоныстанушылары алғашқы кезден өздерін осы жерлердің толық қожайыны сияқты әрекет ете бастайды. Олар қазақтардың үйін өртеп, Қаратау сайындағы бірнеше қыстауларын жойып жібереді. Орыс шаруаларының қарулы қысымына шыдамаған Белқарағай мен Күлмес мерген сайларын мекендеген 500-ге жуық қазақ отбасы Қытай иелігіндегі Үкөк үстіртіне кетуге мәжбүр болады (ҚРОМА).

Таулы Алтайдың Шүй алқабына келіп орналасқан қазақтар туралы алғашқы деректерді белгілі ғалым В.В. Радлов еңбектерінен кездестіреміз. 1870 ж. Шүй даласына саяхаты кезінде жазылған күнделігінде Бұқтырма қазақтарының бір бөлігі – Қаратайлар – Ресей бодандығын қабылдап, Шүй алқабына орналасты, ал екінші бөлігі – Самайлар – Қытай ауып кетті деген мағлұмат береді (Самойлович, 1930, б.304). Дегенмен, бұл жерлерге қазақтардың түпкілікті орнығуы сәл кейінірек болғанын атап өткен жөн.

Жер қысымына ұшыраған қазақтардың бір бөлігі 1867 ж. 30 сәуірінде Семей губернаторының кеңсесіне кезекті шағымын жібереді. Қаратай руларының басшылары өз шағым хатында Бас қарауыл мен Тереңшат шатқалдарынан Шыңғыстай мен Өрелге дейінгі жерлер 100 жылдан астам өздерінің ата қонысы болып келгенін, орыс келімсектерінің басбұзар әрекеттері нәтижесінде қыстауларынан айрылып, жайылымдарының өртеліп жатқанынан хабардар етіп, көмек сұрайды. Орыс шаруалары кетпесе, қазақтар үлкен апатқа ұшырайды деп ескерту жасайды (ҚРОМА) Алайда билік тарапынан еш көмек ала алмаған 1 500 қазақ түтіні ақыры өз жерлерін тастап кетуге мәжбүр болады.

1867 жылдың 1 мамырында Ергенекті болысының Боғай-Бура руының өкілі Қашқымбай Ұрысбаев Семей губернаторына жазған шағымында келімсектер тарапынан орын алған тағы бір оқиғаны баяндап береді. Аталмыш рудың басым бөлігінің орыс бодандығын қабылдағанына қарамастан, Нарым өзені бойындағы өз атамекендерін қоныс аударып келген орыс шаруалары сұраусыз тартып алып жатқанына шағымданып, көмек сұрайды (КРОМА). Дегенмен осы аймақты мекендеген қазақтардың жаппай өз жерлерін тастап, қоныс аударып кетуге мәжбүр болуы сол кездегі орыс әкімшілік органдарының қазақтардың шағымдарына жауабының қандай болғанына дәлел бола алады. Мысалы, осы кездегі орыс баспасөз беттерінде 500 қазақ түтіні Үкөк арқылы Шүй алқабына кеткен болса, 1 500 қаратайлық отбасының Қытайға қоныс аударып, қалған 3 000 жуық қаратайлық түтіннің де қоныс аударуға жайындалып жатқандығы туралы мәлімет берілген болатын. Олардан тартып алынған жерлерде келімсектердің Медведка және Таловка деген деревнялары пайда болады (Шмурло, 1995, б.28).

Барлық жағдайда жергілікті халық қарсылық көрсетуге дәрменсіз болды, әкімшілік тарапынан көмек күткен үміттері ақталмады. Қазақтардың өкімет орындарына жіберілген хат-шағымдары көп уақытқа дейін аяқсыз қалдырылып отырылды. Оның кейбір объективті себептері де болды: жердің шалғайлығы, байланыстың нашарлығы және жер жағдайын білмеу. Мысалы, 1866 ж. 1 қыркүйегінде өз жерлерінің тартылып алынып жатқандығы туралы шағым жазса, ол хат Семей губернаторының қолына тек 1867 ж. мамыр айының аяғында ғана түседі. Бұдан соң губернатор мен Алтай Тау-кен Басқармасы арасында осы мәселе жөнінде ұзаққа созылған пікір алмасу басталады. Шағым хаттың жазылғанына бір жылдай уақыт өткеннен кейін барып екі жақ бір-біріне «хатта аталған жерлер шамамен қай жерлерде орналасқан» деген сауалдар қояды (Айдарбаева, 2009). Әрине, осындай жағдайда қазақтардың жер мәселесінің дер кезінде шешілуі мүмкін емес еді. Ал бұл уақытта орыс қоныстанушылары болса тартып алған жерлеріне үй-жай салып, табан тіреп орнығып жатқан болатын. Осыдан кейін ғана арнайы құжаттар пайда болып, онда орыс қоныстанушы шаруалардың қазақтардың жерлерін тартып алуын мойындалады. Алайда, орыс шаруалары ол жерлерге үй-жай салып, егін егіп тастағандықтан оларды қуа алмаймыз, сондықтан қазақтарға басқа жерлерден жер беру мәселесін қарастыру қажеттігі туралы жазады.

Сонымен, Бұқтырма алқабын орыстардың отарлауы жергілікті қазақтар арасында көші-қон үрдісінің басталуына себеп болып, жерінен айрылған қазақтарды көршілес Қытай мен Таулы Алтай аумақтарына қоныс аударуға мәжбүрледі.

XIX ғасырдың 70-жылдары Таулы Алтайдың Үкөк, Шат, Жазатыр, Қалғұты шатқалдарын ұрынқайлар мекендеп, қоныс аударып келген қазақтар оларға салық төлеп тұрған еді. Мысалы, алғашқы жылы олар 60 жылқы тарту еткен болатын (ШҚОМА) Жылдар өте келе бұл аймаққа қоныстана бастаған қазақтардың саны бірте-бірте көбейіп, олар ұрынқайларды ығыстыра бастайды. Ал 3-4 жыл өткен соң, Қытай мен Ресей арасындағы шекара сызығының айқындалуына байланысты ұрынқайлар бұл жерлерді біржолата тастап, Қызыл кезең (Уландаба) асуы арқылы Монғолия жеріне ауып кетеді. Осы кезден бастап бұл аумақ толықтай Семей облысына бекітілген қазақтардың қарамағына өтеді.

1864 жылғы Шәуешек келісімі бойынша Ресей мен Қытай арасында жаңа шекара шебі пайда болып, 64 000 жаннан тұратын көшпелі халық орналасқан 25 960 шаршы шақырымды құрайтын жер орыс иелігіне өткен болатын. Бұл Бұқтырма және Күршім өзендерінің алқабы, Зайсан көлінен Тарбағатай жотасына дейінгі жерлерді құрады. Жаңа жерлердің қосылуы өз кезегінде сөзсіз мемлекеттік шекараны стратегиялық күшейту қажеттілігін туғызды. Нәтижесінде олар жаңа шекара белдеуін Сібірде жасалғандай жаңа елді мекендердің құрылымымен нақты бекітуге кірісті. Осы шешімнің қазақтар өміріне тағы да бір өзгеріс әкелгенін айта кету керек. Мемлекеттік шекараны нығайту ниетімен Ресей енді Бұқтырма алқабына казак-орыстарды қоныстандыра бастайды. Жеменей және Бұқтырма өзендері бойында Сібір казак әскерлерінің қоныстары пайда болады. Қоныс аударып келген казактарға өз қалауы бойынша жер таңдау құқығы беріледі. Сонымен қатар, казактар қоныстанған жердің бір бөлігі оларға «жеке меншікке, мәңгілікке, мұраға берілетін» болды (Крафт, 1898, б. 346).

Сонымен, Бұқтырма қазақтары екі оттың арасында қалды деуге болады. Бір жағынан Алтай Тау-кен Басқармасы оларды оң жағалаудан қуа бастаса, сол жағалаудағы жерлерді тартып алып қазақтарға бере бастады. Ресей әкімшілік органдары мен қазақтар арасындағы осы жер үшін күресте алғашқылары үкіметтің арнайы шығарылған заңдарына сүйенсе, қазақтар өздерінің бұл жерлерде бұрыннан тұратындарын алға тартқан. Өздерінің шағымдарында «ата-бабаларымыз тұрған жерді бізден тартып алу туралы заңдарды қалай шығаруға болады» деп жазады.

Орыс қоныстанушыларының санының артуына байланысты олармен қазақтар арасындағы қақтығыстар жиілей түсті. Осыған байланысты 1873 жылы Том губернаторы Батыс Сібір генерал-губернаторы Хрущевке Кабинет жері саналатын Бұқтырманың оң жағалауынан барлық қазақтардың қоныстарын екінші жағалауға ауыстыру туралы шешім қабылдау туралы өтініш білдіреді. Бұл жерде отаршыл билік өкілдері арасында ауызбіршіліктің болмағанын атап өткен жөн. Жергілікті халықтың жағдайымен етене таныс Семей әскери губернаторы бұл шараға үзілді-кесілді қарсы шығады. Оның пікірінше, бұл шара ертеден осы жерлерді мекендеп келген қазақтарды ең шұрайлы жайылымдарынан айырып, 600 жуық қазақ түтіндерін жер қысымына түсуге мәжбүрлеуі мүмкін еді. Іс жүзінде солай болды да, жерінен айрылған қазақтардың бір бөлігі 1878 жылы Қытай иеліктеріндегі жерлерге кетуге мәжбүр болады. Негізінен олар Өскемен уезіне қарасты Шыңғыстай және Алтай болыстарының қазақтары болатын. Алайда оларды Қытайда ешкім құшақ жайып қарсы алған жоқ, керісінше Ресейдегі өмір сүру жағдайларынан ауыр жағдайға тап болды.

1878 ж. Зайсаннан Тибетке аттанған белгілі орыс саяхатшысы Н.М. Пржевальский жолай Қытай аумағына қоныс аударған қазақтардың ауылына кез болып, олардың аса ауыр жағдайын сипаттап береді. Уруңғы өзені бойын қыстаған қазақтар аса ірі жұтқа тап болып, бүкіл малынан айрылады. Н.М. Пржевальский өз жазбаларында өзен бойында бірде бір қылтан шөп көре алмадық. Жұтқа ұшыраған қазақтар тіпті талдарды қиып, ағаштарды отап, соның қабығын малдарына азық ретінде қолданып, оларды аман алып қалуға тырысыпты. Алайда олардың бұл әрекеттері сәтсіз болған сияқты. Бүкіл Уруңғы өзені алқабында қазақтардың малының мыңдаған өлекселері тау төбе болып үйіліп жатыр деген деректер келтіреді (Пржевальский, 1948, б. 32-33).

Қытай жерінде осындай ауыртпалықтарды бастан кешкен қазақтардың бір бөлігі кері, Ресей иеліктеріне айналған жерлеріне қайтуға мәжбүр болады. Дегенмен олардың жағдайы өзгере қойған жоқ. Кезінде мыңдаған қазақ отбасының емін-еркін көшіп-қонуы мүмкін болған Бұқтырма алқабының басым бөлігі орыс келімсектерінің қолына өтіп кетуі салдарынан, 1 000-ға жуық қазақ түтіні жайылым тапшылығына тап болды. Өзен бойындағы ең шұрайлы деген жерлерді меншіктеп алған олар, қазақтарды таулы-тастақты, мал жайылымына қолайсыз жерлерге ығыстырып шығарды.

1882 ж. бастап қазақтар мен Алтай Тау-кен Басқармасы арасындағы қарым-қатынаста өзгерістер орын ала бастайды. Соңғы жылдардың ащы тәжірибесі оларды оң жағалаудағы қоныстарына мұрагерлік құқықтарынан бас тартуға мәжбүрлейді. Ендігі жерде қазақтар өз жерлерінің Кабинет меншігіне өтіп кетуімен келісуге мәжбүр болады. Олар тіпті өз жайылымдары үшін ақы төлеп тұруға да келісіп, тек сол жерлерді пайдалануға кедергі келтірмеу туралы өтініштерін білдіреді (Шмурло, 1995, б. 36).

Осыған сәйкес 1883 жылдың 20 мамырында Семей облысының әскери губернаторы Колпаковский ішкі істер министрінің атына жіберілген баяндамасында қазақтарға Бұқтырманың оң жағалауындағы Шабанбай жайлауын пайдалануға рұқсат беруін сұрайды. Шабанбай – солтүстігінде Катун өзенімен, шығысында Белгеттаумен, батысында Салқынтаумен, ал оңтүстігінде Фыкалка, Чернова, Березовка атты орыс деревняларымен шектелген ауқымды кеңістік. Қазақтың 1000 түтіні жыл сайын Кабинетке 1000 сом ақы төлеу арқылы осы жерлерді пайдалануға рұқсат алды. Сол жағалауда орналасқан өз қыстауларынан Шабанбай жайлауына көшу үшін екіарада орналасқан орыс деревнялары жерінен негізгі үш соқпақ жол белгіленді. Қабылданған шешімге қарамастан орыс шаруалары қазақтардың көшу жолдарына көптеген кедергілер келтіріп бақты. Белгіленген соқпақ жолдарға алдын-ала

қасақана егіндерін егіп тастап, «егістіктерімізді таптады» деген сылтаумен қазақтарға қоқан-лоққы жасап, малдарын тартып алып, өздерін соққыға жығып, қорлық көрсетіп отырды.

Ал Қытай аумағында қалған қазақтарға келетін болсақ, олардың бір бөлігі кейін қайтып оралса, енді бір бөлігі Үкөк, Жазатыр, Жұмалы, Аюлы арқылы қазіргі Таулы Алтайдың Қосағаш ауданы жеріне өтіп кетеді. Сол жерлерді төлеңгіт зайсандарына тарту-таралғы жасау арқылы Шүй алқабында көшіп-қонып жүруге мүмкіндік алады.

1893 жылы қытай бодандығында болған Сарғалдақ руының басшысы Абдулла Келтеке өз қоластындағы халқымен бірге Ресей империясы аумағына өтіп, орыс бодандығын қабылдауға ниет білдіріп, өздерін Би округінің құрамындағы Қосағаш шатқалына орналастыруға өтініш білдіреді (ҚРОМА).

Бұл қазақтардың шығу тегін анықтау үшін жүргізілген полициялық алдын-ала тергеу нәтижесінде олардың осыдан 35 жыл бұрын Қытай жеріне ауып кетіп, енді олардың жалпы саны 100 түтіннің кері оралғандықтары дәлелденді. Олармен бірге көршілес тағы да 100-ге жуық қазақ түтіні көшіп жүргені анықталады. Олар Семей облысына қарасты Шыңғыстай болысының аумағынан көшіп келген қазақтар еді. Екі жағдайда да олардың өз мекендерін тастап ауа көшуінің себебі ортақ болатын, ол – Бұқтырма алқабының отарлануының салдары еді.

Тау-кен Басқармасы Шыңғыстай болысынан ауып келген 100 қазақ отбасын Бұқтырманың оң жағалауындағы жерлерден кетуге мәжбүрлеудің барлық амалын жасап бақты. Бұл қысымға шыдамаған қазақтар Семей губернаторына өздерін Том губерниясының Би округі қарамағына беруді сұрап өтініш білдіреді. Тек осылай ғана олар өздерінің қоныстарын сақтап қала алатын еді.

Бұл шешім, әрине, төлеңгіт ру басшыларына ұнай қоймады. Дәл осы кезде Би округінің 1 және 2 Шүй болыстарының ру старшындары Дала генерал-губернаторына хат жазып, онда өз жерлерінде көшіп жүрген Шыңғыстай болысының қазақтарын кері қайтару қажеттігін дәлелдеуге тырысты. Өз хаттарында олар «қазақтар бізге жайсыз жағдайлар тудырып тұр. Олар біздің керуендерімізді тонап, жиі-жиі барымта жасап тұрады. Шүй қалмақтарының аң аулауы мен балқарағай жинауына кедергі келтіріп отыр» деген сылтауларды алға тартты (ҚРОМА). Шын мәнінде, бұл өтініштердің себебі басқа еді. Олар ұзақ жылдар бойы қазақтардан өз жерлерінде көшіп-қонып жүруі үшін тарту-таралғы алып отырған. Қазақтардың Би округі қарамағына өтуіне байланысты оларды ресми түрде жерге орналастыру қажеттігі туындап, ендігі жерде төлеңгіт зайсандары жер жалдау ақысын алу құқығынан айырылатын еді.

Қазақтардың жерге орналастыру туралы өтініштері ұзақ уақыт қанағаттандырылмай келді. Осыны пайдаланып төлеңгіт зайсандары қазақтарға қысым көрсетіп, оларды бопсалап, тарту-таралғыларын алып отырды. 1905 жылдан 1914 жылға дейін төлеңгіттердің сайланған болыстық старшинасы өз атынан бейресми түрде қазақтардың старшинасы ретінде Ақы Бұйдақановты тағайындап қойған болатын. 1908 жылы қазақтардың өтінішімен келген Том губернаторы қазақтар мен төлеңгіттердің жер пайдалануына нұсқау береді, ол бойынша қазақтар Шүй өзенінің сол жағалауын, төлеңгіттер оң жағалауын пайдалану белгіленді (Самойлович, 1930: 304). 1908 жылы Алтайға сапарында белгілі саяхатшы В.И. Верещагин өз жазбаларында Көксу мен Ақ-Алаха арасындағы кең алқапты қазақтар мекендейді, сонымен қатар олар Қарадумыш өзенінен Тархытыға дейінгі жерлерді, Жасатыр, Арыгем, Тарбаған өзендерінің бойын да пайдаланып келгендігі туралы мәлімет береді.

Таулы Алтайды мекендеген қазақтардың саны туралы мәліметтерді С.П. Швецовтың шығармаларынан кездестіруге болады. 1900 жылы жарық көрген «Би уезінің көшпенділері» атты еңбегінде 1897 жылғы Бүкілресейлік халық санағының деректеріне сүйене отырып, Шүй ауданында 129 қазақ шаруашылығы тіркелгенін, олар 279 ер және 280 әйел адамнан, яғни барлығы 559 адамнан тұратынын мәлімдейді.

Шүй ауданынан басқа қазақтар Тюдралы, Қара Ануй, Сарасы елді мекендерінде де мекен еткен болатын. Бұл жерлерде негізінен шоқынған қазақтар мекендеді. Алғашқы орыс қоныстанушыларымен қатар Алтайға христиан миссионерлері де келіп, алтайлықтардың

жерлерінің қақ ортасына өз қоныстарын орната бастады. Егер де өзіне ұнаған қандай да алқапта миссионер крест қоятын болса, алтайлықтарға осы крестің айналасынан бес шақырым жерге жақындауға тыйым салынды. Осылайша ең құнарлы Алтай жерлерін отарлауға миссионерлер өз үлесін қосып отырды.

Тюдралы елді мекені шамамен 1885 жылы пайда болды. Швецовтың мәлімдеуінше, Чарыш өзенінің сол жағалауында миссионерлік елді мекен орналасқан. Бұл жерде «жаңадан шоқынған» алтайлықтар және қазақтармен қатар, орыс шаруалары, мешандар, т.б. мекендеген болатын. XIX ғасыр соңына қарай Семей және Өскемен уездерінен келіп қоныстанып, шоқындырылған қазақтар 26 үйді құрады (Швецов, 1900, б. 206-207). 1897 жылғы Бүкілресейлік халық санағының деректеріне сай Тюдралыда 662 тұрғын болса, оның 387-і алтайлықтар мен қазақтар болды.

Келесі елді мекен Қара Ануй өзені бойында орналасты. Бастапқыда бұл жерде шоқынған алтайлықтар ғана мекендеген болса, уақыт өте келе Семей облысының қазақтары де келіп орналасып, христиан дінін қабылдай бастайды. 1897 жылғы санақ деректеріне сәйкес Қара Ануй елді мекенінде 252 шаруашылық тіркелген болса, оның 139-і орыс шаруалары, 105-і қазақ шаруашылықтары және 8 алтайлықтардың шаруашылықтары құрады.

Жердің тарылуы қазақтардың өз ішінде де әртүрлі дау-дамай туғызады. Рулар мен ауылдар арасында жер үшін талас күшейеді. Ел ішіндегі би-болыстардың қысымына шыдай алмаған әлсіз рулардың өкілдерінің бір бөлігі Би округінің Оймон, Көксу деген жерлеріне орыс тұрғындарының арасына кетеді. Жаңа жерлерде де олардың жағдайы оңала қоймады. Бұр жағдайды жергілікті әкімшілік орындар, православиелік миссионерлер жақсы түсініп, өз мүдделеріне пайдаланды. Көшіп келген қазақтарға православие дініне өткен жағдайда ғана жаңа жерлерде қоныстануға рұқсат беретіндігін хабарлап, болмаса кері қайтуға талап етеді. «Қазақтарды шоқындыру үшін оларға кейбір жеңілдіктер жасауымыз керек. Мысалы, оларға жер бөліп беріп, ақшалай көмек көрсеткеніміз жөн» деп санайды (ҚРОМА)

Бұл қазақтардың алдында дилемма пайда болды: христиан дінін қабылдау арқылы жер телімдеріне ие болу немесе одан бас тартып, кері елге қайту. Христиан дінін қабылдағаннан кейін олар өздерінің жер және басқа да мәселелерін қиындықсыз шешуге мүмкіндік алды. Ал кері елге қайтқанда оларды еш жақсылық күтіп тұрмағандығы белгілі еді. Әрине, қазақтардың христиан дінін қабылдауы, ең алдымен, Алтай миссионерлік миссиясының үгіт - насихат жұмысының нәтижесі. Дала генерал-губернаторы Г.А. Колпаковский 1887-1888 жж. есебінде қазақтардың арасында әлеуметтік жіктелу тым шұғыл жүріп жатқаны туралы мәлімдей келе, кедейленген қазақ шаруалары күнкөріс үшін орыс елді мекендеріне барып, жалданып жұмыс істеуге мәжбүр болуда деп көрсетеді. Оның пікірінше, қазақтардың осы санатына православиелік шіркеу тарапынан қолдау көрсететілетін болса, жақын арада олардың арасына христиан дінін таратуға мүмкіндік артатын болады (Традиционное казахское общество, 2014, б. 305). Осылайша Бұқтырма қазақтарының бір бөлігі жан сақтау үшін шоқынуды мәжбүр болған.

Миссионерлер алтайлықтар мен шоқынған қазақтарға арнап миссионерлік мектептер аша бастайды. Діни білім берудің басты мақсаты православие дұғаларына үйрету, шіркеулік салт-дәстүрмен таныстыру болатын. Жергілікті халықтың сауатын ашып, жазу-сызуға үйрету тек басты мақсатқа жетудің құралы ретінде ғана қарастырылды. Швецовтың деректері бойынша, қазақтардың арасында сауаттылық деңгейі тым төмен болған, яғни 1000 қазақтың тек 25-і ғана сауатты саналған (Швецов, 1900, б.49). Таулы Алтайда сауаттылықтың таралу көзі православие шіркеуінің қаражаты есебінен қамтылған мектептер болды. Әрине, осындай жағдайда білім алу мүмкіндігі тек шоқынған қазақтарда ғана болғанын атап өту қажет.

Шоқындыру рәсімінен өткендердің православие дінін қабылдағанына қарамастан, олардың көпшілігі өздерін іс жүзінде мұсылман санай берді. Олар ата-баба салтынан, мұсылмандықтан бас тартуға болмайтынын іштей түсінді. Бірақ христиан болғаннан кейін олар екі жақты өмір сүруге мәжбүр болды, бұл оларды қатты қысымға ұшыратты (Садвакасова, 2020, б.407).

ҚОРЫТЫНДЫ

Қазақтардың тарихы Алтаймен тығыз байланысты. Әр кезеңде бұл аумақты тарихы, мәдениеті, тілі ортақ тайпалар мен халықтар мекендеп келді. Ғалымдар түркітілдес халықтардың дамуының әртүрлі кезеңдеріндегі этномәдени байланыстарын зерттей отырып, ұлттық ерекшеліктермен қатар күнделікті тұрмыста, тіл мен мәдениетте, бүгінгі күні де байқалып келе жатқан сол қауымдастық белгілерінің терең тарихи тамырларының нақты бар екендігін дәлелдейді. Ұзақ уақыт бойы қазақтардың тарихы көршілес халықтардың, соның ішінде сібір түркілерінің тарихи тағдырынан тыс қарастырылып келді. Сонымен қатар, оларды бір-біріне қарсы қойып, экономикалық және мәдени байланыстардың алуан түрлілігі Ресеймен қарым-қатынас шегінде ғана жасанды түрде шектеліп келді. Әр түрлі этнографиялық, археологиялық және фольклорлық деректерді салыстыра отырып, қазақтардың Алтаймен байланысы ұзақ уақыт үзілмегеніне көз жеткіземіз.

Ресейдің отарлау саясаты қазақ даласына көптеген қиыншылықтар алып келгені шындық. Қазақтың өз жерінен айрылуы оның дәстүрлі шаруашылығына кері әсерін тигізді. Бұқтырма қазақтары үшжақты қыспақта қалды: бір жағынан оларды өз мекендерінен Алтай Тау-кен басқармасы қудалап отырған болса, екінші жағынан орыс қоныстанушылары ең шұрайлы жерлерін тартып алып, орныға бастады. Сонымен қатар, орыс казак әскерлерінің қажеттіліктері үшін қазақ жерлері тартып алына бастады. Осылайша, Бұқтырма алқабын отарлау саясаты нәтижесінде жүздеген қазақ түтіндері өз ата қоныстарынан айрылып, жат жер, бөтен елге қоныс аударуға мәжбүр болды. Қандай да болмасын қоныс аударудың аса ауыр үрдіс екендігі белгілі. Бұл үрдіс халықтың басым бөлігінің кедейленіп, шаруашылығының күйреуінің басты себептерінің бірі болды.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- Абрамзон С. М. (1990). *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*. Фрунзе: Кыргызстан // Abramzon, S. M. (1990). *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi*. Frunze: Kyrgyzstan.
- Айдарбаева Р. К. (2009). *Казахи Алтайского края России* // Aidarbayeva, R. K. (2009). *Kazakhi Altaiskogo kraia Rossii*.
- Андреев И. Г. (2007). *Описание Средней Орды киргиз-кайсаков*. <https://e-lib.dulaty.kz/elib/document/130576> // Andreev, I. G. (2007). *Opisanie Srednei Ordy kirgiz-kaisakov* <https://e-lib.dulaty.kz/elib/document/130576/>
- Алексеев Н. В. (1966). *К вопросу о торговых связях сибирских крестьян и казаков с казахами в XVIII – первой половине XIX вв.* // Alekseenko, N. V. (1966). *K voprosu o torgovykh svyazyakh sibirskikh krest'yan i kazakov s kazakhami v XVIII – pervoi polovine XIX vv.*
- Анисимова И. В. (2004). *История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа (вторая половина XVIII – начало XX вв.) [Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук]*. Барнаул // Anisimova, I. V. (2004). *Istoriya formirovaniya kazakhskoi diaspori Altaiskogo (gornogo) okruga (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.)*
- Бабков Ф. (1912). *Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1856–1857 гг.* // Babkov, F. (1912). *Vospominaniya o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri 1856–1857 gg.*
- Бахрушин С. В. (1955). *Очерки истории колонизации Сибири XVI–XVIII вв.* // Bakhrushin, S. V. (1955). *Ocherki istorii kolonizatsii Sibiri XVI–XVIII vv.*
- Крафт И. Н. (1898). *Сборник узаконений о киргизах степных областей* // Kraft, I. N. (1898). *Sbornik uzakonenii o kirgizakh stepnykh oblastei*.
- Коновалов А. В. (1986). *Казахи Южного Алтая* // Kononov, A. V. (1986). *Kazakhi Yuzhnogo Altaya*.
- Лысенко Ю. А. (2016). *Миссионеры Киргизской православной миссии о степени исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. Улкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay, 2(1.1), 44–55* // Lysenko, Y. A. (2016) // *Missionery Kirgizskoi pravoslavnoi*

missii o stepeni islamizatsii kazakhskogo obshchestva na rubezhe XIX–XX vv. *Ylken Altaj әlemi – Mir Bol'shogo Altaja – World of Great Altay*, 2(1.1), 44–55

- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по обследованию степных областей под руководством Ф. Щербины. Т. 4. Павлодарский уезд. СПб., 1905; Т. 9. Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905; Т. 10. Семипалатинский уезд. СПб., 1905 // Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po obsledovaniyu stepnykh oblastei pod rukovodstvom F. Shcherbiny. (1905). Vol. 4: Pavlodarskii uезд [Pavlodar District]; Vol. 9: Ust'-Kamenogorskii uезд.
- Мендикулова Г. М. (2006). *Казахская диаспора: история и современность* // Mendikulova, G. M. (2006). *Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost'*.
- Муқанов М. С. (1974). *Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза* // Mukanov, M. S. (1974). *Etnicheskii sostav i rasselenie kazakhov Srednego*.
- Муқанов М. С. (1991). *Этническая территория казахов в XVIII – начале XIX вв.* // Mukanov, M. S. (1991). *Etnicheskaya territoriya kazakhov v XVIII – nachale XIX vv.*
- Народы Сибири. *Этнографические очерки*. (1956) // Narody Sibiri. *Etnograficheskie ocherki*. (1956)
- Октябрьская И. В. (2004). Казахи Алтая: этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX–XX вв. [Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук]. Новосибирск // Oktyabrskaya, I. V. (2004). *Kazakhi Altaya: etnopoliticheskie i sotsiokul'turnye protsessy v pogranichnykh raionakh Yuzhnoi Sibiri XIX–XX vv. [Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk]*. Novosibirsk
- Пищулина К.А. (1994). Территория // Қазақ, сс. 47—65 // Pishchulina K.A. (1994). The territory // Qazaq, pp. 47—65.
- Потапов Л. П. (1949). *Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни*. В: Сборник Музея антропологии и этнографии (Т. 12). М.—Л.: Изд-во АН СССР // Potapov, L. P. (1949). *Osobennosti material'noi kul'tury kazakhov, obuslovlennye kochevym obrazom zhizni* Moskva–Leningrad: Academya nauk SSSR.
- Потапов Л. П. (1969). *Этнический состав и происхождение алтайцев*. Историко-этнографический очерк // Potapov, L. P. (1969). *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk*.
- Пржевальский Н. М. (1948). *Из Зайсана через Хами и Тибет* // Przhevalskii, N. M. (1948). *Iz Zaisana cherez Khami i Tibet*.
- Реальность. (1990, 30 июня). *Казахстанская правда* // Real'nost'. (1990, June 30). *Kazakhstanskaya pravda*.
- Руденко С. И. (1953). *Культура населения Горного Алтая в скифское время* // Rudenko, S. I. (1953). *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya*.
- Садвокасова З. Т. (2020). *Православная проповедь среди казахов (XIX – начало XX веков)*. Edu.e-history.kz, 4(24) // Sadvokasova, Z. T. (2020). *Pravoslavnaya propoved' sredi kazakhov (XIX – nachalo XX vekov)*.
- Самойлович А. Н. (1930). *Казаки Кош-Агачского аймака*. С. 303–327 // Samoilovich, A. N. (1930). *Kazaki Kosh-Agachskogo aimaka*. S. 303–327
- Седельников Т. (1907). *Борьба за землю в Киргизской степи* // Sedelnikov, T. (1907). *Bor'ba za zemlyu v Kirgizskoi stepi*.
- Томилов Н. А. (1992). *Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв.* // Tomilov, N. A. (1992). *Etnicheskaya istoriya tyurkoazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – nachale XX vv.*
- Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). *Документы и извлечения*. (2014) // Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). *Dokumenty i izvlecheniya*. (2014).

- Швецов С. П. (1900). *Горный Алтай и его население*. Т. 1. Кочевники Бийского уезда // Shvetsov, S. P. (1900). *Gornyi Altai i ego naselenie*. Т. 1. Kochevniki Biiskogo uезда.
- Шмурло Е. (1995). *Русские и киргизы в долине Верхней Бухтармы*. // Царская колонизация в Казахстане (по материалам русской периодической печати XIX в.) // Shmurlo, E. (1995). *Russkie i kirgizy v doline Verkhnei Buhtarmy* // Carskaja kolonizacija v Kazahstane (po materialam russkoj periodicheskoj pečati XIX v.).
- Ядринцев Н. М. (1882). *Сибирь как колония* // Yadrintsev, N. M. (1882). *Sibir' kak koloniya*.
- Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архиві (ҚРОМА). *Дала генерал-губернаторы кеңсесі*. Қор 64 // Qazaqstan Respublikasynyn Ortalyq memlekettik arkhivi (QROMA). *Dala general-gubernatory kensesi*. Qor 64.
- Семей облыстық басқармасы. *Қор 15* // Semei oblystyq basqarmasy. Qor 15.
- Шығыс Қазақстан облыстық архиві (ШҚОМА), Алтай бөлімшесі. Қор 6 // Shygys Qazaqstan oblystyq arkhivi, Altai bolimshesi. Qor 6.

Авторлар туралы мәліметтер

Айдарбаева Раушан Қайсақызы – тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті, Өскемен қ., Қазақстан, e-mail: raushan_aid@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4731-5363>

Джаксылыков Амантай Фрунзевич – аға оқытушы, Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен қ., Қазақстан, email: nueman@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7792-3217>

Сведения об авторах

Айдарбаева Раушан Кайсановна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г.Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: raushan_aid@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4731-5363>

Джаксылыков Амантай Фрунзевич – старший преподаватель, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г.Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: nueman@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7792-3217>

Information about the authors

Aidarbayeva Raushan Kaisanovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, S. Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: raushan_aid@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4731-5363>

Dzhaksylykov Amantai Frunzevich – Senior Lecturer, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: nueman@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7792-3217>

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_14

MPHTI 03.09.31

Миронов Е.А., Эбель Е.М. *

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Влияние «Военного артикула» Густава II Адольфа на российский «Артикул воинский» 1715 года

АННОТАЦИЯ. В статье проводится сравнительный анализ двух военно-правовых документов XVII-XVIII вв. – шведского «Военного артикула» 1621 г., составленного королем Густавом II Адольфом и дополненного в 1683 г. Карлом XI, и российского «Артикула воинского» 1715 г., созданного по инициативе Петра I. Автор исследует степень влияния шведского документа на содержание и структуру российского Артикула, выявляя как заимствованные элементы, так и оригинальные дополнения, отражающие специфику российской военной и правовой системы того времени. Особое внимание уделяется вопросам дисциплины, военной юрисдикции, определению воинских преступлений и наказаний, порядку судопроизводства. Через сопоставление отдельных статей демонстрируется, как Петр I адаптировал западноевропейские нормы к российским условиям, при этом сохранив ряд ключевых принципов, заложенных в шведском прототипе. Автор приходит к выводу, что российский Артикул во многом ориентирован на шведскую модель, но переработан с учетом национальных традиций, административных реалий и задач централизации власти. Подчеркивается также роль военных артикулов как инструментов формирования новой правовой культуры и утверждения абсолютистской модели управления, а также укрепления дисциплины, вертикали власти и легитимации государственного насилия в армии и обществе в целом. Статья представляет интерес для историков права, специалистов по истории армии и государственного управления России и Швеции, а также для исследователей трансфера правовых норм между европейскими государствами в эпоху Нового времени. Кроме того, она может быть полезна в рамках сравнительных правовых исследований, изучения процессов модернизации законодательства и формирования институциональной базы централизованных государств в эпоху раннего Нового времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Густав II Адольф, Петр I, Карл XI, военный артикул, устав.**КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:** Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Миронов, Е.А., Эбель, Е.М. (2026). Влияние «Военного артикула» Густава II Адольфа на российский «Артикул воинский» 1715 года. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 224-238. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_14

История статьи:

Получено: 03.03.2026

Принято: 26.05.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Эбель Елизавета Михайловна, e-mail: chedurova@mail.ru

Миронов Е.А., Эбель Е.М.

Горно-Алтайск мемлекеттік университеті, Горно-Алтайск, Ресей Федерациясы

Густав II Адольфтің «Әскери мақаласының» 1715 жылғы орыс «Әскери мақаласына» әсері

АҢДАТПА. Мақалада XVII–XVIII ғасырлардағы екі әскери-құқықтық құжат – 1621 жылы Швеция королі Густав II Адольф қабылдаған және 1683 жылы Карл XI толықтырған «Әскери артикул» мен I Петрдің бастамасымен 1715 жылы жасалған Ресейдің «Әскери артикулы» салыстырмалы талдауға түседі. Автор швед артикулының ресейлік нұсқаға әсер ету дәрежесін зерттеп, олардың мазмұны мен құрылымындағы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтайды. Зерттеуде тәртіп, әскери юрисдикция, әскери қылмыстар мен жазалар, сот ісін жүргізу тәртібі мәселелеріне ерекше назар аударылады. Жекелеген баптарды салыстыру арқылы I Петрдің Батыс Еуропа нормаларын Ресей жағдайына бейімдегені, сонымен қатар швед үлгісіндегі негізгі қағидаларды сақтап қалғаны көрсетіледі. Автор ресейлік артикулдың швед моделіне негізделгенімен, ұлттық дәстүрлерді, әкімшілік ерекшеліктерді және орталықтандыру міндеттерін ескере отырып қайта өңделген деген қорытындыға келеді. Сондай-ақ әскери артикулдардың жаңа құқықтық мәдениетті қалыптастыру, абсолюттік билік моделін орнықтыру, тәртіп пен билік вертикалін нығайту және әскер мен қоғамда мемлекеттік зорлық-зомбылықты заңдастыру құралы ретіндегі рөлі атап өтіледі. Мақала құқық тарихшыларына, Ресей мен Швеция армиясы мен мемлекеттік басқару тарихын зерттеушілерге, сондай-ақ Жаңа заман дәуіріндегі еуропалық мемлекеттер арасындағы құқықтық нормаларды тасымалдау үдерісін қарастыратын ғалымдарға арналған. Сонымен қатар бұл еңбек салыстырмалы құқықтану, заңнаманы жаңғырту және орталықтандырылған мемлекеттердің институционалдық негізін қалыптастыру үдерістерін зерттеу салалары үшін де пайдалы болмақ.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: Густав II Адольф, Петр I, Шарль XI, әскери мақала, жарғы.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуге демеушілік қолдау көрсетілмеді (жеке ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Миронов, Е.А., Эбель, Е.М. (2026). Густав II Адольфтің «Әскери мақаласының» 1715 жылғы орыс «Әскери мақаласына» әсері. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 224-238. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_14

* Хат-хабаршы авторы: Эбель Елизавета Михайловна, e-mail: chedurova@mail.ru

Eugene A. Mironov, Elizabeth M. Ebel

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

The influence of Gustav II Adolf's "Military Article" on the Russian "Military Article" of 1715

ABSTRACT. The article presents a comparative analysis of two military-legal documents of the 17th-18th centuries: the Swedish Articles of War of 1621, issued by King Gustavus II Adolphus and supplemented by Charles XI in 1683, and the Russian Military Article of 1715, compiled under Peter I. The author examines the influence of the Swedish document on the structure and content of the Russian Article, identifying both borrowed elements and original additions reflecting the specific features of the Russian military and legal system. Special attention is paid to issues of discipline, military jurisdiction, the definition of crimes and punishments, and legal procedures. The comparison of selected articles shows how Peter I adapted Western European norms to Russian conditions while retaining key principles from the Swedish model. The author concludes that although the Russian Article was based on the Swedish one, it was revised in accordance with national traditions, administrative context, and centralization goals. The study emphasizes the role of military articles in shaping a new legal culture, supporting absolutist governance, reinforcing discipline, and legitimizing state violence. This article will be of interest to legal historians, scholars of military and state history in Russia and Sweden, and researchers of legal norm transfer in Early Modern Europe. It also contributes to comparative law and institutional modernization studies.

KEYWORDS: Gustav II Adolf, Peter I, Charles XI, military article, statute.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Mironov, E.A., Ebel, E.M. (2026). The influence of Gustav II Adolf's "Military Article" on the Russian "Military Article" of 1715. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 224-238. <https://doi.org/10.51885/3107-2755> SSADH 2026 2 14

* Corresponding author: Ebel Elizabeth Mikhailovna, e-mail: chedurova@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Военное искусство и военная организация всегда играли ключевую роль в истории развития государств, формируя их стратегические возможности и определяя исходы войн. Армия нередко становилась не только инструментом защиты территорий, но и средством расширения влияния, утверждения политической воли и распространения идеологий. История государственности неотделима от истории войн, армий и тех административных структур, которые обеспечивали их существование и функционирование.

Со времен появления первых цивилизаций способность к эффективной мобилизации войск, снабжению, управлению и подготовке командного состава оказывала непосредственное влияние на выживание и процветание государства. Например, успехи Римской империи во многом объясняются ее развитой системой легионов и логистики, а мощь Османской империи – высоким уровнем дисциплины и организованности янычарского корпуса. Военные реформы становились важнейшими этапами модернизации государств, как это было в России при Петре I или во Франции при революционной и наполеоновской армиях.

Военное искусство развивалось параллельно с изменениями в политике, экономике и технологиях. Каждое новое оружие, тактическое новшество или организационная реформа вызывали перестройку всей военной системы. Переход от феодальных ополчений к наемным армиям, затем – к регулярным армиям нового времени, а позже – к массовым армиям индустриальной эпохи иллюстрирует эволюцию военной организации в соответствии с социальными и технологическими переменами.

Кроме того, армия всегда отражала структуру самого общества. Классовые, сословные, национальные и религиозные аспекты влияли на принципы комплектования, внутренние отношения и систему управления в войсках. Военные уставы, дисциплинарные кодексы и артикулы служили не только регламентами боевой службы, но и инструментами социальной инженерии, направленными на формирование «идеального» солдата, верного государству и власти.

Таким образом, военное искусство и организация вооруженных сил – это неотъемлемая часть политической истории, отражающая уровень развития административных структур, технологий, правовых систем и идеологии. Изучение этих аспектов позволяет глубже понять, каким образом армии не только побеждали в сражениях, но и играли роль в строительстве и разрушении империй, в изменении общественных порядков и в формировании новых типов государственности.

Одним из значимых документов, оказавших влияние на военное дело в Европе, стал «Военный артикул» Густава II Адольфа (Gustav II Adolf, 1621), шведского короля, который провел масштабные реформы в армии своего государства в начале XVII в. В условиях Тридцатилетней войны и усиливающейся конкуренции между европейскими державами, Швеция стремилась создать боеспособную и дисциплинированную армию, способную эффективно действовать в новых реалиях. Артикул стал неотъемлемой частью этой реформы, закрепив нормы военной дисциплины, порядок судопроизводства в армии и перечень наказаний за различные проступки.

Документ отличался системностью, строгостью и ориентацией на централизованное управление армией. Он отражал идею подчинения солдата государственной власти и военному уставу, а не феодальному или корпоративному праву. Шведский военный артикул стал одним из первых примеров кодифицированного военного права, повлиявшего не только на развитие вооруженных сил в самой Швеции, но и за ее пределами. Его положения стали образцом для других стран, включая Пруссию и Россию, где подобные документы начали использоваться как инструменты утверждения дисциплины, централизации командования и внедрения новой военной культуры (Wedgwood, 1938).

Актуальность исследования влияния «Военного артикула» Густава II Адольфа на российский «Артикул воинский» 1715 г. заключается в необходимости глубокого понимания процессов военной реформы в России, происходивших в контексте изучения европейских традиций и практик. В условиях активного внешнеполитического давления и внутренних

вызовов, Петр I стремился модернизировать российскую армию, заимствуя лучшие практики из европейского опыта. «Военный артикул 1715 г.» стал важным этапом в этом процессе, и его связь с шведским документом представляет собой интересный объект для анализа. Также это исследование имеет значение не только для военных историков, но и для специалистов в области социальной и политической истории, поскольку демонстрирует, как военные реформы выходили за рамки сугубо военного контекста и оказывали влияние на более широкие процессы внутри общества. Принятие новых военных уставов и артикулов не только меняло организацию армии, но и способствовало трансформации представлений о власти, подчинении, ответственности и законности. Армия становилась моделью, по которой формировалась дисциплина в других сферах – в гражданской администрации, на производстве, в образовательных учреждениях.

Кроме того, военные реформы способствовали укреплению централизованного государства, расширяя контроль монарха или правящего центра над отдаленными регионами и разрозненными социальными группами. Создание регулярной армии требовало стабильного налогообложения, централизованного снабжения, эффективной бюрократии - все это ускоряло модернизацию государственных институтов. Таким образом, исследование военных артикулов позволяет увидеть, как военное законодательство становилось инструментом не только для поддержания порядка в армии, но и для структурных изменений в обществе в целом.

Целью данной статьи является анализ предыдущих работ по изучению влияния шведского «Военного артикула» на российский «Артикул воинский 1715 г.», а также на основе результатов анализа данных работ сделать вывод о том насколько сильно шведский документ повлиял на российский.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В работе (Gustav II Adolf, 1621) представлены 55 статей из шведского «Военного артикула» 1621 г., написанные королем Швеции Густавом II Адольфом на старошведском языке.

В работе (Karl XI, 1682) представлен текст закона «О дуэлях», изданного королем Карлом XI в 1682 г.

В работе (Беспалов, 2024) собрана информация о военно-судебной системе, которая действовала в шведской армии в XVII – начале XVIII вв. В том числе информация о правонарушениях и ответственности, которую солдаты должны были понести за них.

В работе (Прокопьев, 2020) автор рассматривал причины и ход Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. Были рассмотрены причины поражения армии Священной Римской Империи, а также успехов шведской армии под руководством Густава II Адольфа. Были рассмотрены военные реформы, которые проводил шведский король, а также стратегия, которую использовал немецкий полководец Альбрехт фон Валленштайн.

В работе (Елифанов, 1946) был проанализирован устав, созданный Петром I на основе западноевропейских документов, которые регулировали дисциплину в армии.

Наиболее полезной была работа (Бобровский, 1881), в которой автор рассмотрел не только шведский и российский документы, но и датский, саксонский, бранденбургский, и законодательный памятник Священной Римской Империи под названием «Каролина». Также автором было проведено сличение двух «Артикулов», что позволило, проследить, как влиял шведский документ при составлении российского.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье использованы различные методы исследования, что позволило глубже понять особенности шведского и российского военных артикулов. Прежде всего, проведен анализ источников, касающихся шведского «Военного артикула» 1621 г., что дало возможность выявить ключевые элементы, отражающие специфику военной организации и управления в Швеции начала XVII в. Анализ документов, позволил проследить влияние шведских реформ

на развитие армий других европейских стран, в том числе России. Исследование источников по российскому «Артикулу воинскому» 1715 г. позволило определить, в каком объеме и каким образом российская армия заимствовала нормы из шведского военного права, а также, как эти заимствования были адаптированы к российским условиям.

Кроме того, применен сравнительный анализ работ, связанных с российскими и шведскими памятниками уголовного права, что стало основой для выявления сходств и различий между этими военными артикулами. Этот подход позволил не только разобраться в структуре и содержании каждого документа, но и рассмотреть более широкую правовую контекстуализацию – от военных до уголовных норм, обеспечивающих дисциплину и порядок в вооруженных силах. Сравнительный анализ выявил не только общие черты документов, такие как система наказаний и военная юрисдикция, но и различия, отражающие особенности государственных традиций и политической ситуации в России и Швеции в XVII-XVIII вв.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Во время ведения боевых действий в Польско-шведской войне 1600-1629 гг. Густав II Адольф, глубоко изучивший военное дело в Голландии, решил внедрить полученные знания в организацию шведской армии. Вдохновленный западноевропейским опытом, он начал разрабатывать проект реформирования, направленный на улучшение боеспособности и повышение дисциплины в шведской армии. Одним из центральных элементов этого проекта стал документ, который получил название «Военный артикул». В 1621 г. Густав II Адольф утвердил этот свод правил, который включал 112 статей и регулировал различные аспекты военной службы, от порядка комплектования армии и распорядка дня до дисциплинарных наказаний. Впервые статьи из данного документа шведский король зачитал солдатам в 1621 г. по прибытии в Ригу (Gustaf Geijer, 1845).

Основной целью «Военного артикула» было не только повышение эффективности армии шведского королевства, но и укрепление дисциплины среди солдат, что было особенно важно в условиях длительных военных конфликтов. Артикул установил строгие нормы, направленные на организацию боевых действий, управление военными подразделениями, а также систему наказаний за нарушение дисциплины. Благодаря этому документу, армия Густава II Адольфа стала более организованной и эффективной, что сыграло ключевую роль в его победах в ряде битв, включая знаменитую битву при Лютцене 16 ноября 1632 г.

В 1683 г., уже после смерти Густава II Адольфа, шведский король Карл XI внес коррективы в «Военный артикул», расширив его и обновив в соответствии с новыми требованиями времени. Редакция «Военного артикула» Карла XI включала 145 статей, которые были разделены на 25 глав. Эти изменения отразили развитие военной организации Швеции и ее переход к более централизованной и модернизированной армии. Статьи новой редакции документа укрепляла позиции монарха как главнокомандующего и значительно улучшали структуру шведских вооруженных сил, продолжая традиции, которые были заложены в оригинальной версии «Военного артикула» 1621 г., но адаптируя их к изменившейся политической и военной ситуации того времени (Бобровский, 1881).

П. О. Бобровский отмечает, что «Военный артикул» под редакцией Густава II Адольфа «был достаточно гуманистическим», в виду того, что наказание смертной казнью совершалось путем повешения, расстрела или отсечения головы, то есть, смерть была быстрой и не мучительной, в то время как в католических странах, против которых выступала Швеция в Тридцатилетней войне 1618-1648 гг., применяли такие виды казни, как сожжение, заливание расплавленного железа в горло, а также колесование (Бобровский, 1881; Gustav II Adolf, 1621). В свою редакцию «Военного артикула» Карл XI ввел такие наказания как сожжение и колесование, взятые памятника уголовного права Священной Римской Империи под названием «Каролина» (Лысенко, 2014).

Таким образом, в шведской армии на протяжении всего XVII столетия сохранялся высокий уровень дисциплины, что стало одним из ключевых факторов военных успехов

Швеции в этот период. Принятие «Военного артикула» 1621 г. и его последующее обновление в 1683 г. сыграли важную роль в обеспечении порядка, субординации и ответственности среди военнослужащих. Эти нормативные акты не только формализовали правила поведения в армии, но и устанавливали систему наказаний за их нарушение, что способствовало поддержанию внутренней устойчивости вооруженных сил.

Жесткая дисциплина, сочетавшаяся с грамотной организацией командования и логистики, позволила шведской армии успешно участвовать в ряде европейских конфликтов XVII в., включая Польско-шведскую войну 1600-1629 гг, Тридцатилетнюю войну 1618-1648 гг., Датско-шведские войны 1643-1645, 1657-1658 и 1658-1660 гг., а также Русско-шведскую войну 1656-1658 гг. Шведские солдаты отличались высоким уровнем организованности, выучки и готовности следовать приказам даже в самых сложных условиях. Это обеспечивало боевое преимущество над армиями государств, где порядок и дисциплина находились на более низком уровне. Кроме того, авторитет командиров и единство управления создавали сплоченную и маневренную армию, которая была способна вести наступательные действия в различных регионах Европы.

Успешная военная политика, основанная на сильной дисциплине, позволила шведским монархам значительно расширить территорию королевства и утвердить влияние в Прибалтике, Северной Германии и Скандинавии. Балтийское море фактически превратилось в «Шведское озеро», поскольку Швеция контролировала большую часть портов и прибрежных территорий. Это доминирование обеспечивало экономические и стратегические преимущества, а также укрепляло статус Швеции как великой державы того времени. Таким образом, военная дисциплина стала не только основой тактических успехов, но и важным элементом реализации внешнеполитических амбиций страны (Hans Delbrück, 2001).

Петр I, стремясь модернизировать российскую армию и государственное управление, осознавал, что нормы, закрепленные в Соборном уложении 1649 г., не соответствуют требованиям времени и не способны обеспечить должный уровень воинской дисциплины. Изучив практику европейских армий - в частности, голландской, шведской, саксонской, датской и имперской - он пришел к необходимости создания нового нормативного документа. Так, в 1715 году была утверждена часть будущего «Военного устава» – «Артикул воинский», в который вошли 209 статей, распределенных по 24 главам (Елифанов, 1946). Этот документ стал первым систематизированным военно-уголовным сводом законов в России, регулирующим поведение военнослужащих, судопроизводство, наказания и нормы дисциплины.

При сравнении российского «Артикула» с европейскими источниками уголовного права особенно ярко выделяется влияние шведского «Военного артикула». Сходство между ними заключается в четкой структуре, детализированной классификации военных преступлений, строгой регламентации поведения офицеров и солдат, а также подчеркнутой роли военного суда как инструмента поддержания порядка в армии. Обе системы исходили из идеи, что дисциплина в армии – это основа ее боеспособности, и потому предусматривали суровые наказания за неповиновение, дезертирство, пьянство, кражу и государственную измену. Кроме того, обе системы способствовали укреплению вертикали власти и подчеркивали подчиненность военного сословия государству.

Однако между этими документами имеются и различия, обусловленные различиями в правовой культуре, политическом устройстве и административной практике государств. Если шведский «Артикул» отражал более зрелую правовую традицию, с элементами правовой автономии и сословного устройства, то российский «Артикул» был более централизованным, направленным на укрепление самодержавной власти. В нем более явно прослеживается политическая функция – легитимация власти Петра I и подчинение армии как инструмента реализации государственной воли. Также российский документ включал элементы православной этики и морали, что отличает его от более светского по духу шведского прототипа. В чем еще схожесть этих документов и их различие?

Начальные разделы как шведского «Военного артикула» 1621 г. так и русского «Артикула воинского» 1715 г. имеют идентичное заголовочное оформление – «О страхе Божьем», что отражает общеевропейскую традицию Средневековья и начала Нового времени – подчеркивать первостепенную важность религии в жизни государства и армии. Религиозные нормы воспринимались не только как духовные ориентиры, но и как средство воспитания дисциплины, покорности и моральной ответственности у солдат. В обоих документах детально регламентировался порядок участия в богослужении, а также предусматривались наказания за нарушение религиозных предписаний.

При сравнительном анализе содержания отчетливо прослеживается типологическое родство между шведским и русским артикулами в части определения круга религиозных преступлений. В обоих источниках фиксируются такие составы деяний, как: идолопоклонство, богохульство, злословие в адрес святынь и церковных таинств, колдовство и неявка на богослужение без уважительных причин. Содержательное совпадение этих статей свидетельствует о том, что оба законодателя опирались на христианскую правовую традицию. Стоит заметить, что санкции за перечисленные проступки носят преимущественно устрашающий, а не искупительный характер. Это подчеркивало, что акцент делался не на глубине личной веры солдата, а на социальной презентации религиозности, на поддержании внешнего порядка и единообразия как залога боеспособности.

Тем не менее, между двумя артикулами существуют определенные различия. Например, в шведском «Артикуле» (статья 4) указывается, что богослужение должно проводиться дважды в день - утром и вечером, что соответствует лютеранской традиции христианства. В то же время, в русском «Артикуле» (артикул 9) предписано проведение службы трижды в день - утром, в полдень и вечером. Это расширение числа обязательных богослужений в российском варианте было связано с более сильным влиянием православной традиции, в которой молитвенное правило более насыщено, а также с желанием Петра I подчеркнуть роль религии как инструмента формирования дисциплины в условиях продолжающейся милитаризации и централизации государства (Gustav II Adolf, 1621; Епифанов, 1946).

Глава II «О службе Божьей и священниках» как в шведском, так и в русском «Артикулах» демонстрирует важность института военного духовенства и подчеркивает его роль в поддержании морального состояния армии. Обе редакции документа фиксируют признание военного духовенства неотъемлемым элементом войсковой структуры в европейских армиях. Данный факт свидетельствует о формировании в армиях европейских государств раннего Нового времени особой модели «военного пасторализма», в рамках которой священник выступал не столько исключительно служителем культа, сколько специфическим агентом военной администрации, ответственным за психоэмоциональную и моральную стабилизацию личного состава. В этом контексте у военных священников появлялись следующие функции: регулярное проведение литургий, проповедей и таинств, которое рассматривалось как средство профилактики актов дезертирства, подавления страха и поддержания боевого духа среди солдат в условиях длительных военных кампаний. Священники должны были стать примером благочестивого, дисциплинированного и высоконравственного поведения для солдат, а также активно участвовать в духовном наставлении войска в походных условиях.

Особое внимание в обоих документах уделяется ответственности священников за нарушения своих обязанностей. В случае неисполнения служебного долга или совершения проступков духовное лицо подлежало судебному разбирательству в церковной консистории – специализированном органе духовной юрисдикции. Виновных могли лишить сана и отправить в гражданский суд, если их проступки выходили за рамки церковного права. Эти положения подчеркивают, что даже представители духовного звания подчинялись жесткой дисциплинарной системе, действовавшей в армии, а их деятельность строго регулировалась в интересах военной службы и порядка.

Третья глава шведского «Военного артикула» под названием «О профессии и должности священника» представляет собой подробное нормативное описание обязанностей и требований к духовным лицам, служащим в армии. Эта глава подчеркивает высокие

стандарты, которым должны соответствовать военные священники, включая нравственную безупречность, профессиональную подготовку и преданность служению. Хотя в русском «Артикуле» аналогичной главы нет, отдельные положения, касающиеся наказания священников за проступки, присутствуют - например, в статьях 14, 15 и 18, где говорится о разжаловании и церковном суде.

Интересной особенностью шведского документа является статья 19, согласно которой священники не могут приносить присягу, если они не признаны достойными консисторией. Это положение подчеркивает институционализированную церковную проверку кандидатов в духовное звание и их подотчетность внутриармейскому церковному аппарату. Статья 20 напоминает о необходимости принесения присяги на верность королю и обязательстве добросовестной службы вне зависимости от обстоятельств, что подтверждает центральную роль монарха как источника власти и дисциплины в армии.

Следующие статьи – 21 и 22 – переходят от вопросов религиозной службы к организационным аспектам военного лагеря. Согласно этим положениям, войско должно быть четко организовано на отряды, которые разделялись по назначению – для защиты и нападения. Кроме того, особое внимание уделяется созданию полевого суда, который должен рассматривать споры и конфликты справедливо, строго следуя статьям «Артикула». Эти положения подчеркивают стремление к поддержанию порядка и законности не только в бою, но и в повседневной жизни армии, независимо от ее местоположения (Gustav II Adolf, 1621; Бобровский, 1881).

Четвертая глава российского «Артикула» представляет собой пример прямого заимствования из шведского военно-уголовного законодательства. Она объединила в себе две главы шведского «Артикула»: пятую – «О самовольном обнажении шпаги» и шестую - «О тревоге и карауле». Эти разделы регулировали поведение солдат в отношении друг друга, особенно в ситуациях, связанных с использованием оружия, а также устанавливали порядок несения караульной службы и действий при тревоге. Российский законодатель почти дословно перенял положения шведского прототипа, подчеркивая недопустимость проявлений агрессии внутри армии и необходимость строгого соблюдения внутреннего порядка. Объединение двух тематических блоков в одну главу позволяло российскому военному суду руководствоваться единым процедурным алгоритмом при рассмотрении дел, связанных с нарушениями оружейной дисциплины и караульной службы, что упрощало кодификацию и унифицировало правоприменение.

Вопросы караульной службы и реагирования на боевую тревогу были особенно важны в условиях кампаний, когда от организованности и дисциплины солдат зависела безопасность войска. Как шведский, так и российский документ устанавливали ответственность за несоблюдение правил: за самовольное применение оружия – наказание вплоть до смертной казни; за несвоевременное реагирование на тревогу – телесные наказания или тюремное заключение. Таким образом, дисциплина и контроль в армии обеспечивались через четко прописанную систему санкций, что отражало принципы абсолютистского порядка.

Помимо норм, регулирующих оружейную дисциплину, караульную службу и богослужение, практически полное совпадение между российским и шведским артикулами наблюдается в главах, которые посвящены «всякой солдатской работе». Данное понятие обозначало не только боевую подготовку, но и весь комплекс солдатских повинностей, которые составляли неотъемлемую часть повседневного быта армии раннего Нового времени. Эти статьи касались исполнения повседневных обязанностей солдатами – строительства укреплений, рытья траншей, обустройства лагерей и выполнения приказов командиров. Подобное тождество показывает не только заимствование правовых норм, но и единство организационно-боевых принципов, выработанных в европейских армиях Нового времени. Российский «Артикул» отразил стремление Петра I модернизировать армию по западному образцу, в том числе и через законодательное оформление дисциплины и служебных обязанностей.

VI глава российского «Артикула», носящая название «О воинских припасах, мундире, об утрате и небрежном отношении к нему», во многом повторяет положения XIX главы шведского «Военного артикула». В обоих документах подчеркивается, что солдат обязан бережно относиться к выданному вооружению, к элементам обмундирования и снаряжения. Нарушение этого порядка рассматривалось как нарушение дисциплины и проявление неуважения к военной службе, за что предусматривались наказания – от штрафов до ареста и телесных наказаний.

Однако российский «Артикул» содержит и оригинальные дополнения. Одним из таких нововведений стал 56-й артикул, включенный по инициативе Петра I. В нем подчеркивается особая важность сохранения мундира в целости, а оружия – в рабочем и исправном состоянии. Это дополнение отражает практическую заботу царя о боеспособности армии и дисциплине, а также стремление выработать у солдат личную ответственность за государственное имущество. Таким образом, при заимствовании шведского опыта Петр I не ограничился механическим копированием, а адаптировал положения к российским реалиям и задачам формирования новой регулярной армии (Епифанов, 1946).

Тексты VII-XII глав российского «Артикула» во многом совпадают по содержанию с положениями шведского «Военного артикула», за исключением различий в их последовательности и нумерации. Так, соответствующие темы раскрываются в главах XXI, XXIII, XXII, VIII, XVIII и IX шведского документа. В обеих правовых системах строго регламентированы вопросы дезертирства, неподчинения приказам, мародерства, грабежей, а также поведение солдат вне поля боя. Эти главы подчеркивают важность поддержания внутреннего порядка, дисциплины и ответственности каждого военнослужащего.

Однако в российском законодательстве появляется ряд дополнительных мер наказания, отражающих специфику правовой культуры того времени. Одним из наиболее показательных отличий стало наказание для дезертиров. Согласно Петровскому «Артикулу», перед казнью через повешение дезертирам вырезали ноздри, тем самым «помечая» их. Эта мера не только ужесточала наказание, но и служила устрашающим примером для других солдат. Источником подобного подхода стала французская военная практика: Петр I заимствовал этот прием из «Ордонансов Людовика XIV», стремясь усилить дисциплину и устрашение в армии по образцу передовых европейских держав (Бобровский, 1881).

В XIV главе российского «Артикула воинского» четко зафиксированы положения, запрещающие солдатам грабить территории, население которых принесло присягу верности русскому царю. Такие земли и их жители рассматривались как подданные государства, находящиеся под защитой монарха, а значит, любые насильственные действия по отношению к ним приравнивались к воинским преступлениям. Подобные нормы способствовали укреплению дисциплины и поддержанию правопорядка на оккупированных или присоединенных территориях, а также способствовали более лояльному отношению местного населения к российским властям.

Интересно, что аналогичный запрет впервые был введен шведским королем Густавом II Адольфом во времена Тридцатилетней войны. Он стремился превратить свою армию в дисциплинированную и идеологически мотивированную силу, в отличие от иностранных наемников, широко применявшихся другими европейскими государями. Однако, несмотря на требования шведского короля, наемники, поступавшие на службу шведской короне из Священной Римской империи, Англии и Франции, и воевавшие под началом короля, нередко нарушали эти положения и занимались мародерством. В этом отношении российская армия, сформированная на регулярной основе, имела возможность более последовательно реализовывать подобные дисциплинарные меры (Wedgwood S. V., 1938; Hans Delbrück, 1990). В XX главе шведского «Военного артикула» содержались положения, допускающие мародерство, но только в строго ограниченных и регламентированных случаях. Первым основанием для этого служил прямой приказ короля, что подчеркивало централизованный характер принятия решений в экстремальных условиях войны. Вторым допустимым случаем

было распоряжение офицера, однако здесь подчеркивалась, что в таком случае он должен был нести личную ответственность за последствия. Такое решение требовало обоснования и могло повлечь за собой наказание в случае злоупотреблений. Таким образом, командный состав не освобождался от ответственности даже в условиях боевых действий.

Третьим исключением, прописанным в документе, становилась ситуация голода, когда солдаты, находящиеся в условиях крайней нехватки продовольствия, были вынуждены добывать пищу пренебрегая установленным порядком. Несмотря на признание этого обстоятельства серьезным, и здесь вводились определенные рамки: такие действия не должны были нарушать воинскую дисциплину и подрывать доверие местного населения к армии. Это положение свидетельствует о стремлении шведского командования удержать баланс между военной необходимостью и сохранением морального облика армии, что было важно для легитимации ее присутствия на чужих территориях.

Главы российского кодекса с XIII по XVII были тождественны шведским X, XX, XI, XII, XIII, XIV, соответственно, но стоит уточнить, что артикулы 139-141 в российском документе были взяты не из шведского «Артикула». Стоит также отметить, что Петр I обращался не только к «Военному артикулу». Так артикулы 139-141 российского документа восходят не к какому-либо разделу шведского воинского устава, а к общегражданскому законодательству Швеции – так называемому «Закону о дуэлях», изданному королем Карлом XI 22 августа 1682 г. (Беспалов, 2023; Грошев, Саудаханов, 2025; Karl XI, 1682). Этот факт, установленный в современной историко-правовой литературе, имеет принципиальное методологическое значение для понимания петровской законотворческой стратегии. Обращение к гражданскому, а не военному источнику указывает на то, что дуэльный этикет и связанные с ним оскорбления чести осмыслились российским законодателем не как узко корпоративная проблема офицерской среды, а как более широкий социально-правовой феномен, который требовал государственного регулирования. Шведский закон Карла XI был выбран не случайно: он являлся одним из наиболее жестких антидуэльных актов в Европе того времени и предусматривал смертную казнь не только для участников поединка, но и для секундантов, а также конфискацию имущества, что коррелировало с петровской линией на бескомпромиссное искоренение «оскорбительных обычаев» в дворянской среде. Также в этом законе были указаны преступления, которые были объединены в XVIII главу «О поносительных письмах, бранных и ругательных словах» российского «Артикула воинского».

На основе общих уголовных законов была создана глава XIX «О смертоубийстве», которой соответствовала XV глава «О непредумышленном убийстве и убийстве», которую поместил в «Военный артикул» Карл XI во время редакции (Бредихин, 2022; Бобровский, 1881). Убийство, согласно данным главам «артикулов» было разделено на разные категории:

1. Самоубийство
2. Самоубийство в состоянии меланхолии
3. Убийство в самообороне
4. Убийство квалифицированное
5. Убийство случайное
6. Убийство групповое

В зависимости от вида убийства различались и наказания (Володина, 2023). В шведском «Военном артикуле» особое внимание уделялось наказаниям за совершенные преступления, среди которых одно из первых мест занимала ответственность за убийство и самоубийство. В случае самоубийства человека лишали всех прав и чести, что символизировало общественное осуждение его поступка. Однако исключение делалось для тех, кто совершил самоубийство в состоянии меланхолии, что указывало на понимание психических расстройств как смягчающего обстоятельства. Таким образом, шведский закон оказывал некоторую

гуманизацию в случае психических заболеваний, признавая невозможность ответственности за поступок в этих условиях.

Что касается убийства, то за совершение преступления, в зависимости от обстоятельств, существовали различные виды наказания. Если убийство было совершено случайно или в ходе самообороны, то виновный мог избежать строгой ответственности, но в случае судья мог назначить штраф, тюремное заключение или наказание шпицрутеном – провинившегося прогоняли через строй сослуживцев, каждый из которых должен был ударить его шомполом. Если же убийство было преднамеренным, наказание было значительно жестче, и осужденному угрожала смерть. В зависимости от тяжести преступления, наказания варьировались от отсечения головы до колесования, что свидетельствовало о высоком уровне жестокости и строгости в правовых подходах того времени.

В главе XX российского «Артикула воинского», посвященной преступлениям, связанным с содомией, насилием и блудом, наказания были крайне жесткими, включая ссылку на каторгу или смертную казнь. Такое строгое регулирование половых преступлений свидетельствовало о попытке российского законодательства контролировать моральное поведение в армии и обществе в целом, а также усилить дисциплину. Смертная казнь и каторга служили для предупреждения таких деяний и поддержания строгих нравственных норм, устанавливаемых монархом и его государственным аппаратом.

Шведский «Военный артикул» в своей XVI главе относился к половой морали несколько мягче. Вместо суровых наказаний, таких как каторга или смерть, шведский документ предусматривал в основном штрафы за содомию, насилие и блуд. Этот подход отражал более либеральное восприятие преступлений, касающихся личной жизни, хотя и в Швеции такие деяния осуждались. Более мягкие наказания в шведском законодательстве, по сравнению с российским, можно объяснить различиями в общественном и правовом устройстве двух стран, а также различными подходами к регулированию морали в армии (Елифанов, 1946; Бобровский, 1881). В обоих «Артикулах» – как шведском, так и российском — преступления на основе прелюбодеяния рассматривались через призму церковных норм. Согласно этим правилам, прелюбодеяние рассматривалось как нарушение моральных и религиозных норм, что требовало наказания. В обоих документах наказания, как правило, включали общественное осуждение, а также возможные штрафы или другие дисциплинарные меры, соответствующие тому времени. Однако в российском законодательстве эти деяния часто наказывались более жестко, в то время как в шведском варианте штрафы или общественное порицание оставались основным наказанием, что отражало различные подходы к вопросам морального поведения в обществе и армии.

Глава XXII российского «Артикула воинского» и глава XXV шведского «Военного артикула» касаются серьезных нарушений, связанных с присягой и долгом военных. В шведском документе присяга и клятва для солдат являются важной частью текста, а статьи, посвященные присяге, подчеркивают значимость верности и чести для каждого военного. В этом контексте наказания за нарушение присяги или лжи в присяге ограничиваются более мягкими мерами, такими как дисциплинарные взыскания или штрафы, что соответствует более либеральному подходу в шведской правовой системе.

В отличие от шведского «Артикула», российский «Артикул» уделяет значительно больше внимания наказаниям за преступления против государства. В российском документе четко расписаны суровые наказания за такие тяжкие деяния, как фальшивомонетничество, фальшивопечатание, измена родине и царю, а также надругательство над государственными указами. Важно отметить, что российский «Артикул» трактует эти преступления как угрозу для стабильности государства, что оправдывает более строгие меры наказания, такие как каторга или смертная казнь. Это подчеркивает разницу в подходах к правам и обязанностям солдат в двух странах, а также акцент на централизованной власти и защите государственного порядка в России (Бобровский, 1881).

Нет в шведском «Артикуле» пункта, схожего со статьей XXIII главе российского «Артикула» «О палаче и профосе».

Артикулы 206 и 209 из главы XXIV «Об утаении и увозе злодеев» копируют шведские статьи 141 и 142 из XXIV главы.

Стоит отметить, что Петр I заимствовал 110 статей из шведского «Военного артикула» и 3 статьи из указа «О дуэлях» изданного Карлом XI в 1682 г., которые вошли в его «Артикул воинский». Также на вооружение были взяты такие наказания как шпицрутен и децимация (Брокгауз, Ефрон, 1907; Епифанов, 1946).

Одним из заметных отличий между шведским и российским «Артикулами» стала структура самих документов. В шведском «Военном артикуле» присяга солдатам была размещена в конце документа, что подчеркивало ее роль как заключительного элемента, завершающего все обязательства военнослужащих. В российском «Артикуле» присяга была вынесена в начало, что отражало более важное значение клятвы для солдат и офицеров в системе Петра I. Это изменение, вероятно, было связано с желанием подчеркнуть важность верности и дисциплины с самого начала служебного пути каждого военнослужащего, а не как финальный штрих. Кроме того, российский «Артикул» был выстроен таким образом, что главы располагались в порядке их важности, начиная с ключевых вопросов, касающихся дисциплины и порядка в армии.

Российский «Артикул» также отличается наличием толкований и пояснений к отдельным статьям, что является важным элементом для лучшего понимания и применения закона. В некоторых случаях такие разъяснения могли помогать избежать двусмысленности и обеспечивать более четкое соблюдение установленных норм. Эти дополнения, вероятно, появились вследствие стремления к максимальной ясности в регламентации прав и обязанностей солдат, что свидетельствует о высоком уровне правовой систематизации в России того времени.

Важным аспектом является и различие в области применения этих документов. Если шведский «Военный артикул» касался исключительно армейской службы в условиях войны, ограничивая свои нормы исключительно военным временем, то российский «Артикул» имел более широкий спектр применения. Он распространялся не только на военную службу в условиях боевых действий, но и на гражданскую сферу в мирное время. Это расширение регулирования на повседневную жизнь и в мирное время отражало более строгие меры по поддержанию порядка и дисциплины в армии и обществе в целом, что также подчеркивает отличие подходов двух государств в управлении своей армией и населением.

Таким образом, российский «Артикул» стал не только сводом законов для армии, но и важным инструментом формирования социальной и правовой системы в целом. В отличие от шведского аналога, который был направлен исключительно на военные вопросы в условиях войны, российский документ регулировал более широкий круг социальных и гражданских отношений, что отражало стремление Петра I к централизованной и строгой власти, а также к созданию сильной и дисциплинированной армии, готовой действовать в любых обстоятельствах (Бобровский, 1881).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сравнительный анализ документов позволяет заключить, что шведский «Военный артикул» Густава II Адольфа 1621 г. в редакции Карла XI оказал основное, но не единственное влияние на создание российского «Артикула воинского» 1715 г. В количественном измерении около половины нормативных положений петровского кодекса восходят к шведскому прототипу, однако более значимым представляется качественный аспект этого влияния: шведский устав послужил для российской кодификации шаблоном. При этом, Петр I не ограничился одним «Военным артикулом»: в корпус «Артикула воинского» 1715 г. также были включены положения из общегражданского законодательства Швеции, в частности, закон Карла XI «О дуэлях» 1682 г., что свидетельствует о расширенной рецепции –

заимствовании не только военно-уставных, но и общеправовых моделей регулирования, которые были адаптированы к военной среде. Также царь позаимствовал из опыта шведских военачальников такое наказание как шпицрутен. Однако Петр не просто скопировал эти статьи из шведских законодательных актов, но и адаптировал, и структурировал их в соответствии с русскими традициями и характером русского человека, что в итоге помогло установить в российской армии достаточно высокий уровень организации и дисциплины, благодаря чему Россия смогла одержать победу в Великой Северной войне 1700-1721 гг., а сами положения «Артикула воинского» оставались актуальными, и без значительных изменений действовали до издания «Полевого уголовного уложения 1812 г.». Также положения «Артикула воинского», которые регулировали сферу гражданских отношений, действовали до издания «Военно-уголовного устава 1839 г.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Geijer E.G. (1845). The History of the Swedes / translated from the swedish by J. H. Turner. P. 243.
Gustav II Adolf. (1621) Krigsartiklern. 243-251.
<https://babel.hathitrust.org/cgi/ssd?id=hvd.hnsvyn;page=ssd;view=plaintext;seq=19;num=xiii#seq19>
- Delbrück H. (1990). History of the Art of War / translated from the german by Walter J. Renfro. Volume 4. 368 p.
- Karl XI. (1682). Kongl. Maj:s Stränge och Alfvarlige påbudh angående Dueller och Slagzmål samt förordning öfwer den reparation som den Beskymfade hafwer at undfå.
https://www.foxtail.nu/bjorn/a_plakat1662.htm
- S. V. Wedgwood. (1957). Thirty Years' War. 571 p.
- Анисимов Е. В. (1989). *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат. 496 с. // Anisimov E. V. (1989). *Vremya petrovskikh reform*. Leningrad: Lenizdat. 496 p.
https://www.phantastike.com/history/vremya_petrovskikh_reform/djvu/view/
- Беспалов А. В. Военно-судебная система Швеции в XVII – начале XVIII веков // *Образование и право*. 2024. № 1. // Bespalov A. V. Voennno-sudebnaya sistema Shvetsii v XVII – nachale XVIII vekov // *Obrazovanie i pravo*. 2024. No. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-sudebnaya-sistema-shvetsii-v-xvii-nachale-xviii-vekov>
- Беспалов А. В. (2023). *Карл XI: слуга своего Отечества*: монография. Чебоксары: Среда. 192 с. // Bespalov A. V. (2023). *Karl XI: sluga svoego Otechestva*: monografiya. Cheboksary: Sreda. 192 p. https://phsreda.com/ru/article/104744/discussion_platform
- Бобровский П. О. (1881). *Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу Воинскому 1716 г.* (издание 2-е, дополненное пояснениями). Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева. 45 с. // Bobrovskiy P. O. (1881). *Proiskhozhdenie artikula voinskogo i izobrazheniya protsessov Petra Velikogo po Ustavu Voinskому 1716 g.* (izdanie 2-e, dopolnennoe poyasneniyami). St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva. 45 p. <https://study.garant.ru/#/document/6320179/>
- Бредихин А. Л. (2022). Артикулы воинские Петра I: общая характеристика и историческое значение // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. № 1(13). // Bredikhin A. L. (2022). *Artikuly voinskie Petra I: obshchaya kharakteristika i istoricheskoe znachenie* // *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. No. 1(13). <https://cyberleninka.ru/article/n/artikuly-voinskie-petra-i-obschaya-harakteristika-i-istoricheskoe-znachenie>
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (1890–1907). *Энциклопедический словарь*: в 86 томах. Санкт-Петербург: изд. «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон». // Brokgauz F. A., Yefron I. A. (1890–1907). *Entsiklopedicheskiy slovar'*: v 86 tomakh. St. Petersburg: Izd. F. A. Brokgauz – I. A. Yefron. <https://runivers.ru/lib/book3182/>
- Володина Т. А. (2023). Спасительная сила «мнений»: О практике военных судов в русской армии XVIII – начала XIX веков // *Новый исторический вестник*. № 3(77). // Volodina T. A.

- (2023). *Spasitelnaya sila "mnemiy": O praktike voennykh sudov v russkoy armii XVIII – nachala XIX vekov* // *Novyy istoricheskiy vestnik*. No. 3(77). <https://cyberleninka.ru/article/n/spasitelnaya-sila-mnemy-o-praktike-voennykh-sudov-v-russkoy-armii-xviii-nachala-xix-vekov>
- Грошев С. Н., Саудаханов М. В. (2025). Дуэльная традиция в Российской империи сквозь призму правового положения мужчин // *Образование. Наука. Научные кадры*. № 1. // Groshev S. N., Saudakhanov M. V. (2025). *Duel'naya traditsiya v Rossiyskoy imperii skvoz' prizmu pravovogo polozheniya muzhchin* // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2025. No. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/duelnaya-traditsiya-v-rossiyskoy-imperii-skvoz-prizmu-pravovogo-polozheniya-muzhchin>
- Епифанов П. П. (1946). Военно-уставное творчество Петра Великого // *Военные уставы Петра Великого* / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во Государственной библиотеки СССР. С. 5–42. // Epifanov P. P. (1946). *Voенно-ustavnoe tvorchestvo Petra Velikogo* // *Voennye ustavy Petra Velikogo*. Pod red. N. L. Rubinshteyna. Moscow: Izd-vo Gosudarstvennoy biblioteki SSSR. P. 5–42. <https://reenactor.ru/ARH/PDF/Rybinchtein-Epifancev.pdf>
- Ивонин Ю. Е., Ходин А. А. (2010). Густав II Адольф // *Вопросы истории*. № 9. С. 52–69. // Ivonin Yu. E., Khodin A. A. (2010). *Gustav II Adolf* // *Voprosy istorii*. No. 9. P. 52–69. https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Ivonin_Xodin.pdf
- Лысенко О. Л. (2014). Каролина 1532 г. – памятник права средневековой Германии (цивилизационный подход к изучению) // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. № 5. // Lysenko O. L. (2014). *Karolina 1532 g. – pamyatnik prava srednevekovoy Germanii (tsivilizatsionnyy podkhod k izucheniyu)* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. No. 5. <https://cyberleninka.ru/article/n/karolina-1532-g-pamyatnik-prava-srednevekovoy-germanii-tsivilizatsionnyy-podhod-k-izucheniyu>
- Прокопьев А. Ю. (2020). *Тридцатилетняя война*. СПб.: Наука. 385 с. // Prokop'ev A. Yu. (2020). *Tridsatiletnyaya voyna*. St. Petersburg: Nauka. 385 p. <https://djvu.online/file/xcl1WbthhGJMC>

Сведения об авторах

Миронов Евгений Александрович – студент историко-филологического факультета, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация, e-mail: skrikaorm@gmail.com

Эбель Елизавета Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация, e-mail: chedurova@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Мадышева Марина Олеговна – Горно-Алтайск мемлекеттік университетінің тарих және филология факультетінің студенті, Ресей Федерациясы, Горно-Алтайск қ., e-mail: skrikaorm@gmail.com

Эбель Елизавета Михайловна – тарих ғылымдарының докторы, Горно-Алтайск мемлекеттік университетінің тарих және археология кафедрасының профессоры, Горно-Алтайск қ., Ресей Федерациясы, e-mail: chedurova@mail.ru

Information about the authors

Mironov Eugene Alexandrovich – student of the Faculty of History and Philology, Gorno-Altaysk State University, Gorno-Altaysk, Russian Federation, e-mail: skrikaorm@gmail.com

Ebel Elizabeth Mikhailovna – doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Gorno-Altaysk State University, Gorno-Altaysk, Russian Federation, e-mail: chedurova@mail.ru